**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

АРАБСКИЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

(НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА)

Выпуск 3

Москва
1998

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АРАБСКИЕ СТРАНЫ
ЗАПАДНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ
(НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА)

Выпуск 3

Подписано в печать 27.11.1998 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1 Объем 22,1 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 425

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

АРАБСКИЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ
(НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА) Выпуск 3
– М., 1998, 350 с.

Ответственные редакторы **Б.Г.Сейранян**
А.О.Филоник

Научное издание

ISBN 5–89394–023–7

© **Институт востоковедения Российской Академии Наук**
Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый читателю сборник посвящен проблемам государства, власти и модернизации в арабских странах. Разрабатываемые в нем вопросы относятся к числу наиболее актуальных тем, исследуемых арабистами–историками, экономистами и политологами: закономерности эволюции государственных форм, государственности и политической власти в прошлом (средние века, новая и новейшая история) и настоящем, взаимодействие политической и экономической модернизации, роль традиций и политической культуры в формировании современных политических структур и др.

Работа над сборником началась в период подготовки 3–ей конференции арабистов Института востоковедения РАН, которая состоялась 2–4 марта 1998 г. и завершилась через несколько месяцев после ее окончания, когда прочитанные на научном совещании доклады были переработаны в статьи.

Следует отметить заметное увеличение числа участников 3–ей конференции арабистов по сравнению с 1–ой (июнь 1995 г.) и 2–ой (ноябрь 1996 г.)[1], в которой, наряду с сотрудниками Центра арабских исследований, приняли участие арабисты других отделов Института востоковедения и некоторых научных и учебных заведений Москвы (ИСАА при МГУ, Институт Африки РАН).

Опыт проведения двух предыдущих совещаний показал, что участие вместе с экономистами, политологами и историками новейшего времени исследователей средневековой и новой истории оказалось весьма плодотворным, так как последние, принимая во внимание состав участников, стремились актуализировать свои выступления, подчеркивали связь и преемственность времен и различных эпох, а политологи, экономисты и историки новейшего времени еще раз убедились, что для глубокого понимания современных проблем требуется осмысление предыдущего опыта. Пренебрежение этим, казалось бы, очевидным фактом, может привести к серьезным ошибкам.

Так, например, нельзя понять особенности политической культуры современного Туниса без учета того факта, что Тунис был первой арабской и мусульманской страной, в которой была принята конституция (23 апреля 1861 г.). Затем после отмены конституции, французской оккупации и превращения Туниса в колонию, казалось, что конституционные традиции прерваны и преданы забвению. Но, начиная с конца XIX в. и особенно после

[1] Материалы 1-ой конференции опубликованы в сборнике: Арабский мир в конце XX в. Москва, 1996, материалы 2-ой конференции изданы в двух сборниках: Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Москва, 1997 и Арабский Восток. Москва, 1997.

окончания Первой мировой войны, важнейшим требованием националистов и освободительного движения становится восстановление конституции.

Крупнейшим событием национальной истории явилось основание в феврале 1920 г. главной партии национальной свободы – Дустур (араб. – «Конституция»). На следующем этапе антиколониального движения после раскола партии ее радикальная и динамичная часть образовала в марте 1934 г. партию «Новый Дустур», которая вскоре стала самой популярной и авторитетной партией в стране. После достижения независимости в марте 1956 г. важнейшими событиями в истории страны стали ликвидация монархии, провозглашение Конституционной Республики с президентской системой в июле 1957 г. и принятие 1 июня 1959 г. Конституции. В период наивысшего подъема арабского социализма в первой половине 60–х годов Новый Дустур был переименован в Социалистическую дустуровскую партию (СДП), а официальной идеологией Туниса был провозглашен «дустуровский социализм», который, правда, был ближе европейским социал–демократическим доктринам, чем насеровскому или баасистскому социализму. Наконец, уже после мирного и конституционного смещения первого президента (1987 г.), в феврале 1988 г. СДП была переименована в Демократическое Конституционное объединение. Но слово «конституция», получившая в коллективной памяти народа и в политической культуре Туниса знаковое и магическое звучание, отнюдь не случайно сохранялось во всех наименованиях партии.

Иначе сложилась судьба конституционного движения в Египте, где первый «Основной закон» был принят пятью годами позже, чем в Тунисе – в 1866 г. Однако, в отличие от Туниса последующий период оказался весьма благоприятным с точки зрения развития конституционализма и парламентаризма, а конституция 1882 г., принятая в период восстания Ураби–паши явилась наивысшим достижением египетского и арабского конституционализма в XIX в. После британской оккупации колонизаторы первым делом отменили конституцию 1882 г. и распустили парламент. Процесс формирования демократических институтов был прерван, а конституционное развитие заторможено и отброшено назад. Однако, задержав политическую модернизацию, англичане ускорили экономическую модернизацию.

И только после завоевания формальной независимости в 1920 г. Египет получил конституцию 19 апреля 1923 г., ознаменовавшую начало нового этапа конституционного развития страны. Это была первая арабская конституция, в которой были определены не только принципы формирования и функционирования парламента, но и сформулированы права и обязанности граждан, полномочия исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. На основе конституции проводились выборы в нижнюю палату парламента, которые за исключением отдельных периодов, были относительно свободными. И в таком случае обычно к власти приходила партия Вафд. Но особенность политической системы полунезависимого Египта состояла в том, что она зиждилась на трех китах: британский верховный комиссар (с 1936 г. – посол), король и Вафд.

Победа революции 1952 г. открыла новую страницу в истории страны. Революционное руководство Египта отнеслось крайне отрицательно к партийно–парламентской системе, существовавшей в монархическом Египте. С целью обеспечить политическую стабильность было решено не допустить возврата к подобной «демократии» и запретить политические партии. Был установлен режим личной власти Абдель Насера с партийно–мобилизационной системой, опирающейся на армию и органы безопасности. В 50–е – 60–е годы было провозглашено несколько временных конституций. В 70–е годы, на новом этапе развития революции началась замедленная эрозия авторитарного режима, проявившаяся прежде всего в допущении партийного плюрализма. Президент Садат, питавший двоякое чувство к демократии в последние годы своего президентства, все более склонялся к авторитаризму.

После убийства Садата в октябре 1981 г. новым президентом стал Мубарак, наделенный более выраженным демократическим менталитетом: проводятся сравнительно свободные (по египетским стандартам) выборы, оппозиционные партии играют большую чем прежде роль в парламенте. Рядом с официальной выросла оппозиционная печать. И несмотря на сохранение «табу» на некоторые темы в Египте ныне самая интересная и свободная (наряду с Тунисом) пресса во всем арабском мире. В целом, в отношении развития демократических институтов Египет и Тунис, наиболее продвинутые в регионе страны, политические системы которых можно определить как «авторитарные демократии», или либерально–плюралистские с демократическими тенденциями (нелиберально–демократические или авторитарно–демократические, по определению некоторых арабских и латиноамериканских авторов).

Следует отметить, что на рубеже 80–90–х годов в советской (российской) арабистике наметился некоторый перекос в сторону исследований социально–экономических проблем, в ущерб политической истории и современных политических процессов. Однако в период подготовки 2–ой и особенно 3–ей конференции арабистов проявилось стремление в определенной мере восполнить этот пробел.

Обмен мнениями на конференции прояснил некоторые важные направления и проблемы, требующие научной разработки в ближайшем будущем. По–прежнему актуальными являются вопросы об уровнях общественного развития и о роли и месте арабских стран в современном мире. Большой интерес представляют проблемы, связанные с оценкой политического и социально–экономического развития капиталоизбыточных нефтеэкспортирующих государств арабского мира, в особенности сравнительный анализ моделей развития последних с новыми индустриальными странами Восточной Азии.

Возрастающий и неослабный интерес вызывают также экономические проблемы экологии, всегда актуальные в Западной Азии и Северной Африке проблемы водных ресурсов и вопросы продовольственной безопасности.

Б.Г.Сейранян

Ю.В.Агавельян

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИВАНСКОГО ОБЩЕСТВА В 70–90–е ГОДЫ

На протяжении всей истории развития ливанского общества его главным структурным элементом являлись общины, эта своеобразная основа, диктующая социальные нормы, устанавливающая связи внутри нее, а также связи с внешним миром, другими структурными элементами общества.

С давних пор, благодаря своим географическим особенностям, Ливан являлся безопасным местом прибежища различных этнических и религиозных групп. Здесь обосновались общины маронитов, мелкитов, иудеев, греков и армян ортодоксов и греков–католиков. С приходом мусульманства, в Ливане возникли общины суннитов, друзов, шиитов. Находясь в центре средиземноморской цивилизации, Ливан испытывал на себе влияние многих культур, и античных и средневековых (финикийской, греко–римской, европейской и арабской). Культурно–исторические традиции находили свое отражение в формировании структуры и «духа» общин. Так, по утверждению ливанского исследователя Ж. Нохра, сохранившиеся вассальные отношения внутри общин сложились в средние века под влиянием европейских рыцарей, принесших сюда во время Крестовых походов систему европейских феодальных отношений «сеньор–вассал» [1].

Однако ливанская система феодальных отношений имела важную особенность, повлиявшую впоследствии на формирование внутренних и межобщинных связей и на менталитет ливанцев. В отличие от других феодальных государств этого региона в Ливане сохранилось право выбора места поселения, какой–либо определенной деревни и соответственно ее владельца. Как следствие, в свое время это определило относительную терпимость друг к другу приверженцев различной веры и различных этнических групп.

В период после передачи Ливана под мандатное управление Франции, а также в период после получения независимости ливанское общество находилось под значительным влиянием европейских демократических традиций. Но в то же время оно сохраняло свое феодальное устройство, существовавшие до этого религиозные общины, родовые и клановые связи.

С вступлением в силу конституции 1926 года общины приобрели государственный статус и были закреплены в конфессиональном принципе распределения как законодательной, так и исполнительной власти. Зако-

нодательная власть представлялась Национальной Ассамблеей, где места разделялись по определенному количеству представителей практически всех существовавших конфессий. Больше всего мест получили общины маронитов и суннитов, считавшиеся самыми многочисленными конфессиями. В системе исполнительной власти действовал тот же принцип: за маронитами закреплялось президентское кресло, за суннитами – должности премьер–министра и министра финансов в одном лице. Представители остальных общин (друзы, шииты, алавиты, греки) получали министерские портфели в соответствии с их численностью по стране.

Естественно, что такая жесткая регламентация мест в законодательном управленческом аппарате страны вызывало недовольство со стороны остальных конфессиональных групп, особенно шиитов, чья численность за последние десятилетия увеличилась почти в 2 раза [2]. Тем не менее, ни одна конфессия, контролирующая власть, не хотела сдавать свои позиции. Подобное противостояние и разногласия, связанные с конфессиональной системой распределения власти были одной из причин начала недавней гражданской войны в Ливане (1975**–**1976 годов) [3].

Влияние общин на внутриполитическую и экономическую жизнь Ливана всегда было неоспоримо. Если рассматривать структуру каждой из существующих общин, то можно наблюдать, что они фактически дублируют те же основы в государственной и социальной системе.

Каждая община имеет свой верховный орган – совет или ассамблею, в которую входят не только религиозные деятели, но ее социальная и политическая элита. Повторяя государственную социальную систему общины формируют свое достаточно обособленное и автономное социальное пространство, подчиняя и воздействуя на отдельного члена общины через свои управленческие структуры, органы образования, масс медиа, социальные и медицинские службы, что, например, позволило арабскому исследователю Н. Саламу охарактеризовать общины как «абсолютно социальные феномены» [4].

Общины поощряют развитие системы начального, среднего, высшего светского и религиозного образования. Они располагают своими средствами массовой информации, организуют различные благотворительные фонды, культурные центры, медицинские учреждения, органы социальной защиты. Они влияют на развитие членов общины через свои культурные схемы, социальные и политические модели, которые охватывают все уровни: регион, семья, школа, политические партии и т.д. [5]. Подобная общинная социализация, приобщение к обществу посредством усвоения навыков, обычаев, культурных традиций отдельным человеком, влияет и диктует, как думать и действовать отдельному индивиду. Поэтому близость и солидарность индивид больше ощущает по отношению к сообщинникам, чем к согражданам, людям одной с ним социальной группы, слоя или другой общины.

Ливанская модель общины, таким образом, представляет собой сформировавшийся религиозный и социальный институт, она является своеобраз-

ным государством в государстве, где, обеспечивая свою репродукцию, она взаимодействует с себе подобными социальными институтами в структуре ливанского общества, пытается найти внутриполитическое равновесие развития ее экономики и социально–политической жизни страны, оставаясь в то же время автономным образованием.

Рассматривая классовый состав ливанского общества к началу 70–х годов, ливанские исследователи К.Дюбар [6] и И.Мараун [7], определили следующие социальные группы:

1. Находившиеся на низшей ступени социальной градации пролетариат, поденщики, деклассированные элементы. Эта группа обладала высокой степенью миграции внутри страны и за ее пределами, низким образованием, низким уровнем материальной обеспеченности (30%).

2. Составлявшие средний класс мелкая буржуазия, крестьяне, а также интеллигенция, государственные служащие, служащие в сфере торговли. Эта группа оказалась достаточно мобильной: ее представители меняли род занятий, активно мигрировали в период гражданской войны (58%).

3. Высшую ступеньку в социальной иерархии общества занимала элита, часто дублирующаяся на государственном и общинном уровнях. Прежде всего это торгово–финансовая буржуазия, аграрная буржуазия, высший управленческий персонал (6,2%).

Надо сказать, что с развитием капиталистических отношений и экономического роста в Ливане к концу 60–х годов «общинный дух» стал понемногу уходить в прошлое и отступать перед новыми условиями сосуществования различных общин, живущих на исторически определенных территориях*.

И.Мараун выделяет три фактора, повлиявших на новую социальную ситуацию:

1. Экономические интересы элит разных общин начали выходить за пределы общин и доминировать над общинными интересами. Образовались своеобразные «группы по интересам». Так до начала войны стали создаваться объединения типа «Ассоциации частных банков», «Ассоциации частных школ», в которых общинные интересы отступали на второй план. В то же время в ходе войны именно эта группа рекрутировала приверженцев из малоимущих членов своих общин для осуществления своих политических и экономических планов.

2. В преддверии гражданской войны в Ливане отсутствовало профсоюзное движение. По всей видимости, общинное давление на сознание

---

* По данным французского социолога Ива Шемеля наибольшая концентрация суннитского населения была на севере страны (42%), шиитов на юге (51%), друзы и мароните в горном Ливане (16,8% и 66,5% соответственно), греки-ортодоксы на севере (24%), греки-католики и армяне в Бейруте и его пригородах (21,6%) и на юге (17,1%). Y.Schemeil. sociologie du systeme politique libanaise. Grenoble, 1981, c. 64.

индивидов было сильнее классовых интересов, поэтому сплочения на почве политических и экономических требований у ливанских рабочих и трудящихся не происходило.

3. Повысилось политическое сознание у молодежи, которые, выходя на демонстрации, преследовали не общинные интересы, а общедемократические [8]. Война привела к определенной ломке социальной структуры общества. Она вызвала обнищание большей части населения, появлению значительного числа деклассированных элементов. К ее окончанию в 1991 году, в социальной структуре общества произошли следующие изменения:

1. Появился значительный слой обнищавших, обездоленных людей, живущих за чертой бедности и не имеющих устойчивого дохода.

2. В страну стали возвращаться эмигрировавшие в период военных действий представители среднего класса. Именно эта группа, на наш взгляд, станет основной движущей силой в экономическом восстановлении страны. В программе восстановления страны в поисках компромисса между общинами и кланами правительство делает главную ставку именно на средний класс.

3. Война почти не затронула позиции элит от различных конфессий. К этой группе добавились нувориши, разбогатевшие на различных спекуляциях во время войны.

Выражением компромисса в области государственного управления стало увеличение числа мест для мусульман в Национальной Ассамблее – было 108 мест, а с 1992 года стало 128 мест всего. Мароните имеют 34 места, было 30, сунниты – 27 взамен 20, шииты – 27 вместо 18 мест. Оставшиеся места разделены между остальными общинами в соответствии с их численностью* [9].

Представителями элиты как и прежде осуществляется прямой контроль за законодательной и исполнительной властью; косвенный контроль путем лоббирования отдельных решений Национальной Ассамблеи; оказание любой поддержки и установление связей с вооруженными силами и милицейскими отрядами; контроль за средствами массовой информации, дающий возможность манипулировать общественным мнением.

Средний класс, как указывалось выше, может стать основной движущей силой при восстановлении страны. С 1991 года наметились пути выхода из кризиса, охватившего все сферы жизни ливанского общества за время гражданской войны. Начался процесс поиска компромисса между враждующими силами, борющимися за власть. Этот процесс контролирует государство, понимая, что только таким путем можно достигнуть определенного равновесия в политической и экономической жизни. Важная

* Остальные места распределились следующим образом: православные греки - 14 мест, друзы - 8 мест, мелкиты - 6, армяне - 5, алавиты - 2, армяне-католики - 1, протестанты - 1, остальные общины - 3. Oxford encyclopedia of Middle East & North Africa. 1995, с. 559.

роль отводится человеческому фактору, так как успешность проводимой им политики компромиссов исходит из формирования определенных тенденций у членов существующих общин, таких факторов как вражда и относительное дружелюбие между различными их представителями, готовность к совместным действиям, что может сформировать общую тенденцию общин в их участии в управлении страной. По данным социологического исследования, проводившегося в. 1990–1992 годах дирекцией Американского университета в Бейруте среди представителей двух ведущих общин – маронитов и суннитов на тему определения готовности к сотрудничеству с членами других общин, были получены следующие результаты:

1. Среди маронитов были опрошены молодые люди, учащиеся в возрасте до 25 лет. Выяснилось, что они представляют собой достаточно обособленную, закрытую группу, большинство членов которой ориентируются на работу за рубежом. Говоря о своих демократических взглядах более 56% называют себя ливанскими националистами и подчеркивают свою значимость как члена древней общины. 64% опрошенных указывали, что будут поддерживать маронитских лидеров при любых обстоятельствах. Крайне низкой оказалось их желание и готовность к интегрированию с другими общинами [10].

2. Напротив, результаты опроса представителей суннитских общин в возрасте до 30 лет, показали высокую степень готовности к интегрированию с другими конфессиональными группами, в том числе с друзами – 60%, с греками – 71%, с маронитами – 49%, с шиитами – 23% . Однако к шиитам опрашиваемые относились наиболее насторожено. Это объясняется соперничеством шиитов на внутриполитической арене и наличием у последних военных отрядов, которых нет у суннитов. В этой связи с большим доверием сунниты относятся к палестинцам, видя в них военную поддержку в противостоянии с шиитами [11]. Как итог выхода из кризиса 86% всех опрошенных и суннитов и маронитов считают сохранение единого государства и конфессиональной системы управления. Особенность охвата респондентов состояла в том, что и марониты и сунниты были подростками и детьми во время гражданской войны и бремя восстановления страны в настоящем и будущем будет лежать на них. Как уже было отмечено, опрос проводился, когда позитивные изменения только начинались. Анализируя развитие Ливана за последние 5 лет можно говорить об относительно устойчивой стабилизации общества, удивительно продолжающего сочетать в себе общинные уклады и набирающую обороты возрождающуюся экономику с огромными иностранными инвестициями [12]. Поступление последних подтверждает в свою очередь факт относительной стабилизации общества, так как главными гарантами потока иностранных вложений в развитие экономики Ливана в настоящее время являются именно общины и их лидеры, находящие определенный компромисс с государством.

Таким образом, трудности, с которыми сталкивается Ливан на протя-

жении двух последних десятилетий – гражданская война, развал экономики, обнищание населения, угроза независимости страны, оккупация южных территорий, присутствие палестинских беженцев и отрядов ООП, а также сирийских военных подразделений, не привели к развалу общинной системы и конфессионального принципа управления страной. Возвращение к стабильности происходит без радикального изменения системы управления и распределения власти. Несмотря на то, что общинная система является своеобразным «атавизмом», феодальным пережитком, на примере Ливана видна гибкость и высокая степень адаптации ее к современным условиям политической жизни и требованиям, выдвигаемым экономикой и мировой системой хозяйственных связей.

1. J. A. Nohra. Genese de la dialectique entre entente intercommunautaire et souveraihete au Liban. Revue international de sociologie de la religion. Volume XXXV\4, 1988, с. 442.

2. J. A. Nohra. op. cit. p. 445.

3. Стоклицкий С.Л. Ливан. Бремя событий. Москва, 1988, с. 58.

4. N. Salam. Les communautes religieuses au Liban. Revue international de sociologie de la religion. Volume XXXV\4, 1988, p. 467.

5. I. Maraun. Cloisenement communautaire et pratiques economiques. Social Compas. Revue international de sociologie de la religion. Volume XXXV\4, 1988, с. 467.

6. C. Dubar. La structure sociale de la societe lybanaise. Beyrouth, 1981, с. 113.

7. I. Maraun. op. cit. с. 463.

8. I. Maraun. op. cit. с. 479.

9. Oxford Encyclopedia of Middle East & North Africa. 1995, с. 558.

10. H. Kashan. The political values of lebanese maronite college students. The journal of conflict resolution. Vol. 34 #4, December 1991, с. 726.

11. H. Kashan. The lebanese state: lebanese unity & the sunni muslim position. International sociologie, Vol.7 #l march 1992, с. 88.

12. MEED. Special report Lebanon, 16 June 1996, с. 13.

Е.В. Антонов

РЕАКЦИЯ ОПЕК НА МИРОВОЙ КРИЗИС НА РЫНКЕ НЕФТИ: ПРЕДПОСЫЛКИ К ТРАНСФОРМАЦИИ КАРТЕЛЯ

Кризис, поразивший мировой рынок нефти и нефтепродуктов в конце 1997 начале 1998 гг. стал настоящим испытанием для основных стран–экспортеров углеводородного топлива. Всего за четыре месяца цены на нефть упали почти на треть. Катастрофа на рынке в полной мере отразилась и на экономике России. По данным Госкомстата, в январе 1998 г. (по сравнению с январем 1997 г.) экспорт России упал на 17,7% (до 5,6 млрд. долл.). По некоторым оценкам[1], при сохранении цен, зафиксированных в середине марта в течение всего года (в средиземноморских портах за тонну российской нефти давали $83,3; нулевой уровень рентабельности экспорта составляет $102 за 1 т), Россия недополучит 3–4 млрд. долл. годовой выручки от экспорта нефти.

Вместе с тем ряд мер, предпринятых ОПЕК, на которую приходится 77% доказанных мировых запасов нефти, позволили начать стабилизацию рынка. Решения по сокращению экспорта нефти и нефтепродуктов, принятые конференцией Организации в Вене привели к медленному росту цен на нефтепродукты. Представляется интересным рассмотреть, насколько координация нефтяной политики стран ОПЕК и других крупных экспортеров нефти (таких как Норвегия, Россия) была добровольной и слаженной, можно ли рассчитывать на такую координацию впредь и был ли крупнейший производитель нефти и нефтепродуктов ОПЕК готов к такому потрясению.

Одной из причин, вызвавших нынешний кризис на рынке, стало принятое на очередной конференции ОПЕК в ноябре 1997 г. решение об увеличении квот добычи нефти на 2,5 млн. барр./сут. (МБС). (Новые квоты представлены в нижеследующей таблице.)

Таблица 1

Квоты добычи нефти странами ОПЕК в месяц
на первое полугодие 1998 г. (в МБС)
и фактическая добыча в январе–феврале.

Страна	Квота	Добыча (январь)	Добыча (февраль)
Алжир	0,909	0,87	0,89
Венесуэла	2,583	3,31	3,35
Индонезия	1,456	1,35	1,39
Ирак	1,314	1,40	1,80
Иран	3,942	3,65	3,60
Кувейт	2,190	2,19	2,20
Ливия	1,522	1,46	1,48
Нигерия	2,042	2,17	2,21
Катар	0,414	0,70	0,71
ОАЭ	2,366	2,32	2,49
Саудовская Аравия	8,761	8,70	8,67
Итого	27,500	28,12	28,79

Источник: OPEC in the Net (www.opec/org), «Нефтепанорама Петролеум Аргус», 18.03.1998 г.

Как видно из таблицы, многие члены ОПЕК не соблюдали даже увеличенные квоты. Главными нарушителями квот в абсолютных показателях стали Венесуэла (превышение в январе составило 0,727 МБС, в феврале – 0,767 МБС), Катар (0,286 МБС и 0,296 МБС соответственно) и Нигерия (0,128 МБС и 0,168 МБС). В относительных показателях список нарушителей внутренних картельных договоренностей возглавляет Катар (добыча в январе превысила обговоренную на 69,1%, в феврале – на 71,5%). Далее идут Венесуэла (28,1% и 29,7% соответственно) и Нигерия (6% и 8%). Некоторые члены картеля, как, например, Иран, Саудовская Аравия, Алжир, не выбрали весь положенный им лимит добычи. Лидером в этом отношении является Иран: добыча в январе была на 0,292 МБС, а в феврале – на 0,342 МБС меньше положенного, или соответственно на 8% и 9,5% в относительных показателях. Несмотря на это, по итогам января, фактическая добыча Организацией нефти превысила обговоренную на 0,62 МБС, а в феврале – 1,29 МБС или на 2,2% и 4,7% соответственно. Объем добычи в феврале достиг самого высокого показателя с 1981 г.–28,8 МБС.

Превышение квот странами ОПЕК является распространенным явлением, однако в настоящей ситуации эти внутренние нарушения совпали с резким ухудшением конъюнктуры рынка:

– зима 1997–1998 гг. была теплее, чем обычно, это уменьшило спрос на нефть;

– запасы стран–членов ОЭСР к концу марта составили 2,53 млрд. барр., что выше соответствующего показателя предыдущего года на 100 млн. барр.;

– экономический кризис в странах ЮВА вызвал уменьшение спроса на нефть и нефтепродукты в этих странах.

К тому же, производство наращивали не только страны ОПЕК. Как ожидается, в 1998 г. добыча нефти в Северном море достигнет 6,5 МБС[2] (на 0,5 МБС больше, чем в 1997 г.). В Латинской Америке добыча возрастет на 0,6 МБС. В соответствии с договоренностями с ООН экспорт иракской нефти составит 3,26 млрд. долл. в течение каждого шестимесячного периода (в 1997 г. – 2 млрд. долл.). Действие всех этих факторов оказалось катастрофическим для рынка. Так, по данным на 5 марта, цены на нефть «Дубай» составили 11,95 долл./барр. В связи с низкими ценами на нефть Саудовской Аравии, Венесуэле, Ирану и Норвегии пришлось урезать планы развития своих добывающих отраслей.

Стало очевидно, что сложившаяся ситуация требует от всех производителей нефти оперативного принятия решений по противостоянию тенденции к падению цен. Саудовская Аравия заявила вскоре о своей готовности снизить добычу, но отказалась делать это в одностороннем порядке. Министр энергетики Венесуэлы – наиболее крупного нарушителя квот – отказался принять участие во встрече министров энергетики членов ОПЕК, где предполагалось обсудить пути выхода из кризиса. Королевство же выжидало пока, Венесуэла прекратит нарушать обговоренные нормы.

В конце марта по инициативе Мексики состоялось подписание Эр–Риядского пакта, предполагавшего сокращение добычи основных экспортеров углеводородного топлива. На предварительных переговорах между Саудовской Аравией, Венесуэлой и Мексикой говорилось о сокращении на 1,5 МБС. В результате было решено сократить общую добычу на 1,725 МБС, в том числе добыча стран ОПЕК должна была уменьшиться на 1,325 МБС. Причем, как предполагалось инициаторами Эр–Риядского соглашения, уменьшить производство должны были все основные экспортеры, в том числе и Россия (на 100 тыс. барр./сут.).

31 марта в Вене состоялась внеочередная встреча министров энергетики стран членов ОПЕК, где должно было состояться документальное закрепление Эр–Риядских инициатив. Решение о сокращении добычи было принято, однако итоговое уменьшение оказалось значительно ниже предполагаемого изначально, что следует из таблицы данных.

Таблица 2

Сокращение добычи нефти основными странами–экспортерами: обусловленное Эр–Риядским пактом и фактическое (в МБС)

Страна	По Эр–Риядскому пакту	Согласованное сокращение
ОПЕК:		
Алжир	0,05	0,05
Венесуэла	0,2	0,2
Индонезия	0,07	0,07
Иран	0,2	0,14
Катар	0,05	0,03
Кувейт	0,125	0,125
Ливия	0,08	0,08
Нигерия	0,125	0,125
ОАЭ	0,125	0,125
Саудовская Аравия	0,3	0,3
Итого ОПЕК	1,325	1,245
Вне ОПЕК:		
Египет	0,02	0,03
Йемен	–	0,01
Малайзия	0,03	–
Мексика	0,1	0,1
Норвегия	0,1	0,1
Оман	0,05	0,03
Россия	0,1	–
Итого вне ОПЕК	0,4	0,27
ВСЕГО:	1,725	1,515

Источник: OPEC in the Net (www.opec/org), «Нефтепанорама Петролеум Аргус», 15.04.1998 г.

Обращают на себя внимание отличия Эр–Риядских договоренностей от реального сокращения добычи. Так, в рамках ОПЕК согласованное сокращение добычи оказалось меньше предполагаемого у Ирана (на 0,06 МБС) и Катара (на 0,02). Решение конференции пойти на встречу двум этим странам в объемах сокращения их добычи выглядит нелогично. Иран, напомним, добыл в январе и феврале меньше обусловленного квотами (таб. 1). Возможно, членам ОПЕК наоборот надо было настоять на снижении добычи Ирана еще значительнее, чем предполагалось в Эр–Рияде. С Катаром – ситуация обратная. Эта страна нарушала квоты ОПЕК и, возможно, участникам картеля стоило заставить его снизить добычу по меньшей мере, как это предлагалось в Эр–Рияде.

Сокращения по странам, не входящим в ОПЕК, еще яснее показывают неотработанность принятого решения. Эр–Риядские предложения сократить добычу Малайзии (на 0,03 МБС) и России (на 0,1 МБС) не нашли понимания в этих государствах. Увеличение сокращения добычи Египта (с 0,02 до 0,03 МБС) и уменьшение у Омана (с 0,05 до 0,03) не поддаются сколько–либо простому объяснению.

На начальном этапе переговоров по сокращению добычи к ОПЕК не присоединилась ни Россия, ни Норвегия. Еще в конце марта ОПЕК рекомендовал России снизить добычу на 13,7 тыс. т/сут., что составляло бы всего 1,5–2% от экспорта. Однако Россия отказалась сделать даже такой скорее политический шаг навстречу Организации. Снижение российского экспорта произошло лишь в середине апреля, когда представители крупнейших российских нефтеэкспортеров на совещании у и.о. первого вице–премьера Бориса Немцова согласились сократить объемы экспорта нефти на 61 тыс. барр./сут. (3,05 млн. барр./г.). Экспорт нефтепродуктов было решено сократить на 4,9 тыс. т./сут. Правительство Норвегии приняло решение о сокращении производства нефти на 100 тыс. барр./сут. в начале мая.

Следует отметить, что в нефтяной отрасли Эр–Риядский пакт был воспринят скептически[3]. Увеличившись сразу вслед за принятием документа на 2 доллара за баррель, цены на нефть вскоре стали падать вновь. Вместе с тем крупнейшего экспортера нефти – Саудовскую Аравию – предпринятые меры, похоже, удовлетворили. Официальные представители этой страны поспешили назвать эту сделку «беспрецедентной», «не только потому, что инициатива была поддержана членами ОПЕК, но и потому, что с этой инициативой выступила Мексика»[4].

Между тем, существует определенное сходство между Эр–Риядским пактом и реакцией ОПЕК на третье глобальное падение цен в 1985–1986 гг. Весной 1986 г., когда цены на нефть практически полностью вышли из–под контроля, ОПЕК обратился за помощью к другим странам–экспортерам. Скоординированные усилия производителей остановили тогда падение цен, достигших критически низкой отметки. Много общего можно найти и между нынешней ситуацией и той, что сложилась на рынке в 1990 г. Тогда, правда, после начала боевых действий иракских войск на территории Кувейта, мировые цены, наоборот, резко возросли, и ОПЕК пришлось увеличивать квоты добычи, чтобы стабилизировать ситуацию.

Видимо, вероятность возникновения новой кризисной ситуации на нефтяном рынке в той или иной форме существует. В этой связи возникает вопрос, готова ли к нему ОПЕК и мировое нефтяное сообщество в целом. Реакция картеля на последний кризис, как и на другие, обозначенные выше, дает основания говорить, что:

1. Проблема нарушения квот в ОПЕК по–прежнему стоит довольно остро. Именно нарушения норм добычи стало одной из причин последнего кризиса, они же послужили причиной, например, противостояния Ирака и

Кувейта в 1990 г. (Ирак тогда обвинил ряд членов картеля в намеренном завышении квот.)

2. При очевидной давности проблемы квот, пока не видно путей ее решения. Организация давно представляет собой арену борьбы двух основных группировок стран: «умеренных» (Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия), обладающих значительными запасами углеводородного сырья, и заинтересованных в стабильном уровне цен от 15 до 25 долл./барр. и «радикальных» (Алжир, Ливия, Ирак, Иран), по разным, в основном внутриполитическим и внутриэкономическим причинам, выступающих за установление максимально возможных цен на нефть. В последнем случае ситуацию ухудшила и непредсказуемость действий Венесуэлы.

3. Действия ОПЕК по разрешению последней кризисной ситуации на рынке были охарактеризованы некоторыми экспертами как запоздалые и недостаточные. «У них была возможность пойти на более крупное сокращение, но они не сделали этого», – заметил руководитель одной из нефтяных компаний[5]. По мнению экспертов из американской нефтяной компании Conoco[6], улучшение конъюнктуры рынка может наступить только в 2000 г.

4. В условиях экономического кризиса в странах ЮВА, когда падения спроса на рынке было прогнозируемо, трудно объяснить решение конференции ОПЕК увеличить квоты добычи нефти.

5. Отказ Норвегии и России сразу присоединиться к общему сокращению добычи показал, что эти страны, являющиеся одними из основных участников рынка, в выборе своей политики руководствуются скорее собственными интересами. Ухудшение конъюнктуры беспокоит их (главным образом, Россию) в первую очередь постольку, поскольку это связано с их же финансовыми потерями.

В начале мая бывший заместитель министра финансов Саудовской Аравии – мирового лидера по доказанным запасам и производству нефти – Абдель Азиз ад–Дахиль высказал мнение, что ОПЕК в своем нынешнем виде не в состоянии противостоять возможным изменениям ситуации на нефтяном рынке[7]. Для этих целей требуется создание новой организации.

По мнению г–на ад–Дахиля, последнее падение цен на нефть не является «случайным или временным явлением». Оно возникло на почве нынешней инфраструктуры мирового нефтяного рынка и имеет свои исторические корни. Мировой нефтяной рынок со времени своего возникновения находится под контролем западных, прежде всего американских, компаний, которые диктуют объемы производства нефти и цены на нее, исходя из собственных интересов. Создание ОПЕК позволило изменить баланс сил на мировом рынке в пользу нефтедобывающих стран и повышения цен на углеводородное сырье. Однако ОПЕК, по мнению цитируемого эксперта, не смогла выдержать противостояния с индустриальными странами во главе с США, принявшими ряд согласованных экономических, политических и научно–технических мер для восстановления своего контроля над экспортом энергоносителей.

Саудовский эксперт называет «поверхностным и упрощенным» представление о том, что цены на нефть регулируются на базе естественного балансирования между спросом и предложением. В действительности спрос является регулируемым и направляемым при помощи налогов на нефтепродукты и поощрения развития альтернативных источников энергии. Огромные средства используются для увеличения предложения нефти посредством развития нефтедобывающих мощностей Норвегии, США и Великобритании. МБРР и МВФ поощряют наращивание нефтедобычи в странах Африки, Латинской Америки и на посткоммунистическом пространстве Восточной Европы и СНГ. Создаются стратегические запасы «плавающей нефти». Механизмы мирового нефтяного рынка действуют в интересах сохранения спроса на минимальном, а предложения – на максимальном уровнях. Индустриальные страны–потребители нефти играют на рынке главенствующую роль. В связи с этим стабилизация цен на нефть на основе простых краткосрочных мер нефтедобывающих стран недостижима. По мнению цитируемого эксперта, следует официально констатировать «смерть ОПЕК» как органа, регулирующего стоимость нефти.

Нынешний статус ОПЕК, констатирует Абдель Азиз ад–Дахиль, не соответствует механизмам и институтам современного нефтяного рынка, но любые попытки реорганизации картеля обречены на провал. Требуется создание на базе изжившей себя ОПЕК с ее коллегиальными решениями новой организации под руководством Саудовской Аравии, к которой могут присоединиться Кувейт, ОАЭ, Ирак после урегулирования соответствующей кризисной ситуации и другие страны. Новая ОПЕК во главе с Саудовской Аравией и солидарными с нею странами установит обязательные для своих членов квоты нефтедобычи на базе постоянного контроля за спросом и предложением с учетом интересов производителей и потребителей и в случае несоблюдения квот затопит рынок дешевой нефтью, сбив цены до минимального уровня в 6 долл./барр. Такая мера сделает нерентабельной добычу нефти в США, Северном море и даже в некоторых входящих в ОПЕК странах. Она заставит международные и национальные банковские институты прекратить финансирование новых нефтяных проектов и парализует индустриальные страны. Этот шаг позволил бы «в течение шести месяцев восстановить равновесие на энергетическом рынке» и стал бы ответом новой ОПЕК на войну, которую «ведут против картеля западные страны».

Абдель Азиз ад–Дахиль признает, что в настоящее время в нефтедобывающих странах не хватает политической воли для претворения в жизнь предлагаемой им идеи, но он уверен в том, что эта воля может появиться уже довольно скоро, поскольку нефтедобывающие страны не могут бесконечно мириться с тем, что судьбу их экономического и политического развития определяют другие страны. Отдавая предпочтение диалогу в интересах стабилизации цен на энергоносители, он, вместе с тем, подчеркивает, что кардинально новая обстановка на мировом рынке может

быть создана только на основе сильного «ценового стресса», подобного тем, которые были в начале столетия и в 1973 г.

***

Оценка реалистичности построения нового ОПЕК по принципам, продекларированным Абдель Азиз ад–Дахилем – это тема для отдельной публикации. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что крупнейшие индустриальные страны Запада (и в первую очередь США) имеют немало эффективных рычагов давления на Саудовскую Аравию, использование которых может сильно затруднить экономическое развитие этой страны, в случае если она действительно примет в одностороннем порядке шаги, которые могут сказаться на судьбе всех участников рынка. Вместе с тем, высказывание бывшего заместителя министра финансов выглядит симптоматично.

Действительно, о необходимости реорганизации ОПЕК говорят давно. Однако, пожалуй, впервые о преобразовании картеля стали задумываться столь серьезно. Тот факт, что эту тему поднял именно бывший представитель кабинета министров Саудовской Аравии, кажется вполне логичным. Саудовская Аравия – крупнейший нефтеэкспортер и лидер ОПЕК, однако, если бы с идеей реформы картеля выступил официальный представитель Королевства, это могло бы вызвать панику на рынке и еще большее падение мировых цен на нефть. Слова Абдель Азиз ад–Дахиля, вероятно, следует рассматривать в том смысле, что Саудовская Аравия больше не намерена терпеть отношений, складывающихся внутри ОПЕК и готова к изменению текущего положения.

[1] И. Виноградов, А. Малютин «Спасение рынка нефти началось», «Коммерсантъ–daily», 25.03.1998 г.

[2] «Нефть дешевеет под напором новых поставок», «Нефтепанорама Петролеум Аргус», 18.03.1998 г.

[3] «Первые признаки оптимизма», «Нефтепанорама Петролеум Аргус», 01.04.1998 г.

[4] «Саудовская Аравия готова к сокращению добычи», «Нефтепанорама Петролеум Аргус», 15.04.1998 г.

[5] «Эр–Риядское соглашение одобрено в Вене», «Нефтепанорама Петролеум Аргус», 15.04.1998 г.

[6] А. Багров «Плакали наши нефтедоллары», «Коммерсантъ–власть», №10, 24.03.1998 г.

[7] «Идея создания новой ОПЕК», ИТАР–ТАСС, 06.05.1998 г.

Б.Н.Гашев

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АРАБСКИЙ МИР

В последние годы все большее внимание в мире привлекает процесс, получивший название «техноглобализации» – слияния появляющихся в отдельных развитых странах нововведений и новых технологий в единый комплекс технических знаний в сфере связи, телекоммуникаций, транспорта, финансовых операций. В глобализации различают пять направлений: финансовая глобализация, становление глобальных многонациональных корпораций (МНК), регионализация экономики, интенсификация мировой торговли, тенденция к конвергенции. Для упорядочения этих процессов очень важна «транснационализация» – создание систем контроля и управления, способных совместить централизацию с локальными экономическими интересами [1; 2/1998, сс. 13, 14].

Сюжеты, связанные с глобализацией, живо обсуждаются сейчас как в развитых, так и в развивающихся странах. На встрече МВФ и Всемирного Банка (ВБ) в Вашингтоне 26–29 апреля 1997 г. зафиксировано, что здоровье мировой экономики зависит от продолжения реформирования рынков капитала, торговли и труда с учетом увеличения их мобильности, что потребует известной реорганизации институциональной базы мировой экономики и таких ее структур, как Всемирный Банк, МВФ, осуществляющих координацию и контроль за процессами в рамках МКХ [2; № 2, 1997 г., с. 33]. Отсутствие такого контроля привело к потрясениям в сфере финансов, последним проявлением чего явился мировой финансовый кризис, начавшийся недавно в странах, получивших название «тигров» Юго–восточной Азии.

Технологические изменения делают глобализацию возможной, либерализация экономики помогает ее реализовать, снимая барьеры с каналов перемещения капиталов. Миллиарды долларов за несколько минут могут быть переведены из одной части света в другую, и такие действия слабо поддаются контролю. А.Гринспэн, председатель Совета управления Федеральной резервной системы США, подчеркнул, что научно–технические достижения, которые делают возможным беспрецедентно свободное циркулирование финансовых и интеллектуальных ресурсов в глобальном масштабе, создали в то же время предпосылки для мгновенной кары за макроэкономические отставания и ошибки. По мнению А.Гринспэна, страны ЮВА допустили чрезмерное повышение курсов своих национальных валют, не смогли удержать под контролем торговый дефицит, потворствовали спекулятивным сделкам, «загоняя» на нереальные

высоты цены на недвижимость и котировки акций на фондовых биржах. В результате эти страны потеряли доверие как внутренних, так и международных инвесторов. В обстановке, когда даже отдельные лица с помощью современной технологии способны в кратчайшие сроки осуществлять массированные финансовые операции, убытки стран ЮВА стали нарастать невиданными ранее темпами. А.Гринспэн считает глобализацию, основанную на научно–техническом прогрессе, явлением необратимым и предостерегает от попыток решения возникающих проблем за счет постановки административных преград на пути финансовых операций. Он рекомендует противопоставить неизбежно обостряющемуся «системному кризису» все более открытую экономическую информацию, совершенствовать средства и методы отслеживания потенциальных угроз финансовым институтам, улучшать мировую систему взаиморасчетов [3; 14.12.1997, с.30].

С этими рекомендациями в основном согласны участники симпозиума «Глобализация и арабы», состоявшегося в Бейруте 18–20 декабря 1997 г. По словам известного египетского банкира и экономиста Хазема аль–Беблауи усиление глобализационных процессов было вызвано как политическими причинами (однополюсность мира в результате распада СССР), так и цивилизационными и техническими [4; 30.12.1997]. Начиная с 60–х и особенно с 70–х и 80–х годов индустриальное развитие все более сменяется информационным, снимающим барьеры с перемещения людей, интеллектуальных достижений и капиталов. Многовековой исторический процесс накопления элементов глобализации имеет своей основой все большее освобождение человека от господства над ним сил природы. Ускорение технического развития привело к выдвижению на передний план информационной составляющей, опирающейся на мыслительные и организационные способности человека, и к относительному умалению важности природных ресурсов. Ослабление зависимости человека от сил природы способствовало более острому проявлению частных интересов, отныне все менее ограничиваемых природными и другими факторами.

Беблауи описывает мировой экономический порядок как синергетический симбиоз трех элементов: политики, частного интереса и моральных ценностей, включающих национальные и культурные традиции. Главным рычагом политики выступает государство, частного интереса – рынок, моральных ценностей – гражданское общество. Здоровое общество – это такое, которое дает место проявлению каждого из этих трех элементов и поддерживает равновесие между ними без насилия, дискриминации и «перегибов». Политика не должна подавлять частный интерес и подчинять моральные ценности государственной или церковной доктрине. С другой стороны, если дать частному интересу слишком большую свободу и освободить его от должного контроля со стороны государства и системы моральных ценностей, он не сможет бескризисно осуществляться. По мнению Беблауи, именно поэтому разразился кризис в странах Азии, где

финансовый рынок освободился от контроля со стороны государства и от воздействия моральных ограничителей.

Беблауи полагает, что для лучшей работы рынка нужно усилить экономическую роль государства, изменив при этом форму государственного воздействия. Государство обязано вмешиваться в экономику как власть, а не как производитель и собственник средств производства. В качестве примера Беблауи приводит США, которые характеризуются весьма сильным регулирующим вмешательством в экономику и ставят жесткие условия функционированию валютно–денежной и торговой сферы, редко претендуя на непосредственное участие в производственном процессе.

Важным аспектом развития процесса глобализации является социальный вопрос. Глобализация проявляет себя неодинаково в процветающих и отсталых странах. В макроэкономически благополучных странах – «тиграх» ЮВА кризис проявляется в основном в форме «перегрева» финансового и фондового рынка из–за отсутствия должных институциональных противовесов и сдержек со стороны государства. В менее продвинувшихся в рыночном развитии странах, каковыми являются основная часть арабских государств, проблема заключается в назревании предпосылок проявления глобализационных тенденций, вызываемых в первую очередь либерализацией экономики. Макроэкономические реформы, совершенствуя рыночную структуру общества, накладывают при этом тяжелое бремя издержек на широкие массы населения в результате роста цен, безработицы и т. п. К отрицательным последствиям глобализации в арабских странах следует отнести также маргинализацию отдельных стран, расширение разрыва между богатыми и бедными как внутри каждой страны, так и на межстрановом уровне, усиление господства олигархических элит развитых стран над финансами, промышленностью и другими отраслями экономики арабских государств, бегство капитала из них в инвестиционные проекты развитых стран.

Сопротивление реформам идет со стороны той части местных деловых людей, которые защищены высокими тарифами от иностранной конкуренции. Не устраивают экономические реформы и управляющих госпредприятий, выпускающих продукцию низкого качества, которую нельзя экспортировать, коррумпированную бюрократию. На уровне обыденного сознания глобализация часто воспринимается как рецидив империалистических попыток закабаления отсталых экономик, повторение в иных исторических условиях политики Мухаммеда Али, «прорубившего окно» Европе в Египет в начале прошлого века, или политика хедива Исмаила в конце того же века, когда европейские банки установили полный контроль за слабой египетской экономикой. Нечего и говорить об аналогичных попытках более позднего времени, воспоминания о которых сохранились в памяти определенного числа представителей ныне живущих поколений. Тем не менее, глобализация осознается многими как неизбежная реальность, пусть пока как тенденция, но все–таки как масштабный процесс. По мнению президента Всемирного банка Д.Вульферсона, половина населения

развивающихся стран затронута увеличением объемов международной торговли и движения капиталов [5; № 6, 1997, с. 214]. По другим оценкам, включающим, очевидно, и охват рыночными реформами, называется цифра в 90% населения всего мира [6; 07, 1997, с. 18]. Многие государства примкнули или собираются примкнуть к Всемирной торговой организации (ВТО).

По свидетельству саудовского экономиста Г.Аззама, шесть арабских стран взяли на себя обязательство проводить экономические реформы в соответствии с рекомендациями МВФ и ВБ. Это Египет, Марокко, Иордания, Тунис, Ливан и Алжир. Наибольших успехов добились Египет и Марокко, начавшие осуществлять реформы с конца 80–х годов и добившиеся снижения бюджетного дефицита и инфляции, стабильности обменного курса и финансов. Иордания и Тунис несколько отстают от них в отношении реформирования финансового рынка. Ливан находится пока на стадии послевоенного восстановления своего хозяйства. Алжир принимает меры по реформированию экономики и обеспечению большей открытости внешним рынкам. Страны Залива, столкнувшись с понижением цены на нефть и ростом бюджетного дефицита, также взялись за проведение реформ и поощрение частного сектора [6, 07, 1997, с. 21]. В прессе появляются сообщения, что на этот путь становятся Судан и Мавритания [4; 30.01.1998].

Отношение арабских стран к глобализации Х.Беблауи представляет в виде трех сценариев. Первый сценарий – неприятие, полный отказ от глобализации. Наиболее вероятный результат – маргинализация, оттеснение на обочину мирового развития. Второй – безусловное неконтролируемое принятие новых «правил игры». Это может привести к финансовому кризису. Третий сценарий – путь компромисса, отборочное, селективное принятие новых тенденций с введением достаточно жесткого контроля над происходящими процессами с созданием контролирующих институтов, действующих от лица государства и гражданского общества. Второй сценарий, объясняющий причины бед азиатских «тигров», к подавляющему большинству арабских стран пока не применим из–за сравнительно низкого наполнения финансового рынка и поэтому непосредственной опасности перегрева экономики нет. Первый сценарий неприемлем в силу его тупиковости. Остается третий сценарий.

Полезным представляется сравнение макроэкономических показателей по арабским странам с такими же показателями по азиатским «тиграм» и развивающимся странам в целом, прежде всего по двум параметрам, показывающим причины кризиса. Во–первых, это приток излишних капиталов, во–вторых – дефицит платежного и торгового балансов и бюджета. По данным, опубликованным Х.Аззамом, благодаря глобализации финансовых рынков чистый приток капиталов в развивающиеся страны в среднегодовом исчислении возрос с 10 млрд. долл. в середине 70–х годов до 231 млрд. долл. в 1996 г., т. е. годовой приток увеличился в 23 раза за 20 лет. Арабские страны, которые поток капитала обходил стороной, ока-

зались лишенными благоприятных возможностей расширить инвестирование, модернизировать технологию, поднять производство, создать новые рабочие места, ускорить темпы роста. В 1996 г. на арабский регион пришлось менее 2% притока капитала в развивающийся мир. Конфликтные ситуации и недостаточно благоприятный инвестиционный климат в регионе десятилетиями отпугивали вкладчиков. Теперь, с более активным проведением экономических реформ и мер по либерализации, намечаются изменения в сторону ускорения экономического развития. Но арабский регион заплатил высокую цену за упущенное время и возможности в течение долгих лет конфликтов и нестабильности, оказавшись в хвосте других регионов с точки зрения темпов роста. Последний находится в тесной зависимости от поступлений в экономику инвестиций и кредитов. Особенно сильно по показателю инвестиций арабские страны отставали в 80–е годы. В самом деле, в 1980 г. общий ВВП арабского мира был 440 млрд. долл., хотя в 1995 году достиг 528 млрд. долл. В то же время население 20 арабских стран увеличивалось на 2,6% в год и возросло со 135 млн. в 1980 г. до 252 млн. чел. в 1995 г. или почти удвоилось. Соответственно ВВП на душу населения упал на 36% с 3260 долларов в 1980 г. до 2095 долларов в 1995 г. За тот же период душевой доход всего развивающегося мира увеличился более чем на 40%. С учетом инфляции, чистый доход на душу населения в арабских странах с 1986 г. падал на 0,5% в год по сравнению с положительным ростом в развивающемся мире в целом [6; 07, 1997, с. 18].

Норма капиталовложений (по отношению к ВВП) для всех арабских стран имела тенденцию к понижению с середины 70–х годов до начала 90–х годов, затем этот показатель начал расти. Темп роста его был, однако, ниже, чем в других развивающихся государствах и на порядок ниже, чем у «тигров» Азии. Частные инвестиции (11% ВВП с 1980 г.) были намного ниже, чем в развивающемся мире.

Разочаровывающий результат инвестиционной практики в арабском регионе объясняется низким притоком прямых инвестиций из–за рубежа. Иностранные прямые капиталовложения в регион в первой половине 90–х годов не превышали в год 2 млрд. долл., или менее 0,4% ВВП стран региона. Значительная часть этих инвестиций была сосредоточена в энергетике.

Что касается портфельных инвестиций, то приток капиталов по этой линии в арабский регион, по сравнению со странами Юго–Восточной Азии, был невелик и далек от степени излишнего насыщения и «перегрева». Кризис на рынке капиталов в Мексике в 1994 г., в Южной Корее и Таиланде в 1996 г. и, наконец, начавшийся мировой финансовый кризис в конце 1997 г. ясно показали негативные последствия быстрого неконтролируемого расширения рынка капиталов. В этом сегменте современной капиталистической экономики рыночные силы сегодня сами, помимо правительств, наказывают тех, кто применяет неправильную фискальную и моне-

тарную политику. Рыночные силы стали судьей и арбитром экономического управления, менеджмента.

За небольшими исключениями, рынки капиталов в арабских странах пока еще недостаточно развиты, чтобы привлекать портфельные инвестиции быстро и в больших объемах. Число активных инвесторов в регионе, в процентном отношении к численности населения, очень низко, меньше 2% по сравнению с 37% в США.

Однако практика показывает, что в условиях глобализации при благоприятных условиях рынки капиталов быстро разрастаются, о чем говорит опыт Турции, Индонезии, Аргентины.

В арабском регионе официально зарегистрированные рынки капиталов (фондовые биржи) имеют девять стран региона: Саудовская Аравия, Бахрейн, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Марокко и Тунис. Наибольшего размера в абсолютных цифрах и в пропорции к ВВП капитализация достигает в странах Персидского залива. Меньшего размера этот показатель в Египте, Марокко и Тунисе. Допуск иностранного капитала на биржи стран Залива либо запрещен вообще, либо разрешен в ограниченных пределах. Лишь в Египте и Марокко допуск иностранного капитала неограничен. В Тунисе и Иордании допускаются к работе биржи компании с долей участия иностранного капитала до 49% [6; 07, 1997, с. 21].

Египет среди большинства арабских стран имеет наилучшие возможности привлекать инвестиции через посредство рынка капиталов. По предварительным данным, в поступивших в Египет в 1997 г. иностранных капиталовложениях доля портфельных инвестиций была больше, чем прямых. Для привлечения иностранных инвестиций Египет имеет неплохие макроэкономические предпосылки: низкий показатель бюджетного дефицита – 1%, низкий темп инфляции – 5,5% по сравнению с 30% в 80–х годах и 20% в 1990 г. Резерв иностранной валюты возрос с 880 млн. долл. в 1991 г. до 21 млрд. долл. в 1997 г., что составляет 30% ВВП. Доля внешнего долга в ВВП снизилась со 100% в 1990 г. до 41% в 1997 г. [4; 24.04.1997]. Это внушает надежду расширить приток капиталов из–за рубежа. Успехи уже налицо: в 1996 г. удалось привлечь 800 млн. долл. прямых инвестиций, вдвое больше, чем в предыдущем году, кроме того, в 1996 г. поступило 700 млн. дол. портфельных инвестиций. В 1997 г. ожидалось поступление 1–1,5 млрд. долл. прямых и 1,5 млрд. долл. портфельных инвестиций [7; 18.04.1997, с. 25]. Но этот рост пока не грозит «перегревом», потому что норма внутренних накоплений в Египте низкая (11% ВВП против 38% в Таиланде). Поэтому рост ВВП в Египте зависит в основном от притока иностранных инвестиций.

Наряду с расширением инвестиций и рынков капитала, для арабских стран характерны в известной мере и такие тенденции, свойственные эпохе глобализации, как стремление к всемерному расширению экспорта, переход от импортзамещающей модели к экспорториентированной. Но, чтобы получить доступ на зарубежные рынки сбыта для своих товаров и услуг, им придется сильно сократить импортные барьеры и отказаться от

многолетней практики труднопреодолимой протекционистской защиты. Марокко и Тунис уже заключили, а Египет собирается заключить соглашение с ЕС об участии в европейско–средиземноморской зоне свободной торговли. Для этого им придется в течение 12 лет сильно понизить импортные пошлины и в ближайшее время отказаться от нетарифных импортных ограничений. Выполнение этих условий ставит на повестку дня значительную перестройку местной промышленности и других отраслей экономики в направлении повышения эффективности и конкурентоспособности. Для Египта, Туниса и Марокко это касается прежде всего текстильной промышленности.

Глобализация требует улучшения качества человеческих ресурсов. Эпоха международной конкуренции диктует необходимость реорганизации системы образования, которая в арабских странах, как правило, страдает тем, что, вместо культивирования аналитического мышления и развития у детей и юношества способности к творчеству, процесс преподавания часто базируется на запоминании информации, имеющей мало отношения к реалиям окружающего мира.

В заключение представляется важным сделать следующие выводы.

Глобализация еще не стала действительно глобальной. Примерно половина населения развивающихся стран мира пока серьезно не затронута быстрым увеличением объемов международной торговли и движения капиталов, зафиксированным начиная с 80–х годов. Позиция руководителей ряда стран, в том числе арабских, половинчата, т. к. резкий поворот к рынку и включение своих стран в мировую экономику связано с политическими, экономическими и социальными рисками. Но отказ от включения в этот процесс или излишняя нерешительность чреваты отбрасыванием на обочину мировой экономики, увеличением разрыва в уровне жизни населения по сравнению с теми странами, которые осуществляют интеграцию в мировое хозяйство.

Глобализационные тенденции в арабском мире проявляются далеко не столь сильно, как, например, в странах Юго–Восточной Азии. Соответственно, кризисные явления капитализма эпохи глобализации наблюдаются в них сравнительно реже. Но и в арабском мире определенную озабоченность вызывает потенциально дестабилизирующий эффект быстрой и крупномасштабной миграции капитала и инвестиций, особенно портфельных, хроническая дефицитность торгового баланса. С большим напряжением и рисками для экономики арабского мира связано соблюдение условий вступления в члены ВТО и выполнение соглашений об общем рынке с ЕС.

Для минимизации рисков «открытости» и включенности в мировую экономику от арабских стран требуется активизация усилий по внутрирегиональной и межрегиональной экономической интеграции; укрепление государственных институтов, контролирующих банковско–финансовую сферу; дальнейшее проведение мероприятий по макроэкономической стабилизации и осуществлению рыночных реформ.

Специфическим риском для арабских стран в эпоху глобализации являются высокие социальные издержки и политические опасности, прежде всего исламский фундаментализм. Бесспорно, разрыв между богатыми и бедными в годы проведения реформ расширился. Особенно сильное отрицательное воздействие имело сокращение субсидий на поддержание цен на потребительские товары и растущая безработица среди молодежи. Необходимы адресные трансферты для поддержания нуждающихся над чертой бедности, особую важность приобретает введение корректив в систему образования, рассчитанную в Египте, например, в основном на пополнение 5,3–миллионной армии чиновничества, как правило, кровно не заинтересованного в продолжении экономических реформ; поощрение активности частного сектора в экономике. Однако успех субъективных усилий арабских стран сильно зависит от ряда объективных обстоятельств, таких как уровень цен на нефть и ход мирного процесса в регионе.

1. «Мировая экономика и международные отношения», Москва.
2. “National Bank of Egypt. Economic Bulletin”, Cairo.
3. «Компас», Москва.
4. «Аль–Ахрам ад–Даулий», Каир.
5. «Общество и экономика», Москва.
6. “Middle East Executive Reports”, Washington D.C.
7. “Middle East Economic Digest”, London.
8. “Financial Times”, London.

Г.Л.Гукасян

ПОЛИТИКА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В ОБЛАСТИ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ (на примере Абу–Даби)

Изучение подходов и направлений деятельности, применяемых в процессе организации разработки минеральных ресурсов, в первую очередь нефти и газа, арабскими государствами Персидского залива, как одними из старейших производителей и экспортеров, имеет немаловажное практическое значение для тех стран, которые вступают в стадию перестройки и модернизации комплекса отраслей промышленности, связанных с недропользованием. В нефтедобывающих эмиратах Персидского залива и Саудовской Аравии получила применение достаточно эффективная модель развития организационной структуры добывающего комплекса и использования соответствующих форм предприятий и компаний в данной сфере, в сочетании с правовым регулированием и механизмами ценообразования, расчетов, сбыта продукции и т.п. Аналогичные подходы были впоследствии использованы другими странами, в том числе присоединившимися к ОПЕК, в целом с положительными результатами.

Зарубежный и арабский опыт в этой области представляет интерес для Российской Федерации и стран СНГ, где раньше имела место полная, стопроцентная монополия государства на деятельность в добывающих отраслях и какое–либо привлечение иностранных инвестиций в повестке дня по существу не стояло, а в настоящее время проявился крен в противоположную сторону, когда решение проблем добывающего комплекса многим видится во всеобъемлющей передаче месторождений в аренду иностранным компаниям на условиях раздела продукции и концессий. При этом не ясна долгосрочная стратегия: всесторонний расчет эффективности взаимодействия с иностранными компаниями, вклада в технологическую модернизацию отечественных добывающих и перерабатывающих отраслей, взаимосвязанных производств.

Есть свежие примеры: передача иностранным компаниям на условиях аренды с разделом продукции внушительной по площади и запасам группы нефтеносных участков на шельфе Сахалина, передача на подобных условиях одного из двух крупнейших в мире месторождений хромитов в Казахстане японским фирмам и другие. В этих случаях, по существу, производится закачка сырой нефти прямо в танкеры с морских платформ, вывоз извлеченного железорудного сырья без организации переработки на месте, что минует включение разработок в каких–либо организацион-

ных формах в местные хозяйственные системы, в развитие сопутствующих перерабатывающих производств и инфраструктуры. При сосредоточении торговли добываемым сырьем в руках иностранного концессионера разовые платежи («бонусы»), платежи с добычи («роялти»), арендная плата («рентлз») зачастую не являются достаточно экономически обоснованными величинами, позволяющими решить проблемы финансирования топливно–энергетического комплекса.

В настоящее время, в связи с недропользованием, осуществляемым совместно с иностранным капиталом, в центре внимания находится проблема осмысления перспектив совместных предприятий (СП), в сравнении с арендно–концессионными формами эксплуатации месторождений [см. напр. 1, №12, 1996, сс. 6–10]. Решение проблемы национально–хозяйственной эффективности совместных с иностранными партнерами разработок полезных ископаемых заключается скорее не в абсолютизации каких–либо одних видов организационных форм таких разработок, при полном игнорировании остальных, а в сбалансированном, с учетом как настоящей ситуации, так и долгосрочных целей и задач, сочетании разных организационных форм и необходимой корректировке, по мере изменения ситуации (если целевой подход к добывающей отрасли ориентирован на развитие глубокой переработки и взаимосвязанных производств).

Нефтедобывающие государства Персидского залива за последние три десятилетия XX–го в. в целом продемонстрировали подходы, находящиеся в рамках такой системной организации. В прошлом остались времена колониального и неоколониалистского господства нефтяных монополий на Арабском Востоке, когда компании–концессионеры функционировали как государства в государстве, имея исключительное право определять объемы бурения и добычи, величину и географию экспорта нефти, уровень цен, целесообразность строительства предприятий по переработке, обладали монополией на поставку нефтепродуктов на внешние рынки и внутренние рынки принимающих стран, а страны, предоставившие концессии, не могли пересматривать условия соглашений и отменять их. Даже в условиях провозглашенного позже «справедливого равного раздела прибылей между нефтяными компаниями и странами–обладателями нефтяных ресурсов» (50 на 50), последние на деле получали менее половины доходов от продажи нефти из–за отсутствия в соглашениях соответствующей дифференциации по самостоятельным видам налоговых платежей, занижения справочных цен и реализации нефти филиалами компаний материнским учреждениям по трансфертным (внутрифирменным) ценам. Эти вопросы, также как и борьба арабских стран–экспортеров нефти за изменение их неравноправного положения в системе мирового хозяйства, приведшая к кардинальному перелому ситуации лишь в первой половине 70–гг., ликвидация системы экономического колониализма и установление новых форм контрактных отношений данных государств с нефтяными монополиями подробно освещены отечественными востоковедами (достаточно обратиться к работам «ОПЕК в мире нефти» Р. Ан-

дреасяна и А. Казюкова, «Персидский залив в эпицентре бури» А. Васильева, «Персидский залив: нефть и монополии» А. Примакова, некоторым другим).

Процессы укрепления национально–государственного суверенитета в области ресурсопользования в странах Арабского Востока происходили при ведущей роли государства. В условиях, когда основные страны–производители нефти объединились в соответствующие межгосударственные организации (ОАПЕК, ОПЕК), они стали весомой силой, обеспечившей вывод недропользования из–под экономического диктата зарубежных монополий. При этом, полная или частичная национализация недропользования явилась тем видимым этапом, на котором в арабских странах поменялась суть отношений, определяющих собственность на добытые минеральные ресурсы и режим распоряжения ими, создались предпосылки для новых форм организации хозяйственной системы в этом плане. У арабских государств появились реальные возможности выступать в договорных отношениях с иностранными компаниями практически на равных, а зачастую, с господствующих позиций.

Например, в докладе о взаимодействии американских нефтяных компаний со странами–членами Организации стран–экспортеров нефти, подготовленном для Министерства энергетики США, отмечалось, что и американские, и иностранные нефтяные компании, оперирующие за границей, превратились практически в заложников основных стран–производителей и лишены желания и возможности сопротивляться их требованиям о повышении цен или увеличении доли участия…" и "существующие стимулы не гарантируют того, что деятельность этих компаний будет соответствовать интересам Соединенных Штатов» [3, с. 133]. Достигнутая твердая политико–правовая и экономическая база, опирающаяся на занятие государством (представляющим и крупный местный капитал) главных позиций в экономике, вызвала к жизни в арабских странах новые, эффективные для них формы экономического и технического сотрудничества с иностранными компаниями.

С того времени сложился, разумеется, более–менее взаимовыгодный, достаточно стабильный баланс интересов между арабскими странами–обладателями минерального сырья, странами–импортерами, зарубежными компаниями и национальными компаниями арабских стран. В арабских нефтедобывающих государствах значение вопросов привлечения иностранного капитала и, в особой степени, иностранного производственного, технологического опыта хорошо осознавалось правящими кругами. Практически нигде не ставили целью полное устранение иностранных компаний из процесса разработки месторождений. Вместе с тем, осознавали и значение структурной перестройки сырьевой отрасли, необходимость преодоления анклавности (изоляции от хозяйственных связей остальной экономики), превращения в «локомотив» промышленного роста посредством увеличения и концентрации валютной выручки, диверсификации отраслевой структуры, развертывания взаимосвязанных нефтепе-

рерабатывающих, нефтехимических производств, энергетики, металлургии, промышленности стройматериалов. В этой связи, в проведении в жизнь экономической политики недропользования первостепенное значение приобрели определенные корпоративные структуры, управляющие рычаги которых сосредоточены у государственных или квазигосударственных организаций. Главные приоритеты политики недропользования, закрепленные в законах, декретах и планах развития экономики конкретизировались текущими оперативными хозяйственными решениями, сопровождающими соответствующие проекты.

Характерным для правового и организационного оформления политики недропользования, включая совместное с иностранным капиталом, ее практического воплощения, выступает опыт газовой промышленности ОАЭ. Абу–Даби – наиболее богатый по запасам эмират ОАЭ, запасы которых на сегодня по нефти составляют 98,1 млрд. бар., по природному газу – 199,3 трлн. куб. футов. В период доминирования иностранных монополий ОАЭ, как и другие арабские страны, испытывали всю тяжесть концессий старого, традиционного типа. В том числе, имело место бесконтрольное распоряжение попутным газом при добыче нефти и его сжигание. Мощное движение за пересмотр условий взаимодействия стран–экспортеров и иностранных компаний вызвало коренную перестройку недропользования ОАЭ, сопровождавшуюся созданием новых структур и усилением национального контроля за операциями компаний. В 1971 г. была создана государственная уполномоченная нефтяная компания Абу–Даби АДНОК («Абу–Даби Нэшнл Ойл Компани» – Национальная нефтяная компания Абу–Даби). Вокруг нее, согласно законодательству, стала формироваться вся структура нефтяной и газовой промышленности. Правительство Абу–Даби в 1974 г. приобрело и 60% капитала трех основных иностранных концессионных компаний. Правительство Дубая приобрело 60% акционерного капитала компании «Дубай Петролеум».

Национальная нефтяная компания Абу–Даби АДНОК уполномочена осуществлять на практике политику правительства эмирата в области недропользования, выступать в качестве держателя государственных пакетов акций в основных компаниях, ведущих добычу, выполнять роль основного национального партнера в соглашениях об СП или участии иностранных контрагентов. АДНОК в настоящее время ведет обширную и разносторонним деятельность, охватывающую все стадии функционирования добывающего комплекса. Это разведка, разработка, добыча нефти и газа, переработка и очистка, сбыт нефте– и газопродуктов на внутреннем и внешнем рынках, организация морских перевозок. Активное включение АДНОК в освоение ресурсов природного газа началось с принятием в 1976 г. Закона Эмирата Абу–Даби № 4 об исключительном суверенном праве эмирата на распоряжение всеми видами газа, включая попутный, и о порядке его использования. Природный газ выделен в категорию ресурса, имеющего особое, самостоятельное значение в ресурсной базе. Считается, что наибольшую нагрузку несут статьи 1, 4, 5 и 6 этого закона.

Статья 1. Единственным собственником всего газа, который обнаружен на территории Абу–Даби, либо будет обнаружен в будущем, и который извлекается и вырабатывается на буровых скважинах Эмирата, должен являться Эмират Абу–Даби. Территория Эмирата Абу–Даби должна включать в себя его земли, территориальные воды и континентальный шельф.

Статья 4. Национальная нефтяная компания Абу–Даби должна быть наделена правом разрабатывать и использовать весь возможный объем газа, перечисленного в Статье 1 настоящего Закона, также как и правом управлять всеми прочими делами, связанными с этими газовыми ресурсами. Все права, которые приобретены посредством нефтяных соглашений, заключенных правительством Эмирата Абу–Даби и касаются обнаруженного или произведенного газа, либо оборудования и мощностей, предназначенных для утилизации и производства газа, должны передаваться АДНОК.

Статья 5. Все нефтяные компании, функционирующие на территории Эмирата Абу–Даби, должны поставлять весь газ, произведенный на нефтяных и газовых месторождениях Абу–Даби, в адрес АДНОК в соответствии с условиями и техническими соглашениями, которые могут быть утверждены этой-компанией в результате консультаций с вышеуказанными нефтяными компаниями.

Статья 6. АДНОК должна обладать правом разрабатывать ресурсы газа, перечисленные в Статье 1 настоящего Закона, как самостоятельно, так и посредством соглашений о сотрудничестве или образовании совместных предприятий, заключаемых с другими компаниями. В последнем случае, доля АДНОК не должна составлять менее 51% акционерного капитала.

Закон № 4 обеспечил правительству Абу–Даби возможность полномасштабного контроля за разработкой газа, укрепления национального сектора отрасли через АДНОК как реальную хозяйственную структуру. Превращение АДНОК в монопольного поставщика сырого газа для разных производств, включая СП, позволило значительно оптимизировать отрасль в условиях, существовавших в тот период. Организации типа АДНОК представляют характерное явление для стран–продуцентов минерального сырья и обычно учреждаются в виде государственных уполномоченных компаний или корпораций, в свою очередь, располагающих рядом «дочерних» компаний, специализирующихся на определенных этапах производственно–сбытового процесса. В Персидском заливе такая система получила название «нисходящей–восходящей» стратегии (вертикальная интеграция), когда взаимно увязываются и контролируются все стадии деятельности от добычи нефти и газа на скважинах до сбыта конечному потребителю и новых инвестиций: добыча, перегонка, переработка и производство топлива, химической продукции, транспортировка и сбыт в стране и за рубежом, финансирование очередных проектов. На подобную стратегию ориентировано функционирование таких государственных

уполномоченных компаний и корпораций, как « Кувейт Нэшнл Петролеум Компани», «Петрокемикл Индастриз Компани» (Кувейт), ПЕТРОМИН – Генеральная организация нефти и минеральных ресурсов (Саудовская Аравия), «Бахрейн Нэшнл Ойл Компани», «Бахрейн Нэшнл Гэз Компани» (Бахрейн), «Катар Нэшнл Ойл Компани» (Катар), национальная компания СОНАТРАК в Алжире, Египетская государственная нефтяная компания и т.д. Их статус и сфера деятельности также закреплены в соответствующих законах и декретах, постановлениях правительств, уставах этих организаций (см.: 4, 5, 6).

Анализ действительности позволяет констатировать преобладание преимуществ над издержками в опыте функционирования уполномоченных компаний и связанных с ними предприятий в арабских странах. Эти структуры позволили интегрировать отдельные предприятия и проекты в производственные комплексы, обеспечить привязку недропользования к процессам местного хозяйственного развития, рост национальной промышленности. Государственное участие в данных процессах не подавляло частнопредпринимательских стимулов хозяйственной деятельности ввиду того, что благодаря формированию устойчивой местной топливно–сырьевой и финансово–промышленной базы, открывались перспективы для приложения частного капитала.

Для сравнения следует отметить, что структуры в сфере недропользования, подобные отмеченным выше организациям арабских стран, есть практически везде в странах–продуцентах минерального сырья. Например, многоотраслевой гигант ПЕМЕКС в Мексике, государственная уполномоченная компания ПЕРТАМИНА в Индонезии, компания ПЕТРОБРАЗ в Бразилии, корпорация КВП в Венесуэле, Китайская национальная нефтяная компания и Китайская национальная оффшорная нефтяная корпорация в КНР. В Норвегии из трех крупнейших нефтяных компаний одна – «Статойл», полностью принадлежит государству, в другой – «Норск Гидро», государство имеет 51% акционерного капитала, третья – «Норск Гидро Продакшн эз», представляет собой дочернюю компанию «Норск Гидро». Общая доля государственного участия в разработках нефти достигает от 40 до 65% (8, т. 13, №4, 1995, сс. 258–259). В принципе, и за крупнейшими корпорациями основных промышленно развитых стран стоит значительная поддержка государства.

Основные уполномоченные компании в области недропользования стран–продуцентов минерального сырья не выступают в качестве подразделений правительства. Как правило, это юридически и хозяйственно самостоятельные единицы. Отдельно существуют органы государства с полномочиями контроля деятельности и формирования политики в области недропользования. Примером являются: Высший нефтяной совет Кувейта, Высший нефтяной совет Абу–Даби, Министерство нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии. В Абу–Даби создание в 1988 г. Высшего нефтяного совета (ВНС) обусловливалось задачей унификации деятельности правительства эмирата по планированию и контролю

нефтегазовой индустрии. К ВНС перешел ряд функций Департамента нефтяных ресурсов правительства Абу–Даби и Совета управляющих АДНОК.

Подробнее схема организационной структуры недропользования арабских стран может быть проиллюстрирована на примере газовой индустрии Абу–Даби. В этом эмирате в сфере разработки жидких углеводородов, в дополнение к компании АДНОК, доминирующее положение занимают еще две крупнейшие управляющие компании: Компания Абу–Даби по разработке нефти на суше («Абу–Даби Компани фор Оншор Ойл Оперейшнз») – АДКО и Компания Абу–Даби по управлению разработками месторождений на море («Абу–Даби Марин Оперейтинг Компани») – АДМА–ОПКО. На них приходится наибольшая часть производства нефти в эмирате, около 75%. Помимо этого, три крупнейшие компании функционируют непосредственно в сфере разработки газа, имея специфически оговоренное соответствующими соглашениями участие иностранных партнеров. Эти компании – СП относят к многоплановым промышленным проектам, включающим, как важную составляющую, производство и переработку газа: Компания Абу–Даби по сжижению газа («Абу–Даби Гэз Ликвифэкшн Компани Лтд.») – АДГАЗ, специализирующаяся на сжижении газа, добываемого на шельфе, компания « Абу–Даби Гэз Индастриз Лтд.» – ГАЗКО, специализирующаяся в области разработки попутного газа на суше и компания «Рувайс фертилайзер Индастриз Лтд.» – ФЕРТИЛ, специализирующаяся на производстве минеральных удобрений. Обладателем их контрольных пакетов акций является АДНОК. Доля участия государства является преобладающей в АДКО, доля участия АДНОК составляет 51% в АДГАЗ, 60% в АДМА–ОПКО, 68% в ГАЗКО, 66,6% в ФЕРТИЛ. В нефтегазовой промышленности эмирата функционирует и множество других организаций, осуществляющих деятельность главным образом на условиях подрядных соглашений и контрактов на оказание услуг (сервисных контрактов).

В Абу–Даби, как отмечалось выше, уже с первой половины 1960–х гг. развитию и использованию ресурсов природного газа стало уделяться повышенное внимание. Главные программы, осуществляемые в этой области, сконцентрированы на утилизации и переработке газа, сжижении газа и увеличении мощностей по его экспорту. В прошедшие годы были осуществлены многочисленные новые проекты, связанные с разработкой как попутного, так и других видов газа, что позволило существенно повысить объем коммерческих резервов газа в Абу–Даби. Политика АДНОК в области развития газовых ресурсов с самого начала была направлена на предотвращение потерь природного газа, максимальное обеспечение потребностей в газе местной энергетики и других отраслей промышленности, развитие производства сжиженного природного газа (СПГ) и попутного нефтяного газа для экспорта. В этой связи выделяются два главных направления в деятельности компании АДНОК.

Первое – это сбор и утилизация попутного газа, вырабатываемого в ходе добычи сырой нефти на суше и на континентальном шельфе. В этих целях было сооружено большое количество мощностей по утилизации и переработке газа вместе с системами сбора газа и необходимыми трубопроводными сетями, что обеспечило решение проблемы выделения и регенерации добываемого газа. Второе направление – это создание и расширение системы коллекторов и газохранилищ, направленное на обеспечение стабилизации газоснабжения для нужд местных предприятий и проектов, ориентированных на экспорт. Согласно дальнейшим планам развития отрасли постоянно ведется сооружение новых предприятий и трубопроводов. Попутный нефтяной газ, в первую очередь с наземных месторождений, в настоящее время подается в расширенную газособирающую систему Абу–Даби для снабжения предприятий по его ректификации и фракционированию, а сухой природный газ направляется непосредственно в качестве топлива на электростанции, предприятия по опреснению воды, на комплекс по производству удобрений в Рувайсе. В дополнение к этому, когда в 1985 г. началось осуществление проекта по подаче газа в газохранилище Тамама С в Хабшане (проект направлен на утилизацию избыточного газа с предприятия Тамама С, этот газ нагнетается в резервуары хранилища для повышения давления и производства окончательной ректификации газом жидких углеводородов), были введены в строй мощности по рециркуляции газа с предприятий компании ГАЗКО в газохранилища компании АДКО.

В связи с разработками минерального сырья на шельфе, в 1988 г. завершилась программа развития газодобычи на месторождении Умм Шарф. На территории этого месторождения были сооружены две морские буровые платформы с мощностью добычи по 150 млн. куб. футов в день каждая и две нагнетательные морские платформы для сбора и перекачки газа, технологически подключенные к системе суперкомплекса Умм Шарф. Отсюда часть газа перекачивается в хранилище Увейнат для повышения давления, но в любом необходимом случае, при нехватке на основном газоперерабатывающем заводе (ГПЗ), газ может быть перенаправлен туда. На месторождении Нижний Закум кампания АДМА–ОПКО в 1990 г. ввела в действие (после реконструкции) завод компании АДНОК по сбору газа – для предотвращения потерь и обеспечения дополнительного производства попутного газа, полученного в результате роста нефтедобычи. Завод, предназначен для сбора, сжатия и перекачки 250 млн. куб. футов газа в день на предприятие по сжижению природного газа, находящееся на острове Дас, через трубопроводную систему суперкомплекса Умм Шарф. В настоящее; время особым приоритетом является дальнейшее развитие производства прочих видов газа (помимо попутного) как на суше, так и на континентальном шельфе. В марте 1993 г. АДНОК предоставила консорциуму, возглавляемому американской компанией «Бехтель», контракт на сооружение комплекса производств по утилизации и переработке газоконденсата, получаемого с месторождения Тамама, где газ залегает в

нефтеносных образованиях группы участков Баб, разрабатываемой на суше. Стоимость данного контракта оценивается в 1 млрд. 35 млн. долл., а работы над проектом – в 3 года по времени. Предполагается, что проект обеспечит утилизацию 70 тыс. бар/день газоконденсата и жидких газопродуктов, преимущественно из сырого газа, поставляемого с газохранилища Тамама Ф.

Проект в Бабе включает развитие трех газохранилищ: Тамама Ф, Тамама С и Тамама Б. Из хранилища Тамама Ф 650 млн. куб. футов сырого газа в день будет перегоняться для выработки конденсата и сырья жидких газопродуктов, а также газа с уменьшенным содержанием серы (последний будет закачиваться назад в хранилище Ф). Из газохранилища Тамама С (которое уже дает около 450 млн. куб. футов в день газа для топливного снабжения местной промышленности и коммунальной сферы) всего должно производиться 460 млн. куб. футов газа в день. Из газохранилища Тамама Б – 375 млн. куб. футов в день попутного газа. Конденсат должен транспортироваться на очистные предприятия в Рувайсе, а сухой природный газ будет использоваться в коммунальном снабжении. Проект также включает сооружение завода по выделению серы, мощностей по переработке конденсата, отделению кислого газа, дегидратации газа и переработке жидких газопродуктов.

Новый импульс разработке газовых ресурсов континентального шельфа Абу–Даби намечается придать с помощью развития газовых залежей Кхафф, обнаруженных под месторождением нефти Абу Аль–Бакхуш, находящемся в 45 км к северо–востоку от острова Дас.

Эта программа предусматривает монтаж пяти буровых платформ и вспомогательных трубопроводов, включая подводные, центральной производственной платформы, предназначенной для сепарации и осушения газа, а также десульфуризации конденсата, монтаж платформы для сжигания отходов. Производство предназначено для выделения и переработки газа и попутного конденсата при проектной мощности в 250 млн. куб. футов в день, в течение двадцатилетнего периода (с 1992 по 2012 гг.).

Производство газа на континентальном шельфе Абу–Даби наращивается также за счет работ на месторождении Умм Шарф, где увеличивается добыча газа для удовлетворения потребностей расширяемого предприятия по производству СПГ на острове Дас. Проект стоимостью в 350 млн. долл. включает монтаж пяти новых технологических платформ, четырех для сбора газа и одной для временного хранения и перекачки, вместе с новыми трубопроводами по подаче газа.

Государственная уполномоченная нефтяная компания Абу–Даби АДНОК располагает газоперерабатывающими заводами, находящимися в ее полной собственности и, как отмечалось, двумя СП, учрежденными вместе с иностранными партнерами с целью создания двух крупнейших газоперерабатывающих комплексов.

Двумя собственными ГПЗ компании АДНОК, функционирующими под непосредственным управлением компании, являются предприятия, ассо-

циированные с газохранилищами Тамама – ГПЗ под названием Тамама Ф и Тамама С, оба в зоне Хабшан месторождения Баб. Мощности завода Тамама Ф рассчитаны на переработку 250 млн. куб. футов в день природного газа, поступающего с хранилища Тамама Ф. ГПЗ Тамама С рассчитан на переработку 450 млн. куб. футов в день сырья с хранилища Тамама С и производство 375 млн. куб. футов в день нейтрального осушенного газа, 4,5 тыс. бар./день жидких газопродуктов, 26 тыс. бар./день стабилизированного конденсата и 800 тонн (т) в день серы. Третий ГПЗ, строящийся на площадях Тамама С, рассчитан на проектную мощность в 320 млн. куб. футов газа в день и ориентирован на переработку дополнительных количеств газа с зоны Хабшан месторождения Баб [8, т. 13, №3, 1995, сс. 180–182].

Два крупнейших СП газовой отрасли Абу–Даби – это отмеченные выше компании АДГАЗ и ГАЗКО. Они были созданы АДНОК в рамках проводимой эмиратом политики в области недропользования, согласно которой, обусловленная определенными основаниями часть деятельности АДНОК может осуществляться в кооперации со специализированными иностранными партнерами (в соответствии со Ст. 6 Закона № 4).

АДГАЗ, компания Абу–Даби по сжижению газа, специализируется на производстве и экспорте СПГ, сжиженного попутного нефтяного газа (СНГ), пентанов и других тяжелых углеводородов, входящих в состав бензина, на заводе компании на острове Дас в 100 милях к северо–западу от города Абу–Даби. Распределение акционерного капитала АДГАЗ следующее: 51% – АДНОК, 16 и 1/3% – «Бритиш Петролеум,» 8 и 1/6% – «Компани Франсез де Петролез» (Тоталь, Франция), 24,5% – «Митцуи Груп» (Япония). В свое время АДГАЗ была перерегистрирована и переведена в Абу–Даби (для правительства эмирата это считалось вопросом политического авторитета), в соответствии с Законом Эмирата Абу–Даби № 2 от 1977 г. Перерегистрация была осуществлена для последующего приобретения всех активов одноименной компании–предшественника, учрежденной в 1972 г. на Бермудах с тем же составом акционеров. Активы и пассивы последней перешли к АДГАЗ 27 апреля 1977 г. Когда в 1977 г. новое предприятие начало функционировать, стали производиться поставки в Японию партий СПГ и СНГ для «Токио Электрик Пауэр Компани Инк.» (ТЕПКО). С его выходом на полную мощность, предприятие АДГАЗ превратилось в наиболее комплексное из числа существующих в мире ГПЗ. ГПЗ АДГАЗ оснащен одиннадцатью технологическими установками с широкими диапазонами давления и газогенерирования. Имеются две идентичные технологические линии, функционирующие параллельно, что позволяет вести ремонт оборудования без остановки производственного процесса, в безопасных условиях. Производительность двух технологических линий по сжижению газа составляет (т в год): 2230 тыс. СПГ, 650 тыс. пропана, 420 тыс. бутана, 320 тыс. пентанов.

Обеспечение сбора газа и снабжение газом осуществляется в соответствии с положениями Закона № 4, приведенного выше – АДНОК высту-

пает в качестве распорядителя всех принадлежащих эмирату газовых резервов. Одним из следствий проведения в жизнь данного закона стала деятельность АДНОК по снабжению газом с морских месторождений компании АДГАЗ. АДГАЗ получает газ преимущественно с морских месторождений нефти Умм Шарф и Закум. Объем этих поставок зависит от добычи сырой нефти и не планируется жестко, так как это экономически нецелесообразно. Обычно планируются поставки нефти, а попутный газ включается в контракты, выполняемые по мере его поступления. В дополнение поставляется природный газ, поступающий со скважин месторождения Увейнат.

Мощности по сбору газа и его поставкам на данный газоперерабатывающий комплекс эксплуатируются компанией АДМА–ОПКО, которая выступает в качестве основной операционной компании в области разведки и разработки жидких углеводородов на шельфе Абу–Даби. АДМА–ОПКО на 60% находится в собственности АДНОК, 14 и 1/3% акционерного капитала принадлежит «Бритиш Петролеум», 13 и 1/3% – «Тоталь», 12% – «Джапан Ойл Девелопмент Компани.» Первоначально сооружение этих технологических установок и трубопроводов осуществлялось компанией «Абу Даби Марин Эриас Лимитед» (АДМА Лтд.), после чего они перешли в собственность АДНОК и АДМА Лтд., а затем в полную собственность АДНОК, в связи с выходом на проектную мощность, и было продолжено сооружение добавочных технологических установок.

Компания АДГАЗ производит платежи АДНОК и АДМА–ОПКО за использование мощностей по сбору газа и платежи АДНОК за поставки исходного газового сырья на предприятие по производству СПГ. Данная схема взаимоотношений предусмотрена Соглашением о газоснабжении от 28 июня 1973 г. между АДНОК, «Бритиш Петролеум (Абу–Даби) Лимитед», «Тоталь», компанией–предшественником и АДМА Лтд., Дополнительным соглашением от 29 декабря между этими же сторонами и АДМА–ОПКО, а также Соглашением о газовом оборудовании и платежах за газ от 29 декабря 1977 г. между АДНОК, АДГАЗ и АДМА–ОПКО.

Особенности акционерного обеспечения проекта на острове Дас состоят в том, что возникшая еще в конце 60–х гг. идея его осуществления воплотилась в рамках учрежденного в 1971 г. совместного предприятия, где партнерами выступили: с одной стороны – японская компания «Митцуи Гэз», с другой – две нефтяные компании, функционирующие в тот период в основных концессионных зонах эмирата – «Тоталь» и «Бритиш Петролеум» (последняя была назначена общим координатором проекта). Участники этого СП, совместно с АДНОК, стали в марте 1973 г. акционерами компании–предшественника.

Практика продаж компании АДГАЗ связана с подписанными в декабре 1972 г. Основными положениями Соглашения между компаниями, участвовавшими в проекте на том этапе (перечисленными выше) и ТЕПКО. Основные положения закрепляли намерение сторон вступить в официальное соглашение о поставках на условиях СИФ в Токийский залив

около 2057 тыс. т СПГ и 800 тыс. т СНГ ежегодно вплоть до окончания 1995 г. Согласно меморандуму соглашения от 8 апреля 1976 г., сторонами–участниками Основных положений Соглашения с этой даты становились ТЕПКО и компания–предшественник, базировавшаяся на Бермудах.

После перевода компании–предшественника в Абу–Даби АДГАЗ заменил эту компанию, как сторону – Участника Основных положений Соглашения, а вместо прежних контрактов по продажам СПГ, стороны – Участники стали функционировать в рамках Основных положений, время от времени подвергавшихся корректировке (при этом сохранились все главные положения контрактов на поставку и продажи СНГ и СПГ). Стабильность взаимоотношений сторон, подтвердившаяся за длительный период, сняла необходимость заключения какого–либо нового всеобъемлющего соглашения вплоть до начала 1990–х гг.

Проблемы транспортировки продукции, использования танкерного флота решались согласно двум соглашениям о фрахтовании между АДГАЗ и Компанией по морским перевозкам сжиженного газа – ЛДЖСК, учрежденной на Бермудах с соответствующим акционерным участием АДДГАЗ (от 28 июня 1973 г.). Каждое из применяемых текущих операционных соглашений (ТОС) обязывает ЛДЖСК произвести загрузку и перевозку в Токийский залив для компании ТЕПКО СНГ и СПГ в количествах, не меньших, чем обусловленные в торговых контрактах, заключенных с ТЕПКО. По каждому ТОС АДГАЗ обязуется выплачивать общую стоимость фрахта, выполненного для ЛДЖСК, а в отношении СНГ и дополнительных расходов, связанных с превышением контрактных объемов перевозки (в метрических тоннах).

В настоящее время на очереди стоит ряд новых проектов, направленных на увеличение производства: АДГАЗ вошла в проект по удвоению мощностей предприятия на острове Дас через введение в строй третьей технологической линии. Проектная мощность линии составляет 2,3 млн. т СПГ и 250 тыс. т СНГ в год, а сырье будет состоять как из попутного газа с месторождений Умм Шарф и Закум, так и из других видов газа с месторождений Умм Шарф и Абу Аль–Бакхуш. Основным подрядчиком по этому проекту назначена японская компания «Киода Кемикл, Энжиниринг энд Констракшн».

Все дополнительные объемы произведенного газа будут закупаться ТЕПКО, которая 15 октября 1990 г. заключила с АДГАЗ новые, введенные в действие с 1994 г., Основные положения Соглашения, предусматривающие увеличение закупок до 4,3 млн. т СПГ и 750 тыс. т СНГ в год. В связи с новыми Основными положениями, в октябре 1993 г. было подписано детализированное Соглашение о закупках между АДГАЗ и ТЕПКО.

АДГАЗ подвергается налогообложению согласно налоговому режиму для газовой промышленности Абу–Даби, в данном случае налоговый режим регламентируется специальным Предписанием Департамента нефтяных ресурсов правительства. Интересно, что операции компании АДГАЗ имеют существенно высокую рентабельность. В этом плане пока-

зателен отчет по итогам деятельности компании АДГАЗ, представленный в 1992 году, согласно которому, годовой оборот составил в 1991 г. 850 млн. долл. за счет производства и продажи 4,4 млн. т. СПГ, СНГ и пентанов для выработки бензина. Данный рекордный уровень оборота был достигнут вопреки нестабильности и колебаниям рынка, которыми характеризовалась ситуация после войны в регионе Персидского залива.

Другой проект, проект, связанный с компанией ГАЗКО, был предпринят для разработки природного газа на шельфовых месторождениях и использования компонентов СНГ и нефти, как важнейших нефтепродуктов, востребуемых на мировом рынке. После сбора газа на месторождениях Бу Хаса, Асаб, Баб и Сахил осуществляется его переработка на находящихся там же трех предприятиях. Жидкие газопродукты отделяются и перекачиваются по трубопроводным системам на расстояние в 220 км в Рувайс, где построено предприятие по фракционированию для окончательного отделения СНГ и пентанов. Коммерческую продукцию этот завод поставляет начиная с февраля 1982 г., мощность составляет 4,75 млн. т готовой продукции в год, из них 1,22 млн. т качественного коммерческого пропана, 1,41 млн. т бутана и 2,12 млн. т пентанов. Из Рувайса продукция отгружается на экспорт в новом морском порту.

Для осуществления данного проекта в Абу–Даби посредством соглашения о создании СП от июля 1978 г. была учреждена компания ГАЗКО, контролируемая АДНОК, владеющей 68–ми процентной долей капитала в ассоциации с «Тоталь», «Шелл» (имеющими по 15%) и «Партекс» (2%), определенными как Участники. Срок функционирования проекта (и компании) по соглашению определен в 30 лет с даты учреждения.

Указанное соглашение об СП дополняется рядом соглашений, которые включают Соглашение о поставках газа и Соглашение о переработке и выпуске продукции. В соответствии с Соглашением о поставках, компания АДНОК периодически снабжает каждого Участника Соглашения газом, добываемым на месторождениях эмирата в количествах, пропорциональных доле Участника в создании перерабатывающих мощностей комплекса по производству СПГ и зависящих, во–первых, от реального наличия этих количеств, обусловленного объемами добычи сырой нефти; во–вторых, от потребностей в количествах газа, определяемых операционной компанией ОПКО с учетом обычной практики нормального функционирования добывающего звена отрасли.

Исходя из этих договоренностей, АДНОК, как собственник и поставщик газа, уполномочена регулировать платежные отношения. Важно, что сторона – Участник Соглашения, в случае, если ее текущий доход от операций за календарный год в рамках периода первых пяти лет с начала эксплуатации предприятия составляет меньше 25% ее доли в общем объеме инвестиций, от платежей за газ освобождается. Участник освобождается от платежей и в последующие годы, при обстоятельствах, когда означенный доход составляет менее 15%.

Цель Соглашения о переработке и выпуске продукции состоит в создании и поддержании в рабочем состоянии мощностей и оборудования, необходимых для переработки сырья, обеспечении Участников готовой продукцией и создании условий для проведения расчетов Участников Соглашения с ГАЗКО за предоставляемые услуги (как с операционной компанией, действующей от их имени и по поручению). Компании ГАЗКО покрываются ее операционные расходы – пропорционально доле в проекте каждого Участника Соглашения. Соглашение о переработке и выпуске продукции подробно регламентирует задачи Эксплуатационной программы ГАЗКО, методику расчета операционных издержек ГАЗКО, задачи Программы выпуска продукции. Обязанности по осуществлению маркетинга (продвижения на рынок) готовой продукции на ГАЗКО, функционирующую в качестве производственной агентской компании, не возлагаются. Маркетинг в данном случае входит в область ответственности Участников Соглашения по проекту, в пропорциях, соразмерных с их долями участия.

Основным рынком сбыта для АДНОК выступает Япония, где были достигнуты значительные успехи по установлению длительных контрактных взаимоотношений с надежной клиентурой и реализуется наибольшая часть продукции, приходящейся на долю АДНОК.

Так же, как и в отношении АДГАЗ, существует соответствующее Предписание Департамента нефтяных ресурсов правительства Абу–Даби от 12 декабря 1978 г., которое регламентирует налоговые взаимоотношения акционеров компании ГАЗКО с Правительством. Сама ГАЗКО не имеет прибыли, подлежащей обложению налогом, поскольку (в отличие от компании АДГАЗ) является операционной компанией, функционирующей от имени и по поручению акционеров и не осуществляющей реализацию собственной готовой продукции. Тем не менее, каждый акционер ГАЗКО, в соответствии с отмеченным Предписанием, выплачивает подоходный налог. В случае преобразования ГАЗКО в организацию, распределяющую собственную прибыль, она будет подлежать обложению налогом.

Компания ГАЗКО в совокупности с ее иностранными партнерами и персоналом стала своеобразной моделью стабильно функционирующего совместного предприятия, демонстрирующего высокие показатели эффективности. К 1992 г. компанией ГАЗКО были полностью погашены значительные по величине ссуды, предоставленные ей «Абу–Даби Инвестмент Осорити», специализированным кредитным агентством Эмирата Абу–Даби, в связи с чем ГАЗКО и ее акционеры выходят на значительное повышение прибыльности от операций.

В итоге, опыт построения и функционирования добывающего и перерабатывающего комплекса, рассмотренный в разрезе газовой отрасли одного из эмиратов ОАЭ, представляет собой воплощение на практике концепции «участия» – то есть освоения месторождений, организации переработки и сбыта национальными компаниями стран–продуцентов в сотрудничестве с компаниями стран–импортеров, выдвинутой руководящими кругами арабских стран–экспортеров нефти еще в конце 60–х – начале 70–

х гг. в качестве альтернативы полной национализации недропользования (см., напр., 9, сс. 66–75). Для арабских (как и целого ряда других) стран–экспортеров минерального сырья данная система, с ее законодательно–нормативным оформлением и организационно–корпоративной структурой, обеспечивает наиболее эффективный баланс сочетания интересов государства, представленного уполномоченными организациями с преобладанием государственного капитала, и разумно обоснованных интересов национальных частнокапиталистических и зарубежных компаний.

Это подтверждается устойчивым долгосрочным функционированием совместных проектов, основанных на концепции участия, достаточно стабильными показателями деятельности совместных предприятий и консорциумов, достигнутыми в арабских странах результатами в области становления и развития современного диверсифицированного комплекса добывающих и перерабатывающих отраслей, занявшего соответствующую нишу в системе международного разделения труда.

Ключевым звеном для введения организационной системы недропользования на базе концепции участия стали твердые политические и правовые шаги правящих кругов арабских стран–экспортеров, выразившиеся в законах и организационных решениях, сформировавших национального субъекта хозяйственно–договорных отношений требуемого типа недропользования. Создание специфических государственных органов управления и уполномоченных организаций, получивших права на освоение основной части месторождений и функционирующих в качестве основного национального партнера в соглашениях с иностранными компаниями, направило вектор разработок в сторону целей развития и хозяйственных программ стран–продуцентов углеводородного сырья. В частности, показателен приведенный выше Закон Эмирата Абу–Даби № 4 по режиму разработки газа, введенный властями в действие в 1976 г. без каких–либо колебаний, ввиду наилучшего закрепления интересов эмирата. В 70–е годы многие масштабные проекты, в том числе по газу, были осуществлены силами компании АДНОК без участия иностранных партнеров. В 1977 г. правительство Абу–Даби утвердило разработанные АДНОК, не подлежащие пересмотру базовые условия, на которых возможно заключение договоров об участии иностранных партнеров в этих совместных разработках. Как было заявлено, в случае непринятия утвержденных условий, эмират будет осуществлять запланированные проекты самостоятельно, в результате чего, после некоторого выжидания, иностранные компании включились в совместные проекты на условиях, выдвинутых Абу–Даби. Характерно, что в отличие от крупных транснациональных корпораций, другие технологически не хуже оснащенные компании, такие как японские, французские, как правило, более гибко реагировали на подходы стран продуцентов, включаясь в новые совместные проекты в кооперации с их национальными организациями.

Важным аспектом практики совместного с иностранным капиталом недропользования в арабских странах является более высокая заинтере-

сованность иностранных компаний в реализации местных национальных проектов ввиду участия в акционерном капитале, зависимости доходов участников от показателей деятельности предприятия как единого целого. Чисто иностранные компании–разработчики обычно болезненно реагируют на любые краткосрочные ухудшения конъюнктуры рынка. В соответствии с условиями соглашений о совместных предприятиях зарубежные участники, как отмечалось, берут на себя свою долю ответственности за обеспечение сбыта продукции на внешних рынках, что способствует стабильному функционированию предприятий. С другой стороны, для иностранных партнеров весьма благоприятны гибкие условия расчетов, увязываемые с реализацией акционером минимально приемлемого дохода на его инвестиции.

Функционирующая в Абу–Даби АДНОК имеет аналогичный механизм в отношении разработки нефти. Во всех странах ССАГПЗ и в других арабских странах–экспортерах нефти и минерального сырья других видов разработка осуществляется подобными организациями. В Саудовской Аравии ПЕТРОМИН, созданная в 1962 г., осуществляет все проекты по добыче и переработке минеральных ресурсов. Этой организации была предоставлена генеральная концессия на все перспективные площади страны. С 1964 г. помимо филиалов, полностью принадлежащих ПЕТРОМИН, учреждено множество дочерних компаний в области добычи, переработки и сбыта, в том числе с различным участием зарубежных партнеров, варьирующимся в пределах от 10 до 49%, среди которых компании по разведке, бурению, нефтеочистке, производству бензина, масел, строительству трубопроводов, терминалов, по танкерным перевозкам, сбытовые (10, т. II, № 8, 1980). Другой подобной корпорацией является САБИК – по развитию нефтехимии и производств, связанных с углеводородным сырьем.

Применяемая в арабских странах–экспортерах нефти система недропользования с ведущим участием государственного капитала в принципе подтвердила ее жизнеспособность и в обозримом будущем, очевидно, будет сохранена с некоторыми возможными модификациями. В условиях большей либерализации экономики перспективным является увеличение доли национального частного капитала в проектах, связанных с добычей и переработкой минерального сырья.

Совместные предприятия, судя по выступлениям и мнениям представителей правящих кругов и правительственных органов арабских стран, в особо высокой степени отвечают задаче приобретения технологического и хозяйственного опыта, так как, в отличие от концессий, национальные организации функционируют в кооперации со специализированными иностранными компаниями на всех стадиях производственно–сбытового процесса. Определенная экстенсивность развития экономики арабских стран–экспортеров нефти, недогрузка ряда производственных мощностей обусловлена, более всего, не высокой долей государственного капитала, а вообще узостью природно–ресурсной базы. Это продолжает

выступать серьезным доводом в пользу повышения роли местных перерабатывающих и взаимосвязанных производств.

Сейчас в странах ССАГПЗ изучается вопрос о предоставлении некоторых месторождений в разработку иностранным компаниям на условиях концессий. В Саудовской Аравии, как и в других странах региона Персидского залива, очень осторожно подходят к данной проблеме. В ОАЭ и Омане некоторые месторождения разрабатываются посредством модернизированных концессий. В Кувейте сама постановка вопроса правительством Кувейта встретила неприятие со стороны Национальной ассамблеи (11, т. 39, № 244, 1995, с. 24, № 246, 1995, с. 30; т. 41, № 29, 1997, сс. 9–17, № 35, 1997, с. 29). Имеется в виду привлечение иностранных компаний по крайне ограниченному числу участков и весьма ограниченным площадям без передачи права собственности на нефть и газ, то есть распределение прибыли исключительно в денежном выражении после реализации продукции, при четких механизмах контроля [11, т. 39, № 246, сс. 30–31, т. 41, № 35, с. 29]. Модернизированная концессия ОПЕК предусматривает прогрессивно–возрастающую шкалу налога с доходов – обычно от 55 до 85%, в зависимости от объема реализуемой продукции [12, №10, 1989, сс. 6–8, 15–23; 13, т. 23, № 3, 1995, сс. 235–243].

Поскольку достаточно мощная база собственной добывающей и перерабатывающей индустрии в рассматриваемых странах уже создана и постоянно развивается, параллельное использование ограниченных концессий в их модернизированном виде может дать дополнительный валютный доход и определенное снижение затрат, при том, что обеспечение сбыта организуется концессионерами.

1. «Нефть и капитал». М.
2. Р.Н. Андреасян, А.Д. Казюков. «ОПЕК в мире нефти». М., 1978.
3. А.М. Васильев. «Персидский залив в эпицентре бури». М., 1983.
4. А.Е. Примаков. «Персидский залив: нефть и монополии». М., 1983.
5. «Arab Law Quarterly» L.
6 « Arab Oil and Gas Directory.» Annual. Beirut.
7. «Нефть Африки и мировой энергетический кризис». М., 1976.
8. «Journal of Energy and Natural Resources Law.» L.
9. А.И. Яковлев. «Саудовская Аравия и Запад». М., 1982.
10. «OPEC Bulletin. Supplement». Vienna.
11. «Middle East Economic Digest». (MEED). L.
12. «БИКИ». Приложение. М.
13. «Energy Policy». Guildford.
14. «Kuwaiti Digest». Kuwait.
15. «Независимая газета». М. / «Сезон приватизации природных ресурсов: целесообразность массовой реализации соглашений о разделе продукции весьма сомнительна». «НГ», № 38, 05.03.98, с.4.

А.Ю.Журавлев

ИСЛАМСКИЙ БЭНКИНГ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Бытующая среди широкой публики трактовка исламской экономической доктрины в основном сводится к запрету на ссудный процент. Действительно, это – один из краеугольных камней экономической теории и практики ислама. Запрет на процент закреплен в самых сильных выражениях в Коране, где он приравнен к наиболее злостным грехам и осужден как прямой вызов Аллаху. Однако данный постулат не является изобретением магометанства. Ссужение денег ради прибыли осуждалось Аристотелем, Платоном, раннехристианской церковью. В Ветхом Завете также имеются неодобрительные высказывания по поводу данной практики. Среди самих арабов еще до Мухаммеда практиковались беспроцентные финансовые схемы, частично перешедшие в арсенал современных исламских банков. Вплоть до середины 16 в. в Англии закон запрещал взимание процента и трактовал его как ростовщичество. Однако в 1545 г. ростовщичество было определено как завышенная процентная ставка, а низкие ставки были «легализованы». Чуть позже, с подъемом торговых банков в континентальной Европе, там были приняты аналогичные акты. Иными словами, среди «народов Писания» последователи иудаизма и христианства в конце концов признали взимание процента моральным деянием. Только у третьей ветви, ислама, оно не считается таковым.

Надо сказать, что канонические тексты не приводят обоснований этого запрета, не считая общего указания на «несправедливость» процента. Поскольку последователи любой религии в принципе признают, что промысел божий не может быть постигнут скудным человеческим умом, данный догмат формально не нуждается в толковании. Прагматические соображения (да, вероятно, и обыкновенная пытливость) породили, однако, многочисленные попытки аргументировать эту кораническую максиму. Самое показательное при этом – основа предлагаемых доводов, лежащая в области этики. Именно в гармоничном сочетании морали и бизнеса следует видеть сущность экономики по–исламски, в которой запрет ссудного процента, называемого *риба,* – лишь одна из внешних форм регулирования отношений по поводу производства, распределения и потребления общественного продукта.

Заповеди, определяющие коммерческую и этическую стороны делового предприятия, разбросаны по множеству сур Корана, формулируются в других сакральных текстах, создавая отдельный большой раздел шариата, то есть мусульманского права.

Исламская экономика, плоть от плоти общего вероучения, имеет четкую социальную ориентацию. Иными словами, ислам ставит во главу угла не голую экономическую целесообразность, а обеспечение социальной справедливости результатов хозяйственной деятельности, с одной стороны, и нравственность методов этой деятельности, с другой. То, что макроэкономические агрегаты несовершенны как инструмент определения не «среднестатистического» уровня развития, а его реального измерения, неохотно признает и традиционная экономическая наука. Акцент, который делает исламская экономика на качественных параметрах, заставляет ее оппонентов признать, что исламский подход к процессу экономического развития – это подход гуманистический, фокусирующий внимание на человеческом измерении данного процесса.

В то же время, нет ничего общего между исламской социально–экономической доктриной и воззрениями в духе марксова социализма. Также, в отличие от древнейших ветвей христианства, ислам не трактует бедность как патентованное средство для попадания в райские кущи, хотя эта религия в равной степени отрицательно относится как к уравнительному распределению доходов и богатства, так и к резкой поляризации этого распределения.

Ислам – религия коммерческая до мозга костей. Если Христос изгонял торгующих из храма, то, с точки зрения мусульманина, совершенно нормально воспринимается, когда одно здание делят мечеть и бакалейный магазин. Отдача всех сил достижению собственного материального благополучия, благополучия семьи, а затем и общества благочестива так же, как и молитва, при условии, что материальные усилия направляются высокодуховными помыслами. Поэтому, по шариату, нет толку в человеке, не желающем зарабатывать деньги, занимаясь производительной деятельностью. Отсюда – уважение к частной собственности и к праву на ее защиту.

В этом плане просто напрашивается аналогия с тем, что говорит в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер: трудолюбие, бережливость и честность есть единственно допустимые методы зарабатывания денег «при избегании жизненных соблазнов»; при соблюдении данной этической установки желание заработать как можно больше денег нормально и поощряемо. (Показательно, что русское православие за тысячу лет своего существования не сформулировало позитивного «кодекса поведения», освящающего хозяйственную сферу. Может быть, отсюда берет свое начало, в частности, российский хрестоматийный трудовой нигилизм, стремление отнять и поделить и желание пустить «красного петуха» зажиточному соседу.)

Точно также, ислам пропагандирует умеренность и бережливость. Траты, намного превосходящие реальные потребности, тем более траты на дела бесчестные или незаконные, считаются нарушением божественного завета. Одновременно запрещаются монополия, тезаврация и всяче-

ски поощряется деловая предприимчивость, честная конкуренция, фритредерство, транспарентность бизнеса.

Впрочем, «суха теория». Известно, что, в отличие от христианства, ислам через шариат в большей степени делает упор не на ортодоксии, или, в данном контексте, истовой религиозности, а на ортопраксисе, то есть внешнем соблюдении нормативной манеры поведения. Поэтому, «по жизни», пользуясь популярной ныне формулировкой, было бы наивным утверждать, что в мусульманских странах досконально исполняются не то чтобы коммерческие, но даже и сами культовые предписания. Конечно, в пропорциональном отношении мусульман, воспринимающих наставления своей религии значительно серьезней, нежели мы – Нагорную проповедь, существенно больше. Это подтвердит практически всякий, кто, находясь, к примеру, на Ближнем Востоке, забывал в магазине бумажник, терял в гостинице фамильные драгоценности или оставлял незапертую машину с ключами в замке зажигания посреди городского рынка.

Однако трансляция постулатов шариата в сферу реальной экономики имеет весьма ограниченные практические последствия. С одной стороны, массовая институционализация доктринальных положений, можно сказать, не имеет места. С другой, экономическая активность, построенная на исламских принципах, и не может в полной мере проявить свой потенциал вне адекватной среды, то есть исламского государства, причем исламского не по признаку религиозной принадлежности правителей и большей части подданных, а по укладу всех областей жизни. Сегодня государств, в той или иной мере отвечающих этому определению, в мире три: Иран, Пакистан, Судан. Во всех остальных странах мусульманского мира, будь то в Азии, Африке или Европе, функционируют экономические модели, так или иначе ассоциирующиеся с капитализмом или социализмом (при всей сегодняшней абстрактности этих терминов).

Как и у Адама Смита, основные инструменты построения и регулирования исламской экономики вытекают из ее общей теории процента и денег. В исламе деньги представляют собой средство платежа, что и считается их единственной допустимой функцией. Мусульманскими учеными они рассматриваются лишь как «капитал в себе», или как некая «оболочка», заключающая в себе потенциал превращения в «деньги–штрих». Он раскрывается только в итоге прохождения денег через цикл производительного вложения. Для этого, однако, деньги не должны быть авансированы на условиях платности, поскольку тогда они квалифицируются как обременяющий предприятие долг, а не капитал, и посему не могут претендовать на возврат с приростом. Иными словами, деньги не могут использоваться для создания средства платежа с большей покупательной способностью, не пройдя промежуточную фазу превращения в приобретаемые товары и услуги. Циркуляция по известной схеме $Д – Т – Д'$ одобряется и поощряется, в то время как эволюция по формуле $Д – Д'$ осуждается и табуируется.

В согласии с этим взглядом, банки (поскольку они, в частности, не предоставляют овердрафта по текущим счетам, и все займы выдаются ими из наличествующих средств вкладчиков) перестают быть генератором «кредитных денег». Соответственно, не происходит увеличения предложения денег сверх стоимости совокупного объема произведенных товаров и услуг, известное также как инфляция. Однако, если нулевая инфляция пагубна для экономики западного образца, то исламская хозяйственная модель, напротив, отвергая инфляцию как способ стимулирования хозяйственной системы, способна эффективней функционировать именно в ее отсутствие.

Если роль денег, насколько ее возможно проиллюстрировать в нескольких строках, находится в связи не только с этическими требованиями доктрины, но и логично и действенно вписывается в исламский хозяйственный механизм, то в отношении процента позиция «исламской школы» не столь безупречна. При том, что обоснования запрещения процента довольно многочисленны и не лишены внутренней стройности, открытым остается вопрос, что может сыграть его регулирующую роль в рамках экономики ислама. Наиболее распространенное сегодня предложение – участие центрального банка в капитале всех банковских институтов страны и регулирование количество денег в хозяйственном обороте с помощью изменения пропорции, в которой делятся прибыли и убытки партнеров в капитале (некий аналог учетной ставки). Разновидностью этой идеи является предположение, что рыночный механизм приведет к установлению пороговых значений такого деления по всем основным секторам экономики, побуждая капитал перетекать туда, где для его владельца пропорция оказывается более выгодной.

Между тем, практический опыт, например, Ирана, подводит к заключению, что исламские заменители процента неработоспособны. В том числе, это выявляется при попытке найти пути финансирования бюджетного дефицита. Правда, по мнению ряда исламских экономистов, это не представляет собой непреодолимой трудности для исламского государства даже в отсутствие ссудного процента. Однако предлагаемые ими рецепты, как беспроцентное заимствование у коммерческих и центрального банка с соблюдением безопасных параметров увеличения денежной массы и заимствование у населения возможны, по собственному признанию авторов, только на основе внеэкономической мотивации. Очевидно, что апелляция к гражданской совести может быть действенной только на ограниченном временном отрезке, и не ясно, как следует вести себя государству, если оно оказывается не в состоянии следовать верной, но далеко не всегда выполнимой рекомендации – сдерживать свои расходы. Последнего тем более сложно достигнуть, коль скоро на него (государство) исламские экономисты возлагают обязанность поддержания всего социального комплекса. И весьма характерно, что в самых крайних обстоятельствах признается допустимым прибегать к внешним процентным кре-

дитам, хоть и с оговоркой о желательности строить отношениях с иностранным капиталом на основе прямых инвестиций.

Таким образом, запрет *риба* жестко ограничивает арсенал средств управления бюджетным дефицитом, имеющийся в распоряжении исламского государства. И если считать, что технология этого процесса, опирающаяся на исламский финансовый инструментарий, разработана, она есть скорее часть теории, нежели практики.

А вот на практике существуют два варианта выхода из ситуации: или иметь бездефицитный бюджет, или найти богословское обоснование применению заимствования и разработать схему, внешне не нарушающую заданных этических нормативов экономического поведения. Примеры из практики существующей тройки исламских государств свидетельствуют о большем распространении второго варианта.

Поскольку, как известно, критерием истинности теории является практика, приходится согласиться, что исламская экономическая модель, обладая внутренней стройностью и логикой, работоспособна скорее в кабинетных, нежели «полевых» условиях. В то же время признается, что, не будучи в состоянии раскрыть свой макроэкономический потенциал в рамках современной глобальной экономики, она вполне применима на микроуровне. Данное положение подтверждается бурным развитием исламского сегмента международного банковского бизнеса. Тогда как государств с полностью перестроенной на исламский лад экономикой меньше, чем пальцев на одной руке, число исламских банков, работающих в более чем 30 странах, уже перевалило за 150. Они располагают капиталом в 7 млрд. долл. и активами в 140 млрд. долл. (в 1975 г. активы составляли лишь 5,8 долл.). По оценке Ситибэнк, совокупный объем денежных средств, управление которыми осуществляется на исламский лад, ежегодно увеличивается на 15–20 процентов. Общий географический ареал – все континенты, за исключением Южной Америки и Антарктиды.

Следует подчеркнуть, что сам факт умножения и распространения этих банков – результат не только и не столько идеологических, но финансово–экономических свойств предлагаемых ими продуктов. Недаром такие известные организации, как Ситибэнк, АБН–Амро, «Флемингз», «Кляйнворт Бенсон» в последние два–три года вышли на рынок с предложением исламских банковско–финансовых услуг (первый исламский банк, «Исламик Бэнкинг Систем», ныне именуемый «Исламик Файнэнс Хаус», появился на Западе в 1978 г.). Очевидно, в текущем году этот список пополнит и Россия. И авторство замысла, и, согласно последним данным, состав учредителей – чисто отечественные.

Да, мусульманские теоретики отводят банковским институтам роль «передового отряда», или, если угодно, «коллективного агитатора» в деле создания жизнеспособной исламской экономики. Однако не стоит забывать о мусульманском ортопраксисе. В свете этого более важно то, что для исламских финансистов–практиков в широком плане реальную роль играют прежде всего соображения не идеологические, а коммерческие.

Поэтому, при соблюдении нормативных доктринальных требований, в массе своей они видят задачу в том, чтобы, не поступаясь принципами, создавать прибыль прежде всего за счет разработки конкурентоспособных продуктов и услуг, которые были бы привлекательны для клиентов как таковые, а не из–за своей теологической «упаковки».

При том, что выбор продуктов и услуг в исламских финансовых учреждениях становится все шире и технологичней, два столпа исламского банковского дела – *мудараба* и *мушарака* – остаются неизменными.

Мудараба есть форма отношений между владельцем денег и пользователем денег. Согласно шариату, при любых обстоятельствах они есть отношения не кредитора и должника (стороны, диктующей условия, и стороны подчиненной), а отношения инвестора и управляющего инвестиционным ресурсом. Для банка это, с одной стороны, порядок взаимосвязей с его вкладчиками, а с другой стороны, – с клиентами–заемщиками. То есть, в отношении первых, будь то физические или юридические лица, кредитные институты или предприятия нефинансового профиля, банк действует как *мудариб,* или трастовый управляющий, стремящийся к получению прибыли на вверенную ему сумму. Для заемщика же он – *рабб–уль–маль* (буквально – «хозяин финансов»), а уже ссудополучатель наделяется функцией *мудариба.*

Одновременно отношения в микросистеме «вкладчик/банк/заемщик» есть контракт об участии в капитале, прибылях и убытках, обозначаемый как *мушарака* (дословно – партнерство, участие). *Мушарака* определяет структуру капитала банка и схожа со знакомыми нам организационно–правовыми формами товарищества и акционерного общества. Отличие в том, что, поскольку от прибыльности банка зависит величина не только дохода акционеров, но и держателей вкладов, интересы первых и вторых не конфликтуют – что, кстати, идет вразрез со стандартной ситуацией в кредитном институте западного типа. Точно такая же схема предписана шариатом при удовлетворении заявки ссудополучателя, только банк и клиент как бы меняются местами.

Слов нет, исламская система более обременительна для банка в сравнении с традиционной, но создает ряд преимуществ для клиента. Поскольку исламский бэнкинг стоит на перекрестии морали и бизнеса, отношения между банком и клиентом носят более близкий, как бы «семейный» характер. Как коммерческое учреждение, банк имеет своей целью прибыль, но прибыль не любой ценой, в том числе ценой разорения клиента, который не сумел выполнить свои обязательства по возврату полученной ссуды. Руководствуясь моралью, банк обязан дать должнику отсрочку и возможность восстановить свою платежеспособность и лишь потом претендовать на возврат авансированной суммы. При этом ему, возможно, придется разделить с клиентом не прибыль, а убыток, без права на возмещение потерь. Большинство теоретиков считает, что требовать в качестве компенсации за просрочку увеличения доли банка в прибыли, если

она все же получена при реализации профинансированной сделки, будет не по–исламски.

Поскольку расточительное обращение с ресурсами, их непроизводительное использование или иммобилизация осуждаются шариатом, исламская экономика через этический императив оказывает побудительное воздействие на сбережения и инвестиции, в чем решающую техническую роль, естественно, играют банки. При этом исламская финансовая модель благоприятствует развитию малого бизнеса. В обычной банковской системе критериями надежности кредитной операции являются прежде всего количественные показатели – сиюминутная кредитоспособность ссудополучателя и качество обеспечения займа. В результате, аккумулированные в банках совокупные денежные средства общества перераспределяются в пользу тех, кто уже находится на верхних ступенях имущественной лестницы. Это противоречит задаче справедливого распределения ресурсов и создания равных возможностей для проявления предпринимательских талантов членами общества, постулируемой шариатом. Исламскому банку вменяется при принятии кредитного решения производить не только технико–экономическую оценку клиентского запроса, но и исследовать сопряженные социальные обстоятельства и вероятные последствия, что, разумеется, не означает «зеленую улицу» для коммерчески бесперспективных проектов.

Суммируя, можно сказать, что в широком смысле исламский бэнкинг означает финансирование не с помощью ссудного, а с помощью рискового капитала. Для своего приращения последний должен принять на себя часть риска потери, «наградой» же за инвестирование должен быть не процент, а доля в прибыли. Таким образом шариат фиксирует свою позицию по поводу социальной значимости труда и справедливого вознаграждения активному (неспекулянту и нерантье) капиталу. При этом «человеческий капитал», представленный предпринимательским и управленческим талантом и усилиями, затраченными в ходе реализации проекта или сделки, приравнивается по значению к финансовому капиталу как монетизированному прошлому труду.

Несмотря на впечатляющие результаты, достигнутые исламским бэнкингом в своем деловом развитии, нерешенным остается целый ряд общих оперативных проблем внутреннего и внешнего порядка. К первым прежде всего относится то, что исламские финансовые институты не смогли до сих пор, и, по–видимому, не смогут в ближайшей перспективе «удлинить» свои активы. Данное обстоятельство идет вразрез с имевшимися ожиданиями, а именно, с тем, что короткое торговое финансирование по типу *мурабаха* (приобретение товара за свой счет и от своего имени с последующим удержанием с клиента издержек плюс заранее оговоренной суммы прибыли) будет потеснено «длинным» проектным финансированием в форме *мушарака.*

Поскольку до 90% сделок приходится на операции *мурабаха* (которые в целом ряде аспектов напоминают услуги обычных банков), снижается как пропагандистский эффект в пользу исламской экономической моде-

ли, так и коммерческая эффективность. Конечно, исламский банк несет неизмеримо большие риски, занимаясь непосредственной закупкой товара, приобретение которого клиентом он финансирует. Однако, если банковское руководство в состоянии нужным образом настроить свой религиозный совет (орган, существующий в каждом исламском финансовом учреждении для контроля соответствия сделок требованиям шариата), то элемент прибыли в конечной цене может быть установлен достаточно произвольно. Недаром сами банкиры признают, что в своих калькуляциях, по мере возможности, ориентируются на превалирующую рыночную ставку процента.

На низком уровне сохраняются и размеры исламских финансовых институтов с точки зрения их капитала. Крупнейшим сегодня является созданный в 1997 г. «Абу–Даби Исламик Бэнк» с уставным фондом в 272 млн. долл. Это позволяет ему претендовать разве что на место в конце восьмой сотни по списку *Top–1000* журнала «Бэнкер».

Трудности внешнего характера – это враждебная экономическая среда, отсутствие кредитора последней инстанции, неадекватная база профессиональной подготовки, дискриминационная налоговая система, облагающая дивиденды, но щадящая процентный доход. Очевидно, что в зонах действия мусульманской традиции шансов выжить у исламских банков больше. Однако даже в местах наибольшего распространения, как то: Бахрейн, Малайзия и ряд других, они представляют собой анклавное явление.

И все же не может не привлечь внимания тот факт, что по росту количественных и качественных показателей деятельности исламские банки в течение достаточного многих лет превосходят обычные банки. С этим согласен и Международный Валютный Фонд, еще в 1987 г. предпринявший исследование феномена исламского бэнкинга. В итоговом докладе отмечалось, что это – вполне жизнеспособная форма бизнеса, способная обеспечить эффективное распределение и потребление ресурсов тех обществ, где она реализуется. Показательно, что, согласно данному исследованию, исламские банки в силу особенностей своего modus operandi имеют пониженные в сравнении с обычными банками риски по разряду платежеспособности и ликвидности.

Так или иначе, исламские банки – свершившийся факт современной экономической жизни. Демонизация этого феномена под лозунгом борьбы с «исламской угрозой» контрпродуктивна, поскольку означала бы выталкивание с рынка добросовестного игрока, предлагающего потребителю альтернативные финансовые инструменты. Видеть же в них непременных финансовых союзников радикальных исламистов столь же вульгарно, как и утверждать, что квалификация бизнеса как «исламского», так и «неисламского» зависит от конечных политических и идеологических целей бизнесмена. В конце концов, следует давать возможность нормально функционировать добросовестным исламским финансовым институтам там, где их создание обусловлено коммерческим, но не политическим спросом. Что следует, очевидно, делать в отношении любой организации, не выходящей за отведенные ей законом рамки.

И.П.Иванова

РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В АРАБСКИХ СТРАНАХ В 90–Е ГОДЫ

Современные рыночные программы, предложенные Всемирным Банком и Международным Валютным Фондом, стали неотъемлемой частью экономической политики в арабском регионе в 90–е годы. Распространение рыночных преобразований в широком диапазоне от Магриба до Аравии связано прежде всего с общим кризисом этатизированных экономических систем, основанных на приоритете государственной монополии в механизме хозяйственного регулирования. Эти системы исторически формировались в арабских странах с разной хозяйственной специализацией и политической ориентацией, но особенно интенсивно в 60–70–е годы с приходом к власти национальных и революционных демократов в Египте, Алжире, Сирии и в других странах.

Первым проявлением кризиса этих систем стали провалы социалистических экспериментов в Египте, Тунисе, Алжире, оказавшихся на грани экономического банкротства. Резко ухудшилась ситуация во многих странах региона в середине 80–х годов в результате «обвала» цены нефти на мировом рынке, что привело к обострению финансового, в том числе и долгового кризиса.

В поисках путей выхода из кризиса арабские страны были вынуждены обратиться к рыночным реформам, которые в современных условиях после крушения социалистической системы и усилившейся пропаганды идеи капиталистического развития на принципах свободной рыночной экономики стали обязательным условием для получения новых кредитов и иностранной помощи в первую очередь в отношении стран – крупнейших должников, включая Египет, Алжир, Тунис, Марокко, Иорданию.

Схема рыночных преобразований, нацеленных на поэтапную трансформацию экономических структур, включает обширную программу мер, основанных на монетаристских предложениях по регулированию динамики совокупного спроса (его «сжатия») путем жесткой экономии, получившей название «шоковая терапия». Она превратилась в главный способ сокращения государственных расходов, в первую очередь гос. дотаций и субсидий, уменьшения бюджетного дефицита и борьбы с инфляцией. В целях финансовой стабилизации осуществляются также либерализация валютных и внешнеторговых операций, девальвация национальной валюты, введение рыночной системы ценообразования, изменение в кредитно–

банковской системе с широким привлечением частного национального и иностранного капиталов.

Последовательное и в полном объеме претворение в жизнь рыночных реформ уже на первом этапе для многих арабских стран оказалось чрезвычайно сложной и практически невозможной задачей не только по причинам обострения их внутриполитического и хозяйственного положения, но также ситуации в самом регионе. Замедление темпов рыночных преобразований и заметное отставание их выполнения в намеченные сроки было вызвано сохранением нестабильной и взрывоопасной ситуации в регионе, требующей от стран, вовлеченных в общий ближневосточный конфликт, региональные и локальные войны, большие затраты на нужды войны и обороны. В то же время с учетом международной значимости событий в арабскому региону, усиливающей внимание к их ходу со стороны разных заинтересованных сторон, политических коалиций и международных объединений, правительствам в ряде стран (в Египте, Иордании, Тунисе и др.) удалось воспользоваться политической конъюнктурой, заручиться поддержкой США и его союзников, списать таким образом часть своего внешнего долга, пролонгировать оплату оставшейся задолженности и получить в МВФ дополнительные кредиты, в том числе целевые для продолжения рыночных преобразований в этих странах.

Среди наиболее продвинутых в осуществлении финансовой стабилизации оказались разные по уровню экономического развития страны, включая Египет, Тунис, Марокко, Иорданию, Кувейт и Оман, которые объявили о завершении первого этапа рыночных реформ и переходе ко второму. Осуществление рыночных реформ в этих странах по трем основным направлениям (дерегулирование, демонополизация и приватизация) было нацелено на решение общей задачи – слом этатизированной системы и создание новых условий для ускорения капитализации и накопления денежного капитала, необходимого для обслуживания внешнего долга и нормализации хозяйственной жизни в установленный срок.

Реформирование экономики на первом этапе повсеместно затронуло в первую очередь перераспределительную сферу хозяйства, начиная с либерализации внешней торговли с целью стимулирования экспорта. Создание свободного валютного рынка и возобновление деятельности товарных и фондовых бирж ускорило процессы капитализации в арабской экономике. Реформы банковской системы обеспечили ограничение гос. монополии, что позволило привлечь частный и иностранный капиталы и увеличить их роль в оживлении инвестиционной деятельности. В новых инвестиционных кодексах, принятых в Египте, Тунисе, Марокко, Иордании, Омане предоставлены льготы иностранным инвесторам, им разрешена продажа акций до 49% общей суммы (в Омане – до 65%) [7; с. 9]. Владельцам предоставлены гарантии от национализации, упрощен перевод вложенных средств за границу, увеличен льготный период начала их деятельности, предоставлены льготные тарифы для пользования электроэнергией и водоснабжением [1; с. 7 36; с. 126 7; с. 9].

Общая тенденция приоритетного развития частного сектора наметилась в ходе рыночных реформ в Марокко, Тунисе, Иордании и Омане. Основной акцент в политике либерализации в Египте был сделан на развитие смешанных форм хозяйства с участием государства. Идея смешанной экономики сохраняется при корректировке экономической политики при Президенте Х.Мубараке. Госсектор продолжал играть ведущую роль в программе «Производственный Инфитах», нацеленной на подъем общественного производства. Только в критический момент для египетской экономики в начале 90–х годов была принята «Программа 1000 дней на период 1991/92–1993/94 гг.», в которой госсектор был уравнен в правах с частным сектором и окончательно открыт путь для ускорения приватизации государственных предприятий.

Выполнение этой программы завершило первый этап рыночных преобразований в Египте. Было объявлено о достижении финансовой стабилизации, отмеченной увеличением резервов инвалюты на счетах Центрального банка до 18 млрд. долл. Политика высоких процентных ставок (в банковских депозитах в нац. валюте они были увеличены с 9 до 17%) создала условия для насыщения рынка капиталом. В середине 90–х годов на счетах египетских банков были сосредоточены 139 млрд. ег. ф., из них 40 млрд. долл. на счетах в инвалюте [2; с. 175]. Египетский рынок, по мнению специалистов, оказался неспособным использовать скопившиеся средства в полном объеме и часть этих средств пришлось размещать за границей.

Египет также достиг заметных успехов в сокращении бюджетного дефицита. Имея большое отрицательное сальдо в 80–е годы, к середине 90–х годов египетский бюджет оказался практически сбалансированным. Во второй половине 90–х годов в Иордании и Кувейте бюджет также был сведен с положительным сальдо. Но этот результат в Кувейте не удалось закрепить. Падение цены на нефть в текущем году обусловило появление в бюджете на 1997/98 гг. отрицательного сальдо в размере 382 млн. долл. Устойчивый дефицит бюджета в Омане в период 90–х годов сохраняет тенденцию к росту, несмотря на то, что в пятилетнем плане экономического развития в этой стране предусмотрена задача сбалансирования доходной и расходной статей бюджета к 2000 г. [6; 27.02.1998].

При разной результативности решения текущих проблем, связанных с достижением финансовой стабилизации, в группе стран, завершивших первый этап рыночных преобразований, наметилась общая тенденция развития процессов капитализации их хозяйства. Импульсы, идущие от рыночных реформ, начиная со сферы распределения общественного продукта, оказали заметное влияние на структуру использования ВВП, включая государственное и частное потребление.

Несмотря на общие установки в программе финансовой стабилизации на сжатие потребительского спроса и сокращение государственных расходов, в арабских странах на первом этапе рыночных реформ преобладала тенденция роста суммарной доли потребления в ВВП.

Таблица 1

Доля потребления в ВВП

	государственное		частное		Суммарное	
	1980 г.	1994 г.	1980г.	1994 г.	1980 г.	1994 г.
Египет	16	14	69	81	85	94
Кувейт	11	37	31	41	42	78
Оман	25	39	28	33	53	72
Марокко	18	17	68	68	86	85
Тунис	14	16	62	62	76	78

Подсчитано по: [8; с. 177–179]

Самый заметный рост этого показателя был отмечен в Кувейте (с 42 до 78%) и Омане (с 53 до 72% ВВП). Совокупный прирост потребления в Кувейте обусловлен трехкратным увеличением государственных расходов в большой степени на оборону и вооружение. Расширение частного потребления также способствовало итоговому росту общего показателя. При росте государственных расходов в Омане, отчасти под воздействием увеличения расходов на обслуживание внешнего долга, достигшего 31% ВВП, удельный вес частного потребления оказался меньше доли государственного потребления.

В египетской экономике, напротив, главным фактором роста потребления становится частное потребление при незначительном сокращении доли государственного. Уменьшение показателя последнего в данном случае связано с сокращением субсидий, частично военных расходов, при неизменном росте зарплаты в государственном аппарате, более значительном сокращении валовых государственных капвложений и в результате «списания» части внешнего долга, доля которого сократилась с 75 до 66% к ВВП в 1996 г. [4; 20.05.96]. Рост доли частного потребления в Египте оказался бóльшим по сравнению с сокращением государственных расходов и является таким образом многофакторным явлением, обусловленным не только сокращением удельного веса государственного потребления, а скорее производным комплекса факторов демографического, экономического и социального порядка. Расширение общего потребления в египетской экономике до 94% ВВП объясняется особенностями процессов капитализации в специфических условиях рыночных преобразований с появлением дополнительных способов обогащения в сфере торгово–спекулятивной деятельности и черного бизнеса, формированием новых сословий, ростом их доходов и импортных запросов, престижных трат и демонстрационного эффекта.

На первом этапе рыночных реформ в Тунисе удалось стабилизировать долю частного потребления на уровне 62% по сравнению с 81% ВВП в Египте. При небольшом росте удельного веса государственных расходов

в тунисской экономике сохранилась тенденция роста показателя общего потребления, а итогового «сжатия спроса» не достигнуть не удалось.

Только в Марокко был приостановлен рост потребления путем стабилизации частного потребления на уровне 68% ВВП и сокращения государственных расходов на потребление до 17%. Сохранение этого показателя на уровне выше, чем в Египте и Тунисе, вероятно, обусловлено необходимостью увеличения государственных расходов на обслуживание быстро растущего внешнего долга с 9,7 до 22,5 млрд. долл. в рассматриваемый период.

Во всех странах данной группы (особенно в Египте, Омане и Кувейте) отмечено сокращение показателя валовых внутренних сбережений. Только в Марокко продолжала расширяться база внутренних накоплений.

Таблица 2

Показатели нормы накопления в % к ВВП

	валовые внутренние сбережения		валовые капиталовложения	
	1980г.	1994г.	1980г.	1994г.
Египет	15	6	28	18
Кувейт	58	22	14	11
Оман	47	27	22	17
Марокко	14	16	24	21
Тунис	24	22	29	24

Источник: [8; с. 213–214]

Динамика нормы валовых сбережений и удельного веса валовых капиталовложений в структуре ВВП отражает общую тенденцию сокращения обоих показателей в данной группе стран, а также заметные отличия в процессе накопления в отдельных государствах.

Характерной чертой экономического развития в Кувейте и Омане является превышение показателя доли валовых внутренних сбережений по сравнению с нормой капиталовложений даже в условиях оттока капиталов за границу в 90–е годы в связи с началом военных действий в Персидском Заливе. Норма валовых капиталовложений в Тунисе и Марокко, наоборот, превышает долю внутренних сбережений. При небольших отклонениях в сторону сокращения в Тунисе и небольшом приросте в Марокко в процессе рыночных преобразований была достигнута определенная стабилизация нормы валовых внутренних сбережений на уровне 22% и 16% в ВВП соответственно. Таким образом в этих странах удалось сохранить норму капиталовложений на более высоком уровне по сравнению с другими странами данной группы, хотя они также не смогли избежать общего со-

кращения доли валовых инвестиций в структуре их общественного продукта.

Наиболее критическая ситуация складывалась в Египте. Норма внутренних сбережений к середине 90–х годов сократилась до 6%. Такой показатель соответствовал уровню накопления в египетской экономике в начале 70–х годов в кризисный период отказа от социалистической ориентации при переходе к политике «Инфитах». Активизация деятельности частного местного предпринимательства и иностранных кредиторов в дальнейшем в условиях либерализации заметно стимулировала существенный рост внутренних сбережений до 18% в ВВП. Начиная с середины 80–х годов, вновь появилась тенденция уменьшения накопления валовых сбережений. При этом удельный вес валовых капиталовложений в структуре ВВП сократился с 28% до 18% (см. табл. 2).

Таблица 3

Динамика среднегодовых темпов прироста ВВП

	70–е	80–е	1990–94 гг.
Египет	8,5	5,0	1,1
Иордания	7,0	2,1	8,2
Кувейт	–0,5	0,9	5,3
Марокко	5,3	4,2	1,7
Оман	…	8,3	6,7
Тунис	6,5	3,5	4,5

Источник: [5; 1994, 8; с. 208–209]

Среднегодовые темпы прироста ВВП в Египте, Марокко, Омане резко сократились по сравнению с периодом 80–х и еще заметнее с периодом 70–х годов. В Иордании, Кувейте и Тунисе в середине 90–х годов наметилась тенденция ускорения их развития. Высокие темпы прироста ВВП в Иордании в большей мере обусловлены массовым возвращением эмигрантов из стран Залива в результате начала военных действий в этом районе. Большое влияние на оживление экономической конъюнктуры оказал сопровождающий их приезд строительный бум. Реализация послевоенной восстановительной программы в Кувейте также явилась мощным конъюнктурным импульсом ускорения темпов прироста ВВП при благоприятной ситуации на нефтяном рынке в мире. Ускорение динамики общественного производства в Тунисе, пожалуй, в большей степени, являлось следствием рыночных преобразований и финансовой стабилизации, что отчасти уже на первом этапе в 90–е годы было связано с развитием самого производственного сектора в экономике этой страны. Воздействие рыночных преобразований на экономический рост через финансовую стабилизацию отчетливее проявляется в арабских странах во второй половине 90–х годов. Прирост ВВП В Египте и Тунисе стабилизирован в 1996 г. и 1997 г. на уровне 3,3–4% и 4,1–4,5% соответственно [4; 20.05.96, БИКИ № 149, 16.12.97].

Увеличение темпов прироста ВВП даже в тех странах, которые более успешно справлялись с задачами финансовой стабилизации, не получило необходимых импульсов от развития сектора производства, еще не затронутого структурными преобразованиями со сменой форм собственности, поскольку процессы приватизации практически во многих странах были заблокированы. Подтверждением тому появление новой в масштабах всего региона тенденции замедления темпов промышленного производства не только характерного обычно для стран–экспортеров нефти с выраженной конъюнктурной зависимостью от состояния мирового рынка нефти, но также и в странах с более диверсифицированной промышленной структурой производства, например, в Египте и Марокко. Эта тенденция диссонирует на фоне сохранения устойчивого прироста промышленного производства в современных новых индустриальных странах, которые в течение последнего десятилетия продолжают наращивать устойчиво высокий темп промышленного развития до 9–10% ежегодно.

Замедление в динамике роста промышленного производства оказывало заметное влияние на структуру ВВП в арабских странах. Доля промышленных отраслей в общей структуре производства ВВП в Омане сократилась с 69% до 53%, в Кувейте с 75% до 53%, в Египте с 37% до 21%, в Тунисе с 36% до 32%, в Марокко с 31% до 30%. (см. табл. 4). Диверсифицированная структура промышленного производства должна обеспечивать большую устойчивость экономического роста. Развитие блока отраслей обрабатывающей промышленности характеризует разный уровень диверсификации ВВП в арабских странах.

Таблица 4

Изменения в отраслевой структуре ВВП в 80–90–е годы

	Египет	Иордания	Марокко	Тунис	Оман	Кувейт
Начало 80–х годов						
Сельское хозяйство	18	...	18	16	3	0
Вся промышленность	37	...	31	36	69	75
Обрабатывающая промышленность	12	...	17	14	1	6
Сектор услуг	45	...	51	48	28	25
середина 90–х годов						
Сельское хозяйство	20	8	22	15	3	0
Вся промышленность	21	27	30	32	53	53
Обрабатывающая промышленность	15	14	17	20	4	11
Сектор услуг	59	65	49	53	44	47

Источник: [8; с. 220–222]

Доля обрабатывающей промышленности в структуре современных новых индустриальных стран составляет от 20 до 30% ВВП. Среди араб-

ских стран, представленных в таблице, только Тунис приблизился к ним по этому показателю диверсификации производства, обогнав Марокко, Египет и Иорданию. В Кувейте доля обрабатывающих отраслей достигла 11%., значительно опередив остальные аравийские монархии по уровню диверсификации их промышленного производства. Если весь блок обрабатывающих отраслей в этих странах будет ориентирован на экспорт, то фактор нестабильности их темпов роста не уменьшится и будет сохраняться в дальнейшем.

Другим направлением в современном развитии отраслевой структуры ВВП является изменение пропорции «сфера производства – услуги». В экономике арабских стран изменение соотношения в этом направлении обусловлено, с одной стороны, сокращением доли промышленности и быстрым ростом финансового сектора. Таким образом в контрастном взаимодействии оказываются тенденция облагораживания структуры ВВП путем увеличения вклада сектора услуг при крайне нежелательном факторе сокращения доли промышленности. В Иордании, Египте и Тунисе развитие сферы услуг, ускоренное процессами капитализации в ходе рыночных реформ, обогнало развитие отраслей материального производства по их вкладу в создание ВВП. В Марокко, Омане и Кувейте сохранилась преобладающая роль материальных, производственных отраслей. В Марокко данная пропорция оказалась практически сбалансированной. В структуре производства ВВП в промышленно развитых странах при общей тенденции расширения сферы услуг, обгоняющей по темпам блок отраслей материального производства, разница их вклада в ВВП в среднем не превышает 20–25 пунктов [8; с. 222].

В отличие от промышленно развитых стран, замедление темпов развития производственных секторов, особенно в промышленности, в арабских странах с более низким уровнем экономического развития, например, в Египте, с его многочисленным населением и низким показателем душевого производства ВВП, несмотря на облагораживание его структуры ВВП, происходящее под воздействием рыночных преобразований, как известно чревато опасными последствиями экономического и социального характера, возникновением застойных явлений в хозяйственном развитии, нарушением отраслевых и воспроизводственных пропорций, обострением проблемы занятости населения, сокращением его доходов и общим снижением уровня жизни.

Экономический рост, не связанный с приоритетным развитием производственных секторов, инициируемый рыночными реформами с ограниченными импульсами от финансовой стабилизации, превращается в спорадический неустойчивый рост в отдельных странах, дополнительный эффект в которых скорее всего был обусловлен иными факторами, часто краткосрочного конъюнктурного характера. Оживление финансовой деятельности в арабских странах, связанное с ростом общего потребления, стимулируемого к постепенному смещению в сторону увеличения частного потребления и сокращения государственных бюджетных расходов, по-

всюду в регионе сопровождалось ослаблением базы внутренних валовых сбережений и уменьшением нормы валовых инвестиций, и в итоге оказывалось часто неспособным генерировать соответствующие условия для поддержания устойчивого экономического развития.

Экономический рост остается острейшей проблемой в стратегии рыночных реформ в арабских странах. На новом этапе экономических преобразований предусмотрены структурные изменения в производственных секторах хозяйства и перевод их деятельности на рыночную основу. Таким образом реализуется намерение расширить материальную базу и границы процесса капитализации в этой сфере экономики, не ограничиваясь рыночной манипуляцией с потребительским спросом, а концентрируя все усилия на увеличении объема конечного предложения в производстве общественного продукта.

1. Арабские страны. Политика и экономика. М., 1996 г.

2. Арабский мир в конце XX века. М., 1996 г.

3. Национализм и «национальный социализм» в арабских странах: теория и практика. М., 1996 г.

4. Financial Times. L. 20.05.96.

5. Handbook of International Trade and Development Statistics. 1995. U.N. N-Y.

6. Middle East Economic Digest. L. 13.01.1995, 27.02.1998.

7. Survey of Economic and Social Development in the ESCWA Region 1994. U.N. N-Y. 1995.

8. World Development Report 1996.

From Plan to Market. Oxford University Press. N-Y. 1997.

Э.Н.Панфиленко

СУДАН В ПЕРИОД ДИКТАТУРЫ НИМЕЙРИ (1969–1985 гг.)

Подавление в марте 1970 г. правой оппозиции, возглавляемой лидерами секты Аль–Ансар и партии Аль–Умма, а в 1971 г. оппозиции слева, во главе с группой либеральных офицеров, позволило генералу Нимейри установить режим личной власти, в Судане. Под новую политическую практику была проведена коренная перестройка государственной и общественно–политической структуры страны. Для обеспечения массовой поддержки диктатуры была создана единая общенациональная политическая организация – Суданский Социалистический Союз (ССС) по образцу Арабского Социалистического Союза в Египте. Реорганизованные профсоюзы и федерации крестьян, молодежи и женщин возглавили оппортунисты.

Нимейри выдвинулся во время войны на Юге, где командовал войсками, боровшимися с Анья–Нья. Став президентом ДРС в октябре 1971 г., он распустил коллективный высший законодательный орган – Революционный совет и присвоил его основные функции. Нимейри возглавил сформированный им кабинет министров, а также занял пост министра обороны ДРС. Не довольствуясь этим, он возложил на себя обязанности председателя и генерального секретаря ССС, возглавил Совет национальной обороны, Совет национальной безопасности и Высший Юридический Совет ДРС, т.е. сосредоточил в своих руках всю полноту власти[1]. Власть Нимейри держалась на насилии, ликвидации демократических прав народа. В дополнение к конституции 1973 г. были приняты законы с целью подавления сопротивления режиму: Закон о государственной безопасности (23 июля 1973 г.), Закон о политических правах (10 марта 1974 г.), Закон о принудительных работах (25 декабря 1975 г.) и другие.

В целях популяризации режима и возвеличивания диктатора был учрежден ежегодный праздник – «день возвращения» Нимейри к власти (22 июля), проводились ежемесячные радио– и телевизионные выступления Нимейри под рубрикой «вождь и народ». Нимейри произвел себя в чин генерал–полковника и издал 1 июля 1973 г. указ, в соответствии с которым его должны были официально именовать титулом «Президент – вождь». Южно–суданские племена в свою очередь на торжественной церемонии присвоили Нимейри титул «короля и великого вождя»[2].

Новый режим поддерживала крупная буржуазия, получившая свободу частного предпринимательства и различные льготы, высокооплачивае-

мое чиновничество государственного аппарата, руководящая верхушка ССС и др. подобных организаций. К новой суданской элите примкнули бывшие лидеры южносуданских сепаратистов, занявшие после февраля 1972 г. важные посты в административных органах и армии на Юге, в руководстве ССС и в хартумском правительстве. Главной опорой режима были высокооплачиваемые органы государственной безопасности (численность полиции удвоилась) и армия. В последней, однако, сохранялись группировки сторонников распущенных Нимейри традиционных политических партий, враждебных режиму.

В конце 1971 г. глава государства выступил с новой экономической программой, основным содержанием которой было создание благоприятного климата для деятельности национальной буржуазии и иностранного капитала, повышение роли частного сектора в различных отраслях экономики и устранение препятствий на пути использования частных инвестиций. В программе содержались гарантии от конфискации и национализации частной собственности[3]. В августе 1972 г. был принят новый закон о капиталовложениях. В нем предусматривались меры, которые уже законодательно ограждали частные иностранные инвестиции от конфискации и национализации.

Под предлогом исправления «ошибок революции» конфискованные предприятия и иная собственность были возвращены прежним владельцам (которые вернулись в Судан 1972–73 гг.). В 1975 г. был издан декрет об инвестициях в сельское хозяйство, разрешивший передачу в концессию земель сроком на 25 лет, освобождение акционеров от налогообложения и от уплаты таможенных пошлин на 5 лет[4]. Правительство восстановило антирабочий закон 1942 г., принятый еще в эпоху британского господства.

В результате вышеизложенных мероприятий наметилась тенденция к активизации частного национального капитала. Относительная слабость суданского капитала побуждала его активно использовать связи с иностранными монополиями. Объективно сложилась ситуация, при которой национальный капитал проводил линию, отвечающую политическим и экономическим интересам развитых капиталистических стран.

В феврале 1977 г. был принят шестилетний план развития (1977–1983 гг.). Он предусматривал капиталовложения в экономику в сумме 2,7 млрд. суд. ф. (в государственный сектор – 58%). В сельском хозяйстве был декларирован курс на самообеспечение продовольствием и расширение производства экспортных культур, в промышленности – на увеличение мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья и освоение минеральных ресурсов, в транспорте – на строительство новых дорог и расширение средств связи.

Судан обладает колоссальными резервами для сельскохозяйственного производства. Из 84 млн. га плодородных земель используется под пашню лишь 9,6 млн. га. Кроме того, 116 млн. га пригодно для животноводства[5]. Пятая часть сельского населения занята в современном планта-

ционном хозяйстве, где производится 70% всей сельскохозяйственной продукции, а остальные – в отсталом традиционном.

Межарабскими организациями был разработан перспективный план совместной эксплуатации природных ресурсов Судана под лозунгом превращения его в «житницу» арабского мира с помощью нефтедолларов и западных агротехнологий. В 1975 г. правительство Нимейри подписало соглашение с Арабским фондом экономического и социального развития (АФЭСР) о капиталовложениях Саудовской Аравии и Кувейта в суданскую экономику на 10 лет. Это рассматривалось как первый шаг в осуществлении 25–летнего плана инвестиций в 100 проектов растениеводства, животноводства, агроиндустрии и транспорта. Общий объем капиталовложений определялся в 6 млрд. долл., в том числе 3 млрд. в сельское хозяйство.

Проведению в жизнь планов развития Судана помешали просчеты в оценке природных возможностей страны. Намеченная программа механизации сельскохозяйственных работ не учитывала, что распространенные в Судане песчаные почвы (в том числе целинные и залежные) в результате интенсивной обработки быстро подвергаются эрозии. Что касается резервов рабочей силы, то их учет и распределение всегда были слабым звеном в планах экономического развития страны.

Правительство того периода на трехсторонней основе создавало смешанные и государственные предприятия в промышленности. При финансовом участии государства (51%) и саудовской компании был построен нефтеперерабатывающий завод в Порт–Судане. В ноябре 1977 г. был введен в эксплуатацию трубопровод для нефтепродуктов из Порт–Судана в Хартум (820 км), имеющий важное экономическое и стратегическое значение.

Государственный сектор в обрабатывающей промышленности слаб в сравнении с частнокапиталистическим. Функционирует дюжина плохо управляемых и нерентабельных предприятий, приносивших ежегодно убытки в размере 6,5 млн. суд. ф. В некоторых отраслях рост производства даже сокращался, особенно заметно в цементной промышленности, мукомольной, обувной.

Государство провозгласило курс на самообеспечение страны текстилем и сахаром на базе отечественного сырья. В рамках его в государственном секторе с помощью Бельгии и Румынии строились 13 текстильных фабрик с общей суммой капиталовложений в 145 млн. суд. ф. В дополнение к действующим в Гунейде и Хашм эль–Гирбе сахарным заводам, продукция которых (128 тыс. т в 1975 г.) не удовлетворяла и половины потребностей рынка, были построены сахарные заводы в Сеннаре, Канне, Хаджар Аслая, Мелуте и комплекс в Кеннане.

Горнодобывающая промышленность оставалась в зачаточном состоянии, но уже попала под контроль западных монополий. Американская и канадская компании добывали золото и асбест в провинции Кассала, японская – хромит (15 тыс. т в 1975 г.). Разведку урана вела итальянская

фирма, а нефти – две американские («Стандард ойл К^{o}» и «Шеврон К^{o}») на территории, составляющей около половины Судана. Нефть была обнаружена в начале 80–х годов, но из–за войны между Севером и Югом промышленная разработка не ведется до сих пор; другие же энергетические ресурсы Судана развиваются медленно. Так, в границах Судана находится 2/3 бассейна Нила, но построены всего две гидроэлектростанции: в Сеннаре 20 мегаватт и в Эр–Росейросе – 95 мегаватт. Слабость энергетической базы – одно из узких мест экономического развития Судана.

Транспорт – другой тормоз развития. В стране с населением 26 млн. человек и территорией в 2,5 млн. км^2 имелось всего 4750 км железных дорог (одноколейных и узкоколейных), 495 км асфальтированных, 1,7 тыс. км гравийных дорог и 15,5 тыс. км – наезженных трактов, непроходимых в период дождей.

Железнодорожный транспорт несет основную нагрузку и выполняет 70% всех перевозок грузов и пассажиров. Тем не менее железные дороги работают на 65% своих возможностей вследствие изношенности полотна и подвижного состава, аварий и поломок, нехватки запасных частей и «производственных конфликтов» (забастовок рабочих и служащих). Правительство вело реконструкцию железнодорожного транспорта, закупало локомотивы и вагоны, для чего было выделено 80 млн. долл. и получены займы и торговые кредиты: Кувейта – 35 млн. долл., Абу–Даби –10 млн. долл., МБРР – 10 млн. долл., Японии – 20 млн. долл., Европейского фонда регионального развития – 6,8 млн. долл., однако в условиях Судана западная техника не выдерживала грубой эксплуатации.

Автотранспорт в Судане в 5 раз дороже железнодорожного. Стоимость строительства 1 км дорог составляла 400 тыс. долл., что влияло на темпы и масштабы дорожного строительства. В осуществлении главного объекта пятилетнего плана (1975–1980) – строительстве автострады Хартум – Порт–Судан – участвовали ФРГ, Италия, КНР и Югославия. Дорога строилась с перерывами в течение 15 лет и была завершена в 1977 г. При финансовом участии специального фонда ОПЕК строилась дорога Кассала–Хайя на севере страны.

Речной транспорт малоэффективен, он осуществляет всего 5% перевозок пассажиров и грузов, связывая северные и южные окраины с центром, откуда грузопоток направляется в главный порт страны – Порт–Судан. Через него проходят 97% экспорта и 95% импорта, что составляет 5 млн. т грузов в год. Низкая пропускная способность порта ограничивает объем внешнеторговых операций. Правительство ассигновало для реконструкции порта в Порт–Судане 40 млн. суд. ф. Началась реконструкция заброшенного порта Суакин.

Модернизацию аэропортов в Порт–Судане, Джубе, Вау и Малакале финансировали Фонд развития Саудовской Аравии, ЕЭС и МБРР на общую сумму 77–88 млн. долл.

Интегрирование Судана в тот период в мировой капиталистический рынок было особенно чревато хроническим и возрастающим дефицитом

торгового и платежного баланса. Финансовое положение Судана катастрофически ухудшалось. Валютные резервы сократились с 124,3 млн. долл. в 1974 до 23,6 млн. долл. в 1976 г. Западные финансовые эксперты усматривали причину в чрезмерно раздутом бюджете развития (около 400 млн. суд. ф. или 1143 млн. долл. в 1977/78 гг.), многократно превышавших доходы от государственных предприятий. Сумма невыплаченных долгов возросла с 492 млн. долл. в августе 1977 г. до 600 млн. долл. в июле 1978 г., хотя на их погашение уходило до 30–40% стоимости суданского экспорта.

Кредиторы оказывали возрастающий нажим на правительство Нимейри. Ирак – главный поставщик сырой нефти – временами прекращал поставки, чтобы вынудить Судан расплатиться с долгами. Департамент гарантий экспортных кредитов Великобритании резко сократил в конце 1977 г. выдачу лицензий на краткосрочное кредитование. 32 иностранных банка отказали в предоставлении суданскому банку «Два Нила» займа в 100 млн. долл. Лишь американский банк «Веллс Фарго» предоставил Судану в ноябре 1977 г. 50 млн. долл. для финансирования экспорта хлопка, и то после принятия Суданом всех его требований. Значительная часть американской помощи и кредитов предназначалась не на экономические, а на военные цели.

МВФ на переговорах в Вашингтоне в 1976 и 1977 г. требовал девальвации суданского фунта с эквивалента 2,89 до 1,74 долл., сокращения или прекращения на два года расходов по осуществлению проектов развития. Требования МВФ об «оздоровлении финансов» поддержала Саудовская Аравия[6].

Правительство Нимейри сдало позиции, 9 июля 1978 г. девальвировав суданский фунт на 13%, с 2,89 до 2,5 долл. за фунт. Девальвация повысила цены на топливо, продовольствие и другие жизненно необходимые товары, ухудшила положение народа.

Правительство решило не начинать в 1979–80 гг. новых крупных проектов развития, а заняться устранением слабых мест: модернизировать железнодорожный транспорт; повысить производительность действующих предприятий и сельского хозяйства; завершить выполнение начатых программ[7].

Но и этим скромным планам помешала возобновившаяся напряженность на Юге. Разрыв в уровнях экономического развития северных и южных районов продолжал углубляться. Особое внимание правительство по–прежнему обращало на развитие хозяйства севера страны. Для южных же районов был характерен застой в экономике, отмечался самый низкий в стране уровень жизни, росли налоги, широкие массы населения нищали. Привилегированное положение северян в политической системе страны, дискриминационная экономическая и социальная политика центрального правительства по отношению к южным районам послужили причинами обострения региональных противоречий. В сентябре 1983 г. правительство распространило на южные районы действие законов шариата, что вызвало на Юге всеобщее возмущение.

К большим экономическим и финансовым трудностям Судана присоединились парализующая работу бюрократия в государственных органах управления, отсутствие политической стабильности (около полутора десятков заговоров и попыток государственного переворота).

Начиная с 80–х годов Дж.Нимейри управлял страной с видимой жестокостью; он был уверен, что в стране постоянно организуются многочисленные заговоры и не считал возможным проявлять милосердие.

В январе 1982 г. из–за новых волнений, вызванных обнищанием народа и дороговизной, президент Нимейри стал склоняться к мысли об уходе. Но после плебисцита в апреле 1983 г. он реорганизовал свое правительство (26 мая 1983 г.). Шейх Хасан ат–Тураби стал официально советником президента по правовым вопросам. По его совету Дж. Нимейри принимает в конце сентября 1983 г. решение о введении в действие исламского закона – шариата. Была введена смертная казнь или пожизненное заключение с конфискацией имущества за любую антиправительственную деятельность. А также были введены такие формы наказания как бичевание за употребление спиртных напитков, отсечение руки за воровство, казнь за убийство. Любой суданец, который выступал против уголовного и уголовно–процессуального кодекса, мог быть арестован и сурово наказан.

Такое пагубное развитие ситуации практически во всех областях привело, начиная с сентября 1983 г., к росту повстанческого движения на юге и усилило хронические волнения в стране. В конце концов диктатура Нимейри пала.

Другие, и в первую очередь, экономические факторы сыграли свою роль в проникновении ислама в политическую жизнь Судана и во многом определили судьбу Джафара Нимейри и его правительства.

К положительным сторонам деятельности Дж.Нимейри можно отнести, например, то, что после мая 1969 г. определенным образом усилилась тенденция к повышению роли народных масс в формировании внешней политики Судана. Общественные демократические организации активно выступали на митингах и демонстрациях с инициативой участия Судана в движении сторонников мира, поддержки борьбы арабов против агрессии Израиля и т. п.

Положительное влияние имела программа, изложенная в 1969 г., которая предусматривала тесное сотрудничество ДРС с африканскими странами, активное участие в деятельности ОАЕ и ЛАГ, упрочение всесторонних отношений с арабскими странами.

На VI–ой конференции глав правительств ОАЕ в Аддис–Абебе в 1969 г. глава суданской делегации Дж.Нимейри осудил расистское правительство ЮАР и Родезии, высоко оценил роль ОАЕ в поисках мирного пути регулирования конфликтов на Ближнем Востоке.

В январе 1970 г. по инициативе Дж.Нимейри в Хартуме состоялась конференция стран Восточной и Центральной Африки, в которой участвовали руководители ряда государств, в т. ч. Танзании, Кении, Уганды, Зам-

бии, Эфиопии, Сомали, Руанды и Судана, где обсуждались проблемы развития экономического сотрудничества между государствами региона.

Нимейри негласно помогал оппозиционным движениям в африканских государствах – Фронту освобождения Эритреи (ФОЭ), Фронту национального освобождения Чада (Фролина) и конголезским беженцам, предоставляя им деньги, одежду, жилье.

Болезнь и смерть Насера посеяли у Нимейри иллюзию о возможности стать его преемником в качестве лидера арабского мира. Нимейри проявил большую личную инициативу в сфере межарабских отношений, стремясь утвердить свой авторитет внутри Судана и вне его. Прибывший на похороны Г.А.Насера Дж.Нимейри предложил созвать в Каире совещание руководителей всех арабских стран с целью сохранения и продолжения его курса.

Однако в дальнейшем произошла трансформация поведения Дж.Нимейри: он сконцентрировался на укреплении собственной, личной власти, что привело к усилению авторитарных тенденций в возглавлявшемся им режиме.

Политика Дж.Нимейри в области экономики не принесла сколько–нибудь заметных результатов. Во всех отраслях царил застой. Объективные трудности на пути становления национальной экономики усугублялись неспособностью центральной власти добиться мобилизации национальных и привлечении иных ресурсов, чтобы обеспечить подъем экономики.

Ситуация усугублялась тем, что более трети ВВП страны по–прежнему создавалось в сельском хозяйстве, являющемся наиболее отсталой отраслью экономики. Тяжелейшим образом сказались на этой отрасли последствия засухи 1970–77 годов. Усиление зависимости от МВФ и МБРР и внешних кредитов, их нерациональное использование привели к результатам, прямо противоположным тем, что планировались суданским руководством.

Ускорился развал экономики и обнищание народа, зарплата рабочих и служащих сокращалась. Бегство крестьян из сельских районов в города увеличивало безработицу. Возрос отток рабочих и специалистов в нефтедобывающие страны.

В 1977 г. Судану не хватало 2,2 тыс. инженеров, 10,3 тыс. техников–строителей, 8,5 тыс. администраторов и 8,8 тыс. квалифицированных рабочих. В 1976 г. в Саудовскую Аравию эмигрировало 20 тыс. квалифицированных рабочих, в Кувейт – 2 тыс., в ОАЭ – 2 тыс., в Ливию – 8 тыс. В тот период резко возросла эмиграция интеллигенции: врачей, учителей, инженеров. Число эмигрировавших суданцев в 1977 г. превысило 150 тыс. человек, в 5 раз больше, чем в 1976 г.

Неуклонно нараставшие социально–экономические противоречия в Судане с его сложным этнорелигиозным составом и огромным разрывом в условиях развития двух регионов – севера и юга, были дополнительным

фактором, которые усиливали конфликтные ситуации в течение всего периода независимости.

С падением режима Дж.Нимейри развитие политической борьбы в Судане вступило в новый этап. Деспотический режим пал, была распущена служба государственной безопасности – основная платформа устойчивости режима Нимейри (численность аппарата государственной безопасности достигла в тот период 45 тыс. чел., из них 25 тыс. в Хартуме). Но тем не менее уцелели многие структуры предыдущего режима, не были отменены принятые при Нимейри репрессивные законодательные акты. Проблема преодоления наследия Дж.Нимейри до сих пор крайне остро стоит и в сфере экономики.

Улучшение экономического положения страны наступит очень нескоро. Во–первых, из–за продолжающейся уже почти сорок лет гражданской войны южные районы Судана (наиболее густонаселенные) разрушены и опустошены. Во–вторых, государство не может мобилизовать ресурсы, чтобы инициировать процесс экономического развития, стимулировать подъем промышленности и сельского хозяйства. В–третьих, нерациональное использование сельскохозяйственных земель – одна из главных причин, из–за которой государство не может обеспечить формирование национального продовольственного фонда и тем самым не способно противостоять ухудшению условий обеспечения национальной безопасности.

Именно эти причины мешают преодолению нынешних трудностей, которые частично были порождены в период правления Нимейри, а частично являются следствием других, более общих условий, которые влияют на характер развития капиталодефицитных арабских стран.

[1] Вобликов Д.Р. «Республика Судан», (1956 г. май 1969 г.). М., 1987 г., с. 7.

[2] Панфиленко Э.Н. «Социально–экономические проблемы в Судане», «Современный Восток: политика, экономика, идеология». М., 1988 г. с. 112.

[3] Там же, стр. 113.

[4] «Такрир визарат аль–амаль» («Отчет Министерства труда Судана, 1976 г.»), Хартум, 1977, с. 9–10.

[5] «Аль–Айям», 25.02.1972.

[6] Structure and Growth of Selected African Economic, 1978, № 4.

[7] Там же.

Г.И.Смирнова

ПОЛИТИКА ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И ПРИВАТИЗАЦИИ В СУДАНЕ

За годы, прошедшие после достижения в 1956г. политической независимости, Судан прошел сложный путь политического и социально–экономического развития. Суданское правительство, выражавшее интересы блока консервативных сил буржуазно–помещичьих кругов, взяло курс на капиталистическое развитие страны. Исключение составил период 1969–1970 гг., когда к власти пришли революционно–демократические силы, заявившие о своем намерении решить основные социально–экономические проблемы на пути социалистических преобразований. После неудавшейся попытки государственного переворота в 1971 г., начался процесс политической переориентации правящего режима. Национализированное имущество было возвращено иностранным и национальным владельцам. Суданское руководство стало придерживаться капиталистического пути развития.

В стране существовал довольно значительный государственный сектор, образовавшийся путем национализации крупнейших ирригационных систем, ряда предприятий обрабатывающей промышленности, железных дорог, некоторых предприятий коммунального хозяйства, а также организации новых крупных плантационных хозяйств и т.д. Главной задачей государственного сектора в Судане было создание благоприятных условий частного накопления – финансирование развития производственной и социальной инфраструктуры. Государство финансировало строительство ряда новых предприятий, в результате чего к началу 80–х годов госсектор занял значительные позиции в ряде отраслей промышленности (в производстве электроэнергии, цемента, тканей и пряжи сахара, металлообрабатывающей, кожевенной), в сфере производственных услуг. Государство контролировало банковскую сферу и значительную часть внешней торговли, принимало участие в разработке минеральных ресурсов, в частности в разведке и обустройстве месторождений нефти. Слабость национальной буржуазии в финансовом отношении, малый опыт частнопредпринимательской деятельности вынуждали государство брать на себя роль «первопроходца» в тех отраслях суданской экономики, которые требовали вложения значительных средств. В то же время, стремясь привлечь частный национальный капитал к участию в развитии национальной экономики, правительство приняло ряд законодательных актов, предоставлявших все бóльшие льготы и привилегии для развития частного национального

предпринимательства. Следует подчеркнуть, что все они обеспечивали иностранным инвесторам равные права с местным частным капиталом.

Частному сектору отводилась довольно значительная роль в финансировании планов социально–экономического развития. Так, по шестилетнему плану на 1977/78 – 1982/83 гг. из общей суммы ассигнований в 2 670 млн. с. ф. капиталовложения по линии частного сектора должны были составить 1,1 млрд. с. ф. или около 41% от общей суммы[1]. Большая часть инвестиций частного сектора – 63,2% направлялась в строительство (в основном жилых домов и вилл для буржуазии), торговлю, сферу услуг, т.е. в непроизводственные сферы экономики. Следует, однако, учесть, что частные инвестиции осуществлялись также по линии смешанного сектора, особенно в сельское хозяйство. Это было связано, в частности, с осуществляемой с середины 70–х годов по инициативе арабских нефтеэкспортирующих стран обширной программой превращения Судана в житницу, «хлебную корзину» арабского мира с целью удовлетворения значительной части его потребностей в пшенице, сахаре, растительных маслах, мясе и других продуктах питания. В рамках этой программы выполнялись совместные проекты в области сельского хозяйства с участием как национального частного капитала, так и иностранного, в основном из арабских нефтеэкспортирующих стран. Из 100 проектов, предусмотренных первой фазой программы (до 1985 г.) 60 предполагалось осуществить в период шестилетнего плана. За счет иностранных источников предусматривалось профинансировать 52% всех капиталовложений, что отражало растущую зависимость экономики от иностранного капитала.

В начале 80–х годов в связи с усилением экономических трудностей правительство Судана было вынуждено пересмотреть инвестиционную программу на последние три года действия плана. В 1980/81 – 1982/83 гг. основное внимание предполагалось уделить завершению уже начатых проектов, а строительство новых должно было осуществляться лишь в области инфраструктуры. Хотя задачи подъема национальной экономики частично были реализованы в государственных программах социально–экономического развития Судана, но они выполнялись не в полном объеме. Рост государственных расходов намного превысил плановые показатели, однако он не способствовал адекватному увеличению производства. Из 60–ти проектов, намеченных к выполнению в рамках 1–й фазы программы по превращению страны в «хлебную корзину» арабского мира, было осуществлено лишь небольшое их количество. Обладая огромным потенциалом для развития сельского хозяйства, страна продолжала зависеть от импорта продовольствия. Только на импорт сахара Судан тратил 200 млн. долл. в год. Расходы на закупки нефти в начале 80–х гг. достигли 500 млн. с. ф. (по сравнению с 365 млн. с. ф. в 1979/80г.), поглотив все доходы от экспорта, которые также составили 500 млн. с. ф. Доля экспорта упала с 16% ВВП в 1978г. до 8% в 1981г. Ежегодный прирост импорта намного превысил плановые наметки. В результате, по данным Банка Су-

дана, дефицит платежного баланса возрос с 39,5 млн. с. ф. в 1979/80 г. до 669 млн. к концу планового периода в 1982/83 г.

Высокие по сравнению с плановыми показателями ежегодные темпы прироста государственных доходов были достигнуты в значительной степени благодаря росту прямых и косвенных налогов, но в основном – за счет увеличения поступлений из внешних источников. Внешний долг Судана к 1983г. достиг 9 млрд. долл. против 3 млрд. в 1978г.[2]

Высокий уровень роста цен, составивший в годы шестилетнего плана 24,3%, свидетельствовал об инфляционных процессах в экономике. Отрицательные темпы прироста расходов на частное потребление – 0,8% отражали снижение жизненного уровня населения. В 1981 г. были введены налоги на ряд товаров потребительского назначения, в т.ч. сигареты, алкогольные напитки и т.д. Для борьбы с уклонениями от уплаты прямых налогов были введены специальные карточки – «кхуло тараф». Попытки правительства в декабре 1982 г. урезать субсидии на поддержание цен на основные продовольственные и потребительские товары на стабильном уровне вызвали волнения среди населения и привели к усилению социальной напряженности в стране. Положение усугублялось вспыхнувшей в южных провинциях гражданской войной.

Судан, обладающий всеми необходимыми природными, людскими ресурсами для экономического роста, оказался в состоянии глубокого структурного кризиса. Национальный доход Судана был невысок, и он фактически не имел возможности использовать его на собственные нужды; наблюдался отток национального капитала за границу; уровень развития промышленности и сельского хозяйства был крайне низок; значительны масштабы недоиспользованных мощностей предприятий; основная часть ВВП создавалась в ограниченном круге отраслей (доля сельского хозяйства в ВВП составляла 34%, сферы услуг – 26%), Современный сектор экономики Судана, представленный в основном экспортными отраслями – производством хлопка и других культур (арахис, кунжут, табак), где появились крупные товарные хозяйства, применявшие искусственное орошение и современную технику, обслуживал в основном интересы стран Запада. Значительный по своим масштабам традиционный сектор, где доминировал ручной, малопроизводительный труд, был не в состоянии обеспечивать коренное население ни продовольствием, ни другими товарами повседневного спроса, ни сырьем и оборудованием национальную экономику.

В связи с усилением финансово–экономических трудностей к концу выполнения шестилетнего плана социально–экономического развития на 1977/78 – 1982/83 гг. правительство Судана было вынуждено обратиться за помощью к западным кредиторам. При содействии МВФ была разработана серия программ «оздоровления» экономики на 1980/81 – 1982/83 и 1983/84 1985/86 гг., предусматривавших передачу государственных сельскохозяйственных плантаций и промышленных предприятий в руки частного национального капитала, ликвидацию государственного контроля над

импортом, расходованием иностранной валюты, отмену государственных субсидий на товары первой необходимости. После апрельского переворота 1985 г. в рамках этой политики проводилась передача части государственных земель в руки частных землевладельцев, а также продажа акций государственных промышленных предприятий в руки представителей национального капитала. Были денационализированы государственные плантации «Блу Найл Эгрикалчурел Корпорейшн» и «Уайт Найл Эгрикалчурел Корпорейшн».

Однако экономическое положение страны не улучшилось. Государственный бюджет во второй половине 80–х годов постоянно сводился с дефицитом. В 1987/88 г. доходы составили (в млн. с. ф.) – 3 905, расходы – 6 790, дефицит – 2 885. На страну обрушились стихийные бедствия, и хотя ей в целом удалось преодолеть последствия сильной засухи 1984/85 г. и получить хороший урожай хлопка, однако цены на него на мировом рынке упали. В 1988 г. экономике снова был нанесен значительный урон в результате сильнейших наводнений и нашествия саранчи. Тысячи гектаров посевов оказались под водой, около 2 млн. га были поражены саранчой.

Резкое сокращение ассигнований в промышленность по программе стабилизации на 1983/84 – 1985/86 гг., проведенная под нажимом МВФ серия девальваций суданского фунта привели к значительному увеличению производственных расходов промышленных предприятий, дальнейшему снижению уровня использования производственных мощностей. Большая часть их была загружена не более чем на 1/3 мощности. В результате страна была вынуждена тратить ограниченные запасы иностранной валюты на импорт основных потребительских товаров, хотя в ряде случаев она имела сырье и мощности достаточные для удовлетворения внутренних потребностей. Являясь крупнейшим производителем хлопка, Судан импортировал хлопчатобумажные и другие ткани (на сумму 27 млн. с. ф. в 1986/87 г.). Были закрыты 100 предприятий обрабатывающей промышленности.

Как известно, МВФ, МБРР и другие международные организации, а также зарубежные экономисты навязывают развивающимся странам (РС) преимущественно сырьевую специализацию их экономик. До сих пор в научном мире продолжается дискуссия о долгосрочной динамике цен на сырьевые товары и на готовые промышленные изделия, а также о влиянии экспортно–сырьевой ориентации на накопление капитала, поскольку, по их мнению, основной капитал РС получают в основном за счет импорта. Сторонники концепции, которая рассматривает внешнюю торговлю в качестве «двигателя» роста (например А. Льис) считают, что экономический рост в странах «третьего мира» обусловлен именно спросом на сырье в промышленно развитых странах. Другие ученые (в частности Дж. Ридель) считают, что торговля является «сопутствующим фактором роста», а главную роль должны играть внутренние факторы. Применительно к Судану внутренними факторами роста является более активное вовле-

чение в хозяйственный оборот богатых земельных, водных, сырьевых, трудовых ресурсов; создание на местной сырьевой базе современных видов промышленного производства, в частности перерабатывающих предприятий; расширение собственной продовольственной базы и изменение на этой основе структуры ВВП; поддержка местного частного предпринимательства со стороны государства, достижение оптимальных форм государственного регулирования экономики и т.д.

Учитывая благоприятные условия, имеющиеся для развития прежде всего сельскохозяйственного производства, именно это направление должно было стать курсом его экономического развития. Это позволило бы не только увеличить экспортный потенциал, но и решить продовольственную проблему, обеспечить промышленность сырьем и создать отрасли обрабатывающей промышленности, решить проблему занятости населения и др. Определенный вклад в осуществление указанных целей мог бы внести и иностранный капитал, тем более, что иностранные инвесторы проявляли интерес к вложениям капитала в национальную экономику, особенно в сельскохозяйственный сектор. Такая экономическая политика способствовала бы и решению других проблем – финансовых, социальных, организационных.

Однако, основным направлением экономической политики руководства Судана продолжала оставаться ориентация на модель роста, направленную на развитие в основном экспортных отраслей – прежде всего производство хлопка. Это, по нашему мнению, явилось одной из главных причин глубокого кризиса, в котором оказалась страна к концу 80–х годов. В структуре ВВП не произошло прогрессивных изменений. Доля отдельных отраслей в ВВП в конце 80–х годов характеризовалась следующими данными:[3]

Структура ВВП Судана в конце 80–х годов

Отрасль экономики	Доля в ВВП (%)
Сельское хозяйство	34
Промышленность	7
Строительство	5
Энергетика	2
Транспорт и связь	11
Торговля	15
Сфера услуг	26

Как видно из приведенных данных, основная часть валового внутреннего продукта создавалась в сельском хозяйстве и в сфере услуг, т.е. в ограниченном круге отраслей, где преобладал ручной, малопроизводительный труд.

Темпы прироста ВВП также характеризовались крайней неустойчивостью, что видно из следующих данных:

Динамика основных показателей экономического развития Судана во второй половине 80–х годов[4]

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.
ВВП, млрд. с. ф., в тек. ценах	13,9	22,0	31,2		
Фактические темпы прироста ВВП в %	– 11,5	10,2	4,9	– 5,0	– 2,0
Темпы прироста цен на потребительские товары, %	46,3	29,1	25,0	90,0	80,0
Экспорт, млн. долл.	369	333	533	500	400
Импорт, млн. долл.	579	634	695	1060	844
Сальдо текущих платежей, млн. долл.	152	– 21	– 233	– 322	– 700
Валютные резервы (исключая золото) млн. долл.	12,2	58,5	11,7	12,1	15,9
Внешний долг, млн. долл.	9,1	9,8	11,5	11,9	13,0
Выплаты в счет внешнего долга, млн. долл.	404	436	141	164	859

Резкие колебания в темпах прироста ВВП свидетельствуют о том, что экономика страны находилась в состоянии застоя. Причиной неустойчивого развития экономики явились в первую очередь значительные колебания объемов сельскохозяйственного и промышленного производства, невысокий уровень промышленного развития и зависимость от конъюнктуры мирового рынка, динамики цен на экспортируемые товары (прежде всего хлопок) и импортируемые (особенно нефть и нефтепродукты). За последнее десятилетие производство продовольственных культур для местного потребления резко сократилось, и страна стала импортировать продовольствие по программам европейской и американской помощи. С 1984–1985 гг. в стране начался голод. Резкие колебания в производстве монокультуры – хлопка, служившего основным источником поступления валюты, необходимость увеличивать импорт потребительских товаров, машин и оборудования, энергоносителей усугубляли тяжелое экономическое положение. Импортные закупки постоянно росли и к началу 90–х годов достигли 1 млрд. долл. В результате сальдо платежного баланса стало отрицательным. Валютные резервы сильно сократились и не обеспечивали оплату импортных закупок. Внешний долг Судана быстро увеличивался. Выплаты в счет внешнего долга превратились в тяжелое бремя для страны: в 1989 г. сумма выплат в два раза превысила доходы от экспорта.

Попытки сократить государственные расходы, предпринятые в предыдущий период, лишь усугубили трудности. Расходы на экономическое развитие и на государственное обслуживание были сокращены за период с 1978 по 1985 гг. в два раза, что привело к снижению норм продуктов питания и ухудшению доступа к услугам здравоохранения, чистой

питьевой воде и т.д. В то же время расходы на содержание управленческого аппарата и на оборону за тот же период возросли более чем втрое. В стране усилились антиправительственные выступления трудящихся. В 1987 – 1988 гг. прокатилась мощная волна демонстраций протеста против соглашения с МВФ о проведении экономических реформ, которые привели к резкому росту цен на товары первой необходимости. В декабре 1988 г. тысячи людей приняли участие в демонстрациях в Хартуме и других городах, протестуя против решения правительства повысить цены на сахар на 500% и на бензин – на 50%, а также против постоянных перебоев в снабжении населения хлебом, водой, электричеством. ВФРПС направила петицию Садыку эль–Махди, в которой выражалось несогласие с решением правительства о повышении цен, а также намеченными им мерами по сокращению численности рабочих. Наряду с ухудшением положения широких трудящихся масс появились сильные в финансовом отношении частные предприниматели, особенно в сфере торговли, банковском деле. Усилилась поляризация среди различных слоев суданского общества. Все это в сочетании с последствиями стихийных бедствий, обрушившихся на страну, – засухи, разрушительных наводнений, и голодом привело к нарастанию социальной напряженности.

Неспособность руководства решить важнейшие социально–экономические проблемы – преодолеть экономический кризис, добиться урегулирования положения на Юге страны, завершить начатый им после апрельского переворота 1985 г. процесс демократизации общественно–политической жизни привела к падению второго возглавляемого С. Эль–Махди коалиционного правительства. Стало ясно, что развал правящей коалиции, сформированной традиционными буржуазно–помещичьими партиями «Аль–Умма» и Юнионистско–демократической партией (ЮДП), неизбежен. Страна вступила в полосу затяжного правительственного кризиса. Обострению внутриполитической обстановки способствовала и активизация партии суданских фундаменталистов – Национальный исламский фронт (НИФ), руководители которого требовали включения своих представителей в состав правительства. Усиление позиций исламских фундаменталистов препятствовало решению проблемы Юга на демократической основе.

30 июня 1989г. в Судане произошел военный переворот. Правительство Судана возглавил генерал Омар аль–Башир. Вновь созданный Совет командования революции национального спасения (СКРНС) в качестве основных причин переворота, указал на то, что правительство Эль–Махди не смогло справиться с ухудшением экономического положения страны, с коррупцией, политической нестабильностью, с решением проблемы безопасности и усиливающейся изоляцией Судана от арабских и африканских стран, а также не уделяло внимания вооруженным силам.

Новое руководство страны запретило деятельность всех политических партий и профсоюзных организаций, арестовало многих видных деятелей распущенных по его решению партий и профсоюзов, представите-

лей интеллигенции, освободив при этом из заключения сторонников Нимейри. В отставку были досрочно выведены многие высшие офицеры армии, освобождены от занимаемых должностей деятели судебных ведомств, ректоры университетов и заменены лицами, явно симпатизирующими Национальному исламскому фронту – единственному союзнику новой власти.

Стремясь укрепить свое влияние, правительство не только вооружило и узаконило племенные военные формирования, но и создало Силы народной обороны, численность которых намечалось довести до 150 тыс. человек. Для управления населением были созданы народные комитеты. Многие акции протеста, поднимавшиеся профсоюзными или общественными организациями, были жестоко подавлены.

Правительство О. аль–Башира приняло меры для усиления влияния религии путем введения в декабре 1990г. законов шариата. Усилившаяся исламизация (очень сходная с иранским образцом) ущемляла права немусульманского населения, тем более, если учесть, что мусульмане составляют около 50% населения страны, и введение законов шариата способствовало бы отделению мусульманского севера от преимущественно христианского и анимистского юга. Народно–освободительная Армия Судана (НОАС) выступила против введения законов шариата, что осложнило внутриполитическую обстановку в стране.

В качестве решения проблемы урегулирования гражданской войны на Юге СКРНС предложил создание федеративной системы, при которой каждая провинция могла бы принимать законы по своему усмотрению в зависимости от конфессионального состава населения. Это предложение было отвергнуто повстанцами, которые увидели в нем «замаскированный раздел» страны. В результате проблема конфликта на юге зашла в тупик.

Жесткая политика подавления любой оппозиционной силы и благоприятные внешнеполитические факторы позволили военному режиму значительно укрепить свои позиции. Среди внешнеполитических Факторов сыграли роль свержение в Эфиопии режима Менгисту Хайле Мариама и ликвидация в Нджамене (Чад) правительства Хиссена Хабре, поддерживавших повстанцев на Юге. Однако, финансово–экономическое положение страны при правительстве военных продолжало резко ухудшаться. Правительство О. эль–Башира присоединилось к странам, поддержавшим Ирак во время проведения операции «Буря в пустыне». В результате резко возросли расходы Судана на импорт энергоресурсов. Кроме того, он лишился переводов суданских эмигрантов, работавших в Ираке, Кувейте, Саудовской Аравии. Стране было отказано в помощи, предоставляемой ей США, Египтом, Саудовской Аравией и другими ближневосточными странами. Финансовые поступления от арабских региональных фондов не прекратились, но Судан лишился финансовой помощи от Кувейтского фонда развития, что отрицательно сказалось на выполнении ряда хозяйственных проектов. ЕС прекратило предоставление кредитов. МВФ опубликовал заявление об отказе от сотрудничества с Суданом. Внешний долг

последнего на 1990 г. составлял 13 млрд. долл. и выплаты по нему не осуществлялись с 1985 г. Судану пригрозили исключить его из МВФ, которому он должен 655 млн. долл., т.е. по оценке западных экспертов, 27% всей суммы просроченных выплат этому международному институту. По данным на 1994 г., общая задолженность МВФ достигла уже 1,2 млрд. долл. Выплаты в счет внешнего долга стали непосильным бременем для страны, тем более, если учесть, что поступления от экспорта снизились до 250 млн. долл. по сравнению с 400 млн. в 1989 г.[5] Запасов иностранной валюты не хватало для обеспечения закупок за рубежом самых необходимых товаров.

Все это свидетельствовало об усилении кризисных явлений в экономике, в основе которых кроме причин политического характера лежали структурные диспропорции, заметно углубившиеся в конце 80–х – начале 90–х годов. Для их преодоления требовалось проведение экономической политики, предусматривающей целый ряд мероприятий – прежде всего введение режима строжайшей экономии при расходовании финансовых средств, сокращение дефицита государственного бюджета, приватизации части государственного сектора, поощрение частнопредпринимательской инициативы, привлечение иностранного капитала и т.д.

Стремясь справиться с кризисной ситуацией, СКРНС одобрил план действий, нацеленный на содействие развитию рыночной экономики и призванный лишить государственный сектор его главенствующего положения. Речь шла о программе структурной стабилизации (аналогичные программы, реализуемые в некоторых других РС в 80–е – 90–е годы, базировались, как правило, на рекомендациях МВФ и Мирового банка).

С помощью экспертов МВФ и МБРР была разработана программа структурной стабилизации, или восстановления экономики для Судана на 1990/91 – 1992/93 гг. Основное внимание в ней уделялось главной отрасли экономики страны, а именно – увеличению сельскохозяйственного производства, в том числе основных сельскохозяйственных культур (сорго, просо), а также повышению продуктивности животноводства. Программой предусматривалось проведение курса на либерализацию, приватизацию убыточных предприятий государственного сектора, отмену государственной монополии в ряде отраслей экономики, в первую очередь в сфере торговли, активизацию частного сектора, привлечение в суданскую экономику иностранных инвестиций, экономное расходование финансовых средств, сокращение дефицита госбюджета.

Для выполнения указанных целей одновременно предполагалось провести реформирование административной системы, усовершенствовать правовую базу, устранить препятствия для расширения частнопредпринимательской деятельности[6].

Приватизируемые предприятия подлежали акционированию с привлечением к участию в этом процессе как частного национального, так и иностранного капитала.

Главное внимание уделялось преобразованиям в финансовой сфере. Основными направлениями реформирования государственной финансовой системы являлись: резкое сокращение государственных расходов, постепенный отказ от государственного субсидирования цен на товары повседневного спроса, введение двойных цен (субсидируемых и свободных); совершенствование налоговой системы, снижение налоговой ставки для предприятий, способных внести вклад в увеличение производства (особенно для мелких и средних); предоставление возможности коммерческим банкам проводить собственную финансовую политику (устанавливать проценты по вкладам, сроки их выплаты и т.д.) с целью мобилизации средств населения для финансирования экономического развития; установление таможенных пошлин, защищающих интересы местных производителей.

В целях совершенствования денежно–кредитной системы и привлечения инвестиции в экономику предусматривалось стабилизировать норму банковского процента, провести акционирование государственных, коммерческих и специализированных банков, а также произвести конверсию долгов государственных и частных компаний в акции коммерческих банков, подлежащих затем продаже на рынке ценных бумаг[7].

Программа была нацелена на развитие, прежде всего, экспортных отраслей. Для увеличения экспорта предполагалось упростить систему расчетов с внешнеторговыми партнерами, а также создать несколько зон свободной торговли.

Для содействия успешному выполнению программы восстановления правительство учредило несколько специальных фондов, в том числе: Фонд стимулирования частного предпринимательства с капиталом в 10 млн. с. ф., Фонд развития земледелия и животноводства в пригороде столицы – 100 млн. с. ф., легкой промышленности – 100 млн. с. ф., а также так называемый Фонд компенсации возможных потерь при инвестировании в сельское хозяйство – 500 млн. с. ф. Поскольку программы стабилизации, проводимые в других РС по рекомендации МВФ, обычно сопровождаются ростом цен и увеличением безработицы, предполагалось создать также Фонд социальной безопасности с капиталом в 1 млрд. с. ф. Эти средства, очевидно, предназначались на социальные нужды, в том числе решение проблемы беженцев. Еще 200 млн. с. ф. Суданское правительство выделило на осуществление «программы мира» и введение федеративной системы правления. И, наконец, 200 млн. с. ф. – на восстановление разрушенных в ходе военных действии транспортных артерий в южных районах страны[8]. Единственным требованием Запада, которому Судан не подчинился, оставалось девальвация национальной валюты, поскольку она вызвала бы стремительный рост цен и обострение социальных проблем.

Начиная с 1991г. объем капиталовложений в экономику Судана по линии Программы стал резко возрастать. Так, в 1992г. на экономическое развитие было израсходовано в 6 раз больше средств, чем в предыдущем

году (однако, такой рост в значительной степени объяснялся высоким уровнем инфляции, который, по официальным данным составил 150%). Судану удалось несколько сократить импорт, увеличить экспорт (за счет увеличения доли в нем сельскохозяйственной продукции помимо хлопка) и почти ликвидировать отрицательное сальдо внешнеторгового баланса. Но в 1993 г. произошло увеличение импорта до прежних размеров. Так, в 1993 г. стоимость экспорта составила 412,3 млн. долл. а импорта – 719,7 млн. долл. Отрицательное сальдо торгового баланса достигло 379,4 млн. долл. Что касается платежного баланса, то в 1993 г. значительно снизился чистый приток капитала (с 301,7 млн. долл. до 198,3 млн. долл.), что в первую очередь было связано с неустойчивой политической и экономической ситуацией в стране. Некоторое сокращение дефицита по услугам (со 169,7 млн. долл. в 1992 г. до 104,5 млн. в 1993 г.) во многом объяснялось введением в феврале 1992 г. плавающего обменного курса суданского фунта и отставанием роста стоимости услуг от курса доллара США[9]. ВВП Судана увеличился с 7447 млн. с. ф. в 1991 г. до 8891 млн. в 1993 г. (в постоянных ценах). Особенно высокий темп прироста наблюдался в 1992 г. (11,3% по сравнению с предыдущим годом). Однако, в 1994г. он вновь снизился на 0,5%. Если принять во внимание высокие темпы прироста населения – до 3% в год и галопирующую инфляцию (по сравнению с 1979 г. цены выросли в 195 раз), то можно сделать вывод, что экономика страны находилась в состоянии стагнации. Основными причинами неравномерного развития по–прежнему оставались: сильная зависимость от основной отрасли экономики – сельского хозяйства и от притока финансовых средств из–за рубежа. Но, как отмечалось выше, финансовая помощь от арабских нефтедобывающих стран (Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЕ), а также арабских финансовых фондов после поддержки суданским руководством Ирака в 1991 г. сократилась. США и западные страны (ФРГ, Италия) также снизили объем предоставляемой Судану помощи, мотивируя это «политической нестабильностью, коррупцией, нарушением прав человека»[10]. Объем иностранных кредитов Судану уменьшился с 524,6 млн. долл. в 1991 г. до 183,3 млн. за первую половину 1992 г. Кроме того, предоставленные иностранные займы и кредиты направлялись прежде всего в те отрасли, которые в будущем могли бы обеспечить благоприятные условия экспорта сырья, пользующегося наибольшим спросом на международном рынке, или создать благоприятные условия для деятельности в стране иностранных монополий, т.е. способствовать закреплению страны в системе МРТ как поставщика сырья.

Среди проектов, осуществлявшихся с помощью арабских нефтеэкспортирующих стран, следует отметить птицефабрику по производству бройлеров в Гезире (первая очередь производительностью 1,2 млн. бройлеров в год была введена в действие в 1990 г.), фабрики по производству глюкозы и электрических батареек. ЮНИДО финансировала строительство текстильных фабрик и завода по производству комбикормовой муки. В 1991 г. в Судане открылся новый порт Свакин на Красном море с годо-

вым товарооборотом в 1,5 млн. т. Но основное внимание уделялось увеличению производительности действующих предприятий: молочного завода в Хартуме (18 млн. литров в год), сахарного завода в Кенане (300 тыс. т), цементного в Рабаке (мощность увеличена для производства дополнительно 300 тыс. т в год)[11]. Что касается убыточных государственных предприятий, то приватизации или преобразованию в смешанные компании подлежали прежде всего предприятия текстильной, пищевой промышленности, государственные отели, туристические объекты, ряд крупных государственных ферм. Программой предусматривалось преобразование национальной авиакомпании «Судан эйруэйз» в акционерное общество с участием государственного и иностранного капитала. В частный сектор передавались также водный транспорт, строительство электростанций, почта и телеграф.

Некоторое сокращение дефицита госбюджета было достигнуто за счет отмены субсидий на потребительские товары: мука, лекарства, бензин и пр. и введения новых налогов на население, включая беднейшие его слои. Транспортные расходы возросли в 10 раз.

Судану не удалось полностью выполнить цели, намеченные 3–х летней программой восстановления экономики, в основном из–за нехватки необходимых финансовых средств, и она была заменена десятилетней так называемой Стратегией национального развития, рассчитанной на 1992–2002 гг.[12]

Национальной стратегией намечается увеличить национальный доход за счет повышения нормы накопления (норма накопления в 80–х годах составляла 16–20%, а с 1987 г. снизилась до 10% и остается низкой по сравнению с другими РС, в которых она также сократилась с 30% до 18–20%) и повысить темпы экономического роста. Эти задачи предполагается решить за счет мобилизации в основном внутренних ресурсов, т.к. страна уже не в состоянии выплачивать внешний долг, введения режима строжайшей экономии финансовых средств, сокращения непроизводительных расходов, сдерживания инфляции. Как заявил министр финансов и экономического планирования Судана Абдель Рахман Хамди, финансовые средства необходимы прежде всего для развития нефтедобычи. Запасы нефти оцениваются в 15 млрд. барр., из них 2 млрд. могли бы добываться в ближайшем будущем[13]. Однако, начатое еще в 1987 г. освоение запасов нефти было приостановлено из–за военных действий на Юге страны, хотя в строительство нефтепровода протяженностью 1400 км были вложены значительные средства. Страна по–прежнему вынуждена импортировать энергоресурсы.

Осуществление программы столкнулось с финансовыми и иными трудностями. Неэквивалентный обмен во внешней торговле, вывоз прибылей, выплата высоких процентов по полученным займам и кредитам, потери в результате падения курсов ведущих западных валют, в которых Судан ведет международные расчеты, приводят к резкому ухудшению финансово–экономического положения и дальнейшему росту внешней

задолженности. Внешний долг Судана в 1996 г. оценивался в 16 млрд. долл. В 1997 г. он достиг уже 20 млрд. долл.[14] Мировой банк из–за политики руководства, а также его полной неплатежеспособности отказал Судану в новых займах. Правда, в марте МВФ отсрочил свое решение об исключении Судана из этой организации. В 1996 г. Судан начал погашать свою задолженность, которая составила уже 1,7 млрд. долл.[15]

Однако, в 1996 г. он выплатил всего несколько десятков млн. долл., а в 1997 г. прекратил выплаты из–за отсутствия средств. Напряженность в отношениях с МВФ несколько снизилась, поскольку Судан начал реализацию Программы экономической реформы, в результате проведения которой, как считают эксперты этой организации, удастся сократить правительственные расходы, заимствования из международных финансовых организаций и снизить уровень инфляции.

Однако, все свидетельствует о том, что Судан по–прежнему переживает затяжной экономический кризис. В стране продолжаются военные действия правительственных войск против повстанцев, расходы на которые оцениваются в 400 млн. долл. в год, т.е. примерно равны сумме всех доходов страны. Военные действия нанесли огромный ущерб сельскохозяйственному производству, обострили до крайности продовольственную проблему. ООН приняла решение об оказании срочной чрезвычайной продовольственной помощи Судану. Эта операция получила название «Мост жизни для Судана (МЖС)». Только в период с января по июнь 1996 г. в страну было доставлено 27,7 тыс. т продовольствия, из них 14,3 тыс. были направлены в районы, контролируемые правительством и 13,4 тыс. т – в районы, контролируемые НОАС. В сложных условиях военных действии, нехватки самолетов в первом случае помощь была оказана 781,6 тыс. человек, во втором – 1 092,6 тыс. человек. Однако, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в 1995 г. только Южному Судану требовалось 219 тыс. т продовольствия из 487 тыс. т необходимых стране в целом[16]. С 1988г. из–за дефицита продовольствия в Судане погибло около 500 тыс. человек и 3 млн. были вынуждены бежать из южных в другие районы страны или за ее пределы. В своей резолюции 50/58 от 22 декабря 1995 г. «О чрезвычайной помощи Судану» Генеральная Ассамблея отмечала, что, несмотря на прогресс, достигнутый в рамках операции МЖС, потребности в помощи полностью не удовлетворяются.

Жизненный уровень суданских трудящихся постоянно снижается. Уровень инфляции достиг 1000% в год, хотя, по официальным данным он составляет 150% в год[17]. Минимальная заработная плата исчисляется в 9 долл., а прожиточный минимум для семьи из четырех человек всего 4–5 долл. в день. Из–за резкого уменьшения внешней помощи и негативных последствий необъявленной экономической блокады, увеличения импорта продовольствия дефицит торгового баланса достиг 625 млн. долл. Дефицит госбюджета – 200 млн. долл. – покрывается в основном за счет эмиссии, что еще больше увеличивает инфляцию[18].

В этих условиях можно предсказать, что Программа экономической реформы не будет полностью выполнена, тем более, если учесть, что международные финансовые организации снизили помощь с 800 млн. долл. в 1989 г. до 50 млн. к концу 90–х годов.

Следует подчеркнуть, что руководство Судана отдает себе отчет в том, что для преобразования отсталой экономики, выхода из затянувшегося экономического кризиса необходима опора прежде всего на внутренние ресурсы. Об этом свидетельствуют заявления официальных лиц о том, что в настоящее время осуществляется переход от периода, в течение которого страна жила на средства, предоставляемые ей в качестве помощи, к опоре на собственные силы. Судан переживает переходный период, и инфляция является естественным результатом «радикальной либерализации». Лидер Национального исламского фронта (являющегося главной опорой правительства генерала Омара аль–Башира в идеологическом плане) Ат–Тураби в интервью агентству Рейтер заявил: «Судан – очень богатая страна. Через пару лет мы будем экспортировать нефть. У нас богатый животный мир. Мы обладаем минеральными ресурсами. У нас есть сельское хозяйство и пахотные земли. И эти земли будут использоваться. Мы обращаемся к своему собственному богатству. Мы мобилизуем народ. Мы знаем, что переживаем сейчас переходный период, и мы должны бороться».

Действительно, страна обладает большим резервом неиспользованных ресурсов. Так, в сельском хозяйстве используется всего 13% пахотных земель, площадь которых составляет 48 млн. га, хотя в сельском хозяйстве занято до 70% экономически активного населения. Вовлечение в оборот дополнительных земель с целью расширения возделывания продовольственных культур и интенсивного животноводства позволило бы решить продовольственную проблему. Правительство Судана в последние годы стремится уменьшить зависимость от международной продовольственной помощи, считая, что она лишает производителей стимулов к труду. Кроме того, оно стремится диверсифицировать сельскохозяйственное производство и увеличить экспорт таких культур как арахис, кунжут, сизаль и др., чтобы уменьшить зависимость от экспорта хлопка. Но для этого необходимо преобразование отсталого традиционного сектора, внедрение современных форм хозяйствования: кредит, кооперирование, создание агропромышленных комплексов, строительство объектов инфраструктуры и т.д. Некоторые зарубежные экономисты считают, что при рациональной эксплуатации естественных богатств Судан мог бы обеспечить потребности в сельскохозяйственной продукции, текстильном волокне и древесине не только свои собственные, но и соседних арабских стран[19].

Перспективным направлением является разработка полезных ископаемых. Судан обладает запасами ценного минерального сырья, однако они слабо изучены. Вклад горнодобывающей промышленности в ВВП не превышает 1%. В ограниченных количествах добываются лишь золото и

хромиты. В последние годы на побережье Красного моря обнаружены залежи полиметаллических руд, железной руды, вольфрама, урана. При участии германских, японских фирм найдены богатые месторождения хромитов, меди, цинка, золота и серебра. Наибольший прогресс достигнут в разведке золота, его добыча становится перспективной отраслью. С начала 80–х годов в районе Гебейт действовали совместно британская компания «Гринвич ресорсиз» и государственная «Судан майнинг К°». В конце 80–х гг. здесь было добыто 162,8 кг золота. Ирландская компания «Кенмайр ресорсиз» восстановила старый рудник «Аберкетэйб» в 200 км к северо–западу от Порт–Судана. В 1988 г. на месторождении Хассай (запасы оцениваются в 6,2 т) в районе Ариаб, добыто 100 кг золота, добычу намечено увеличить до 200 кг в год[20].

В конце 80–х гг. создано совместное предприятие с «Армено рисорсиз» для проведения разведочных работ на месторождении медной руды Хофрат ан–Нахас на крайнем юго–западе. Запасы оцениваются в 8,7 млн. т (при содержании меди 4%). На проведение работ здесь выделено 2,7 млрд. долл.[21]

Несмотря на то, что американская компания «Сан ойл» в 1990 г. прекратила разведку нефти, Судан продолжает сотрудничество в этой области с другими нефтяными компаниями, в частности с американскими «Шеврон», «ЮС Ойл (Юсоко), французской «Тоталь», «Пан оушен Ойл» (Паноко), базирующейся в Швейцарии, и другими. Иран согласился прислать специалистов для проведения разведочных работ на нефть и газ. В начале 90–х гг. государственная компания «Аракис Энержи Корпорейшн» и суданская фирма «Стэйт петролеум корпорейшн» приступили к реализации проекта по добыче нефти на основных месторождениях Хеглиг и Юнити, (на которые приходится 33 млн. т из общих извлекаемых запасов в 48 млн. т). К середине 90–х годов на них намечалось добывать 5,5 тыс. т в сутки. Добытая нефть по проектируемому нефтепроводу должна была поступать на НПЗ в г. Кости, а также в Порт–Судан на побережье Красного моря для экспорта. Стоимость работ только по организации добычи оценивалась в 140 млн. долл.[22] Осуществление этого проекта позволило бы решить проблему снабжения страны нефтепродуктами (сейчас Судан импортирует 80 тыс. т нефти в месяц). Это, в свою очередь, снизило бы зависимость от международной продовольственной помощи, поскольку, например, в 1997г. в некоторых районах был получен хороший урожай сорго, однако не хватало ни горючего, ни транспорта для переброски его в районы, где ощущалась нехватка продовольствия.

В связи с тем, что частный национальный капитал пока не способен развивать горнодобывающую промышленность, в последние годы наметилась тенденция расширения участия государства в разработке полезных ископаемых при участии иностранного капитала. Привлечение его могло бы внести определенный вклад в обеспечение национальной экономики топливом, сырьем, а также в наращивании экспортного потенциала страны. Развитие горнодобывающей промышленности способствовало

бы таким образом и решению острейшей для страны проблемы – сокращению внешней задолженности.

Для выхода из кризиса Судану необходима также диверсификация внешнеэкономических связей, в том числе внешней торговли. Большие перспективы для диверсификации и совершенствования внешнеэкономических связей открываются на пути экономической интеграции с соседними арабскими и африканскими странами (в 1990 г. подписан договор об экономическом политическом и военном сотрудничестве с Ливией), создание с участием капитала из арабских стран банков, совместных предприятий, обеспечение свободы торговли, перемещения финансовых, трудовых ресурсов и т.д. Достигнуты некоторые успехи в расширении экономических связей с другими странами. Так, в 1990 г. были подписаны три соглашения с Японией об оказании последней финансовой помощи в устранении последствий наводнения 1988 г. В 1976–1988 гг. финансовая помощь, оказанная Японией, составила 47,8 млн. долл. Она осуществлялась в основном на двусторонней основе в виде ссуд и дотаций, а также при реализации экономических проектов[23]. Заключено торговое соглашение с Ираном, согласно которому товарооборот между двумя странами должен составить 300 млн. долл. в год. Иран согласился поставлять Судану до 100 тыс. т нефти в месяц. Группа южнокорейских компаний проявила интерес к закупке в Судане кожевенного сырья на сумму 120 млн. с. ф.[24] В 1993 г. ЕС выразило желание и готовность восстановить экономические отношения, прерванные в 1990 г.[25] Расширяются экономические отношения с Китаем и другими азиатскими странами. В начале марта 1997 г. суданское правительство подписало соглашение о строительстве нефтепровода протяженностью 900 миль от нефтяных месторождений на Юге Судана до Порт–Судана с международной компанией. 40% добываемой нефти будет принадлежать китайский нефтяной компании (вместо американской «0ксидентл») и 30% – малазийской нефтяной государственной компании «Петронас». Нефтехимические и агропромышленные компании Малайзии проявляют большой интерес к потенциальным возможностям Судана как экспортера продовольствия и сырья в Китай и африканские страны.

Решение выдвинутых Национальной стратегией развития задач требует больших финансовых затрат и поэтому невозможно без привлечения крупномасштабной иностранной помощи. Суданскому руководству необходимо создавать условия для привлечения в экономику иностранных частных инвестиций, особенно капиталовложений из арабских стран, усилить взаимодействие с такими региональными организациями, как Исламский банк развития, Африканский банк развития и др. Но для этого необходимо прежде всего прекращение войны на Юге страны и достижение политической стабильности.

[1] United Nations Conference on the Least Developed Countries. Country Review Meetings. Sudan. U.N. 1981, p. 89.

[2] Niblock Tim. Class and Power in Sudan. L. 1987, p. 282–283.

[3] EIU. Sudan. Country Report. L. 1990, № 1, с. 3–4.

[4] EIU. Sudan. Country Report. L. 1990, № 1, с. 4.

[5] Middle East Journal, 28.09.1990, № 384, p. 17–18; 26.10.1990, № 386, p. 14–15.

[6] Syrie et monde arabe, 1991, v. 35, № 448, p. 10–12.

[7] «Аль–Иктисадий», Хартум, май 1993г.

[8] Environ Educ. and Int 1991, v. 10, № 3, p. 151–174.

[9] Амани Ельяс Ахмед. Статистические исследования экономического развития Судана. М.,1995. Диссертация канд. эк. наук., с. 140.

[10] «Араб Ньюз», Эр–Рияд, 16.10.1991.

[11] Syrie et monde arabe, 1991, v. 35, № 448, с. 10–12; Africa Post, 1992, № 11, с. 25–27.

[12] Джумхурия ас–Судан. Аль–Истраджия аль–каумия аш–шамиля 1992–2002. «Адь–Иктисадий». Хартум, май 1993.

[13] «Аль–Ард аль–Иктисадий». Хартум 1993, с. 14–18.

[14] "Africa Post", 1997, № 3–4, p. VII.

[15] "Financial Times", July 6, 1995, p. 4.

[16] Distrib. General. A 51/326 4 Sept. 1996.

[17] «Аш–Шарк аль–Аусат», Эр–Рияд. 05.01.1994.

[18] «Аль–Хайят», 30.03.1997.

[19] Environ. Educ and Int. 1991, v. 10, № 3, с. 154.

[20] International Mining, 1993, v. 7, № 8б с. 70.

[21] Там же.

[22] Oil and Gas Journal, 1993, v. 91, № 18, p. 48–51.

[23] African Bus. 1990, № 143, с. 9–10.

[24] MEED, 24 Jan. 1992, p. 20–22.

[25] «Ньюз Хорайзен», 08.02.1993.

А.О.Филоник

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ И ПОЗИЦИЯ АРАБСКИХ СТРАН

Арабские страны, являющие собою часть развивающегося мира, делят с его представителями многие трудности и в своем большинстве сталкиваются с теми же проблемами, что тревожат и другие афро–азиатские государства. Вместе с ними они все явственнее ощущают необходимость реагировать на казавшиеся еще недавно малозначащими такие проблемы, которые все более стремительно входят в жизнь современного мирового сообщества. Среди этих проблем – загрязнение окружающей среды в результате спонтанной индустриализации и интенсификации сельского хозяйства, локальные военные конфликты разной степени интенсивности, применение нерациональных и затратных методов ресурсопользования, глобальное потепление и т.п. Еще полтора–два десятка лет назад экологическая проблематика не считалась приоритетной в «третьем мире», а возможность «парникового эффекта» даже на Западе воспринималась во многом как экзотический феномен. Во всяком случае, во время советско–американской встречи на высшем уровне в декабре 1987 г., претендовавшей на событие мирового масштаба, в рамках которой обсуждались наиболее животрепещущие темы мирового значения, вопросы глобального потепления не были отнесены к числу приоритетных и были лишь обозначены в виде констатации намерения в будущем обсудить их более подробно[1].

Ныне мир становится свидетелем более вдумчивого отношения к «парниковому эффекту». К этому подвигают наблюдения, регистрирующие определенные сдвиги в сторону потепления климата в разных частях света на протяжении последних 20–30 лет, что дает основания части научного сообщества полагать, что «парниковый эффект» неизбежен[2]. Тем не менее в представлении более оптимистично настроенной части этого сообщества пока нет устойчивых доказательств необратимого нарастания тенденции к глобальному повышению температуры. Регистрируемые в разных местах земного шара аномалии в тепловых характеристиках могут в итоге оказаться вполне допустимыми отклонениями в температурах в пределах более протяженных временных периодов, в долгосрочном плане исторически вполне вписывающихся в сложившиеся нормы температурных колебаний. К тому же данные, полученные экспериментальным путем или просчитанные на компьютерах, в значительной мере должны быть гипотетическими, и едва ли способны учитывать все

многообразие во взаимодействии подвижных реальных природных сил, влияющих на климат и температурные кривые. А потому эти данные скорее могут рассматриваться как предварительные, ориентировочные, а не в качестве абсолютных свидетельств уже вызревшей тенденции к изменению климата. Другими словами, существуют различающиеся между собою точки зрения на явление потепления и разные же оценки его динамики, сути и воздействия на экологические системы суши и моря.

Но в то же время существует единое мнение относительно общей тенденции в развитии мирового климата. Схематически она может быть представлена в следующем виде. В результате активной антропогенной деятельности, вообще в связи с растущим давлением на вмещающий ландшафт в ходе естественного развития производительных сил и размещения в природных ареалах растущих масс населения, имеет место мощный процесс загрязнения окружающей среды, в частности, атмосферного пространства. Это ведет к накоплению посторонних примесей в газовой оболочке земли и к деградации ее естественных параметров, что способствует накоплению предпосылок к возникновению «парникового эффекта». Особый вред наносится присутствием двуокиси углерода, наличие которой обусловлено интенсивным сжиганием жидких углеводородов и иных видов топлива, а также другими газами.

По сути, все страны мира, так или иначе осуществляющие промышленное производство, вносят вклад в потепление климата. Проблема состоит в том, чтобы сократить вредные выбросы и тем самым сдержать нарастание негативных последствий, связанных с потеплением.

Пионерами движения по этому пути стали промышленно развитые страны, предпринявшие в последние годы серию шагов, чтобы облегчить вес выбрасываемых газообразных отходов. Было введено квотирование выбросов загрязняющих газов, что должно дисциплинировать производителей поллютантов и создать условия для международного контроля за процессами, ведущими к ухудшению характеристик воздушной среды.

Первоначально причины изменения подходов к использованию топлива лежали в чисто экономической области и были связаны в значительной степени с намерением западных потребителей добиться экономии средств после повышения цен на жидкие углеводороды и возникновения нефтяного кризиса в 1974 г., когда арабские государства использовали нефть как оружие в борьбе за равноправие на мировых топливных рынках. Эта акция спровоцировала ускоренный переход Запада к энергосберегающим технологиям, стимулировала качественный рывок в индустриальном развитии, окончательно закрепив их положение как мировых экономических лидеров. И только впоследствии была оценена экологическая составляющая этих нововведений, когда наиболее энергичные участники движения за энергосбережение продемонстрировали впечатляющие успехи в природоохранной сфере. Особенную активность проявили США, Франция, Германия, Япония. Так, в США за первые десять лет проведения политики сбережения энергоресурсов затраты на выработку энергии были

снижены в стоимостном выражении более чем на 200 млрд. долл. За десятилетний период с начала кризиса и до середины 80–х годов энергоемкость промышленности США ежегодно снижалась на 3,7%, а в последующий период этот показатель находился на уровне 1,2% в год, что свидетельствует о достижении определенного порога в восприятии новых технологий, но отнюдь не о прекращении самого процесса. Хотя, как отмечалось, он был стимулирован соображениями экономии, чисто экологическое значение его трудно переоценить, поскольку сокращение количеств потребляемого топлива и сырья непосредственным образом сказывалось на показателях загрязнения окружающей среды[3].

Следует, видимо, признать за аксиому, что совокупные промышленные выбросы Запада, даже при переходе на энергосберегающие технологии и при широком использовании природоохранных мер, в любом случае должны превышать вредное воздействие на природу промышленного потенциала развивающихся стран. По некоторым данным, промышленно развитые страны выбрасывают в атмосферу количества газов, которые в 6 раз превышают уровень, достигнутый странами развивающимися[4]. Эти последние активно эксплуатируют указанный факт, чтобы оправдать медлительность действий в природоохранной сфере. С их позицией в определенной мере стыкуется арабская (хотя арабские страны сами пытаются усилить экологическую составляющую своей экономической стратегии), отстаивающая ту точку зрения, что Запад преувеличивает опасность распространения теплового эффекта, исходящую от развивающегося мира, в стремлении сдержать развитие арабского экономического потенциала (за счет переориентации дополнительных и представляющихся немалыми средств на экологические нужды), закрепить нефтедобывающую составляющую в специализации арабских стран, предотвратить нарастающую диверсификацию их экономики, т.е. в намерении проводить по существу неоколониалистский курс под прикрытием призывов к спасению окружающей среды и предотвращению «парникового эффекта», превращенного в основную угрозу миру в ближайшие 40–70 лет.

Раздраженная реакция арабских стран подпитывается разного рода исследованиями и прогнозами западных научных центров. Эти последние постоянно акцентируют разрушительные сценарии нарастания потепления для развивающихся стран, подчеркивают неизбежность засух, распространение голода, болезней, эпидемий и других несчастий[5]. В связи с всемирным потеплением Ближний Восток, по их мнению, столкнется с тем, что здесь увеличатся шансы на превращение его в зону перманентной засухи, а все усилия по предотвращению опустынивания и озеленению окажутся тщетными[6].

Арабские эксперты исходят из того, что такие прогнозы, как отмечалось, имеют целью стимулировать эти страны к более высоким расходам на нужды экологии и защиты от природных катаклизмов и критикуют «катастрофный» уклон прогнозов. При этом арабы как бы приглашаются разделить ответственность за возможное перерождение климата, что вызы-

вает особые возражения последних, так как удельный вес всего арабского мира в мировых выбросах двуокиси углерода составляет, по некоторым данным, всего не более 2,8% в год[7]. При том, что на душу населения в арабском регионе приходится в среднем только 2,94 т выбросов двуокиси углерода в год, а среднемировой показатель составляет 4,21 т[8]. Тот факт, что арабские нефтеэкспортеры производят в целом больше этого загрязнителя (максимальный выброс зафиксирован в Катаре в 1992 г. на уровне 37,59 т на человека в год, тогда как в США, например, этот показатель не превышает 19,68 т)[9], чем другие страны, не может служить достаточным оправданием тому, что арабские производители нефти ставятся в один ряд с более «продуктивными» (по конечным результатам загрязнения) поставщиками промышленных отходов с Запада.

Такая реакция арабских и других стран в развивающемся мире, видимо, заставляет промышленно развитые государства в какой–то мере смягчать свою позицию специальными ссылками лишь на озабоченность «судьбами мира и его будущим, но отнюдь не желанием действовать исключительно только в своих интересах и оказывать давление на бедные и слабые страны, а тем паче добиваться господства над ними», как указывалось на Первом конгрессе участников соглашения по глобальному климату в 1995 г. в Берлине[10].

Очевидно, что экологическая полемика и столкновение мнений вокруг проблемы потепления дают повод к разного рода спекуляциям и имеют значение для восприятия климатических реалий как объекта политической борьбы и идеологического (с экологической подоплекой) противостояния. Проблема защиты окружающей среды таким образом имеет не только экологический аспект, но приобретает и выраженное политическое содержание в силу того, что на этом поприще сталкиваются различные экономические и политические интересы. В частности, в арабском мире широко муссируется мысль о том, что сжигание разных видов углеводородного топлива – нефти, газа, угля – едва ли может рассматриваться в качестве главной причины изменения климата.

Арабские эксперты считают, что широко утвердившаяся на Западе точка зрения, в соответствии с которой сжигание гигантских количеств топлива провоцирует потепление и в любом случае содействует накоплению факторов, которые могут создать устойчивую тенденцию для такого явления, не имеет четко сформулированного и бесповоротно подтвержденного научного обоснования. Арабские климатологи склонны считать, что зафиксированные колебания в температурных кривых на протяжении последних лет в большей мере являются следствием естественных процессов, чем тех, что связаны с выделением двуокиси углерода в ходе хозяйственной деятельности[11].

Энергичные выступления арабов обусловлены ширящимся мнением об углеводородах как основном источнике загрязнения и потепления. Такой подход и такое понимание проблемы были продемонстрированы и на 11–й сессии международной правительственной организации по пробле-

мам изменения климата, созданной под эгидой ООН и проведшей свои заседания в Риме в самом конце 1995 г. Соответствующие выкладки содержались в оценочном, предварительном докладе о научных и практических аспектах проблемы потепления и возможности изменения климата под влиянием нарастающих выбросов в атмосферу углеводородных соединений. Кувейтские участники сессии сочли недостаточной аргументацию доклада и его основное заключение, которое провозглашало неизбежность климатических изменений и требовало неотложных действий для предотвращения выброса газов. В противовес утверждениям доклада представители арабского мира подчеркивали, что представленные выводы основывались исключительно на математических моделях, которые, в свою очередь, опирались на абстрактные предположения и, возможно, исходили из неверных предпосылок[12].

Между тем в докладе указывалось на необходимость снизить выбросы двуокиси углерода на 80% немедленно для того, чтобы удержать концентрацию этого газа в атмосфере на нынешнем уровне и не допустить ее увеличения. Следование этому призыву, по мнению арабских производителей нефти и газа, означает глобальное наступление на их экономические интересы, поскольку жидкие углеводороды являются практически единственным источником их существования и гарантированной поддержкой их развитию. Более того, абсолютизация этого призыва может нанести ущерб не только арабским нефтеэкспортерам, но и всему сообществу развивающихся стран, поскольку эти последние связывают возможность преодоления зависимости и отсталости с ростом использования энергоносителей, в которых ныне они ощущают колоссальный дефицит. Уровень энергонасыщенности развивающихся экономик в настоящее время настолько мал, что применительно к ним речь может идти только о наращивании показателей использования различных видов топлива для производственных и иных нужд, но не о сокращении темпов их потребления. При этом крайне важно учесть, что развивающиеся страны не способны на нынешнем этапе широко применять энергосберегающие технологии или хотя бы использовать средства экологической защиты, которые помогли бы уменьшить ущерб живой природе.

По существу, при энергетическом голоде развивающиеся страны будут не в состоянии преодолеть застойные формы развития и будут обречены на то, чтобы отказаться от социального прогресса, лишиться надежд на экономическое возрождение, преодоление нищеты, недоедания, вообще своей незащищенности перед лицом нарастающих трудностей экономического, социального, политического плана, не исключая и экологических.

Действительно, при общей убежденности в неизбежности потепления климата перспективы этого явления пока остаются, как отмечалось, не вполне ясными. Во всяком случае, мнения по этому поводу достаточно противоречивы, а возможности проявления проблемы в ее наиболее остром виде не датируются с большой точностью. Тем не менее проблема

климата уже сейчас стала объектом растущих антагонизмов на мировой арене. Причем, хотя они имеют экономическую подоплеку, развертываются они, главным образом, в политической плоскости в виде некоего противостояния между экспортерами нефти и теми, кто смог добиться существенных ограничений в ее применении за счет сберегающих технологий, т. е. промышленно развитыми странами. Арабские производители нефти видят основную опасность в том, что некоторые группы в мировом сообществе готовы предложить в качестве меры противодействия распространению углеводородных видов топлива своего рода «карбоновый налог», последствия чего могут быть непредсказуемы для стран, которые являются чистыми экспортерами нефти[13]. При этом ряд экспортеров нефти, в том числе и арабских, подвергается нападкам со стороны движения «зеленых», в частности группы «Зеленый мир», которые в глазах арабов являются проводниками политики западных стран, стремящимися ущемить нефтепроизводителей, ограничить их влияние в мире и тем самым сузить возможности их роста. Тем более, что движение «зеленых» получило наибольшее распространение именно в западном мире, в связи с чем арабские нефтеэкспортеры и рассматривают их как своих прямых противников, не принимая в расчет общественной направленности в деятельности таких экологических сообществ и приписывая им исключительно империалистические, колониалистские цели. Такие оценки провоцируются во многом тем, что организации «зеленых», хотя и не представляют официально свои государства, но способны формировать общественное мнение, враждебное к тем, кто не считается с укоренившимися в массовом сознании европейцев представлениями о категориях полезного и вредного. В частности, арабские нефтеэкспортеры были объединены западным экологически ориентированным общественным мнением под названием «карбоновый клуб», чтобы подчеркнуть их несоответствие новым требованиям мирового сообщества, озабоченного охраной окружающей среды и тем, как сократить ущерб, наносимый ей ресурсозатратными технологиями и государствами, которые подпитывают эти технологии, сбывая гигантские количества нефти продуцентам загрязнения. Арабы же считают подобные трактовки незаслуженными и ответной мерой на то, что они всего лишь призывают к рациональному, научному подходу к проблеме, который принимал бы во внимание не только потребности живой природы, но и реальные нужды арабских и других развивающихся стран[14].

В данном случае политизация борьбы наносит вред всему экологическому движению, придавая ему совершенно иную заостренность и выводя в плоскость политического и, отчасти, международного противостояния. В психологическом плане подобные передержки могут нанести ущерб и экологическому движению в самих арабских странах и подорвать его позиции, как направления общественной мысли, чуждой национальным интересам, хотя в арабских странах такое движение может быть ориентировано только на решение внутренних задач. Подобная оценка деятельности «зеленых» особенно опасна в арабском мире потому, что такое движение

только нарождается здесь, оно не имеет прочных корней, не выкристаллизовалось в общественно необходимую силу, а при негативном отношении может вообще не вылиться в активные действия, сохранив статус отдельных кампаний, инициируемых государством и слабо поддерживаемых населением.

Кувейтские специалисты, принимавшие участие в римской сессии, смогли, представив свою аргументацию, оказать воздействие на общие подходы, вырабатывавшиеся в ходе обсуждений, и, в конечном итоге, повлиять на рекомендации, представленные сессией международному сообществу. По существу, это можно расценивать как определенную победу арабских нефтеэкспортеров, которые выступали за необходимость более взвешенного отношения к проблеме изменения климата как результата интенсивного использования природного топлива, отношения, опирающегося на реальные исследования факторов, влияющих на состояние и динамику климата и температур и изучение имеющихся данных на глобальном материале и за большие временные промежутки для получения более объективной информации о природных процессах и их составляющих, касающихся климата. Кроме того, арабам удалось в определенной мере купировать некоторые тенденции, возникшие в международных климатологических кругах и связанные с намерением ускорить принятие практических мер, которые могут иметь нежелательные экономические и социальные последствия. Речь в данном случае идет главным образом о необходимости ограничения использования жидких углеводородов в качестве массового топлива для предотвращения накопления вредоносных факторов, о чем упоминалось выше. Ситуация здесь такова, что едва ли представляется возможным рассчитывать на какие–то неотложные меры, которые в скором времени смогут привести к отказу от использования нефти и ее производных в настолько широких масштабах, что это приведет к резкому сокращению ее добычи, что, в свою очередь, станет угрожать благополучию арабских и других нефтеэкспортеров. Тем более, что Международная правительственная организация по проблемам изменения климата, созданная в 1988 г. по решению ООН и при участии Международной метеорологической организации и ЮНЕП в целях изучения проблемы с научных и практических позиций, в нынешних условиях склоняется к тому, что более реально использование энергосберегающих технологий как фактора, смягчающего разрушительное воздействие на окружающую среду и предотвращающего катастрофические изменения в тепловом балансе земного шара, нежели сокращение физических показателей производства нефтепродуктов, снизить спрос на которые многие страны не в состоянии. Это не сообразуется с их нынешними техническими возможностями, уровнем развития производительных сил в них и способностью усваивать новые технические решения для экономии на жидких углеводородах. К тому же и развитые государства не могут отказаться от растущих количеств нефти, поскольку их индустрия является стабильным потреби-

телем жидких углеводородов с тенденцией расширения их рынков, хотя и менее выраженной, чем в предшествующие годы.

Во всяком случае, Организация исходит из необходимости детального изучения ситуации с климатом как необходимой предпосылки для выработки дальнейших рекомендаций, которые должны носить эффективный характер и содействовать скорейшему решению проблемы в международном масштабе, соблюдая гармонию между интересами защиты окружающей среды и потребностями развития. В качестве свидетельства последовательного приближения к решению проблемы могут рассматриваться два обширных информативных доклада, первый из которых был издан в 1990 г. и стал фактором, стимулировавшим в 1992 г. подписание в ООН рамочного соглашения по проблемам изменения климата, а второй был опубликован в 1995 г. и стал дальнейшим развитием взглядов и подходов к теме, отражающим характер видения ее международными специалистами.

Международная экспертиза в 1990 г. отмечала, что температура будет иметь тенденцию к увеличению. Однако на практике погодные условия остаются близкими к обычным. Расхождение между прогнозами и реальностью кроется в том, что составители доклада в 1990 г., который был первым опытом обобщения явления, не учли воздействия ряда факторов на атмосферу и, соответственно, на погодные условия в целом. Эта ошибка была исправлена в докладе от 1995 г. По существу, новый прогноз значительно смягчающий ожидаемые последствия потепления климата под воздействием промышленных газов, создал базу для действий группы, возглавляемой промышленно развитыми странами, которая выступает против ограничений на использование жидких углеводородов как топливно–энергетического ресурса. Обоснованием для более терпимых подходов в этом случае служат то, что, поскольку наступление негативных последствий откладывается, это создает существенный временной задел для человечества, равный 40–240 годам, на протяжении которого могут быть найдены средства противодействия газам, вызывающим потепление, еще до того, как они ощутимо проявят свои отрицательные качества[15].

Тем не менее и успокоительный прогноз не может рассматриваться как убедительный, поскольку также построен на математических моделях и, возможно, несет в себе скрытые ошибки и недочеты. И все же международная экспертиза отнеслась к этой климатологической модели с большим доверием, не выявив столь резких расхождений во мнениях, которые были свойственны более ранним прогнозам. Во всяком случае, расхождений в оценках гораздо меньше, поскольку крайние точки зрения фокусируются на поле с меньшим разбросом мнений и не столь категоричны. Другими словами, этот доклад более отвечал позиции арабских стран–нефтеэкспортеров и сближал взгляды промышленно развитых государств с арабской точкой зрения на проблемы нефти, климата, экологии.

Преобладающее же мнение таково, что «будущее глобального климата плохое, но не безнадежное»[16]. Эта формулировка отражает суть

восприятия тех процессов, которые определяют содержание проблемы глобального потепления. Она получила распространение на Втором конгрессе участников соглашения по глобальному климату (потеплению) в Женеве в 1996 г., который рассмотрел новые оценки состояния климата на земле и перспективы его изменения в свете новых данных. Эти последние не были готовы к моменту проведения Первого конгресса в 1995 г. в Берлине, но, озвученные позже, должны дать импульс государствам–участникам к проведению практических мер по уменьшению объемов газов, поступающих во внешнюю среду в качестве продукта сжигания углеводородов, которые создают угрозу изменения климата. В частности, было принято решение, обязывающее страны–участницы и другие государства мира в общих интересах снизить концентрацию двуокиси углерода в атмосфере на 2% к 2005 г.[17]

Таким образом на международном уровне в развитие того, что было установлено на встрече в Рио де Жанейро в 1990 г. по проблемам окружающей среды, где была подтверждена необходимость «заморозить» количества выбрасываемого в атмосферу углекислого газа к 2000 г. на уровне 1990 г., были рекомендованы конкретизированные меры, развивающие стратегию действий в практическом русле. Рамочное соглашение не обязывает к подобным шагам развивающиеся страны. В основном оно касается только промышленно развитых государств, поскольку все–таки признается, что именно они несут основную ответственность за ухудшение экологических показателей воздушной среды и таким образом за усиление негативных тенденций в ситуации с климатом на глобальном уровне. Не случайно, женевское совещание уделило существенное внимание проблеме дальнейшего снижения темпов выброса теплонесущих газов в атмосферу уже к 2005 г. до уровня 15–20% от базового 1990 г.[18].

Естественно, структуры, подобные тому, что были созданы государствами, подписавшими Рамочное соглашение, не обладают распорядительными функциями, а их рекомендации не обязательны к исполнению, поскольку они лишь намечают контуры мер, которые могут привести к желаемым результатам в урегулировании проблемы. Тем не менее они служат своего рода ориентиром для деятельности правительств, которые могут соизмерять свои шаги с рекомендациями международного органа, который руководствуется научно фундированными соображениями и выступает с дифференцированных позиций в целях привлечения к природоохранительным инициативам максимально большего числа стран, каждая из которых может действовать сообразно своим возможностям.

Во всяком случае, арабские страны, за исключением Ирака, Ливии, Палестины, Сомали, одобрили это соглашение, хотя такие государства как Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар и Сирия ограничились принятием его к сведению. Тем не менее это дает основания считать, что многие арабские нефтеэкспортеры в той или иной форме признали это соглашение, несмотря на то, что оно связывает потепление климата именно с ин-

тенсивным использованием углеводородов в качестве топлива и сырьевых материалов.

Подготовленный для женевской конференции пленарный доклад о проблемах потепления климата содержал, как уже упоминалось, некоторые новые положения, которые сводились к тому, что прежние оценки, связанные с возможностями повышения температуры и, соответственно, уровня мирового океана, были завышенными вдвое[19]. Доклад оперировал также более оптимистичными сведениями относительно перспектив сельскохозяйственного производства в случае потепления, но при этом вновь указывал на то, что «имеются осязаемые свидетельства того, что антропогенная деятельность влияет на мировой климат»[20].

Следует признать, что активность международного сообщества в связи с возможностями потепления климата имеет целью создать систему сдержек и противовесов процессам избыточного накопления факторов теплового эффекта, который может способствовать деградации ландшафтов, местных экосистем и, в конечном итоге, обширных сегментов окружающей среды в наиболее экологически хрупких зонах мира. Однако в равной мере следует признать и тот факт, что переход в плоскость практических действий на поприще противодействия потеплению труден не только с точки зрения их технической реализации, но даже в организационном плане. Достаточно отметить, что протоколы о мероприятиях в сфере защиты климата от потепления, утвержденные в Бразилии в 1990 г. на конференции по проблемам окружающей среды и развития, до сего времени не вылились в практические действия, хотя рассматривались высшими исполнительными чиновниками государств–участников в ранге министров. По прошествии года с момента проведения очередной встречи в Токио в 1997 г. также нет особых оснований говорить о реальных практических действиях.

По мнению климатологов и специалистов других профилей, участвующих в изучении явлений всемирного потепления, «основной вызов, с которым сталкивается ныне мировое сообщество, связан не с поиском оптимальной политики на грядущие сто лет, а с выработкой стратегии бдительности, обладающей способностью к корректировкам каждый раз, когда будут получены новые данные»[21]. Такая стратегия должна в обязательном порядке подразумевать оптимальное использование энергетических ресурсов. Рациональный подход обеспечивается за счет отказа от использования технологий, которые обусловливают избыточное поступление газов в атмосферу; активизирования экономически обоснованных решений, гарантирующих целесообразную ценовую политику в отношении топлива, применение обоснованных норм его потребления, соблюдение баланса между энергетическими затратами и стоимостью произведенной продукции. Важный элемент такой стратегии – стимулирование последовательного снижения потребления карбоносодержащих видов топлива и перехода к альтернативным источникам энергетического обеспечения. Дополнительное условие – проведение массированных организационно–

технических мероприятий, которые способствуют уменьшению концентрации промышленных газов путем развития лесного хозяйства и зеленых насаждений, способных усваивать углекислый газ.

Здесь перечислены самые общие рекомендации, которые составляют тот минимум, без которого невозможно преодоление деградационного эффекта, вызываемого промышленными газами. Коллективное соблюдение этих рекомендаций заинтересованными странами могло бы существенно разрядить ситуацию. Однако подобная гармония в действиях пока не является достижимой в рамках мирового сообщества, представленного 159 государствами, подписавшими соглашение. Причина этого заключается в том, что государства находятся на разных стадиях экономического развития и в силу этого имеют неодинаковый экономический потенциал, который позволил бы им отвлекать средства на урегулирование растущих противоречий со средой обитания в процессе хозяйственного строительства. Поэтому указанные рекомендации должны будут расцениваться большинством развивающихся государств скорее как некая идеальная программа действий на отдаленную перспективу, чем практическое и непосредственное руководство. Ведь развивающиеся страны едва ли способны мобилизовать немалые ресурсы, чтобы фактически перестроить свои воспроизводственные комплексы под углом зрения экологических требований.

По всей видимости, из этого правила следует исключить арабских нефтеэкспортеров, которые располагают достаточными финансовыми ресурсами, чтобы оградить себя от разрушительных экологических последствий. Они не экономят средства на защитных мероприятиях и осуществляют крупные инвестиции в природоохранные проекты. Во всяком случае, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, а также другие производственные и инфраструктурные объекты, обладающие повышенной опасностью для окружающей среды, по большей части обеспечены очистными и другими сооружениями подобного назначения. Причем это касается не только объектов, находящихся в собственности нефтеэкспортирующих арабских стран за рубежом, где владельцы их обязаны придерживаться обычно строгих правил поддержания экологической безопасности, но и тех, что находятся на национальной территории. Подобная приверженность экологическим идеалам обусловливается тем, что страны–члены Совета сотрудничества (ССАГПЗ) осознают необходимость экологических мер для сохранения своей хрупкой природной среды обитания.

Если абстрагироваться от двойственности оценок возможных климатологических процессов и предположить их сугубо негативную динамику, то для арабских стран это, возможно, будет чревато двумя моментами. Во–первых, ухудшением условий жизни, спровоцированным ростом температуры окружающей среды, что может сделать ее абсолютно некомфортной для обитания и даже разрушительной для человеческого организма. Во–вторых, ухудшением условий для воспроизводственных про-

цессов в сельском хозяйстве (хотя уже первый упомянутый фактор может снять с повестки дня вопрос о выпуске аграрной продукции). Тем не менее «парниковый эффект» может привести к удлинению периодов засухи, уменьшению количества осадков, т.е. подвести ситуацию в продовольственном секторе к критической черте. Между тем арабские государства и без того испытывают зависимость от внешних рынков в продуктах питания, хотя и не переживают прямого кризиса снабжения из внутренних источников. Но дальнейшее нарушение баланса в продовольственном обеспечении может быстро поставить положение на грань кризиса.

Тот факт, что изменения в климате не должны быть мгновенными и теоретически должны бы позволить сельскому хозяйству адаптироваться к меняющейся ситуации, все же не может служить большим утешением. Во–первых, адаптивные возможности традиционных арабских культур находятся на пределе возможностей, так как чувствительны к колебаниям температур у верхних границ их переносимости растениями, а показатели урожайности резко уступают тем, что отмечаются в развитых странах с профильным производством одноименных продовольственных культур, осуществляемым на современной основе. Дополнительные же испытания в виде нарушения теплового баланса могут вообще губительно сказаться на потенциале продовольственного сектора. Во–вторых, сельскохозяйственные технологии, агротехника как таковая по определению инерционны в том смысле, что требуют длительных периодов для разработки и экспериментальной проверки результатов, усвоения их и внедрения в практику, а потому темпы их восприятия на уровне хозяйств в аграрных системах весьма низки. Тем более, что собственно арабская сельскохозяйственная исследовательская база стала активно развиваться только относительно недавно, имеет мало наработок и ныне едва ли готова к решению задач, которые должны быть поставлены уже сейчас, чтобы привести к положительным результатам спустя время.

Надо сказать, что складывается впечатление, что при общей озабоченности экологической проблематикой и выдвижением ее на приоритетные позиции в арабском мире обеспокоенность арабских стран именно глобальным потеплением в целом невелика. Арабы прислушиваются к тональности и настрою международных дискуссий на темы, связанные с «парниковым эффектом». Но реагируют на них они избирательно и только в тех случаях, когда затрагиваются их непосредственные интересы. Надо полагать, что арабские страны, как и развивающиеся государства в целом, будут склонны занимать выжидательные позиции в том, что касается принятия активных мер по борьбе с возможным потеплением. Такая политика обусловлена в первую очередь тем, что, как отмечалось, вплоть до настоящего времени нет полной и ясной картины динамики развития процесса потепления. По одним представлениям, потепление может существенно не затронуть зону расположения арабских стран. По некоторым данным, когда на земле происходит потепление, больше всего нагреваются высокие широты, а менее – экваториальные районы и близкие к ним ареалы[22]. Высказываются мнения,

что будущий глобальный климат может быть благоприятным для всех стран жаркого пояса, в том числе и для арабских. Это означает для них не только колоссальную экономию средств и ресурсов, но и обретение надежд на подъем аграрного производства и преодоление затруднений на продовольственном «фронте», подкрепляемых возможностью успешного противостояния опустыниванию[23].

Однако в противоположность этому имеются и другие взгляды. Они обусловлены иными представлениями о величине температур, до которых возможно нагревание земли. Согласно этим взглядам, чем оно выше, тем меньше шансов у ныне засушливых районов противостоять этому природному катаклизму и тем больше возможностей столкнуться с нежелательными изменениями в направленности эволюций местных экосфер и ландшафтов, с разрастанием пустынь, оскудением водных источников, утратой плодородия почвами[24].

Взаимоисключающие оценки отдаленной перспективы для арабских стран переводят всю проблему в теоретическую плоскость. Тем более, что арабы, особенно в странах Персидского залива и на сопредельных территориях, проживают в пограничных с экстремальными обстоятельствах, создаваемых мощными взлетами летних температур и вообще высокими среднегодовыми показателями теплового режима, адаптировались к ним и не склонны драматизировать ситуацию в расчете на лучший исход для себя.

Вообще эксперты придерживаются того мнения, что «международные усилия прекратить выделение двуокиси углерода, кажется, наверняка столкнутся с двумя препятствиями. Страны, которые выиграют от глобального потепления, едва ли с большим энтузиазмом будут бороться за его предотвращение. А тем, кто проиграет, трудно рассматривать эту отдаленную и несколько спорную опасность с той срочностью, которая требуется, чтобы прибегнуть к дорогостоящим мерам»[25]. В связи с этим можно с известным основанием предполагать, что арабские страны могут обнаружить склонность к активности только в том случае, если будут иметь весомые доказательства того, что процесс потепления действительно является реальностью и угрожает им непосредственно. Такой подход более соответствует психологическому типу арабов, предпочитающих выжидать до выяснения всех обстоятельств, а не совершать опрометчивые действия, требующие к тому же серьезных затрат материальных ресурсов. Именно поэтому арабская позиция в вопросах глобального потепления отличается сдержанностью, а попытки напрямую увязать наступление эры «парникового эффекта» с их деятельностью в нефтедобыче рассматриваются как угрожающие их национальным интересам и встречают резкую и немедленную отповедь. Суть же арабской позиции в рассматриваемом вопросе состоит на данном этапе в том, чтобы отслеживать ситуацию с потеплением, соотносить ее со своим видением процесса и избегать каких бы то ни было обязательств и вовлеченности в дорогостоящие проекты с непросчитанными результатами.

[1] «Последствия «парникового эффекта» на Земле». БПИ № 140, ТАСС 20.07.1988, с. 49.

[2] Там же, с. 47.

[3] «Финансовые Известия» 28.05.1996.

[4] «Аль–Хаят» 17.07.1996.

[5] «Аль–Иттихад» 14.04.1995.

[6] «Аль–Иттихад» 02.02.1996.

[7] «Аш–Шуун аль–Арабийа», айлюль 1994, № 79, с. 169.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] «Аль–Иттихад» 14.04.1995.

[11] «Аль–Баян» 28.01.1996.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] «Аль–Иттихад» 02.02.1995.

[16] "Аль–Хаят» 17.07.1996.

[17] «Аль–Иттихад» 14.04.1995.

[18] "Аль–Хаят» 17.07.1996.

[19] Там же.

[20] Цит. по: «Аль–Хаят» 17.07.1996.

[21] Там же.

[22] Герасимов Ю. «ЮНЕП о последствиях возможных перемен климата», БПИ № 223, ТАСС 16.11.1989, с. 44.

[23] «Аль–Хаят» 17.07.1996.

[24] Там же.

[25] «Последствия «парникового эффекта»… на Земле. с. 53–54.

А.Н.Хайдер

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Одним из важнейших событий в современной истории Йемена, оказавшим влияние не только на социально–политическую жизнь страны, но и на ее экономическое развитие, стало соглашение 22 мая 1990г. об объединении двух его частей – северной и южной. Целью последовательной интеграции Йемена был ускоренный подъем экономики в рамках осуществления «программы национальной, административной, финансовой, экономической и политической реформы», которая наметила пути «постепенного перехода к рыночной экономике при сохранении регулирующей роли государства и определила главные приоритеты в разных секторах экономики»[1]. Эта программа носит комплексный характер, затрагивает практически все аспекты социально–экономического развития страны, намечает стратегические подходы к решению проблем и предлагает некоторые тактические решения.

В области сельского хозяйства программа предусматривает широкий комплекс мероприятий, в том числе решение проблемы неиспользуемых земель в восточных и южных районах, завершение начатых сельскохозяйственных проектов, оказание государством необходимой поддержки товаропроизводителям в приобретении средств производства, проведение политики цен, гарантирующей производителям устойчивый доход от созданной продукции. Для этих целей создан правительственный Фонд поддержки сельскохозяйственного производства с регулярно пополняемым бюджетом в размере 500 млн. риалов.

В функции фонда входят закупки продовольственного и фуражного зерна у крестьян по обоснованным ценам, расширение производства технических культур за счет ограничения посевов наркосодержащего ката, а также содействие увеличению продукции животноводства.

В области промышленности программа ориентирует на создание многоотраслевой промышленной базы с использованием новейших достижений техники и технологии. Приоритет отдается тем отраслям промышленности, которые используют местное сырье, удовлетворяют потребности местного рынка, производят продукцию, которая могла бы заменить импортируемые товары.

В финансовой сфере программа предусматривает, в основном, акцент на налоговом законодательстве, на совершенствовании его положе-

ний с целью увеличения поступлений в казну и преодоления дефицита госбюджета, обеспечения социальной справедливости в обществе. В качестве конкретных мер предлагается усилить контроль за сбором налогов, применять жесткие санкции к лицам, уклоняющимся от их уплаты, провести инвентаризацию всей государственной собственности (земли, природных ресурсов, недвижимости).

Несмотря на утверждение указанной программы в качестве руководства к действию и на создание общейеменских национальных органов власти и управления, в стране продолжают существовать значительные разногласия в отношении практического осуществления программы. В составе руководства одного и того же ведомства представители северян и южан могут придерживаться различных точек зрения относительно способов проведения в жизнь одного и того же мероприятия. В основе разности их взглядов лежат неодинаковые идеология и политическое воспитание, полученное ими до объединения страны. Представители администрации из числа южан до сих пор часто придерживаются правил, усвоенных ими в годы централизованного управления госсектором. Напротив, представителям северян в большей мере присущ рыночный взгляд на экономику. Несовместимость взглядов между сторонниками различных экономических направлений превращалась подчас в силовое противостояние, вплоть до развязывания военных действий в 1993г., которые имели разрушительные последствия и привели к материальным потерям, оцениваемым в 11 млрд. долл.

Противоречия политического характера затормозили выполнение отдельных частей программы. Сравнительно успешно было проведено только плановое расширение нефтеперерабатывающих предприятий и осуществлены строительно–восстановительные работы. Улучшилась работа кредитно–банковских учреждений, обеспечивших преодоление последствий послевоенной инфляции и стабильность обменного курса национальной валюты. В то же время, значительная часть средств, выделенных на плановые капиталовложения, была использована на финансирование военных действий, которые не остановлены до сих пор.

На экономической ситуации в Йеменской республике негативно сказался общий спад производства, рост инфляции (30% в месяц) и обострение проблемы внешней задолженности* (просроченный внешний долг достиг к октябрю 1991 г. 7,8 млрд. долл., причем 2/3 суммы приходилось на страны Восточной Европы[2]).

Тем не менее имеются довольно благоприятные условия для развития химической промышленности. На базе разрабатываемых месторождений соли (в северной части страны) намечено построить предприятия

* Известно, что сумма задолженности Йемена России составляет 6,7 млрд. долл. В связи с этим МВФ, Европейский союз и Парижский клуб, в который недавно вступила Россия, обсудили вопрос о реструктуризации задолженности Йемена, в ответ на что Россия приняла решение сократить задолженность до 80%.

по выпуску хлора, хлористой соды, кислот, необходимых для ткацкопрядильного производства, стекольной отрасли и опреснения морской воды.

Потребности в минеральных удобрениях до сих пор удовлетворялись исключительно за счет импорта. Между тем в стране имеются собственные ресурсы для их производства, и освоение их также станет вкладом в развитие химической индустрии. Определенные перспективы для становления нефтехимии открываются в связи с обнаружением на территории обеих частей страны месторождений нефти. Естественно, Йемену, особенно в нынешней трудной финансово–экономической ситуации, самому не справиться с их освоением. Отсутствуют необходимые средства, опыт, специалисты. Основной задачей поэтому является привлечение к разработке месторождений иностранных компаний на максимально выгодных для Йемена условиях.

В настоящее время в стране действуют 18 нефтяных компаний, в т. ч. американские, английские, французские, итальянские, канадские, из стран Персидского залива. В ближайшее время ожидается завершение большого объема работ в области нефтедобычи. В частности, обустройство месторождений в районе Маариба; ввод в эксплуатацию месторождений в провинции Шабва, разведанных российскими компаниями; окончательное оформление смешанных и акционерных компаний с частным национальным и иностранным капиталом, которые будут вести разведку и разработку нефтяных месторождений. Одновременно предусматривается реконструкция НПЗ в Адене, строительство таких же заводов в Мукалле, Шахре и в Маарибе; завершение проектных работ по строительству нефтепровода Сафир–Шабва для экспорта нефти, а также осуществление ряда других проектов.

В настоящее время добыча нефти поддерживается на уровне 11,3 млн. барр. Не менее важная роль отводится и добыче и переработке природного газа. Намечается широкое строительство газохранилищ, газопроводов для бытовых и промышленных нужд и поставок на экспорт. К финансированию строительства этих объектов предполагается привлечь частный капитал, а при непосредственном участии частного сектора построить завод по производству газовых баллонов.

Изучаются возможности перевода на природный газ электростанций, цементных, химических заводов и других промышленных предприятий. Ведутся переговоры с компанией «Хант» о начале разработки месторождений природного газа в Маарибе с целью поставки его на экспорт.

Увеличение добычи нефти и природного газа сулит стране немалые выгоды. Это позволит сэкономить конвертируемую валюту и обеспечить внутренние потребности в нефтепродуктах. Последнее достигается за счет активной эксплуатации Аденского НПЗ, мощность которого составляет 90–100 тыс. барр. в сутки, но существует возможность увеличить переработку до 110 тыс. барр. поскольку строятся два хранилища нефти емкостью по 25 тыс. т каждое, что обеспечит более полную загрузку оборудования.

Для развития нефтедобычи и других минеральных ресурсов в 1997г. было ассигновано 4800 млн. риалов, в т. ч. 509 млн. на подготовку ТЭО и собственно строительства нефтепровода Мааріб–Шабва и 562 млн. риалов на разработку других минеральных ресурсов. Кроме того, были мобилизованы дополнительные инвестиции в сырьевые отрасли со стороны банковской компании «Хант», которые составили 3043 млн. риалов, а также Йеменской нефтяной компании в размере 686 млн. риалов, что должно позволить интенсифицировать работу по освоению ресурсов.

Доходы от экспорта нефти, природного газа, а в перспективе и от некоторых видов нефтепереработки, можно будет направить на развитие нефтехимической, химической, металлургической, механосборочной и других отраслей обрабатывающей промышленности, которая развита в недостаточной степени. Машиностроение в настоящее время представлено в основном ремонтными мастерскими и предприятиями по производству предметов домашнего обихода. Между тем, при условии строительства собственного металлургического завода (уголь, железная руда для этого имеется), в Йемене могли бы сложиться предпосылки для создания собственной базы для сборки автомобилей, автобусов, тракторов, сельскохозяйственного инвентаря, которые сейчас ввозятся из–за границы. Также стал бы возможным выпуск бытовых электротоваров длительного пользования – холодильников, стиральных машин, трансформаторов, радиоаппаратуры.

Перспективным направлением деятельности йеменское руководство считает развитие судоремонтной промышленности и других отраслей, связанных с обслуживанием морского транспорта. Тем более, что для этого имеются квалифицированные кадры. Однако для развития Аденского порта необходимо около 580 млн. долл.[5], которые Йемен пока не может аккумулировать из собственных ресурсов и не способен привлечь извне. Однако попытки для этого делаются. В частности, объединение страны стимулировало идею создания в Адене свободной зоны (СЗ) на 15 участках площадью до 5 тыс. га[6], чтобы обеспечить валютные поступления. Уже в 1991г. была создана администрация СЗ Йемена. Однако практическому осуществлению этого плана препятствует оппозиция со стороны политических организаций северян, опасающихся чрезмерного экономического усиления района Адена.

Особо следует подчеркнуть необходимость расширения производства строительных материалов, для чего имеются все необходимые условия, в первую очередь разнообразные виды сырья. Разрабатывается проект строительства завода, который будет производить кирпич из глины, что резко снизит его себестоимость в отличие от блоков, отливаемых из цемента. Это же сырье намечено использовать и для выпуска керамической плитки, фаянсовых изделий и т. д. Вообще глина используется как заменитель цемента. Развитие стройиндустрии предполагает большой спрос на него. Поскольку его недостаточно для удовлетворения внутренних потребностей, ведутся поиски сырья, из которого можно было бы про-

изводить альтернативные виды цемента. Для этой цели намечено использовать месторождения известняка, глинозема. В обеих частях Йемена имеются запасы гипса, что позволило бы наладить производство гипсовых плит, способных заменить традиционные, включающие цемент, изделия для стройки. Предполагается значительно увеличить мощности предприятий, производящих строительные и отделочные материалы из гранита, мрамора, базальта, вулканических пород, чтобы включить в оборот все ресурсы йеменской сырьевой базы.

Вместе с тем следует отметить, что в стране нет внутренних предпосылок для создания крупного промышленного производства. Признанные оптимальными современные промышленные предприятия никак не вписываются в узкие рамки экономики ЙР, в которой емкость потребительского внутреннего рынка недостаточно высока. Поэтому даже развитие имеющейся легкой и пищевой промышленности в стране в конечном итоге имеет цель выхода на внешний рынок, прежде всего в соседние арабские страны.

На экономическую ситуацию в стране негативное воздействие оказал кризис в Персидском заливе, связанный с иракской агрессией против Кувейта. В результате поддержки, оказанной йеменским руководством Ираку, на Йемен были наложены санкции нефтедобывающими странами Персидского залива. В итоге около 1 млн. йеменских граждан, находившихся в странах залива, были вынуждены прервать работу и вернуться на родину. Это разорительно отразилось на экономике страны, повысив уровень безработицы, лишив ее притока капитала извне, что помешало осуществлению ряда серьезных экономических проектов, намеченных но плану социально–экономического развития. В частности, затормозилась программа борьбы с эрозией почв, приостановилась модернизация ряда построенных после революции в южном и северном Йемене предприятий, которые должны были быть переведены на современные технологии. К этому добавилось снижение поступлений от экспорта нефти, связанное с падением цен на жидкое топливо. Внутри страны также сократилось потребление топлива из–за отказа арабских стран–нефтеэкспортеров поставлять Йемену нефтепродукты. Сам он не может компенсировать эти недопоставки из–за слабости собственной нефтеперерабатывающей промышленности.

В результате страна, которая и без того по рейтингу ООН относится к числу наименее развитых в развивающемся мире, оказалась в исключительно сложном экономическом положении. Это потребовало от правительства предпринять значительные усилия, могущие вывести страну из затяжного хозяйственного кризиса, основными чертами которого являлись снижение физических показателей производства ВВП, замораживание продуктивной деятельности в сельском хозяйстве, промышленности и в сфере услуг, сокращение валютных поступлений от йеменских эмигрантов.

Эта ситуация усугублялась также неконтролируемым ростом потребления некоторых слоев населения, в основном материально обеспечен-

ных, стагнацией дохода на душу населения, ростом зависимости от внешнего рынка. Общим же фоном кризиса была и остается на перспективу хроническая нехватка квалифицированных кадров во всех отраслях хозяйства. Картина кризиса объемно вырисовывается при рассмотрении следующих данных, касающихся макроэкономических индикаторов.

В 1992 г. дефицит бюджета (в текущих ценах) составил 24% ВВП, в 1994г. он увеличился уже до 30%. Однако рост экспорта нефти изменил ситуацию в экономике, и ранее существовавший дефицит был в 1996 г. сокращен до 6% ВВП. Ныне государство стремится уменьшить дефицит бюджета до 2,5% ВВП к 2000 г. Но, несмотря на этот положительный факт, Йемену так и не удалось уменьшить задолженность, обслуживание которой вновь привело к увеличению дефицита до 17% ВВП в 1998 г. Тем не менее удалось добиться уменьшения инфляции в 1996 г.[7] до 16%, а в 1998 г. предполагается сократить ее до 5,5%. Параллельно с этим был дан толчок некоторому росту валютных резервов с 969 млн. долл. в декабре 1996 г. до 1036 млн. долл. в январе 1997 г.

В начале 1991 г. ВВП страны в текущих ценах оценивался в 102 млрд. риалов. К концу 1997 г. он должен был достичь 712 млрд. риалов. При этом ожидалось, что доля в ВВП сельского хозяйства составит 106 млрд. риалов, в т. ч. животноводства 30 млрд. и рыболовства 9, 6 млрд. риалов. Вклад нефтяной промышленности предварительно оценивался в 31,2 млрд. риалов. Основания для этого заключались в том, что за 1991–1997 гг. темпы роста этого сектора достигали 12,7%. Во всяком случае, производство нефти в 1991 г. достигало 195 тыс. бар. в сутки, а в августе 1997 г. составляло 385 тыс. бар. К концу 1998 г. добычу нефти планируется довести до 450 тыс. бар в сутки.

Доля добывающих отраслей промышленности в ВВП не превышает ныне 3,6%, что в стоимостном выражении составляет 25, 6 млрд. риалов. Общее число добывающих предприятий, в которые было инвестировано 330 млн. риалов, достигло всего 17. В перерабатывающей промышленности число действующих предприятий не превышает 250, а ее доля в ВВП составила 9,5 млрд. риалов в 1991 г. и 40, 5 млрд. риалов в 1997 г., что в процентном выражении составляло соответственно 9,3 и 5,7%. Отставание темпов роста обрабатывающей промышленности от роста всего ВВП почти вдвое объясняется главным образом более быстрым ростом нефтедобычи и нефтепереработки. На ее развитие было ассигновано 17,4 млрд. риалов[8].

Развитие промышленного производства в 1991–1995 гг. было направлено на обеспечение более полного удовлетворения национального рынка в промышленной продукции, а также на уменьшение доли импортируемых товаров. Однако из–за кризиса на фоне недостаточного развития производственной базы[9] импорт товаров увеличился в 1991 г. с 24 млрд. риалов до 40 млрд. риалов в 1997 г.

В аграрной сфере программа развития включает строительство ферм по разведению скота, создание мясоперерабатывающих предприя-

тий с целью повышения выпуска продукции до 1 тыс. т. в год, а также устройство опытных плантаций, питомников и др.

Среди целей, намеченных для подъема сельскохозяйственного производства и преодоления продовольственного дефицита, можно назвать обеспечение прироста сельскохозяйственной продукции не менее, чем на 4% в год в основном за счет расширения обрабатываемых площадей и введения в севооборот новых культур, строительства предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, вообще интенсификации сельского хозяйства, прежде всего в сфере растениеводства. В целом, производство основных сельскохозяйственных культур в ЙР за 1986–1995 гг. несколько выросло. Доля сорго и просо – основных зерновых культур – на общем объеме сельскохозяйственной продукции увеличилась и достигла 13% в 1995 г. Производство мяса в этот же период увеличилось с 35,2 тыс. т. до 36,8 тыс. т. или на 4,5%. Производство мяса птицы и яиц увеличилось в стоимостном выражении до 1,5 млрд. риалов в 1995 г., или на 29%[10].

Традиционным занятием населения прибрежных районов ЙР является рыболовство, поставляющее продукты питания и являющееся одним из главных источников валютных поступлений. Как известно, район Персидского залива богат рыбными запасами. Поэтому предусмотрено более полное использование морских ресурсов за счет повышения улова рыбы до 400 тыс. т. в год. Внутреннее потребление достигает лишь 100 тыс. т. в год, что даст возможность значительную часть улова направлять на экспорт. Для материальной поддержки этой программы в 1997 г. было выделено 1070 млн. риалов.

С точки зрения социальной организации рыбная отрасль ЙР представлена в настоящее время пятью секторами: государственным, кооперативным и частным, а также иностранными концессиями и смешанным предпринимательством. Объем улова рыбы в стране в 1996 г. сохранился на уровне 1991 г. и составил всего 87 тыс. т. Это связано с политическими событиями, происходившими после объединения в 1990. В равной мере сказался недостаток квалифицированных кадров и отсутствие необходимого опыта в организации производства. К тому же в настоящее время национальный флот практически не обеспечен техникой в должной мере для планового промысла и запасными частями, необходимыми для капитального ремонта судов.

Основным сектором, в рамках которого развивается национальное рыболовство, остается кооперативный сектор. До объединения в Северном Йемене основной объем добытой рыбы приходился на частный и кооперативный секторы, а в Южном Йемене – на государственный и кооперативный. Однако это различие носило во многом символический характер, так как планы вылова рыбы не выполнялись ни в одном, ни в другом случае. Главными проблемами кооперативного сектора остаются недостаточное материально–техническое обеспечение в море и на берегу и острый недостаток квалифицированных кадров.

Ныне перед частным сектором открыты большие возможности в области добычи морепродуктов. Однако, чтобы перевести производство в нем на индустриальные рельсы, необходимо увеличить государственную поддержку, прежде всего банковскими кредитами, укрепить руководство и улучшить материально–техническое снабжение наряду с поощрением концентрации национального капитала в этой отрасли. Тем более, что имеется база, способная освоить и переработать добытую морскую продукцию. Это рыбоконсервный завод в городе Шукре мощностью 5 млн. банок в год и завод в г. Мукалла, рассчитанный на 8,2 млн. банок. Этот последний – самый крупный на Аравийском полуострове.

В ходе выполнения четвертого 5–летнего плана значительное внимание было уделено инфраструктуре. Была несколько расширена сеть главных дорог, проведена частичная модернизация портов и реконструкция аэродромов, отчасти обновлен парк транспортных средств, заложены основы телексной связи, по мере возможности улучшено управление этой отраслью хозяйства. Эти мероприятия были осуществлены за счет бюджетных средств, а также кредитов международных финансовых организаций.

Госсектор полностью доминирует в морском и воздушном транспорте, тогда как в автомобильном, который является основным, велика роль частного сектора. На развитие транспорта и коммуникаций в 1992 г. было ассигновано 20 млрд. риалов; в т. ч. 52,8% этой суммы было выделено правительством. В этих отраслях в период 1990–1991 гг. было образовано 85 предприятий и объектов, на создание которых было израсходовано 996, 6 млн. риалов. Кроме того, в стадии создания находилось еще 47 объектов стоимостью 817,6 млн. риалов. Важнейшим среди них был новый морской порт, сооружение которого должно резко расширить портовое хозяйство страны, улучшить размещение производительных сил и облегчить морские перевозки. На осуществление проекта было ассигновано 248 млн. риалов[11]. Строительство третьего порта было начато, хотя в настоящее время порты Аден и Ходейда сталкиваются с большими проблемами, вызванными длительным простоем судов под разгрузкой, несвоевременным вывозом грузов, отсутствием квалифицированных докеров и др. Но страна нуждается в дополнительном выходе к морю в расчете на перспективу. Поэтому государство действует на опережение.

Вообще проблемы инфраструктуры имеют приоритетное значение, поскольку улучшение сообщений должно способствовать активизации внутреннего рынка. Ввиду отсутствия железных и развитой сети автомобильных дорог государство пытается частично компенсировать их нехватку за счет использования авиации. Ныне в стране имеются 13 аэродромов, в том числе 5 международных (Сана, Аден, Ходейда, Эр–Риян, Таиз). По 3–ему пятилетнему плану основные инвестиции в размере 710 млн. риалов направлено на модернизацию международных аэропортов в Сане (225 млн. риалов), в Таизе (31, 8 млн.), в Ходейде – (68, 9 млн. риалов), а

расходы на реконструкцию аэропортов местного назначения – всего 31, 5 млн. риалов, включая аэродромы в Магрибе, Байда, Аль–Бака и Джуфа.

Пока страна не добилась заметных успехов в повышении жизненного уровня населения, в проведении социальных преобразований. Активизировалось в некоторой степени жилищное строительство, работы по развитию системы образования, ликвидации неграмотности, подготовке национальных кадров, а также в области здравоохранения. В производительных же отраслях серьезных сдвигов нет, несмотря на объявленные реформы, попытки модернизации и т. п. Огромная проблема здесь – кадры. Не случайно государство бросило силы на преодоление кадрового дефицита, нехватки специалистов, вообще на повышение образовательного уровня населения, технический уровень которого низок.

До революции почти 90% населения страны было неграмотно. В годы независимого развития руководство страны уделяло серьезное внимание вопросам массового образования, так как среди сфер социальной инфраструктуры трудно, пожалуй, найти иную такую область, где столь тесно смыкались бы социально–политические и культурологические аспекты развития. Можно отметить, что прогресс в области массового образования наряду с ростом общей культуры создает предпосылки для повышения социальной активности масс.

Подготовка национальных кадров, а это ныне – приоритетное направление в госполитике, осуществляется на факультетах Аденского университета и университета Сана, в средних специальных учебных заведениях, профессионально–технических училищах и за рубежом. Ограниченное число факультетов университетов и специальностей в других учебных заведениях не позволяет удовлетворять потребности национальной экономики в квалифицированных кадрах по многим профессиям и специальностям. В республике не хватает учителей, врачей, младшего медицинского персонала, специалистов сельского хозяйства, квалифицированных рабочих и многих других. Поэтому в стране строятся еще два университета в провинциях Таиз и Хадрамут.

В целом, описывая социально–экономическое развитие ЙР за время ее существования, можно отметить, что страна не смогла преодолеть застоя и добиться значимых успехов. Этому мешает внешнеэкономическое и политическое положение, которое осложняется противоречиями между социалистической партией южного Йемена и партиями северного Йемена, которые вылились в гражданскую войну. От этого ухудшилась экономическая ситуация, обесценилась национальная валюта снизились возможности накоплений и мобилизации ресурсов из внутренних и внешних источников.

Республика не располагает реальными внутренними источниками для погашения внешнего долга и в ближайшей перспективе иметь таких средств не будет. Поэтому Йемен будет долго оставаться в прямой зависимости от внешней финансовой помощи и ожидать в ближайшем будущем каких–либо существенных сдви-

гов в его социально–экономическом развитии нереально, несмотря на прокламируемые национальным руководством цели, которые могут быть достигнуты только в отдаленной перспективе и должны восприниматься более как декларация будущих намерений, нежели как практическое руководство к действию и реальное отражение имеющихся возможностей.

[1] Барнамидж аль–ислах ас–сиясий ва–ль–иктисдий, Сана, 1992.
[2] «Ас–Саурий», 17. 06.1991 г.
[3] «26 Сентября», 27.11.1997 г.
[5] Там же, 17.04.1994 г.
[6] Там же.
[7] «26 Сентября», 17.04.1997 г.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] «26 Сентября», 26.09.1995 г.
[11] Там же, 26.09.1992 г.

А.Г.Вирабов

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В АЛЖИРЕ

Исследования социально–экономических и политических проблем на страноведческом уровне на нынешнем этапе исторического процесса не получат должного освящения без учета глобальных геополитических сдвигов в мире, происшедших за последние 10–15 лет. На фоне этих сдвигов, преобразовавших геополитическую карту мира, их решающее воздействие на содержание общественного процесса на региональном уровне, в частности в так называемых странах социалистической ориентации, оказалось судьбоносным для многих народов планеты, в том числе в арабском мире.

Происшедшие в мире сдвиги, главным содержанием которых было исчезновение социалистической системы в Советском Союзе и странах Восточной Европы, дали основание американскому футурологу японского происхождения Фукуяме утверждать о "конце истории", т.е. об окончательном триумфе либеральной системы, ее превосходстве над другими системами общественного устройства.

Между тем, фетишизация либерализма в современных условиях, его насильственное внедрение во всех странах без учета местной специфики таит в себе не меньшее зло, чем в прошлом насильственное внедрение социалистических принципов общественного устройства на тоталитарной основе, в особенности в странах, где традиционные устои бытия имеют еще глубокие корни.

Адепты либеральной системы общественного устройства отдают себе отчет в том, что ее блага и преимущества не могут быть доступны для народов всех стран мира по чисто техническим причинам. Наша планета не располагает ресурсным потенциалом, способным обеспечить природными ресурсами в необходимом объеме народы всего мира, чтобы повысить их жизненный уровень до уровня жизни народов развитых стран. Достаточно напомнить, что только США, располагая 5% населения мира, используют для поддержания высокого уровня жизни своего населения 40% мировых природных ресурсов.

Дефицит ресурсного потенциала обозначил стратегию идеологов либерализма. Поиск выхода из тупика был найден в концепции т.н. "золотого миллиарда", в соответствии с положениями которой странам третьего мира, а также России, отводится роль периферии в системе мировых экономических связей, роль доноров в поставках сырьевых и энергетических ресурсов, а также продукции, производство которой опасно для среды

обитания, – всех этих компонентов, необходимых для нормального функционирования производств высоких технологий в экономически развитых странах.

Не случайно в ходе форсированной либерализации российской экономики происходит свертывание производств высоких технологий, опережающих в некоторых секторах (космонавтика, самолетостроение и др.) американские разработки на 10 и более лет. Не будем останавливаться на других негативных для России последствий либерализации.

Не менее негативные последствия имела либерализация в некоторых арабских странах, сопровождаемая мощным всплеском исламистских движений, трагедией для их народов. В этом плане наглядным примером может служить Алжир, где форсированная либерализация опрокинула существовавший порядок общественного устройства, серьезно задела материальные интересы многомиллионных масс населения. Кроме того, либерализация внесла в повседневную жизнь правоверного алжирца–мусульманина чуждые ему модели бытия, что воспринималось им крайне негативно, поскольку противоречило его мироощущению, его религиозным воззрениям. Эти обстоятельства подогревали антиправительственные настроения в массах, в основе которых, несомненно, находился социальный фактор, и в конечном итоге послужили причиной вооруженной конфронтации между значительной частью населения страны и новой властью, ориентировавшейся в своей политике на формирование общественной системы по образцу западноевропейских государств.

Непопулярность либеральных реформ, их форсирования показали выборы в парламент в 1991г., когда партия исламских фундаменталистов – Исламский фронт опасения – одержала внушительную победу, получив 188 мандатов (кандидаты ФНО – всего 25 мандатов). В ответ на это генералы–модернисты, как их называют алжирские журналисты, заручившись поддержкой Запада, вопреки принципам демократии и в нарушение государственного законодательства отменили итоги выборов. Более того, они вынудили уйти в отставку президента Ш.Бенджедида, который и начал либеральные реформы в стране, действуя, однако, осмотрительно, осторожно, шаг за шагом подготавливая условия для перехода Алжира в новое состояние. Он подготовил законодательную базу осуществления либеральных реформ и предпринял первые шаги в их практической реализации. В соответствии с положениями нового кодекса инвестиций за 1982г. деятельность иностранного капитала допускалась в рамках смешанного предпринимательства, но осуществлялась под контролем государства. В обновленной Национальной Хартии (1986) частный сектор был признан полноправным субъектом национальной экономики, а срок действия совместных предприятий с участием иностранного капитала был установлен в 99 лет (в соответствии с прежним законодательством – 10–15 лет). Доля иностранных инвесторов допускалась в пределах 49%. Но в стратегических отраслях их деятельность запрещалась. Однако уже в плане развития на 1990г. все ограничения на деятельность иностранного и нацио-

нального капитала практически были сняты. Иностранцам разрешалось создавать предприятия со 100% участия. Кроме того, иностранные банки могли открывать в стране свои филиалы, намечалось создание фондовой биржи. С января 1990г. активно проводилась либерализация внешней торговли. Предприятиям разрешалось открывать валютные счета и оставлять в своем распоряжении экспортную выручку. С 1989 г. экономическую самостоятельность получили 67 государственных компаний, в т.ч. 6 коммерческих банков, 4 страховые компании, ряд промышленных предприятий, входивших в состав СОНАТРАК и ЭНИС (Электротехническая промышленность)[1].

Осмотрительная взвешенная политика президента Ш.Бенджедида дала определенные результаты в деле либерализации алжирской экономики, способствовала увеличению доли частного сектора в условно–чистой продукции, которая составила 15% в начале 80–х гг.[2]. Но генералам–модернистам, ослепленным витриной западной демократии, действия президента показались недостаточно решительными. Обвинив его в намерении найти общий язык с исламистами, они вынудили его подать в отставку.

Оказавшись у кормила власти генералы–модернисты при поддержке части прозападно ориентированной интеллектуальной элиты, форсировали либерализацию страны, приступив к приватизации государственной собственности. Действуя нередко в нарушение действующего законодательства, они вместе с номенклатурными чиновниками из госаппарата становятся собственниками наиболее лакомых кусков национального достояния – эффективно действующих фабрик, заводов, страховых компаний и других предприятий. В результате этой кампании и мероприятий по так называемой "рационализации производства" до 20% активного населения оказалось в буквальном смысле без средств существования.

Спрашивается, какая надобность была в приватизации рентабельно работающих предприятий, приносящих доход государству? Почему вопреки политической и экономической целесообразности новая власть не позаботилась об интересах среднего класса, являющегося, как известно, основой социальной базы либеральной системы общественного устройства?

Только неуемной алчностью и незнанием элементарных законов рыночной экономики можно объяснить действия алжирских либералов в военной форме. В этом контексте разговоры о естественных трудностях переходного периода, связанных с первоначальным накоплением, в конкретной ситуации, сложившейся в Алжире, носят спекулятивный характер и рассчитаны на непосвященных.

По мере формирования социальных и экономических структур нового политического режима в Алжире взгляды различных слоев алжирского общества становились взаимоисключающими. Они постепенно приобретали конфронтационный характер в связи с углублением социальной пропасти между незначительным слоем богатых из военной и партийно–хозяйственной номенклатуры в центре и на местах, присвоивших значи-

тельную часть государственной собственности, и остальной частью населения, лишенных работы и социальной поддержки государства.

Драматические последствия для общества и государства действий новой власти, активно поддержанной Западом, прежде всего Францией, не заставили себя долго ждать. Вместо того, чтобы погасить общественный протест, выбить почву из–под ног исламистов новая власть своими действиями способствовала постоянному расширению их социальной базы, что дало им возможность свое движение, имевшее в начальной стадии религиозно–нравственную основу, трансформировать в вооруженную борьбу с режимом.

Безоглядный скачок на Запад новой политической элиты Алжира, способной, как показала жизнь, лишь к кабинетному теоретизированию, ее приверженность к западным общественно–политическим ценностям завершились по сути дела "алжирской трагедией", которая внеся глубокие потрясения в общество, чревато серьезными последствиями не только для исследуемого региона, но и для других регионов арабского мира, а также Европы. Это обстоятельство свидетельствует лишний раз о несуразности либеральной догмы, о безальтернативности, а, следовательно, об универсальности либеральной системы по европейской модели для всех стран.

Опыт стран Юго–Восточной Азии показывает, что успехи в экономике этих стран, также имеющей рыночную основу, достигнуты не по стандартам европейских стран и США, а на базе национальных традиций, психического склада народов региона, их духовно–культурных ценностей.

Новая алжирская политическая элита в лице армейского генералитета оказалась неспособной понять, что психология и мировоззрение мусульманина не вмещается в рамки европейского рационализма, основанного на протестантской этике, что переделать человеческую психологию за несколько лет даже путем террора невозможно. На изменение человеческой природы нужны не десятилетия, а возможно столетия устойчивого эволюционного развития общества в благоприятных условиях. Новая власть совершенно упустила из виду историческую память своего народа, его психический склад, приверженность к мусульманским морально–нравственным ценностям, его традиции и мировосприятие, в котором центральное место занимает понятие о социальной справедливости.

Алжир в настоящее время находится в глубоком политическом, социальном и экономическом кризисе, вызванном гражданской войной, конца которой не предвидится в ближайшей перспективе. Хотя правительственные войска нанесли ряд чувствительных ударов по вооруженным формированиям исламистов, их сопротивление режиму продолжает нарастать. Пользуясь поддержкой и симпатиями немалой части населения и получая значительную материальную помощь (в т.ч. оружием), которую им оказывают исламские центры мусульманских стран, они совершают террористические операции и акты насилия в отношении представителей власти во всей стране.

Оптимистические правительственные заявления об окончательной ликвидации исламистских отрядов в ближайшей перспективе и о стабили-

зации политической и социальной ситуации в стране далеки от действительности. И если некоторая часть городского населения, главным образом крупных городов, причем весьма незначительная, сумела найти свою нишу во вновь сформированных социально–экономических структурах, а остальная большая его часть, не говоря уже о людях глубинки, обречена на нищету, то это нельзя назвать политическим успехом в упрочении положения режима и лелеять надежду на благоприятный исход для его выживания в перспективе.

Западные аналитики указывают на то обстоятельство, что генералы–модернисты в течение 7–10 лет могут уйти в отставку по возрасту. Их место займут офицеры, занимающие в настоящее время должности командиров рот и батальонов, многие из которых симпатизируют исламистам. Кроме того, значительная часть алжирского студенчества, которая в перспективе будет занимать места в государственном аппарате, тяготеет к арабо–исламским духовно–культурным ценностям.

Новая алжирская конституция, принятая в 1997 г., направлена на упрочение диктатуры военных. Хотя формально в стране присутствуют все атрибуты демократии, власти, ссылаясь на чрезвычайное положение, жестко ограничивают демократические свободы, в особенности свободу СМИ. Подавляющее большинство политических партий, в том числе прозападной ориентации, находятся в оппозиции к режиму.

Либеральные реформы привели к резкому падению жизненного уровня широких слоев населения. Уровень безработицы превысил все мыслимые и немыслимые пределы (свыше 3 млн. человек). И многие алжирцы связывают это с приватизацией государственной собственности. Поэтому это слово для них стало самым ненавистным, как отмечают органы печати левой ориентации.

Для выхода из кризиса необходимы многомиллиардные капиталовложения, порядка 17–18 млрд. долл. ежегодно и только в нефтегазовый комплекс. Между тем доходы страны от экспорта продукции нефтегазового комплекса – практически единственного источника доходов – находятся на уровне 12 млрд. долл., которые расходуются на погашение внешней задолженности, на импорт продовольствия, оборудования и запасных частей для текущих нужд функционирующих еще предприятий.

В этой ситуации популярность президента Л.Зерауаля, избранного в ноябре 1995г., за один год снизилась с 60% до 20%, поскольку его предвыборные обещания так и остались обещаниями[3]. Так что говорить об упрочении режима военных и радужных перспективах их политики либерализации весьма проблематично.

[1] Algeria. The Country Raport. L. 1989, № 1, с. 24.

[2] Ермолаева М.В., Калиниченко Л.Н. Промышленность стран Северной Африки. М., 1989, с. 34.

[3] Le Monde, 07.10.1996.

Н.И.Ворончанина

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ
(на примере Алжира и Туниса)

Равноправие женщины – важнейший показатель степени демократизации общества. Проблема женской эмансипации – проблема универсальная, так как в той или иной степени она стоит в каждой стране. Но в государствах мусульманского, в том числе арабского мира, где весь цикл человеческого бытия все еще продолжает регулироваться многовековыми установлениями ислама, она имеет исключительно важное социальное и политическое значение.

Вместе с тем, ни сама постановка этой проблемы, ни возможные варианты ее решения еще не нашли до настоящего времени однозначного ответа. Несмотря на то, что женский вопрос дискутируется в арабском мире уже около века, привлекая к себе пристальной внимание самых различных слоев общества – правящих кругов, политической элиты, мусульманского духовенства, интеллигенции, самих женщин – не существует конкретной, приемлемой для всех стран модели эмансипации женщины.

Очевидно, что для арабского мира не подходит европейская концепция эмансипации, основанная на включении женщины в сферу общественно–полезного труда, хотя бы уже только потому, что право на труд лимитируется здесь состоянием экономики, наличием армии безработных мужчин.

Но дело, разумеется, не только в этом. Веками складывающееся под влиянием ислама мировоззрение арабского общества в целом, в том числе и самих женщин, противоречит европейским взглядам на равноправие. Первая и священная обязанность мусульманской женщины заключается в создании домашнего очага, в осуществлении функции жены и матери. Вот почему все представители передовой арабской общественной мысли, начиная с первых просветителей и кончая современными идеологами, считают, что целью эмансипации должно стать новое, более независимое положение женщины в семье, а затем и в обществе.

Не только концептуальная постановка вопроса, но и пути его решения носят принципиально иной характер, чем в капиталистических странах. В Европе, по крайней мере, с нового времени не стоял и не стоит вопрос равенства женщины в семейно–брачных отношениях, и за женщиной признавалось право быть личностью. Суть женского вопроса здесь заключается в принятии государственных законодательных и практических мер,

направленных на осуществление политического и экономического равноправия (политические права, равная плата за равный труд и др.).

В арабском же мире, еще только делающим первые шаги на пути эмансипации, в качестве первоочередного встает вопрос юридического подтверждения равноправия женщины. Большинство арабских государств после завоевания независимости признали в законодательном порядке за женщиной политические и гражданские права. Однако на уровне массового сознания сохраняется комплекс идей и поведенческих норм по отношению к женщине, порожденных исламом. Учитывая это обстоятельство, законодательство любой арабской страны в области семейного права включает в себя в той или иной степени элементы шариата и тем самым вступает в противоречие с положением, закрепленным в конституциях этих стран, провозглашающим равноправие женщины.

Степень интеграции исламского компонента в законодательство той или иной арабской страны зависит от самых разных факторов – соотношения уровня национализма и ислама в официальной идеологии, уровня секуляризации государственной и общественной жизни, массового сознания, борьбы противоборствующих группировок в правительственных кругах и ряда других. Как правило, в странах, руководствующихся в своей государственной политике принципами секулярного прагматизма, законодательство в области семьи и брака ущемляет (Египет, Сирия, Ирак) или даже упраздняет нормы шариата (Тунис). В тех же государствах, где исламские круги и доктрина включены в структуру власти (Ливия, Саудовская Аравия), положение женщины по–прежнему обусловлено социально–этическими нормами шариата.

В этом отношении представляется интересным сравнение двух соседних стран Северной Африки – Туниса и Алжира, которые значительно различаются по своему подходу к решению женского вопроса.

Обе страны в колониальный период имели примерно схожую ситуацию в правовом положении женщины. Семейно–брачные отношения регулировались мусульманским правом и, несмотря на существование в судебных системах и некоторых светских судов, входили в компетенцию исключительно религиозных, шариатских: в Тунисе – меджлис–шараи, в Алжире – махкама. В Алжире французские власти неоднократно пытались ввести элементы светского права в регулирование семейных отношений, наиболее заметные меры были приняты в 1957 г. и 1959 г. Эти объективно положительные нововведения были восприняты крайне отрицательно как руководителями Фронта национального освобождения (ФНО), возглавлявшим алжирское сопротивление, так и населением.

В период национально–освободительной борьбы ее лидеры в Тунисе и Алжире выступали за сохранение традиционного характера мусульманской семьи и всех исламских норм и обычаев, видя в этом проявление национально–культурной самобытности и считая, что равноправие женщины возможно лишь в условиях независимости.

Но если в Тунисе такая позиция была лишь вопросом тактики, а лидер национально–освободительного движения, а впоследствии руководитель страны Хабиб Бургиба сразу же после завоевания в 1956 г. независимости провозгласил светский, по сути, Кодекс гражданского состояния (август 1956г.), то в Алжире разработка аналогичного законодательства растянулась на десятилетия, и лишь в 1984 г. был принят Кодекс семьи, узаконивший традиционную концепцию мусульманского права в области семейно–брачных отношений.

Тунисские руководители в своем подходе к проблеме эмансипации руководствовались взглядами передовых арабских мыслителей. Первыми арабскими просветителями, затронувшими вопрос о положении мусульманской женщины, были Бутрус аль–Бустани, Франсис Марраш в Сирии, ат–Тахтави – в Египте. Но «классиком эмансипации» по выражению французского ученого Жака Берка, справедливо считается известный египетский писатель и общественный деятель Касим Амин. В своих работах «Освобождение женщины» (1899) и «Новая женщина» (1901) он впервые связал социальный прогресс общества с необходимостью эмансипации женщины. Согласно взглядам Касима Амина, социальное и экономическое развитие государства непосредственно зависит от положения женщины в семье и обществе, так как именно она несет главную ответственность за воспитание будущих поколений. «Роль женщины в социальном строе –, утверждал он, – сводится к созданию характера нации»[1].

Концепция Касима Амина в самом Тунисе получила дальнейшее развитие в книге тунисского общественного и политического деятеля Тахара аль–Хаддада «Наша женщина в шариате и обществе» (1930). Так же как его египетский предшественник, он требовал кардинального изменения традиционных форм семейно–брачных отношений, утверждая, что полигамия, принудительное супружество, отказ от жены (талак) никогда не вытекали из сущности ислама, а лишь только дозволялись. Приниженное положение женщины он объяснял искажениями религиозных законов.

Взгляды Касима Амина и Тахара аль–Хаддада нашли непосредственное отражение в тунисском Кодексе гражданского состояния. Комментируя его положения, Хабиб Бургиба зачастую почти дословно приводил суждения этих деятелей.

Тунисских кодекс, несмотря на сопротивление улемов, был принят довольно быстро: потребовалось лишь шесть–семь заседаний совета министров. Этому способствовало личное давление и авторитет Бургибы. (Впоследствии он при каждом удобном случае напоминал, что освобождение женщины – это его личная заслуга.) Кроме того, надо учитывать, что Тунис в новое время был страной с более развитым по сравнению с Алжиром гражданским обществом, а эволюция психологического склада, проявляющаяся в разрушении старых жизненных представлений, основанных на шариате и мусульманских традициях, шла здесь более быстрыми темпами, чем в других арабских странах.

Алжир – страна более исламистская. Здесь ислам был и остается важнейшей частью официальной и оппозиционной идеологии, а на уровне массового сознания определяет психологию и уклад подавлявшей части общества.

Причины этого сложного явления рассмотрены и проанализированы в работах российских исследователей[2]. Они кроются в особенностях политического и духовного климата Алжира, в той особой роли, которую ислам играл в годы национально–освободительной борьбы, в использовании религии как важнейшего инструмента внешней и внутренней политики.

В 20–30–е годы, когда на Арабском Востоке, в Египте и Тунисе женский вопрос привлекал к себе всеобщее внимание, вызывая в печати бурную полемику, а в Тунисе была опубликована нашумевшая книга Тахара аль–Хаддада и в 1936 г. возникла первая женская организация, алжирская общественная мысль почти не касалась этой проблемы. Правда, в 1932 г. в Алжире состоялся международный съезд женщин средиземноморских стран, но он был сугубо европейским как по духу, так и по своему составу.

Движение улемов–реформаторов, охватившее в Алжире довольно значительные слои патриотически настроенного населения, в своих взглядах на положение женщины руководствовалось позицией Рашида Рида, который, в отличие от других мусульманских реформаторов, и в частности, Мухаммеда Абдо, выступал за сохранение традиционного статуса мусульманской женщины, против любых нововведений в этой области.

Конечно, героическая борьба, которую вел в 1954–1962 гг. алжирский народ против колонизаторов, не могла не вызвать значительных изменений в общественной психологии. Война объективно способствовала распаду старых общественных, родовых и семейных связей, перераспределению ролей в большой патриархальной семье. Женщины принимали активное участие в боевых действиях, женщинам приходилось заменять в семье ушедших на войну мужчин. Все это способствовало осознанию ими своей новой роли в обществе и в дальнейшем привело к зарождению феминистского движения.

Вклад женщин в дело национального освобождения заставил руководство Фронта национального освобождения (ФНО) определить свое отношение к этому явлению и к постановке проблемы эмансипации женщины вообще. И Суммanская (1956 г.), и Триполийская (1962 г.) программы, и Алжирская хартия (1964 г.), отдавая должное роли алжирских женщин в деле национального освобождения, выдвигали задачу их равноправия в качестве одной из важнейших задач алжирского общества. Однако вопрос об эмансипации ставился лишь в самой общей форме. В этих документах ФНО периода президентства Бен Беллы, в отличие от последующих, не было упоминания о необходимости соблюдать традиционные этические предписания.

При последующих президентах Алжира Хуари Бумедьене (занял этот пост в 1965 г.) и Шадли Бенджедиде (в 1979 г.) усиливается место ислама во всех его проявлениях: и на официальном уровне и на уровне массового

сознания. В стране развернулась интенсивная пропаганда, направленная на исламизацию общественной жизни, укрепление норм мусульманской морали, защиту от влияния европейского образа жизни. В официальных документах тех лет – Конституции и Национальной хартии (1976 г.) проблема эмансипации женщины тесно увязывается с необходимостью соблюдать все морально–этические нормы ислама. В новой редакции Национальной хартии и принятой на ее основе конституции 1986 г. ислам занял ключевые позиции. В трактовке вопроса о равноправии женщины отмечался более ортодоксальный подход по сравнению с предшествующей редакцией. Если Хартия 1976 г. провозглашала необходимость эмансипации, хотя и опирающейся на мусульманские этические нормы, то здесь этот лозунг был практически снят. По–прежнему отдавалось должное героической борьбе женщин в период национально–освободительной войны, но был упразднен раздел, требовавший вовлечения женщин в экономическую и общественную жизнь.

В конституции 1989 г., принятой после массовых антиправительственных выступлений, несмотря на введение ею некоторых демократических свобод, исчезли две статьи, посвященные статусу алжирской женщины и гарантии ее прав.

В сложных условиях современного Алжира – резкого обострения экономической и социально–политической обстановки, развернувшейся волны исламского террора – вопросы эмансипации женщины вообще отступили на второй план.

Правовую основу положения женщины представляет Кодекс семьи 1984 г. Попытки кодифицировать семейное право предпринимались в Алжире трижды: в 1963, 1966 и 1973 г., однако эти проекты даже не выносились на широкое обсуждение. В отличие от них новый проект 1981 г. был представлен общественности и вызвал в стране широкий резонанс. Часть функционеров ФНО выступила против, считая его слишком традиционалистским, сами женщины устраивали на улицах массовые манифестации протеста. Проект широко обсуждался на страницах прессы. Однако, принятый Национальным народным собранием в июне 1984 г. Кодекс семьи оказался еще более патриархальным по сравнению со своим проектом 1981 г.

Алжирский кодекс семьи практически узаконил шариат.

Если тунисский Кодекс гражданского состояния 1956 г. юридически вводил равноправное положение женщины, то в алжирском Кодексе семьи 1984 г. было зафиксировано традиционное в мусульманском праве преимущество мужчины над женщиной.

Тунис является единственной арабской страной, где категорически, без всяких условий, запрещена полигамия. (В законодательстве других государств, где во многом действуют светские нормы семейного права – Египет, Сирия, Ирак, Йемен – она в ряде случаев допускается.) Статья 18 тунисского кодекса провозглашает «Полигамия запрещается». За ее нарушение предусмотрено уголовное наказание[3].

Хотя запрещение полигамии являлось прямым нарушением шариата, Бургиба комментировал это положение ссылками на четвертую суру Корана, произвольно прерывая ее, чтобы добиться соответствующего смысла: «А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то – на одной. (Коран. IV.3). Исходя из логической посылки, что нельзя быть одинаково справедливыми со всеми женами, он утверждал, что полигамия никогда не приветствовалась исламом[4].

Алжирский же кодекс не только официально узаконил многоженство, но при этом еще дает прямую ссылку на предписания шариата. Статья 8 гласит: «Разрешается вступать в брак с одной супругой и более, как это предусматривает шариат»[5]. Если в проекте кодекса 1981 г. предусматривалось право женщины ввести в брачный контракт дополнительные требования, в частности, отказ мужа от полигамии, то в законе 1984 г. эти дополнительные условия не детализируются и не предусмотрено никаких мер в случае нарушения брачного контракта. Алжирская женщина никак не может воспрепятствовать полигамии.

Тунисский кодекс ввел юридическую процедуру заключения брака, его регистрацию в государственных органах. При этом принцип добровольного согласия жениха и невесты является обязательным условием. Статья 3 устанавливает, что «брак может быть заключен только с согласия обоих супругов»[6]. Юридическая сила признается лишь за гражданским браком. Кодекс обходит вопрос о выкупе, предоставляя сторонам решать его в частном порядке.

По алжирскому кодексу заключение брака регулируется обычным правом. Статья 9 гласит «Брак заключается по согласию будущих супругов, в присутствии брачного опекуна, а также при наличии выкупа»[7]. При этом не требуется устно и публично выражать свое согласие на брак. Мужчина может доверить подписание брачного контракта своему доверенному лицу, а женщина – отцу, или другому родственнику по мужской линии, а при их отсутствии – брачному опекуну. Статья 12 кодекса указывает: «Отец может воспрепятствовать свадьбе дочери, если это в ее интересах»[8]. Полностью соответствовали шариату и все положения относительно выкупа, сумма которого определялась в брачном контракте.

Общим в законодательстве обеих стран является признание обязательности юридической процедуры развода. Правда, заслуга алжирских властей здесь не столь велика, так как это положение было введено французами в 1959 г. Тунисский кодекс категорически запрещает талак (добровольный отказ от жены). Закон устанавливает обязательность судебного расторжения брака с предварительным примирительным разбирательством в суде и последующем подтверждением в вышестоящей судебной инстанции.

В положениях о разводе алжирского кодекса нашли отражение многие правовые нормы шариата, неравенство супруги в этом вопросе пред-

ставляется совершенно очевидным. Статья 48 гласит: «Развод – это расторжение брака. Он происходит по требованию мужа, или по взаимному желанию или по требованию жены в случаях, предусмотренных статьями 53 и 54»[9]. Развод «по требованию мужа» фактически ничем не отличается от талака за исключением того, что он так же должен быть зафиксирован судьей, как и все остальные виды развода. Статья 51, полностью опирающаяся на Коран, гласит: «Любой мужчина, разведенный с женой тремя последовательными формулами, может взять ее вновь лишь после того, как она выйдет замуж за другого»[10]. Единственное, что может сделать жена в этом случае развода, это потребовать возмещение убытков, если суд установит, что муж произнес трехкратную формулу без всяких оснований (ст. 52)[11].

Что касается права женщины на развод, то она могла им воспользоваться лишь в специально предусмотренных случаях, перечень которых имелся в Кодексе. Кодекс предусматривает и развод «хулла», также соответствующий мусульманскому праву: «Жена может развестись с мужем посредством уплаты ему вознаграждения и при его согласии»[12].

Как и в шариате, разведенная супруга не могла покидать мужа в течение трех месячных очищений. В это время муж должен обеспечить ее содержание (ст. 61)[13].

Если тунисский кодекс ввел демократические, соответствующие гражданскому обществу, юридические нормы в таких вопросах как заключение и расторжение брака, многоженство, то в некоторых областях семейного права, учитывая традиционную психологию, он находит компромиссные решения. Так, кодекс просто обходит молчанием возможность заключения смешанных браков. Известно, что в мусульманском мире, даже среди европеизированных кругов, брак мусульманки с иностранцем оценивается крайне отрицательно.

Алжирский же кодекс решает эту проблему в соответствии с шариатом: мужчина может жениться на женщине иудейского или христианского вероисповедания, женщина может выйти замуж только за мусульманина.

И, наконец, в обоих кодексах есть раздел, где их положения полностью совпадают. В наследственном праве и в Тунисе, и в Алжире сохранено традиционное преимущество мужчины, основанное на шариате: наследники мужского пола имеют право на долю вдвое большую, чем наследницы. Бургиба неоднократно обещал вернуться к этому вопросу и пересмотреть дискриминационную статью, но это обещание ни им, ни последующим президентом Туниса Зин аль Абидином бен Али не было выполнено.

Тем не менее, тунисский Кодекс гражданского состояния 1956г., действующий поныне, остается самым прогрессивным в этой области в арабском мире. Вместе с рядом других законодательных актов, а также подписанием Тунисом всех международных документов, касающихся прав женщин, тунисское законодательство обеспечило женщине все политические

и гражданские права (дискриминация сохраняется лишь в вопросах наследования).

В алжирском же законодательстве были сохранены положения шариата, закрепляющие неравноправное положение мусульманской женщины. В кодексе неоднократно зафиксировано, что жена обязана подчиняться мужу. Женщина не может свободно выбирать супруга, встречаться с родственниками (кроме близких, перечисленных в Коране,) и друзьями. Она не может избежать угрозы полигамии и талака. Без разрешения мужа она не может работать, участвовать в работе общественных организаций. Алжирский доктор права Н.Вандевельд справедливо утверждает, что главные черты Кодекса семьи – это «патриархальность, правовое неравенство, мусульманский дух»[14].

Кодифицирование семейного права, бесспорно, одно из необходимых условий развития процесса эмансипации. Однако главным все же в нем является изменение традиционной психологии самого общества.

В этом отношении была огромная работа проведена в Тунисе. Всячески поощрялось снятие покрывала, введение новой европейской одежды, усвоение новых европеизированных форм быта. Школьницам и государственным служащим было запрещено носить покрывало.

Во всех государственных программах, направленных на эмансипацию мусульманской женщины, самое активное и непосредственное участие принимал Национальный союз тунисских женщин, образованный в 1956 г. Между ним и правящими кругами никогда не возникало противоречий относительно принципов и путей эмансипации (в отличие от Алжира). Редкие конфликты носили иной, политический характер.

Широкая программа по эмансипации мусульманской женщины, осуществляемая в период правления Бургибы, принесла свои результаты, особенно в высших и средних слоях населения. При этом немаловажную роль играли тесные контакты со странами Запада, трудовая эмиграция в страны Европы, развитие туризма, а также весь комплекс религиозно–обновленческих реформ, проводимых Бургибой. Сегодня в Тунисе в городской среде совершенно спокойно воспринимается современно одетая, спешащая на службу или работу женщина. Уровень женской занятости составляет в Тунисе примерно 20% от всего женского населения. В отличие от 6% – в Алжире.

В конце 60–х – начале 70–х годов правительство Туниса в силу ряда причин для укрепления своих идейно–политических позиций начало уделять вопросам ислама гораздо больше внимания, чем в начале независимости и было вынуждено скорректировать свою религиозную политику. В этих условиях официальная пропаганда, направленная на равноправие женщины, стала носить более осторожный характер. Фактически прекратилась кампания, против старомусульманских обычаев, ношения покрывала.

После смены власти в 1987 г. когда новый президент Туниса Зин аль–Абидин бен Али стал усиленно подчеркивать исламский характер

страны, и активизировалась деятельность мусульманского духовенства и фундаменталистского движения, общественность страны была обеспокоена возможностью пересмотра семейно–брачного законодательства. Началась кампания в защиту кодекса, сбор подписей. Ее инициаторами выступили Национальный союз тунисских женщин, Лига защиты прав человека, все партии легальной оппозиции. Острота вопроса была снята лишь после того, как съезд правящей партии Демократическое конституционное объединение в июле 1988 г. официально подтвердил неприкосновенность этого документа. Все последующие заявления правящих кругов и официальные документы также отмечали, что эмансипация женщины, отмена полигамии, равенство между мужчиной и женщиной остаются основополагающими принципами в области социальной политики.

В Алжире общественное мнение всегда стояло на страже мусульманских законов, а выступающий за эмансипацию Национальный союз алжирских женщин (созданный в 1963 г.) периодически вступал в конфликт с партийно–правительственными кругами (вплоть до полного роспуска). Рамки его работы ограничивались лишь культурно–просветительской деятельностью. Представительницы НСАЖ не были допущены ни к подготовке, ни даже к обсуждению проекта Кодекса семьи.

Законодательно закрепленные положения шариата, широкая пропаганда официальных установок о незыблемости мусульманской морали способствуют консервации нормативного комплекса этики и семейно–бытовых отношений, основанных на шариате среди большинства населения. Подавляющая часть алжирских женщин фактически исключена из общественно–политической и экономической жизни. Весь стиль алжирской жизни, пронизанной мусульманской психологией, препятствует идущему, даже стихийно, процессу эмансипации. «Рядовой алжирец просто не может себе представить женщину, полностью свободную и не нуждающуюся в чьей–либо опеке, – пишет французская исследовательница женской проблемы Ж.Минс. Она обязательно должна быть–чьей либо дочерью, женой, сестрой или матерью»[15].

Эмансипация женщины – объективный процесс. Новые явления общественной жизни – урбанизация, образование, распространение наемного труда, тесные контакты с Западом – не могут не сказаться на изменении традиционной психологии. Но если в Тунисе этот процесс поддерживается и поощряется официальной пропагандой, то в Алжире картина совершенно иная. Здесь провозглашенные конституцией гражданские и политические права женщины остаются нереализованными, так как давление традиционалистски настроенного в целом общества регламентирует поведенческие нормы женщины. Мусульманское право, утвержденное Кодексом семьи как феодальная, по существу, форма, объективно является тормозом на пути социального развития.

Тунисское общество более подготовлено к восприятию идей эмансипации. Этому способствовал и весь комплекс секуляристских реформ, проведенных Бургибой в 50–60–е годы, и взгляды на эту проблему тунис-

ских лидеров: его первого и второго президентов, и более выраженном, чем в Алжире лаицизмом общественно–культурной мысли.

В настоящее время в связи с оживлением исламских настроений, повышением интереса к своему прошлому, культуре и традициям, наблюдается тенденция к воссозданию некоторых черт мусульманской жизни, исламского ритуала при проведении свадеб, различных обрядов и т.д. Но это, как показывают социологические обследования, в большей мере является данью традиции, чем свидетельством истинной веры. Большинство тунисских мусульман встречает отрицательно лозунги фундаменталистов, призывающих вернуться назад, к шариату, особенно в том, что касается положения семьи и женщины. Об этом свидетельствует и кампания, развернувшаяся в защиту кодекса, и тот факт, что исламисты в своих предвыборных лозунгах и в 1989 г. и в 1994 г. старались обходить вопрос о кодексе и положении женщины, отдавая себе отчет в том, что их позиция в данном вопросе не разделяется основной массой населения.

В Алжире же сегодня вопрос об эмансипации мусульманской женщины не стоит вообще, так как исламистские лозунги в их умеренном варианте разделяет руководство страны и большинство политических партий. Волна исламистского насилия (пресса пестрит сообщениями об убийстве или изувечивании женщин, осмелившихся выйти с открытым лицом) еще более тормозит и без того слабо выраженный естественный процесс эмансипации.

Алжир и Тунис, демонстрируя нам различные подходы к решению женского вопроса, наглядно показывают, что проблема эмансипации тесно связана с общим состоянием общества, уровнем модернизации его экономики и социальных структур, его цивилизационного развития. В решении этой проблемы Тунис, бесспорно, опередил не только Алжир, но и все арабские страны.

[1] Амин, К. Новая женщина. СПб, 1912, с. 66.

[2] См. работы Ланды Р.Г., Малашенко А.В. и др.

[3] Es–Snoussi M.T. Code du Statut personel. Tunis, 1958, с. 19.

[4] Цит. по: “L’Action”, Tunis, 13.08.1968.

[5] Vandevelde H. Code algérien de la famille. – “Magrib – Machrek”, P., 1985, № 107 с. 66.

[6] Es–Snoussi M.T. Code du Statut personel. с. 13.

[7] Vandevelde H. Code algérien de la famille. C. 60.

[8] Там же.

[9] Там же, сс. 61–62.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же, с. 62.

[13] Там же.

[14] Там же, с. 52.

[15] Minces F. La femme daus le monde arabe. P., 1980, с. 136.

В.И.Гусаров

ТУНИС: «ЖАСМИННАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ – ПУТЬ К СТАБИЛЬНОСТИ?

7 ноября 1997 г. исполнилось десять лет с того дня, как в Тунисе произошло бескровное отстранение от власти основателя независимого (с 1965 г.) государства, тяжело больного 84–летнего президента Хабиба Бургибы. Этот успешный государственный переворот, получивший название «жасминной революции», был осуществлен под руководством Зин аль–Абидина бен Али, назначенного Х. Бургибой 2 октября 1987 г. премьер–министром правительства и генеральным секретарем правящей Социалистической дустуровской партии.

Ссылаясь на ст. 57 Конституции, предусматривающую замещение вакансии поста президента в случае физической неспособности главы государства выполнять свои обязанность, Бен Али объявил о взятии на себя функций президента. Одновременно он занял пост председателя правящей партии. В истории страны начался новый этап.

Новая власть объявила о намерении либерализовать экономику, содействовать здоровой конкуренции между политическими партиями, создать стабильное общество, которое характеризовалось бы открытостью и терпимостью. В основу преобразований была положена концепция Бен Али о строительстве гражданского общества. «Жасминная» революция сопровождалась сменой идеологических установок в Тунисе, хотя переход к плюрализму, как таковой, был заложен властями еще в начале 80–х годов. Бен Али использовал идею плюрализма в своей программе, являющейся, по сути, оформлением модели направляемой демократии. Одним из механизмов практическою реализации этой идеи стала реформа судебно–правовой системы, другим – новый закон о политических партиях, третьим – деполитизация системы образования.

Закон о политических партиях стал краеугольным камнем политического строя современного Туниса. В состав парламента вошли представители четырех из шести зарегистрированных партий.

Наиболее существенные изменения после 7 ноября 1987 г. имели место в социально–экономической сфере. Бен Али высказал тогда свою мысль о том, что подлинной свободы без развития не существует, а развитие не может идти вперед без свободы. Развитие и свобода – два взаимосвязанных процесса, где каждое дополняет другое. Правительство Туниса без колебаний провозгласило курс на экономическую либерализацию. В стране были созданы возможности для развития частной инициативы, которая способствовала хозяйственному подъему. Были проведены

кардинальные реформы по освобождению экспорта от государственного контроля, по либерализации цен, снижению таможенных пошлин, укреплению роли финансового рынка. Была проведена реформа налогообложения, направленная на его упрощение и снижение ставок налогов.

В результате названных мер начался рост ВВП и ВВП на душу населения (душевого дохода), который является одним из главных социально–экономических показателей для любой страны. По данным ООН, ВВП Туниса увеличился с 13188 млн. долл. в 1991 г. до 14634 млн. в 1993 г., а доход в расчете на душу населения за тот же период возрос с 1603 долл. до 1708 долл. Из более чем двадцати арабских государств Тунис по этому показателю вышел на десятое место, первые же девять мест занимают нефтяные страны. Именно добыча и экспорт нефти при малом населении обеспечивают им высокие места по душевому доходу. Тунисцы же добились этого напряженным трудом в новых условиях хозяйствования.

Опираясь на партийно–государственный и административно–полицейский аппараты, президент Бен Али сумел в короткие сроки вывести Тунис из хаоса, укрепить стабильность. Одновременно с реформированием государства происходила и перестройка правящей партии, которая с февраля 1988 г. стала называться «Демократическое конституционное объединение» (ДКО). Новое правительство осуществило реформы в системе национального образования, продолжило начатый Х.Бургибой курс на раскрепощение женщин. На базе либерализуемой экономики оно настойчиво и планомерно реализует программу развития тунисской глубинки, сферы социального обеспечения.

Фактически по каждому показателю, характеризующему человеческую деятельность – от средней продолжительности жизни до охвата школьным обучением и детской смертности, – Всемирный банк считает Тунис исключительно успешным примером развития. Строго следуя программе реформ, разработанной под руководством МВФ, правительство Туниса в ходе ее осуществления постепенно снижало в период 1992–1995 гг. средний уровень инфляции, доведя ее до 4,9%. Тем временем бюджетный дефицит в 1995 г. сократился до 2,6% ВВП. Принятые меры по либерализации экономики расчистили путь Тунису к более тесному партнерству с Европейским союзом. Тунис стал первой страной на южном фланге Средиземноморья, подписавшей с Европейским союзом соглашение о поэтапном создании в ближайшие 12 лет зоны свободной торговли. Это партнерство должно придать ему большую стабильность, закрепляя тунисскую экономику в европейской сфере.

Результаты выполнения восьмого плана социально–экономического развития, охватывающего период с 1992 по 1995 годы, оказались благоприятными, но в то же время высветили сложные проблемы. Реальный рост ВВП, составлявший в этот период в среднем 4,5%, оказался ниже намеченных 5,8%. Инфляция осталась на уровне 4,9% вместо предполагаемых 5,5%. Жесткая финансовая дисциплина привела к сокращению бюджетного дефицита к концу 1994 г. до 2,6%.

Усилия по диверсификации экономики сделали ее более стойкой по отношению к внешним потрясениям. Доля аграрного сектора в ВВП снизилась с 15% в 1989 г. до 13,6% в 1994 г., тогда как доля обрабатывающей промышленности возросла с 14,4 до 17,5%. Хотя на туризм приходится лишь 7% ВВП, его доля в выручке иностранной валюты значительно возросла, составив в 1994 г. почти 19% от общей суммы. По подсчетам Всемирного банка, Тунис может увеличивать свой ВВП на 1–2% в год за счет привлечения иностранных инвестиций в размере 200 млн. дин. в год, не считая капиталовложений в энергетику. Такие инвестиции сейчас составляют лишь 69 млн. дин., и требуется большая работа, чтобы довести их до требуемого размера.

Успех Туниса в либерализации экономики определяется частным сектором. Но хотя частное предпринимательство могло постепенно обретать растущее влияние в производстве – сейчас обрабатывающая промышленность на три четверти в руках частного сектора, – оно все еще нуждается в большей поддержке. Сейчас программа структурных экономических преобразований завершена. Однако несмотря на значительное улучшение положения дел в экономике, темпы ее роста недостаточны для поглощения ежегодно увеличивающейся численности рабочей силы, что порождает проблему безработицы. Хотя считается, что безработица, в общем, держится на уровне 15%, этот показатель гораздо выше среди молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Как считают в Министерстве экономического развития, стране нужны темпы роста в 6% в год, чтобы обеспечить работой 60–65 тыс. человек, которые в предстоящие годы будут ежегодно пополнять армию рабочей силы. Для поддержания политической и экономической стабильность тунисское правительство позаботилось о развитии нормальных отношений с профсоюзами и обеспечении таких условий, чтобы более бедные слои могли реально ощутить сдвиги в своем уровне жизни. Минимальная зарплата была увеличена с 120 дин. в 1990 г. до 154 дин. в 1995 г. Представители правительства с удовлетворением указывают на тот факт, что за семь лет в стране не было ни одной забастовки.

Вместе с тем беспокойство по поводу безработицы является одной из причин, почему приватизация в экономике продвигается медленно. Безработица и особенно ее неуправляемое нарастание всегда чреваты угрозой социальных взрывов. Однако главную угрозу стабильности сегодняшнего Туниса, а, следовательно, и его дальнейшему процветанию несет в себе исламский фундаментализм. В последнее время в западной прессе все чаще появляются сообщения о цензуре печати, политических преследованиях и процессах, других мерах, затрагивающих сферу прав человека. На деле они направлены на то, чтобы не допустить повторение ситуации сегодняшнего Алжира, преградить путь воинствующему исламизму, представители которого, впрочем, активно используют в своем наступлении идею защиты в Тунисе гражданских свобод. В этой связи отмечается, что особое беспокойство режиму доставляет законспирирован-

ная деятельность исламистской организации «Ан–Нахда». В распространяемых листовках этой организации прямо говорится «о попрании демократии, насаждении повсеместного полицейского контроля, применении репрессивных мер к инакомыслящим», содержатся призывы к ведению открытой борьбы с режимом.

Тунисское правительство исходит из того, что исламистское влияние соседнего Алжира способно создать много проблем для самого Туниса, в первую очередь подорвать четко наложенную здесь индустрию туризма – один из важнейших каналов поступления валюты в государственную казну. Видный общественный и политический деятель Туниса Садок Шаабан в своей книге, вышедшей в Москве на русском языке, отмечает в этой связи: «С идеологической точки зрения, нет большого различия между фундаменталистами и крайними националистами, тяготеющими к расизму. И те, и другие не апеллируют к разуму, а играют на чувствах и эмоциях, либо опираются на религиозную догму. И те, и другие кладут в основу своих программ постулаты, принимаемые на веру и не подлежащие обсуждению; одновременно они стремятся регулировать жизнь общества и индивида в мельчайших деталях. Они не верят в демократию и не признают инакомыслия»[1]. Автор считает, что «уделять внимание фундаменталистам нужно, потому что именно они были истинным препятствием для молодой демократии. Политическому режиму надо сделать усилие, чтобы разрубить узел фундаментализма и подготовиться к встрече со здоровой гражданской оппозицией»[2].

Несколько ниже, обращаясь к либеральному общественному мнению западных стран, автор книги подчеркивает: «На Западе должны знать, что фанатизм и насилие заложены в программе фундаменталистов и являются опорой их структур. Насилие становится неотъемлемой частью религиозных движений, как только они политизируются, стремятся управлять обществом, самой властью, устанавливая его нормы»[3].

Система политического плюрализма немыслима без демократической оппозиции и демократической конкуренции. Вместе с тем, как отмечает С. Шаабан, политической открытостью демократического режима не должны пользоваться движения, «экстремизм которых позволяет созывать под их знамена недовольных». Осознавая это, президент Бен Али, по его словам, «захлопнул дверь» перед рвущимися вперед антидемократическими оппозиционными силами. Он постепенно приоткрывает дверь в дом, уже подготовленный партией большинства, по мере того как в стране созревает подлинно демократическая оппозиция»[4].

Для сдерживания угрозы распространения интегристских настроений в стране руководством Туниса используются все рычаги, в том числе возможности государственного и партийного аппаратов. По оценке зарубежных экспертов, «для Туниса сейчас характерна обстановка стабильности и благополучия, что стоит дорого, и предпринимаемые популярным сегодня в массе тунисцев президентом Бен Али жесткие меры по сдерживанию воинствующего исламизма могут быть оправданны».

После 7 ноября 1987 г. заметно оживилась и приобрела новый динамизм внешнеполитическая деятельность Туниса. Руководители его дипломатии придерживаются в своей практической деятельности теории так называемых концентрических кругов внешнеполитических обстоятельств. В соответствии с ней выделяются магрибинский, арабский, исламский, африканский «пояса ответственности», а также наиболее широкий круг, составленный из стран, приверженных принципам Движения неприсоединения. Принадлежностью Туниса к этим группам государств определяются и приоритеты национальной внешней политики, причем ставится цель добиться их гармонизации.

Руководствуясь указанными принципами, обстоятельствами и приоритетами, Тунис в последние годы сыграл активную роль в процессе ближневосточного урегулирования, начиная с конференции в Мадриде. Тунис предпринял ряд важных инициатив в Африке и принял участие во многих миротворческих миссиях, направляя своих военных–миротворцев в Намибию, Сомали, Руанду, Бурунди. Кроме того, Тунис предоставлял свои миротворческие контингенты для отправки в Камбоджу, Боснию и Хорватию.

Тунис придает большое значение сотрудничеству стран Средиземноморья. 17 июля 1995 г. он стал первой страной южного Средиземноморья, подписавшей соглашение о партнерстве с Европейским Союзом. В том же месяце в Тунисе была проведена региональная конференция по подготовке Евро–Средиземноморской конференции в Барселоне в ноябре 1995 г.

Тунис входит во многие международные и региональные организации, в частности ООН, Лигу арабских государств, Организацию африканского единства, Организацию Исламская конференция, Союз арабского Магриба и др. Во всех этих организациях его представители выступают за мирный диалог и терпимость в решении сложных международных проблем.

Успешно развиваются российско–тунисские связи. 25 декабря 1991 г. Тунис заявил о признании России, считая ее правопреемницей бывшего СССР. Дружеские политические отношения, основанные на принципах взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга, по традиции оставляют прочный фундамент российско–тунисского сотрудничества. Между Россией и Тунисом действуют соглашения, заключенные ранее между СССР и Тунисом: торговое соглашение (1977 г.), соглашение об экономическом и научно–техническом сотрудничестве (1983 г.), соглашение о воздушном сообщении (1964 г.), консульская конвенция (1977 г.). На основе соглашения о культурном сотрудничество (1963 г.) каждые два года подписываются программы культурного и научного сотрудничества, а также программы в области обменов спортивными командами и делегациями.

Важнейшим направлением экономического и технического сотрудничества в последние годы является содействие российских организаций в

строительстве в Тунисе гидротехнических сооружений. В начале 90–х годов действовали построенные ранее при нашем содействии плотины на роках Эль–Касаб, Джумин и Резала, завершалось сооружение канала Джумин–Меджерда, проводились изыскательские работы по плотине и водному каналу на р. Седженан, было подготовлено технико–экономическое обоснование использования стока северных рек Туниса.

В феврале 1994 г. парламент Туниса ратифицировал соглашение с РФ о сотрудничестве в области строительства гидротехнических сооружений, подписанное в ноябре 1993 г. Как правопреемник СССР, РФ продолжает оказывать содействие Тунису в строительстве плотины в районе Сиди аль–Баррак. Организации РФ, принимают также участие в разработке проектов второй очереди каналов Седженан–Джумин и Джумин–Меддерда. Для реализации этих проектов РФ может предоставить Тунису кредит на сумму 8,5 млн. долл. Эта сумма представляет собой остаток кредита, который СССР должен был предоставить Тунису по соглашению между двумя странами от 13 октября 1983 г.

В 1992 г. в Москве было учреждено Общество друзей Туниса, которое способствует расширению культурного обмена между двумя странами. Естественно сложные экономические обстоятельства в России могут повлиять на масштабы сотрудничества, объемы торгового обмена и технической помощи Тунису. Однако важно, что заложенные в прошлом взаимоотношения оставляют открытыми двери для возобновления контактов по всем направлениям, когда этому будут благоприятствовать обстоятельства.

[1] Шаабан С. «Тунис: путь к политическому плюрализму». М., 1996, с. 25.
[2] Там же, с. 51.
[3] Там же, с. 53.
[4] Там же, с. 128.

А.С.Жамкочян

АПОКРИФИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В САМАРИТЯНСКОЙ КНИГЕ ИИСУСА СЫНА НАВИНА И ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ АРМЯНСКОГО ЭПОСА “ДАВИД САСУНСКИЙ”

Как известно, собственно библейский канон для самаритянской общины ограничен Пятикнижием в особой редакции, переведенным в свое время на арамейский, арабский и, возможно, греческий языки. Более поздние события священной истории отражены с исторически обусловленной точки зрения в ряде хроник. Наибольшую информацию содержат хроники, составленные на ставшем обиходным в самаритянской общине, по крайней мере, с XII века арабском языке. Одна из таких хроник носит условное название арабо–самаритянской Книги Иисуса сына Навина[1] и сохранилась в рукописи, датированной 1362 г., а также во фрагментах Российской Национальной библиотеки разного времени[2], значительные отрывки из этой хроники были включены в 1355 г. в более полную хронику Абу–’л–Фатха[3].

Один из эпизодов повествования заслуживает особого внимания как, несомненно, связанный с древнейшей историей армянского народа.

Повествование обеих самаритянских хроник в данном месте в основной части в общих чертах совпадает с известной библейской Книгой Иисуса сына Навина, затем в хронике Абу–’л–Фатха, где текст не разделен на главы[4], следует интересное отступление:

Повествование возвращается к уже изложенным событиям с новыми подробностями: «Расскажем сейчас о том, что произошло у него в войнах. Сыны Исраиля прожили спокойно до завершения двадцати лет от прихода их на землю Кан‘аān, без беспокойства, без волнения.

И был убит Хамāм сын Ра‘уāна царя персов среди тех царей, которых убил Ие’уша‘. Затем вырос у него сын по имени Шубак и был он очень богат и могуществен <….> И стал он переписываться с царями во всех странах, затем он сказал, что хочет отомстить за своего отца и написал ко всем хананеянам напомнив им о том, что сделали сыны Исраиля с их детьми и женами и городами. Затем послал царю Великой Армении и Малой Армении…»

Эта подробность не может не привлечь внимания. Упоминание Великой Армении и Малой Армении в таком контексте интересно само по себе в нескольких отношениях. Во–первых, в собственно армянской традиции такие названия действительно существовали («Мец Аик, Покр Аик”). Они упоминаются также в работах средневековых арабо–мусульманских авторов[5]. Составитель Хроники, живший, очевидно ок. XIII в. какое–то пред-

ставление об этом имел. Во–вторых, интересно также само написание этого названия, варьирующееся в разных рукописях: Армуния[6], Арминия[7], Админия[8] и Румия[9]. Последний вариант, означающий Рим (или второй Рим – Константинополь) явно произошел от первого, подтвержденного также и «Путешествием Джона Мандевиля» произведением самим по себе скорее фантастичным, но, несомненно, отражающим реалии своего времени[10].

Такая непривычная форма «Армуния» отражает, по–видимому, диалектное произношение соответствующей эпохи. То же самое, несомненно, и в форме «Кустантуния» или «Кустуния», засвидетельствованной в тех же самых самаритянских хрониках с несомненным значением «Константинополь».

Из сопоставления приведенных выше вариантов также следует, что у каких–то арабских авторов в процессе переписки название «Армения» могло превратиться в «Румия», что побуждает к внимательному рассмотрению соответствующих контекстов и может вызвать пересмотр каких–то положений. «Затем послал царю Великой Армении и Малой Армении и обратился к сыну Йафета–Могучего сам и послал также к царю Сайды (Сидона) и ал–Кимуна и царю аш–Шāма (Сирии) <…> и договорились встретиться в ал–Кимуне, и решили написать письмо к Ие'уше‘ (Иисусу) сыну Нона (Навина) <…>

От общества богатырей знаменитого, известного, прославленного <…> Йе'уша‘ сыну Нона, и людям его, пастухам, от нас тебе мир! Узнали мы, хищный волк, о том, что ты сделал в городах наших друзей, погубил старейшин <…> разрушил тридцать городов кроме жилищ и селений <…> и сейчас знай, о хищный волк, что мы идем к тебе <…> и учиним с тобой войну в Мардж Балата перед горой, на которой ты поклоняешься господу своему, через тридцать дней, знай, что среди нас тридцать шесть царей, с каждым царем из них шестьдесят тысяч всадников, кроме пеших, которым нет числа и среди нас Ибн Йафет–Могучий (из Великой Армении)>>…

Вызывает вопросы также второе упоминание «Сына Йафета Могучего» («Ибн Йафет ал–Джаббāр») из Великой Армении. (Эта подробность приводится только в хронике Абу–'л–Фатха). В Библии имя Йафет носит только один из сыновей Ноя. В средние века древнееврейскому имени «Йафет» традиционно часто соответствовало арабское «Хасан». Ответить на этот вопрос, возможно, смогут будущие исследователи.

«… и с ним булатная молния: если бросит и попадет удачно – убьет тысячу, если неудачно – убьет пятьсот человек. Готовься же к встрече с нами. И мир».

Далее сообщается, что посланник прибыл к Йе'уше‘ (Иисусу Навину) накануне праздника, пока люди веселились, Йе'уша‘ обдумывал ответ и по завершении праздника прочел его старейшинам. Текст ответа приводится в обоих хрониках, причем Абу–'л–Фатх признается, что сохранил его. Затем идет красочная сцена чтения письма перед царями.

«Затем не успел он закончить читать письмо, как они сникли и заплакали вместо слез кровью, отрезали себе волосы, порвали свою одежду и сказали: «Горе нам и детям нашим. Погубили мы себя, пробудили спящего льва, отвязали привязанного слона, навлекли гибель на самих себя своими руками». Тут вышли вперед колдуны, а с ними мать Шубака сына Хамāма, потому что она была искусна в деле колдовства, и сказали им: «Успокойте свои сердца, облегчите грудь: вы сами себя погубили своими делами, раньше гибели, и погубили войска ваши, знайте же, что мы устроили колдовство против сынов Исраиля, и не будет нам от них ничего, это они скоро погибнут и не бойтесь их. Это то, что было у них, Йе'уша‘ же, после того, как посланник ушел от него, начал устраивать свое войско, смотреть, какого оно, и выбрал из каждого колена тысячу мужчин, все они – молодые бойцы, снаряженные и готовые, двенадцать тысяч отборных воинов и Финас – первосвященник сопровождает их, а трубы у него в руке. Когда прошло семь дней, прибыл Йе'уша‘ в Мардж–Кимун и увидел войска богатырей, и остановился в середине луга. И когда приблизился к ним, сам не знал, как вдруг очутился между семью железными стенами, он и все его войска. Свершилась над ними хитрость колдовства. И остановился Йе'уша‘ перед Господом своим, плача и унижаясь, прося у Господа своего избавить его и сынов Исраиля, а богатыри в то время были в великой радости, а сыны Исраиля плакали и вопили к Богу прося у Него избавления. И стал Йе'уша‘ просить Господа своего прислать голубку, и вдруг голубка опустилась ему на колени, и он написал письмо к Набиху, сыну своего дяди, правителя двух с половиной колен, как будет сказано, говоря ему в нем:

«О Набих в тот же час, как получишь эти слова, если будешь спать – пробудись, а если будешь бодрствовать – сядь, а если будешь сидеть – встань, а если будешь стоять – иди, а если будешь идти – поторопись: Я и все твои братья – сыны Исраиля между семью железными стенами из–за колдовства в ал–Ладжжуне, а все враги наши в ал–Кимуне, и мы гибнем». Он сложил письмо, и голубка выхватила его клювом, поднялась, полетела и бросила письмо на колени Набиху, а он сидел на престоле своего царства, верша дела своих людей. И он открыл письмо и прочел его, и не успел закончить читать его, как омыл его своими слезами, рассердился, и усилился его гнев, и разгорелся огонь в его сердце и внутренностях его, и он встал с престола своего царства и закричал самым громким голосом, с великим плачем: «Скорее! Скорее!» «Огонь!» «Огонь!» И собралось к нему его войско со всех мест, и вышел Набих как грохочущий гром, крича со всеми своими людьми: «Скорее!» Скорее! Огонь! Огонь! Никакой тишины! Никакого покоя!» И исчезла земля от пыли, и побежали звери от сильной пыли до края пустыни, и поднялись птицы в небо от силы и крика и все гады земные опустились до седьмой земли от страха. И двинулся Набих со всем своим войском и прибыл на большой Луг. Затем мать Шубака, сына Хамāма, поднялась на крышу для поклонения звездам, по обычаю, и увидела Набиха со своими людьми, идущих с востока, как яркая луна и яркие звезды вокруг, и спустилась к своему сыну и сказала ему: «Яркая луна показывается с востока, а вокруг нее много звезд, и если они против нас – о горе нам! А если за нас – то счастье нам. И разозлился на нее за то, что поспешила к нему с недобрым, и убил ее, да не помилует ее Бог

всевышний! И вышел Шубак сын Хамама и двинулся к Набиху, и все его войско с ним. И сказал Шубак Набиху: «Как твое имя?» И сказал тот ему: «Имя мое Набих, сын Афара, сына Галада, сына Макера, сына Манаши сына Йусефа (Йосифа) владетеля царства, сына Йакуба (Йакова), сына Исхака (Исаака) сына Ибрахима (Авраама) который убил царей аш–Шама (Сирии). И еще послал меня Бог, чтобы убить тебя, о преступник, о нечистый «И сказал ему Шубак: «Я тот, у кого царство, и мое имя Шубак, сын Хамама, сына Фота, сын Ама (Хама), сына Нуха (Ноя), которого благословил Бог, когда тот выходил из ковчега». И сказал ему Набих: «Кто метнет первым?» И сказал Шубак: «Я метну первым». И сказал Набих: «Мечи, о преступник, о нечистый. Я прошу помощи против тебя у моего Бога». И пустил Шубак первую стрелу, и наклонил Набих голову, и миновала его и не поразила его, затем метнул вторую стрелу, и поднялся Набих в воздух, и прошла между ним и между его седлом. И метнул третью стрелу, и схватил ее Набих рукой. И Шубак пустился в бегство, и сказал ему Набих: «Куда бежишь? Я принял от тебя три свидетельства, прими же от меня одно свидетельство, возьми же его от десницы, которую благословил посланник Бога всевышнего». И пустил Набих стрелу, и поднялась в небо, и опустилась на голову того, на печень его и на печень коня его, и погрузилась в землю на пять локтей по царской мере, и на ее месте пробился источник воды, который называется «Источник Стрелы» до сегодня».

Здесь в заключительных строках, по–видимому, содержится наиболее интересное место в соответствующем эпизоде. Чрезвычайно важно, что оно до отдельных подробностей совпадает со сценой поединка, содержащейся в знаменитом эпосе «Давид Сасунский»[*].

… И Мелик у Давида спросил: «Как нам биться – сразу или чередой?»

– «как угодно душе твоей», – молвил Давид. И Мелик говорит:
«Я хочу чередом. Пусть трижды один ударит сперва.
Пусть трижды второй ударит потом.
Решим, кто первый будет бить».

Давид сказал: «Ты – старший, первый бей»
На землю слез с коня Давид,
Средь поля стал, сказал
«Бей! Очередь твоя
Трижды ударь меня».

Взял палицу свою Мелик,
К Фаркену поскакал.
И миновав трехдневный путь,
Коня поворотил

[*] См. Давид Сасунский. Армянский народный эпос. Вступительная статья, примечания Мкртчяна Л.М. Советский писатель. М., 1982. С. 273 и сл. (Перевод В.В.Державина).

И, на Давида налетев,
С разгона палицу пустил.

Земля загудела, взвыла, как пес от удара
Как под плугом, что сорок волов волокут,
Распоролась, взрыхлилась земля!
Тучи пыли небо и землю затмили.
Эта пыльная мгла за сутки осесть не могла.
Крикнул Мелик: «Ты землей был, Давид,
И я тебя в землю опять превратил!»
Тут голос Давида загрохотал:
«Жив я! Жив пока!
Ударь…. Ударь еще раз!»

«Ай,–ай – сказал Мелик, –
Видно короток был мой разбег,
Был в палицы мал размах,
Чтоб Давида сравнять с землей!»

Вновь повернул коня Мелик,
Диарбекира достиг
На Давида оттуда Мелик налетел
И в Давида палицу с маху пустил.
Загудела земля, словно лев зарычал,
Разорвалась земля, словно ливни размыли ее
Тучи пыли и небо, и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.
Два дня и две ночи пыль над Давидом стояла.
И спросил Мсра–Мелик: «Эй, Давид! Жив ли ты?»
Ты был землей и стал землей!»
Но Давид отвечал: «Я пока еще жив.
То второй ударь! Ударь еще раз!»

«Эх, эх! – сказал Мелик. –
Был мал разбег моего коня!
Был размах моей палицы, знать, невелик,
Чтобы разом Давида убить!»

И снова ускакал Мелик,
До Мсыра доскакал.
От Мсыра разогнал коня
И грянул палицей в Давида.
Словно под громом весенней грозы.
Вздрогнула земля
Словно от землетрясения

Задрожала и затрещала земля,
Тучи пыли небо и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.

Над полем три дня и три ночи плыла
Густая, пыльная мгла…
Мелик сказал: «убит Давид –
Раздавлен палицей моей.
Он был землей и стал землей!»

На третий день, только мгла от земли отошла,
Виден стал Давид на коне Джалали.
Сказал: «Ты три удара мне нанес,
И очередь моя теперь».
– «Тьфу, – говорит Мелик, – дай я еще пойду!»
– «Нет! – отвечал Давид. – Куда тебе идти?»
По уговору – мой черед!
Мир держится порядком иль насильем?»
Пришла Мелика мать, Исмиль–ханум,
И говорит: «Давид! Мелик – твой брат
Не поступай вероломно с ним!»
– «Вероломства не бойся мать!
Честно я три удара ему нанесу!»

Мелик сказал: «Давид, прошу тебя,
Дай срок мне – семь часов,
Я лягу под шатром,
Ты бей меня тогда».
Давид ему: «Поди, ложись.
Но ты скажи сперва:
Чем мне тебя ударить – палицей или мечом?»

Мелик подумал так:
«Коль этакой палицей грянет Давид,
Удара не выдержу я …»
И вслух сказал: «Ударь мечем!»

Пришел Мелик в шатер и матери сказал:
«Трижды я ударил его –
С ним не сделалось ничего.
Теперь Давид придет и здесь меня убьет».
А мать ему: « Сын! В яму полезай!»
Спустился в яму Мсра–Мелик.
Вот сорок буйволовых шкур взвалили на него,
Огромных сорок жерновов взвалили на него,

Накрыли одеялом Жернова.
Мелик ухмыляется, в яме сидит;
«Ну, – думает, – пусть ударит Давид!»
Хитрость его Давид угадал,
Пришел он, видит – гора жерновов;
Под одеялом лежат жернова,
Будто сам улегся Мелик,
И тут же мать Мелика стоит.
Но Давид не сказал:
Мол, дай погляжу,
Где укрылся Мсра–Мелик?

Вскочил Давид на Джалали,
До Цовасара доскакал
И вскинул молнию–меч,
Назад коня погнал
Чтоб нанести удар.

Тогда Исмаил–ханум открыла грудь свою,
И преградила путь, и говорит: «Давид!
Я кормила тебя! Я растила тебя!
Ты за это мне первый удар подари!»

Давид спросил: «Марэ! Почему ж до сих пор,
Как удары Мелика обрушивались на меня,
Ты не разу не молвила»: «Сын, подари мне удар?» –
И опустил свой меч Давид – взмахнул им, поиграл,
Потом поцеловал клинок,
И приложил ко лбу, и молвил: «Мать,
Первый удар тебе я дарю!»

И снова ускакал Давид,
И вновь принесся с гор, чтоб нанести удар
Сестра Мелика преградила путь:
«Давид, когда ты был дитя,
Я нянчила тебя, играла я с тобой…
Подари мне этот удар!
Вновь опустил свой меч Давид –
Два раза им взмахнул,
Поцеловал клинок.

И приложив его ко лбу, сказал:
«Второй удар тебе дарю!
Остался лишь один удар – да Бог, да я!
Убью иль пусть живет…»

Вновь повернул Давид,
К Сасуну поскакал
И от Сасуна взял разбег,
Уж приближался к яме он.
Увидела его Исмил–ханум –
И вот всем девушкам своим, что привезла с собой,
Она приказ дала:
«Скорее – дуйте в свирели!
Скорее – в трубы трубите!
Скорее – в бубны гремите!
Тамбуры в руки берите!
Красиво, мило пляшите!
Это Давид – молодой, неженатый,
Он заглядится – слабо ударит
И не убьет Мелика!»

Девушки встали,
Взяли свирели,
В трубы и бубны
В миг заиграли
И заплясали.

Но понял Давид все хитрости их;
«Зачем они пляшут? – подумал он. –
Заворожить меня хотят?»
Воскликнул: «О, Высокая Марут!
О, ратный крест!»

И грянул молнией–мечом,
Меч расколол все сорок жерновов,
Рассек все сорок буйволовых шкур,
Чудовище Мелика разрубил,
Рассек от лба до ног
И на семь гязов в землю врос,
Дошел до черных вод, –
И, если б ангел не заткнул дыру,
Они бы затопили мир…
Из ямы крикнул Мсра–Мелик:
«Еще я жив, Давид!
Руби еще!»
Давид ответил: «Мсра–Мелик, а ну – встряхнись!»

Встряхнулся в яме Мсра–Мелик
И развалился пополам,

И околел Мелик.
«Марэ, – сказал Давид, –
Снять надо одеяла – поглядеть!»
– Нет, – говорит, – уйди! Мы снимем без тебя».
Давид подъехал к груде жерновов
И сбросил одеяла.
И видит: сорок жерновов
Все пополам расколоты мечом.
Взял, отшвырнул он жернова,
Глядит – все сорок шкур
Разрублены его мечом.

Тут к яме, подошла Исмил–ханум
Зовет: «Мелик, Мелик!»
Молчала яма…
Так сидели Меликова мать и сестра
И рыдали.

А потом обратилась к Давиду ханум:
«Давид! Убил ты Мсра Мелика…
Но ведь и ты – мой сын, Давид!
Иди, возьми его жену.
Сасун, как был, – твоя земля,
И Мсыр теперь – твоя земля!»
Давид ответил ей:

«Я родился у матери – чист. Не смешаю
С правдой – лживое, скверное – с чистым.
Если хочешь, в Сасун я тебя заберу».
Та в ответ: «Нет, сыночек Давид,
Я в страну Сасун не пойду».
Сказал: «А в страну Сасун не пойдешь –
Вернись. Мсыр тебе отдаю – живи!»

Покинул Давид шатер.
Он к войску коня Джалали повернул.
Кто из полководцев и войск уцелел –
Он всех их призвать велел и сказал:
«Вам всем дарую волю я!
Идите все туда, откуда Вы пришли.
Идите по домам, живите как Вы жили,
И дани с Вас не нужно мне.
За жизнь мою молитесь и за души
Родителей моих!
Сидите дома у себя спокойно,

Не вздумайте ходить войною на Сасун!
Но коль подымете вы вновь оружье против Нас,
Коль нападете вновь на нас, – то знайте:
В какой бы яме не сидели вы,
Какими б жерновами
Ни укрывались вы,
По чести встретит вас Давид,
Вас молния–мечь сразит!»

Войска благодарила Давида
За милость благословляло его,
Не верилось людям сперва,
Что нет Мелика в живых…
Говорили: «Давид, мы умрем за тебя
Бог помоги тебе на всех твоих путях,
Во всех твоих делах!
Дай Бог здоровья тебе!
Царство небесное Мгеру–отцу твоему
И матери твоей Армаган!»

Исмил–ханум и войска восвояси ушли,
Все там бывшие войны и полководцы
Во все стороны света к себе разошлись.
И о подвиге славном Давида
Всюду весть разнесли –
Мол, исполнил Давид отцовский завет,
Мелика убил Давид,
Освободил Сасун.

Упоминание Армении и почти буквального совладения соответствующих эпизодов вряд ли случайно. Скорее всего, здесь мы имеем дело с древнейшими памятниками традиции общей для народов, достаточно близко соприкасавшимися в древности и раннем средневековье.

Summary

"An Apocryphal Story in Sammaritan Arabic Liber Josuae
and an Episode in Armenien Epic David of Sasun".

The samaritan Arabic Liber Josuae as well as Abu'l–Fath's Sammaritan Arabic Chronicle (wholly depending on the former on the Subject) contain curious details have analogies in the Armenian National Epic "David of Sasun". The Little and the Great Armenia a real geographical term are mentioned as well as enigmatical Ibn Japheth the Giant (not found anywhere of an alleged Armenian origin.

"Armenia reads in most ancient NSS as Armunia, which seems to be also easily corrupted by later scribes into Rūmiya (Rome or Constantinople). The said phonetical

correspondence prompts to suppose some previous “armenian” readings in no more extant MSS. Later attributed by corrupted scribal transmission to Roman provenance.

Details of the battle between Nabih, Josua’s cousin and Shūbak, a son of one of the kings killed by Josua councide curiously with those of the battle between David of Sasun and Msra Melik. All the said details seem to return to the most ancient epical heritage of the Near East.

[1]Juynboll Theodor Willem jan. Chronicon samaritanum arabice conscriptam, cui titulus est Liber Josuae. Lugduni Batavorum, 1848

[2]См. Жамкочян А.С. Самаритяно–арабские рукописи Книги Иисуса сына Навина в Российской Национальной библиотеке // Арабский Мир в конце XX века. Материалы I–ой конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996, сс. 78–87.

[3]Abul Fathi. Annales samaritani quos ad fidem codicum manu scriptirum Berolinensium, Bodlejani, Parisini edidit et puolegomenis instruxit Eduardus Vilmar, Gothae, 1865; Stenhouse P. The Kitab al–Tarikh of Abu’l–Fath. Mandelbaum Judaica, Series I. Sydney, 1985; Жамкочян А.С. Самаритянская хроника Абу–’л–Фатха из собрания Российской Национальной библиотеки. М., 1995.

[4]Abul Fathi Annales… p. 17. Жамкочян А.С. Самаритянская хроника… с. 38. В основу настоящего текста положен перевод Хроники Абу–’л–Фатха, сверенный с арабским текстом самаритянской Книги Иисуса сына Навина. Несущественные для сюжета риторические подробности, плохо воспринимаемые в русском переводе, пропущены и заменены многоточием в угловых скобках <….> собственные имена даны в традиционном самаритянском произношении, в скобках приводятся принятые русские формы по Синодальному переводу.

[5]Kitab Нузхат ал–Муштак фи зикрил–л амсар ва–л–актар ва–л–булдан ва–л–Джузур ва–л–мадаин ва–л–афлак. Рим, 1592; а также у Йакут ал–Хамави ал–Руми. Китаб Му‘джам ал–булдан. Т. I, сс. 219–222. Тегеран, 1965.

[6]Liber Josuae …. p. 26=Leiden University Or. 249, p. 124–5 (1°cod!)

[7]Abulfathi. Annales… p. 17 (codd.!)

[8]РНБ Фирк. Сам. IV 12 f.10 v. (Кодекс D)

[9]Liber Josuae …. p. 26=Leiden University Or. 249, p. 124–5 (2°)

[10]Wright T. Early Travels in Palestine. London, 1848, p. 129

The Little and Great Ermony!

Л.П.Зудина

«ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА» В ТУНИСЕ. ЛИБЕРАЛИЗМ И АВТОРИТАРИЗМ

В ноябре 1997 г. исполнилось 10 лет со дня прихода к власти в Тунисе в результате бескровного переворота бывшего премьер–министра Зина аль–Абидина бен Али. 7 ноября 1987 г. – не просто дата в исторической летописи страны, а определенный рубеж, ознаменовавший конец эры бургибизма и рождение «второй республики», режим которой олицетворяет ее нынешний президент Бен Али. 10 лет – это определенный срок для подведения некоторых, хотя бы и предварительных, итогов развития страны, а они, без сомнения, весьма заметны как в политической, так и в экономической сферах.

В середине 80–х годов Тунис находился в состоянии тяжелого экономического и политического кризиса, который определялся полным истощением валютных ресурсов, беспрецедентным уровнем внешней задолженности, ростом цен, инфляции, безработицы и ухудшением материального положения трудящихся, что увеличивало внутреннюю нестабильность в стране.

Экономический кризис сопровождался кризисом в политической сфере, что определяло особую взрывоопасность ситуации, 80–е годы были отмечены усилением авторитарных форм правления. Несмотря на существование развитой исполнительной системы и представительных органов власти, почти все мало–мальски важные решения принимались единолично президентом Бургибой. Вся политическая жизнь находилась под жестким контролем единственной (до середины 80–х годов) Социалистической дестуровской партии (СДП). В стране наблюдался невиданный рост коррупции в высшем звене партийного и государственного аппарата (в особенности в последние годы существования бургибистского режима). Среди высших чиновников государства фактически шла открытая борьба за наследие престарелого и больного президента.

Эти годы были омрачены наступлением государства на права трудящихся, разгромом профсоюзов и подавлением легальной политической оппозиции. На волне народного недовольства экономическими трудностями и наступлением на гражданские права в стране усилился религиозный экстремизм, превратившийся для руководства страны в серьезную проблему.

В условиях растущей внутренней напряженности не могла должным образом осуществляться и принятая ранее программа стабилизации эко-

номики на основе рекомендаций Всемирного банка и МВФ, а также дальнейшая либерализация экономики, курс на которую был взят еще в начале 70–х годов. Для укрепления политической стабильности необходимо было принятие мер по демократизации внутриполитической жизни, развитию плюрализма, конструктивный диалог с оппозицией, определенные уступки трудящимся, требовавшим улучшения своего положения.

Бен Али, непосредственно занимавшийся ликвидацией последствий «хлебных бунтов» в 1983–1984 гг., будучи главой службы безопасности, а затем курировавший вопросы безопасности в стране в качестве министра внутренних дел, был хорошо осведомлен о взрывоопасной ситуации в Тунисе и сознавал необходимость принятия неотложных мер с целью предотвращения волнений.

В своем обращении к соотечественникам после прихода к власти Бен Али обещал покончить с беспорядками и коррупцией, содействовать развитию демократического процесса, провести широкие реформы в области политики и экономики в целях изменения положения в стране к лучшему. Стабилизировать экономику, улучшить положение трудящихся и отвести угрозу исламского экстремизма в стране – таковы были главные задачи, стоявшие перед новым президентом.

Заслуга Бен Апи состоит в том, что благодаря гибкой и осторожной политике в экономической и политической сферах, избегая риска социальных волнений, он сумел консолидировать тунисское общество, вовлечь широкие его слои в борьбу с «религиозным фанатизмом» (тунисский термин), привлек к ней многочисленные общественные организации и ассоциации, выступавшие за наведение порядка в стране, одновременно используя при этом и аппарат государственного принуждения.

Спустя 10 лет результаты этой политики налицо, они выражаются в достижении экономической и политической стабилизации, умеренном, но достаточно устойчивом экономическом росте и укреплении престижа страны на международной арене.

Продолжается взятый в начале 70–х годов курс на структурную перестройку экономики, интенсификацию промышленного производства и развитие экспортных отраслей обрабатывающей промышленности при широком привлечении частного национального и иностранного капитала. Основой экономической стратегии развития является либерализация экономики, приватизация нерентабельных предприятий госсектора и развитие частного предпринимательства.

Проводимый правительством курс на поощрение частной инициативы, создание благоприятного инвестиционного климата для иностранного и национального частного капитала укрепили базу для роста, в первую очередь, низших форм капиталистического производства в Тунисе, увеличения прослойки мелкой буржуазии, по численности (более 450 тыс. человек) самой многочисленной среди тунисской буржуазии. Численность средней буржуазии ниже, но и она имеет тенденцию к росту. Представителей крупной буржуазии пока не так уж и много[1]. Тунисская буржуазия, и,

в первую очередь, многочисленная мелкая буржуазия, заинтересована в экономических реформах для своего дальнейшего роста, в либерализации внутриполитической жизни и стабильной обстановке для развития деловых контактов, что, в свою очередь, содействует продвижению по пути структурных реформ.

Важным звеном в структурной перестройке народного хозяйства стала провозглашенная в 80–е годы приватизация государственной собственности. Этот процесс активизировался после прихода к власти Бен Али. По официальным данным, в период с 1989 по 1996 гг. из 250 предприятий госсектора, числящихся в списках подлежащих приватизации, 77 уже были проданы в частные руки, из них 19 – в 1996 г.[2]. Важнейшей целью приватизации является не только сокращение обременительного для государства бюджетного дотирования малоэффективных предприятий, но и расширение социальной базы режима Бен Али, содействие росту не только мелкой, но и средней и крупной буржуазии, представители которой могли бы в будущем взять в свои руки крупные тунисские промышленные фирмы, в том числе и в «стратегических» отраслях.

В середине 90–х годов в частном секторе экономики было сосредоточено более 50% инвестиций, в дальнейшем их удельный вес в этой сфере предполагается довести до 70%. В настоящее время частный сектор финансирует около 63% капиталовложений в промышленность, а в туристический сектор – до 98%[3].

Благодаря достаточно либеральному инвестиционному законодательству в Тунисе создан благоприятный инвестиционный климат. Кодекс промышленных инвестиций 1987 г. установил, в частности, новые льготы и гарантии для иностранных вкладчиков, включая право свободного перевода за рубеж вложенного в твердой валюте капитала, прибылей и средств от продажи или ликвидации активов, находящихся в стране.

В последние годы продолжалась либерализация внешней торговли, снижались таможенные пошлины на многие категории товаров. К 1995 г. свободные цены были введены на 90% в сфере производства и на 50% в сфере распределения. Импорт был либерализирован на 90%, а высший уровень таможенных пошлин составил 43%[4]. Большое значение для стабилизации положения в финансовой области имело достижение конвертируемости тунисского динара. Наконец, в 1995 г. Тунис первым из арабских стран подписал новое соглашение об ассоциации с Евросоюзом, открыв свои рынки для европейских промышленных фирм, что, несомненно, свидетельствует об укреплении тунисской экономики.

Меры по последовательному введению в экономику рыночных механизмов под строгим контролем государства, приватизация части госсобственности и либерализация цен при одновременном усилении налогового контроля со стороны государства привели к положительным сдвигам в народном хозяйстве. С 1987 г. годовой прирост ВВП составлял в среднем 4–5%, экспорта – 6%, а уровень капиталовложений – около 26%. В период с 1986 по 1996 гг. дефицит бюджета снизился с 5 до 3%, а инфляция

уменьшилась с 9 до 5%. Уровень внешней задолженности также снизился и составил в 1996 г. 51% (по сравнению с 60% в 1986 г.). Показатель обслуживания внешнего долга в 1996 г. выразился в цифре 18,3% текущих поступлений (в 1986 г. – 26,7%)[5].

Сложнее обстоит дело с проблемой безработицы, которая продолжает сохраняться на прежнем уровне (15% в 1986 г. и 15,5% экономически активного населения в 1995 г.), и это вызывает сильную озабоченность властей. Несмотря на предпринимаемые усилия по созданию новых рабочих мест, их число отстает от ежегодно возрастающего количества ищущих работу, среди которых основная масса – молодежь. Власти опасаются, что в перспективе, в связи с ассоциацией с Европейским союзом, положение с безработицей может еще более обостриться, так как устранение таможенных барьеров приведет к разорению многих фирм и спаду в промышленном производстве на 15–30% по прогнозам тунисских экспертов. Поэтому правительство вынуждено принимать специальные меры для смягчения положения. По данным министерства профессионального образования и занятости ежегодно придется переобучать около 10 тыс. увольняемых с подлежащих реструктуризации промышленных предприятий рабочих.

В целом, однако, несмотря на имеющиеся проблемы, следует признать, что за истекшее десятилетие, благодаря динамичному развитию обрабатывающих отраслей промышленного сектора, развитие экономики поднялось на новый, более высокий уровень. Промышленные структуры Туниса в настоящее время состоят из сети 10.000 предприятий, на которых занято 450 тыс. человек, их работа обеспечивает треть ВВП, 70% экспорта товаров и дает 50% инвалютных поступлений от экспорта.

Проведенные в стране экономические реформы и развитие промышленных отраслей содействовали расширению международных обменов товарами, привели к еще большей интегрированности Туниса в мировую экономику, что вытекает из приводимых Центральным банком Туниса данных. Так, за период с 1986 по 1995 гг. отношение экспорта к ВВП повысилось с 19,8% до 30,3%, уровень открытости экономики увеличился с 52,6% до 74,1%, а уровень зависимости от внешнего рынка – с 32,9% до 43,8%[6].

Итак, что касается экономического положения в настоящее время, то можно констатировать, что поставленная в середине 80–х годов задача достижения стабилизации осуществлена. Однако в отношении развития рыночных механизмов в экономике стране предстоит еще пройти долгий и нелегкий путь. Необходимо преодолеть продолжающую существовать узость внутреннего рынка, поддержать и развить далее современную индустрию, повысить конкурентоспособность тунисских товаров на мировом рынке, модернизировать аграрные отрасли, развить внутренний рынок капиталов и др.

Стабилизация в области экономики сопровождалась процессом демократизации политической жизни, изменением политического климата в

стране в лучшую сторону. Эти процессы тесно взаимосвязаны: успешное осуществление экономических реформ может происходить только в условиях политической стабильности, а спокойствие во внутренней жизни общества может быть достигнуто лишь путем преодоления застоя в экономике, улучшения жизни народа.

За минувшие 10 лет кабинетом министров и лично президентом Бен Али было многое сделано в плане демократизации политической жизни, избавления от тяжелого наследия времен позднего бургибизма. Всеобщая амнистия, объявленная 31 декабря 1987 г., символизировала отказ от политики преследования за несогласие с политикой прежнего режима. В результате амнистии были освобождены профсоюзные деятели, участники антиправительственных выступлений в Гафсе в 1974 г., всеобщей забастовки 1978 г., «хлебного бунта» 1984 г., студенты, принимавшие участие в забастовках в высших учебных заведениях в 1985–1987 гг., а также 405 активистов крупнейшей тунисской организации исламских фундаменталистов – «Движения исламского направления» – ДИН (позже «Ан–Нахда»). Президент помиловал и председателя ДИН Рашида аль–Ганнуши. Было разрешено вернуться на родину всем покинувшим Тунис из–за преследований в связи с несогласием с политическим курсом прежнего руководства. Профсоюзные активисты, уволенные за свою деятельность при прежнем режиме, были восстановлены на работе, а бывший руководитель крупнейшего профсоюзного объединения Всеобщего тунисского объединения труда Хабиб Ашур был освобожден из–под ареста. Этими шагами новые власти продемонстрировали свое желание вести диалог со всеми оппозиционными силами в стране.

Важным шагом в деле преодоления конфронтации между разными политическими силами и урегулирования политической жизни в стране на основе многопартийности стало подписание в ноябре 1988 г. Национального пакта представителями правительственной партии Демократическое конституционное объединение (ДКО), преемницы СДП, действующих легально политических партий и крупнейших общественных организаций. Национальный пакт признавал необходимость развития демократического процесса на базе национального единства, политического плюрализма и демократизации внутренней жизни.

3 мая 1988 г. был подписан закон о политических партиях, закрепивший переход от однопартийности к многопартийной системе в Тунисе. В настоящее время кроме правящей партии ДКО в стране официально действуют еще 6 политических партий, имевших в 1994 г. 250 первичных организаций. В руководстве всех оппозиционных партий насчитывается 1800 человек. На выборах в Национальное собрание в 1994 г. представители оппозиционных сил получили 19 из общего количества в 163 места. Правящая партия ДКО получила на этих выборах 97,7% всех поданных голосов.

Одна из наиболее крупных оппозиционных партий буржуазно–либерального направления – «Движение демократов–социалистов»

(ДДС), выделилась из правящей СДП в 1974 г. Была основана бывшими министрами правительства и членами руководства СДП. Насчитывает 149 первичных организация по всей стране, объединяющих до 40 тыс. членов. Выступает за демократизацию политической жизни, против эксплуатации человека человеком. Выдвигаемые партией социалистические лозунги довольно расплывчаты. Хартия Движения, принятая в 1993 г., провозглашает борьбу за создание социалистического строя, который бы обеспечил экономическое развитие на принципах социальной справедливости, за «социалистическое самоуправление» в экономической сфере, укрепление госсектора. Отстаивает принцип арабо–мусульманской специфики страны. На парламентских выборах 1994 г. получила 10 мест в Национальном собрании. Издает газету «Аль–Мустакбаль» («Будущее»). Пост председателя партии до недавнего времени занимал Мохамед Мауида.

Партия народного единства (ПНЕ) откололась от запрещенного в свое время «Движения народного единства», объединявшего сторонников бывшего министра экономики при Бургибе и автора «социалистического эксперимента» Бен Салаха, и оформилась в самостоятельную партию в 1980 г. Как и ДДС, была легализована в 1983 г. Насчитывает 36 партийных ячеек, объединяющих в своих рядах 10 тыс. человек. Выступает за демократизацию внутриполитической жизни, самообеспеченность с целью избавления страны от внешнеэкономической зависимости от Запада, поддерживает экономическую интеграцию стран Средиземноморья. Настороженно относится к проводимой правительством политике форсированной либерализации, выступает за сбалансированное развитие государственного, кооперативного и частного секторов в экономике. Имеет 2 места в парламенте.

Движение «Ат–Тадждид» («Движение обновления») является преемником Тунисской компартии, реформированной в 1993 г. Выступает как демократическое, патриотическое движение, борется за создание более широкого движения, построенного на основе прогресса, рационализма и модернизма. В экономической области выступает против форсированной либерализации, в поддержку госсектора, отстаивает принципы социальной защиты малоимущего населения. Имеет 4 места в парламенте. Насчитывает 23 первичные организации, издает газету «Ат–Тарик аль–Джадид» («Новый путь»). Председатель – Мохаммед Хармель. Работает легально с 1981 г.

«Прогрессивное социалистическое объединение (ПСО) – демократическая партия, создана в 1983 г., легализована в 1988 г. Выступает за социальное освобождение, сохранение арабо–мусульманской идентичности, интеграцию стран Магриба. Заявляет о поддержке социализма. Имеет 14 партийных ячеек, издает газету «Аль–Маукиф» («Позиция»). Генеральный секретарь – Неджиб Шебби.

«Демократическо–юнионистский союз» (ДЮС) действует с 1988г. Это демократическая партия, близкая к ДКО. Объединяет ряд группировок тунисских националистов, связана с арабскими националистическими

движениями. Выступает за демократию и плюрализм в политической области, развитие экономики на основе государственного и частного секторов, интеграцию стран Магриба. Насчитывает 22 партийные организации, издает газеты «Аль–Иттихад» («Союз») и «Аль–Ватан» («Родина»). Имеет 3 места в парламенте.

«Либерально–социалистическая партия» (ЛСП) – демократическая партия либерального направления, выступает в поддержку либерализации в экономической и политической жизни. Участвовала в парламентских выборах 1989 и 1994 гг. Издает газету «Аль–Уфук» («Перспективы»)[7].

Все легально действующие оппозиционные политические партии получают финансовую поддержку от государства. В частности, они получали средства во время последних парламентских и президентских выборов. Печатание и распространение избирательных бюллетеней в округах фактически также обеспечивалось государством. Оно также финансирует до 50% расходов на издание газет оппозиционных партий. Их издания, также как и другие газеты страны, пользуются общими установленными государством льготами.

Из других важных актов президента и правительства, направленных на демократизацию общественной жизни, заслуживают внимания отказ от пожизненного президентства (изменения внесены в конституцию в 1988 г.), упразднение Суда государственной безопасности и чрезвычайных трибуналов, сокращение сроков задержания и предварительного заключения до 4 дней, ликвидация каторжных и принудительных работ, облегчение процедуры восстановления гражданских прав (отныне они восстанавливаются автоматически после истечения срока наказания или в случае, когда обвиняемый подпадает под амнистию). 13 декабря 1987г. был создан Конституционный совет, орган контроля, в функции которого входит оценка важнейших законопроектов с точки зрения их соответствия конституции, в отношении защиты гражданских прав и свобод.

Одним из наиболее важных шагов по укреплению влияния пришедших к власти сил и завоевания доверия в обществе стала реорганизация административного и партийного аппарата, проведенная в целях избавления от сторонников прежнего режима и лиц, скомпрометировавших себя в глазах общества неблаговидными поступками, а также коррумпированных элементов. Уже ко времени внеочередного съезда правящей партии в 1988 г. была осуществлена почти полная смена состава губернаторов провинций и других высших административных чиновников, в результате чего госаппарат был в значительной мере освобожден от старых бургибовских кадров. Эта акция способствовала не только обновлению, но и омоложению кадров, что в сложившихся условиях было крайне важно для повышения эффективности административных и экономических структур.

После 1987 г. в госаппарате происходит постоянная ротация кадров. По данным на сентябрь 1997 г. из видных политических фигур прошлого лишь два политических деятеля – премьер–министр Ахмед Каруи и генеральный секретарь ДКО Абдельазиз бен Дхиа занимали высокие государ-

ственные должности при Бургибе. Нет на высших должностях в госаппарате и лиц, близких к окружению Бен Али во время переворота в ноябре 1987 г. Лишь Абдалла Каллель, министр юстиции и Мохамед Ганнуши, министр по делам международного сотрудничества и иностранных инвестиций входили в правительство, когда премьер–министром еще при Бургибе был Бен Али.

Для расширения социальной базы правящего режима президент опирается на людей нового поколения с умеренными взглядами, представителей технократии, промышленных кругов, лиц свободных профессий, делая ставку на молодежь.

Однако, несмотря на произошедшие изменения в политической жизни и послабления оппозиции, стержнем всей политической жизни в стране является партия ДКО, обладающая реальной властью в стране. За прошедшие годы эта партия, преемница СДП, подверглась существенной реорганизации. Во–первых, СДП была переименована в Демократическое конституционное объединение, что по существу означало официальное отмежевание от политики и практики прежней СДП. Смена лидера, которым стал Бен Али, привела и к изменениям в политике, по крайней мере, на уровне официально провозглашенных принципов.

Стремясь заручиться поддержкой широких слоев тунисского общества, она в своей программе выдвинула цели, импонирующие простому народу, трудящимся. В политической сфере – это борьба за единство народа, политический плюрализм, против «фанатизма», в экономической – повышение темпов экономического роста на базе развития предпринимательства и частной инициативы, более равномерное распределение национального богатства между отдельными слоями тунисского общества, ликвидация безработицы и создание новых рабочих мест для молодежи.

Эти лозунги привлекли в партию много новых членов, в основном это была молодежь, поддержавшая курс Бен Али. Численность партии значительно возросла. Если в бывшей СДП состояло около 900 тыс. членов, и для Туниса это считалось высоким показателем, то в ДКО в 1993 г. насчитывалось уже 1.803.447 членов (при численности населения в 9 млн. человек). Они состояли в 6.809 первичных партийных организациях. Число избранных руководителей партийных ячеек составило 60 тыс. человек. По данным на 1997 г. численность ДКО составляла уже около 2 млн. членов, а число первичек достигло 7.000. Значительно вырос приток в партию представителей интеллигенции: преподавателей, лиц либеральных профессий. Так, членами ДКО являются почти 25% преподавателей университета и других высших учебных заведений Туниса (в 1987–1988 гг. они составляли только 1% от общей численности). Увеличился и приток студентов: если в 1987 г. в рядах ДКО состояло лишь несколько сотен студентов, то к 1995 г. их насчитывалось уже 8 тысяч. После внутрипартийных выборов 1993 г. руководство ДКО было обновлено на 49%. 70% руководителей первичных партийных организаций составляют лица в возрасте от 30 до 50 лет. Среди руководителей насчитывается 2.930 женщин.

Председателем ДКО является Зин аль–Абидин бен Али. ДКО издает газету и журнал на французском языке «Лё Рёнуво» («Обновление»), газету на арабском языке «Аль–Хуррия» («Свобода») и еженедельник «7 ноября»[8].

Стремясь завоевать симпатии граждан и разрядить внутреннюю обстановку, власти, наряду с реорганизацией и обновлением госаппарата, сделали упор на развитие социальной сферы, приняв ряд неотложных мер с целью содействия улучшению положения трудящихся. Были, в частности, разработаны и приняты специальные программы по развитию отсталых районов страны (строительству инфраструктуры, школ, жилья, обеспечению качественной питьевой водой), сокращению безработицы. Была увеличена минимальная заработная плата в промышленности и сельском хозяйстве, повышена зарплата некоторым категориям трудящихся, внесены изменения в существующую систему медицинского обслуживания с целью сделать его более доступным для беднейших слоев населения и др.

Выдвигая задачу достижения «социального равновесия» в условиях «открытой» капиталистическому развитию тунисской экономики со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями для рядовых граждан и стремясь по мере возможностей сгладить трения в обществе, правительство в 1993 г. создало Фонд национальной солидарности для добровольных пожертвований отдельных лиц и организаций, больше известный в стране как «Счет 26–26». Как заметил Садок Шаабан, бывший советник президента по общеполитическим вопросам, а позже советник по правам человека, основание Фонда имело целью «создать социальный механизм, благодаря которому бедняк не чувствует себя заброшенным, а богатый знает, что его долг перед нацией состоит в оказании помощи другим»[9].

Цели создания Фонда широко пропагандируются администрацией, ДКО и средствами массовой информации. Средства, аккумулируемые на «Счете 26–26», направляются администрацией на реализацию программ помощи отсталым районам, развитие в них «базовой инфраструктуры», создание новых источников доходов. На счет Фонда поступают немалые средства, и пожертвования постепенно увеличиваются: в 1993 г. они составили 34.375 тыс. тунисских динаров, а в 1994 г. – 38.315 тыс. дин., что эквивалентно соответственно 4,9 и 5,2% суммы прямых налогов[10]. Помощь малоимущим слоям населения оказывают также политические партии и различные благотворительные организации.

Несмотря на сохраняющиеся в стране региональные диспропорции и глубокое имущественное неравенство между отдельными слоями тунисского общества, следует все же признать, что достигнутая в последние годы стабилизация экономики положительно отразилась на положении трудящихся и по многим параметрам в социальной сфере Тунису удалось добиться больших успехов в этой области, чем некоторым другим странам региона с таким же примерно уровнем жизни.

Благодаря осуществлению государственной программы по планированию семьи, темпы роста населения сократились за 10 лет с 2,4 до 1,7%, а детская смертность уменьшилась с 44 детей на тысячу новорожденных к началу 90–х годов до 30 в 1997 г. В целом тунисцы стали жить лучше. Темпы роста дохода на душу населения увеличились с 1,15% в среднем в год в 1981–1986 гг. до 2,44% после 1987 г. Показатель абсолютной бедности упал с 11,2% в 1985 г. до 6,2% в 1995 г. Сейчас только 1 тунисец из 20 живет ниже официальной границы бедности, а в 1970 г. это соотношение составляло 1:3. Безработица, хотя и удерживается пока на значительном уровне (14–15% экономически активного населения), она все же поддается контролю и власти прилагают большие усилия к ее снижению[11].

Тунисцы гордятся своей страной и ее достижениями в экономической и политической областях и в целом одобряют экономическую политику правительства, принесшую спокойствие в стране и более комфортабельную и сытую жизнь. Проведенный в 1993 г. Национальным бюро социологических исследований опрос выявил, что 51,3% респондентов считают, что нынешние условия жизни значительно лучше, чем были у их родителей, 11,1% ответили, что жить стало труднее, 12% – что жизнь изменилась, 8,4% – что она осталась прежней. При этом подавляющее большинство опрошенных (76,1%) оптимистично оценили будущее страны. На вопрос о том, какие структуры способны наилучшим образом защитить интересы граждан, 56,3% респондентов ответили, что больше всего доверяют государству, остальные полагались на профсоюзы, кооперативы, политические партии, другие общественные организации[12]. Эти данные свидетельствуют о значительной степени доверия граждан существующему режиму.

Политическая стабильность – это фактор, который высоко оценивается как внутри страны, так и за рубежом. Внешне тунисский режим имеет институционную структуру плюралистической демократической системы. В соответствии с конституцией проводятся президентские, парламентские и муниципальные выборы. Сам президент Бен Али был избран на второй срок в 1994 г. Работает правительство, действуют 6 оппозиционных режиму партий. Страна имеет развитую судебную систему. Однако все ли так безоблачно на тунисском политическом горизонте, как выглядит внешне? И какой ценой была достигнута политическая стабильность, о которой так много говорят за рубежом?

Факты свидетельствуют о том, что после прихода к власти Бен Али постепенно устранял с политической арены всех, кто не был согласен с проводимым им курсом. Это касается, в первую очередь, религиозной оппозиции. На парламентских выборах 1989 г. исламские фундаменталисты, в основном из партии «Ан–Нахда», выступив в качестве «независимых», получили 13% голосов в 8 вилайетах страны, причем в столице – около 30%, заявив тем самым о себе как о реальной политической силе. Пропагандируя идею создания государства на принципах шариата и используя нелегальные методы борьбы против существующего строя, ради-

кальные исламские фундаменталисты всегда являлись проблемой для режима светского характера. Решительно разгромив религиозных экстремистов и религиозную оппозицию в лице партии «Ан–Нахда» в 1989–1992 гг., применив силу государственного принуждения, что вызвало волну критики в стране и за рубежом, Бен Али фактически устранил с политической сцены единственного заслуживающего внимания конкурента проправительственной партии ДКО.

Подчеркивая принадлежность Туниса к арабо–мусульманской цивилизации и поддерживая развитие в стране официального ислама, Бен Али делает акцент на его социальной и просветительской роли в противовес используемому в политических целях «фанатичному» исламу религиозных экстремистов. Радио и телевидение Туниса в положенное время вновь передают призыв муэдзина к молитве, в стране отмечаются все религионые праздники и даты, в последние годы возродилась былая слава Аз–Зитуны как главной соборной мечети и старейшего исламского университета. Тунисцы вновь отмечают начало месяца рамадан и праздник разговения Ид аль–Фитр одновременно с остальным мусульманским миром.

При Бен Али возросла роль Высшего исламского совета, пропагандирующего подлинные ценности ислама и выступающего против всякого искажения ислама, его политизации. Совет рассматривает издаваемую литературу, программы религиозного воспитания молодого поколения с точки зрения их соответствия подлинным исламским ценностям и высказывает свое мнение по этому вопросу. В стране идет активное строительство мечетей. После 1987 г. было построено более тысячи новых мечетей. Власти всячески поощряют изучение Корана, лучшие его знатоки награждаются специальными президентскими премиями. Принимаются меры для обновления языка религиозного общения, для чего организуются специальные семинары и курсы лекций для имамов. Ежегодно в дни рамадана с поощрения администрации для малоимущих, престарелых и больных тунисцев готовится и раздается угощение.

Все эти меры принимается для укрепления официального ислама, усиления влияния правящего режима в массах. Сегодня в Тунисе религиозная оппозиция экстремистов практически не имеет возможностей для открытой пропаганды своих взглядов. Ее руководство находится в эмиграции, большинство активистов – в тюрьмах, а пропаганда ислама в политических целях запрещена законом.

Партии легальной оппозиции в сегодняшнем Тунисе не составляют и не могут составить сколько–нибудь ощутимой конкуренции ДКО. Они были ослаблены во время политической борьбы еще в конце 80–х годов, а приход к власти Бен Али и деятельность его правительства, получившая одобрение народа, еще более отодвинули оппозицию на задний план. Она не пользуется никакой реальной властью. На парламентских выборах 1994 г. оппозиции было предоставлено 19 из 163 мест, а на муниципальных выборах 1996 г. она и вовсе получила только 6 из 4.090 мест, что явилось причиной для обвинения властей в нарушении избирательного зако-

на и подтасовке результатов голосования. Оппозиционные партии, включая ТКП, приняли предложенные президентом правила игры и действуют в русле принципов подписанного ими Национального пакта, поддерживая политический и экономический курс Бен Али и получая от государства финансовую помощь и льготы.

Средства массовой информации, оказывающие серьезное влияние на идеологическую обстановку в стране, широко используются властями и ДКО для пропаганды своих взглядов и деятельности. Радио и телевидение контролируются государством, а оппозиционная пресса получает дотации от правительства, поэтому серьезная критика действий властей, как правило, отсутствует, освещение событий дается необъективно и односторонне. Независимые источники отмечают, что хотя иногда на страницах печати и высказываются некоторые критические замечания, общая направленность публикаций всегда остается проправительственной.

Представители оппозиции часто упрекают Бен Али в том, что он стремится создать культ личности, как при Бургибе. Действительно, его высказывания и речи по любому важному или не совсем важному поводу доминируют в прессе и на радио, а портреты можно увидеть в любом учреждении, фирме, магазине или на улице.

Некоторые оппозиционные группы сетуют на то, что как правящая партия ДКО получает от правительства гораздо бóльшие средства, чем любая другая партия или организация, что ставит их в неравные условия на политической арене. В ответ представители ДКО заявляют, что основная часть ее фондов формируется из взносов членов партии, а поскольку по численности рядов ДКО не имеет себе равных, то и по финансовым средствам она имеет громадное преимущество перед любой другой партией или организацией. Контроль со стороны ДКО пронизывает все стороны жизни тунисского общества. Имеются свидетельства того, что на местном уровне представители ДКО частенько превышают свои полномочия, вмешиваясь в деятельность других партий или группировок и оказывая на них давление в принятии тех или иных решений.

Иностранные издания подвергаются в Тунисе жесткой цензуре. Об этом свидетельствуют, в частности, такие факты. После критических выступлений марокканской газеты «Опиньон», осудившей преследования руководителей ДДС, марокканские издания исчезли из газетных киосков Туниса. По той же причине было запрещено распространение французской газеты «Монд» и некоторых алжирских изданий.

Легальная оппозиция, в том числе и тунисская Лига защиты прав человека, поддержавшие курс Бен Али, считают, что Тунис значительно продвинулся вперед в направлении строительства правового государства, в то время как имеющая свое отделение в Тунисе международная правозащитная организация «Международная амнистия» неоднократно упрекала власти Туниса в нарушении прав человека, применении пыток в отношении заключенных.

Несмотря на отсутствие в настоящее время какой бы то ни было реальной угрозы в стране правящему режиму, стремление правительства к контролю над внутренней жизнью возрастает. Численность тунисской полиции за последние 10 лет увеличилась в 4 раза. Ныне покой тунисских граждан охраняют 90 тыс. полицейских (по 1 полицейскому на 112 человек населения), в то время как при Бургибе их насчитывалось 20 тысяч человек, что считалось необоснованно высоким уровнем для небольшой по размерам страны[13].

Не ограничившись разгромом религиозной оппозиции, режим подвергает преследованиям и своих критиков из легально действующей оппозиции. Подорвало престиж Туниса на международной арене так называемое «дело Мауиды». Мохамед Мауида, лидер оппозиционной партии ДДС, пытался опротестовать результаты муниципальных выборов 1995 г., заявив об имевших место нарушениях избирательного закона. Когда эта попытка окончилась неудачно, он обратился с открытым письмом к президенту, обвинив ДКО в «гегемонизме» и призывая к большей политической свободе. В ответ Мауида был арестован, обвинен в покушении на безопасность государства и даже в шпионаже и приговорен к 11 годам тюремного заключения. Волна протестов против этого несправедливого приговора прокатилась в стране и за рубежом, и под давлением общественного мнения в декабре 1996 г. Мауида был условно освобожден из тюрьмы под надзор полиции, но ему было запрещено заниматься политической деятельностью. Этот случай привел к кризису в ДДС, еще больше ослабив партию. Известный деятель Движения демократов–социалистов Мустафа бен Джафар в 1994 г. пытался основать собственную партию, однако правительство не прореагировало на поданную им заявку, но в назидание отобрало у него паспорт. Правительства стран Европы, которые весьма чувствительно относятся к нарушениям прав человека, эти факты, видимо, не очень смутили, так как по соглашению об ассоциации с ЕС Тунису без промедления была оказана причитающаяся финансовая помощь. По–видимому, политическая и экономическая стабильность средиземноморского партнера для Объединенной Европы важнее, чем происходящие в Тунисе ограничения демократии и нарушения прав человека.

Многие тунисцы, поддерживающие курс президента и разделяющие его нетерпимость к религиозному фанатизму, вполне согласны с его утверждением о том, что Тунис еще не совсем готов к полной демократии. Однако одновременно они задаются вопросом, как страна может набраться политического опыта при существующей гегемонии правящей партии ДКО и систематическом подавлении каких бы то ни было проявлений критики режима со стороны крайне слабой и к тому же вполне «ручной» оппозиции.

По мнению же тунисского руководства, обеспечение внутренней безопасности является необходимым условием успешного завершения реформ и достижения поставленных целей, несмотря на то, что применяемые методы и вызывают критику оппозиции. Представители администра-

ции, правда, признают, что существуют отдельные случаи нарушения прав личности, превышения полномочий должностными лицами, получения признаний от обвиняемых с помощью применения физической силы и др., но считают их не системой, а ошибочными действиями отдельных должностных лиц, которые и несут за это наказание. Поддерживая курс на активизацию политического процесса и поддержку официального ислама, власти одновременно принимают жесткие меры по подавлению всех видов религиозного экстремизма и пресечению любой критики оппонентов режима. Лишь такой подход, по мнению официальных кругов, может предотвратить начало хаоса в стране и обеспечить стабильное экономическое развитие. Официальные лица заявляют, что политическая гласность постепенно наступит, ссылаясь на намерение Бен Али предоставить оппозиции больше мест при последующих выборах в муниципальные органы власти и парламент.

Итак, в политической жизни Туниса наблюдается, с одной стороны, определенное развитие демократического процесса при жестком государственном контроле, обеспечивающем поступательное экономическое и политическое развитие общества, с другой – ограничение демократии во имя внутреннего спокойствия и гарантии этого развития, усиление авторитарных черт режима. Используя термин российского ученого А.М.Васильева, в политическом режиме современного Туниса можно заметить элементы «просвещенного авторитаризма», который он определяет как «режим, ориентированный на развитие, ограничивающий демократию, но соблюдающий права человека, режим, обеспечивающий экономическое и социальное развитие»[14]. При этом, безусловно, большое значение для продвижения страны по пути реформ имеет роль лидера государства и авторитет внутри страны и на международной арене самого президента Бен Али, который является как бы гарантом обеспечения стабильности в стране, продвижения по пути реформ.

Как пойдет развитие страны в будущем? Удержатся ли власти от соблазна еще большего ужесточения контроля над политической жизнью общества, усиления авторитаризма? Уже сейчас принимаемые правительством ограничения деятельности оппозиции, свободы печати, репрессии против отдельных политических деятелей дают представителям тунисской общественности повод усомниться в действенности существующего законодательства. Они все чаще задаются вопросом, не скажется ли все это в конце концов отрицательно и на строительстве правового государства, и на осуществлении экономических реформ.

[1] Подробно о развитии капиталистических укладов в Тунисе см. Е.И.Миронова, Частное предпринимательство в экономической политике Туниса, в сб. «Страны Северной Африки. Национальный частный сектор». М., 1990, с. 153–165.

[2] Monde Arabe. Maghreb–Machrek. P. № 157, juillet–sept. 1997, p. 11.

[3] Садок Шаабан, Тунис. Путь к политическому плюрализму. М., 1996, с.104.

[4] Там же.

[5] Monde Arabe. Maghreb–Machrek. 1997, № 157, p. 5.

[6] Там же.

[7] Садок Шаабан, Тунис..., с.130–135; Тунисская Республика. Справочник. М., 1993, с. 178–187.

[8] Садок Шаабан, Тунис..., с. 118, 119; Monde Arabe. Maghreb–Machrek, 1997, № 157, p. 10.

[9] Садок Шаабан, Тунис..., с.104.

[10] Monde Arabe. Maghreb–Machrek. ,1997, № 157, p. 11

[11] The Economist, L., 1996, № 7948, 13–19 janv., p. 43; The Financial Times. L., 1997. Прилож. № 33.402.

[12] Садок Шаабан, Тунис..., с. 68.

[13] The Economist, 1996, № 7948, p. 43.

[14] Подробнее см. А.М.Васильев, Гражданское общество в Африке: реалии и мифы, – «Восток», М., 1995, № 2, с. 14.

Г.Г.Косач

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ВЗГЛЯД АРАБСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ)

Исследование современных политических процессов на Арабском Востоке ставит, по крайней мере, два принципиальных вопроса, которые связаны с обстоятельствами развития расположенных в этом регионе стран. Что означает применительно к ним понятие «демократии», и в какой мере вытекающие из этого понятия представления уже стали реальностью арабского мира? Если демократизация политической надстройки как итог деятельности определенных политических сил уже обрела какие–то ощутимые формы, то кем представлены инициировавшие ее силы и насколько они готовы пойти на последовательное углубление ранее проведенных ими преобразований?

Предварительный анализ ситуации в арабском мире дает возможность положительного ответа на вопрос о том, стал ли процесс демократизации реальностью арабского мира. Провозглашение политики плюрализма взглядов, партий и движений в Тунисе, Египте и Иордании, расширение норм парламентской жизни в странах Залива и Аравийского полуострова, длительная традиция многопартийности в Марокко, – все это действительные факты, подтверждающие, казалось бы, эволюцию политического процесса в этих странах в направлении последовательного расширения основ демократической жизни. Список этих стран может быть и более широким. В конечном итоге, речь идет о методологии подхода к проблеме демократизации, которая может определяться и на основе предлагаемой теми или иными властными структурами и принимаемой общественным мнением ее интерпретации.

Вместе с тем, все та же попытка анализа приводит к выявлению специфичности местных вариантов демократического развития, если они соотносятся с западными моделями, естественно воспринимаемыми как идеальная матрица демократии: «Демократически избранные режимы… обычно игнорируют конституционные ограничения их властных полномочий и лишают избравших их граждан основных прав и свобод»[1]. Американский автор арабского происхождения констатирует очевидное нарушение порядка вещей, – демократические нормы не становятся преградой для авторитаризма государства, которое, усваивая их, отнюдь не превращается в подобие тех стран, где эти нормы возникли. И даже более того: «В исламском мире, от Палестинской автономии до Ирана и Пакистана,

демократизация содействует усилению роли теократических политиков, разлагая казавшиеся устоявшимися традиции секуляризма и терпимости… Если бы завтра в Тунисе, Марокко, Египте и некоторых государствах Персидского залива состоялись выборы, то режимы, которые возникли бы в итоге этих выборов, были бы менее либеральны, чем те, которые существуют там сегодня»[2]. Возникает непредусмотренный вариант эволюции западной идеи демократии. Его начинают рассматривать как «нелиберальную (illiberal) демократию». Этот феномен нуждается в объяснении.

Предлагаемое арабскими политологами объяснение отталкивается, прежде всего, от мысли о том, что в арабском мире существуют иные, чем на Западе, характеристики социальной лояльности. Разумеется, среди этих характеристик присутствует принадлежность к мусульманскому вероисповеданию и связанной с ним цивилизацией. Тем не менее, более существенной в их ряду становится принадлежность к специфической социальной единице – племени, религиозной общине, землячеству или семейно–клановому объединению. И лишь в последнюю очередь личность в арабском мире идентифицирует себя с тем или иным государственным образованием[3].

Возникновение тех иных форм государственности на территории современного арабского региона никогда не приводило к исчезновению иных характеристик социальной лояльности. Доказательством тому становился весь путь исторического развития этого региона, а его наиболее принципиальной вехой становилась эпоха раннего ислама, а также время возникавших впоследствии и включавших в свой состав арабские территории мусульманских государств. При этом важнейшим аспектом анализа арабских политологов становились мусульманские политические представления и их воздействие на процессы становления государственности.

Ислам как религия и, одновременно, как доктрина, определяющая идеологию и способы построения светской жизни не смог, в конечном итоге, выработать четких основ политики, включая и базовые установки государственного устройства. Мнение бахрейнского политолога М.Дж. аль–Ансари становилось, в этой связи, показательным: «Мусульманское политическое законодательство (аль–фикх) никогда не поднималось до уровня более высокого, чем разработка основ богослужения или определения личного статуса членов общины. Приходится лишь сожалеть об этом, поскольку политика являлась основополагающей нормой жизни религиозной уммы»[4]. Непосредственным итогом возникавшей, в силу этого обстоятельства, ситуации становилось, по его же мнению, «превосходство власти, господство принципа «султаном становится тот, кто убил султана» как ведущего не только в мамлюкскую эпоху, но во многом и сегодня определяющего судьбу арабов… Мусульманское политическое законодательство не располагает какими–либо реальными юридическими противовесами, способными разрушить господство грубой силы»[5].

Возникало и еще одно, не менее существенное развитие мысли о неразработанности нормативных представлений ислама, связанных с во-

просами политики и государства. Если «грубая сила» всегда определяла основные направления созидания государственных образований в арабском регионе, то могло ли создававшееся тем или иным правителем государство эволюционировать, сохраняя себя как стабильное политическое образование? Для ведущих арабских политологов ответ на этот вопрос негативен. «Государство не располагало действительно устойчивыми структурными единицами управления, – отмечал ливанский политолог Г. Саляме. – Мусульманские законодательные представления, воплощавшиеся в принципе совещательности (аш–шура) никогда не находили своего адекватного выражения в реально существующих и сохраняющих свою историческую преемственность институтах, с помощью которых могла бы быть реализована практика политической жизни. Важность принципа аш–шура, например, вовсе не означала создания устойчивых институтов государственного управления, основанных на этом принципе. За исключением института халифата и определявшихся его деятельностью департаментов (дававин) административной и исполнительской направленности, политическая жизнь арабов и мусульман в рамках их государственных образований не смогла создать сколь–либо стабильной и прочной политической структуры. Исключением были лишь объединения оппозиционных групп, но по отношению к ним государство использовало открытое насилие. В свою очередь, эти группы откровенно выражали сомнение в легитимности существовавшего института халифата»[6].

Итак, цивилизационная матрица арабского мира, – ислам, – не смогла выработать каких–либо идентичных западным представлений о соответствующих современным представлениям о демократии нормах государственного строительства и взаимоотношений государства и личности. Речь, тем не менее, не шла об ущербности этой матрицы. Она представляла собой некую данность, параметры которой должны быть учтены при постановке вопроса о тенденциях развития стран арабского региона. Специфика мусульманской цивилизации была важна при определении характерных особенностей существующих государств и, наконец, возможностей их развития в направлении демократизации. Важнейшим среди параметров этой цивилизационной матрицы становилось отсутствие позитивных точек соприкосновения между личностью и государством. Для личности более притягательными оставались узы привычных для нее вариантов самоидентификации. Она принадлежала к миру ислама, ее больше интересовали проблемы ее конфессиональной группы, которые были достаточно многочисленны в границах арабо–мусульманской общности, рода, племени или клана. Иными словами, эта личность в значительно большей степени осознавала себя как исповедующую ислам, как принадлежащую к суннитскому большинству или шиитскому, друзскому или алавитскому меньшинству. Лишь в последнюю очередь все та же личность рассматривала себя в качестве гражданина Сирии, Иордании, Судана или какой–либо другой страны региона.

Проблемы государств, цивилизационной основой которых становился ислам, не исчерпывались только этим. В конце–концов, лояльность личности по отношению к реально существующему государственному образованию может быть создана в течение более или менее обозримого времени. Государства арабского мира – это феномен, который в своем окончательном виде, имея в виду временные границы завершения этого процесса, возник в период между двумя мировыми войнами. Их возникновение определялось крушением Османской империи и европейской колониальной экспансией а, в дальнейшем, после окончания второй мировой войны обретением независимого статуса. Если в течение столь длительного периода исторической эволюции этих государств приоритет характеристик лояльности их граждан не подвергся существенным изменениям, то, по всей видимости, это обстоятельство не может быть объяснено лишь ссылками на специфику мусульманской цивилизации.

Возникновение ислама и включение в сферу исповедания этой религии значительных человеческих групп в границах современной арабской Азии и Северной Африки ни в коей мере не приводило к коренному изменению общественно–политического устройства, а также социальной структуры жителей этих огромных территорий. Ислам лишь налагался на ставшие уже привычными для новообращенных мусульман более ранних, доисламских форм их бытия, сохраняя в практически неизменном виде эти старые формы. Более того, они в огромной мере пережили породившее их время, продемонстрировав тенденцию к внутренней стабильности, саморазвитию и приспособлению к менявшимся условиям их функционирования. Иными словами, ислам, даже став, казалось бы, ведущим уровнем лояльности сегодняшнего гражданина любой из стран Арабского Востока, ни на этапе своего возникновения, ни в настоящее время не только не мог, но, скорее всего, и не стремился уничтожить вторую характеристику этой лояльности – самоидентификацию родо–племенного или кланового порядка. Видимое выдвижение общерелигиозной принадлежности на передний план общественно–психологического осознания последователей этой религии не исключало для них в качестве более значимого вторую характеристику лояльности. Ни во время своего становления, ни много веков спустя ислам не становился основополагающим инструментом формирования национальных сообществ людей. К арабам это относилось едва ли не в первую очередь.

Арабские политологи нащупывали в связи с этой стороной проблемы центральное звено возникавшего уже в новейшую эпоху истории региона феномена «нелиберальной демократии». Этим звеном выступало отсутствие в регионе сформировавшегося гражданского общества, которое, в свою очередь, не могло появиться, прежде всего, потому, что ни одна из составляющих арабскую региональную общность стран не обладала реально существующим в пределах ее границ национальным единством. Государство и его граждане не были связаны между собой, существова-

ние каждого из этих компонентов современности даже не предполагало этой связи.

Тунисский социолог М.А. Аль–Хармаси предлагал в этой связи свое видение ситуации, которую он называл «безразличием людей по отношению к государству», унаследованной арабскими странами Северной Африки от прошлого. Он подчеркивал: «Мы можем найти группы людей, общины или клановые образования, возникающие в связи с необходимостью решения собственных жизненных проблем. Эти человеческие группы совершенно независимы от официальных правительственных кругов, департаментов труда и занятости, банков и тому подобных институтов и учреждений. ...Но существует и другой феномен. Это этнорегиональное предпринимательство. Для Северной Африки речь идет об объединениях выходцев из региона Сфакса, острова Джерба, мзабитах, кабилах, марокканских суси. Эти люди создали предпринимательские общины, члены которых объединены общими ценностями, узами солидарности, стремлением сохранить в секрете информацию о функционировании этих общин». И далее тунисский исследователь замечал: «Их общины предлагают представителям соответствующих регионов или этноконфессиональных групп возможности более эффективной, чем на государственной службе, реализации талантов и возможностей»[7].

Арабские политологи анализировали историческое прошлое огромного геополитического региона для того, чтобы найти ответ на вопрос, касающейся того, насколько ситуация в этом регионе может быть изменена в интересах его демократизации. Их точка зрения в этой связи была неутешительна. Речь шла о государствах, лишь формально наследовавших цивилизационные нормы ислама, лишь прокламировавших эти нормы в качестве базовых основ своей жизнедеятельности. Реальная исламская государственность возникла на фундаменте других, далеких от западных образцов принципов. Исламское общество эволюционировало иначе, чем его западные аналоги. Однако его естественная эволюция была прервана европейской экспансией.

Нынешние формы существования арабского регионального сообщества кардинально отличаются от тех его форм бытия, которые были реальностью эпохи до начала экспансии европейских государств. Эта мысль выступает в качестве ведущей для многих арабских политологов. Она оформляется как противопоставление понятий «аль–ватан» («отечество»), понимаемого как единое территориальное и национально–культурное пространство арабского мира, с одной стороны, и «аль–кутр» («страновое государство»), осознаваемое как реально существующая политико–государственная единица сегодняшнего дня, с другой. По сути дела, это противопоставление, первоначально возникшее в политической речи оппозиционных групп контрэлиты, противостоявших традиционным национальным партиям и колониальной администрации времени после второй мировой войны, стало общим местом арабских политологических и социологических исследований.

Это противопоставление по своему внутреннему содержанию не нейтрально. Позитивность «аль–ватан» резко контрастирует с негативностью «аль–кутр». Первое понятие имплицитно воспринимается в качестве цели, которая рано или поздно будет арабами достигнута и, тем самым, будет восстановлено существовавшее до прихода европейцев в арабский мир статус–кво. В свою очередь, второе достаточно очевидно рассматривается как явление временное и преходящее, существующее только потому, что соотношение сил в современном мире не отвечает арабским интересам, что в самих арабских странах еще прочны позиции тех, кто противится восстановлению утраченного единства национальной территории.

Тем не менее, гораздо более существенным кажется другое обстоятельство. Нынешняя ситуация единого геополитического и национально–культурного пространства, раздробленного на множество страновых государств, становится, по мнению арабских политологов, едва ли не основным препятствием на пути развития в границах этого пространства процесса демократизации. Речь идет о том, что в каждом из этих страновых государств уже сложились группы правящей элиты, не заинтересованные в восстановлении единства этого пространства. «Если в прошлом, – отмечал один из этих исследователей, – недемократичность отношений во многих арабских государствах могла быть сравнительно легко объяснена существованием у кормила правления в этих государствах ограниченных в классовом отношении групп, единолично эксплуатирующих национальные богатства и отстраняющих от этого процесса широкие классы трудящихся, а также наличием на территориях этих государств иностранных войск или военных баз, то в настоящее время ситуация стала значительно более сложной». И далее он продолжал: «Возникновение политических партий и движений, в той или иной мере выдвигавших лозунги национального освобождения, социальной справедливости и общенационального единства, в дальнейшем пришедших к власти во многих арабских государствах на основе этих лозунгов ... ни в коей мере не изменило ранее существовавшей ситуации. Граждане этих государств все также страдают от невозможности пользоваться элементарными гражданскими правами и свободами. Неправящие партии и организации действуют в ситуации угрозы насилия и физического уничтожения их членов»[8].

«Страновое государство» становилось той объективной силой, которая несла прямую ответственность за сохранение недемократического характера реально существующей в нем сферы социально–политических отношений. Его недавнее прошлое – эпоха колониального угнетения – практически ничем не отличалась от постколониального, независимого и суверенного статуса. Это государство активно трансформировало приходившие к власти политические силы, содействуя их превращению в столь же антидемократичные, что и силы, которые правили этими государствами в течение первых лет после обретения ими политической самостоятельности. Речь не шла о внутреннем перерождении этих сил или о

трансформации их программных установок и целей борьбы, – они остаются неизменными, хотя их содержание активно выхолащивалось. Могут ли эти силы самостоятельно вернуться на исходные позиции, восстановить то позитивное, что позволило населению арабских стран увидеть в них выразителя собственных интересов и содействовать их приходу к власти? В этом приходится лишь сомневаться потому, что движение в таком направлении не соответствует сущностным параметрам самого странового государства.

Встает, однако, необходимый в данном случае вопрос, – что же определило появление странового государства? Иными словами, что было тем исходным временным рубежом, который положил начало переходу арабского мира из ситуации единого общенационального пространства в ситуацию раздробленности? И если возникавшие в пределах того же региона государственно–политические образования строились на основах исламской цивилизационной матрицы, то что ныне лежит в основе странового государства? При этом, достаточно важно соотнести высказывавшиеся арабскими политологами идеи о коренных различиях между базовыми принципами возникновения и жизнедеятельности арабо– мусульманского государства и государства западного типа, с одной стороны, с их резкой критикой реальности странового государства, с другой.

Арабское страновое государство явилось итогом европейской экспансии, – эта идея представляется ключевой для каждого из исследователей политического процесса на уровне того или иного государственного образования. Этот вывод кажется справедливым, тем более, что он основывается на реальности событий, происходивших в течение длительного периода, конечная граница которого обозначена, по крайней мере, временем окончания первой мировой войны. Внешние по отношению к региону силы становились решающим фактором, определявшим не только становление нынешних арабских стран, демаркацию границ между ними, а также основные направления их социально–экономического и политического развития. Конечно, вопрос о том, смог бы арабский мир даже в отсутствии угрозы вмешательства внешних сил осуществить движение в сторону создания широкого государственного образования, границы которого простирались бы от Атлантического океана до Аравийского мора, не кажется арабским политологам в достаточной мере принципиальным. Он, в целом, ими и не ставится. Впрочем, мифология представлений об изначально предопределенной постановке проблемы как исторически заданном единстве арабского мира уязвима и не только в этом отношении, – игнорируется фактическое существование многих вилайетов Османской империи в качестве, по сути дела, автономий, не принимается во внимание независимый от этой империи статус Марокко или Омана. Более того, эта постановка вопроса абстрагируется от представлений, господствовавших среди лидеров арабского возрожденческого движения (ан–Нахда), планировавших создание государства, которое не включило бы ни Египет, ни юг современного Ирака, ни Северную Африку. Речь не должна идти,

однако, о критике определенных представлений. Вопрос связан с другим аспектом той же проблемы. Эти представления являются пусть и мифологизированной данностью, определяющей общую атмосферу умонастроений в сфере общественного сознания, в том числе и политологии.

Занявшая несколько столетий европейская экспансия в пределы Османской империи, привела к разграничению сфер влияния колониальных держав, что, в конечном итоге, и стало ведущей причиной появления современных арабских государств. Естественно, что деятельность европейских администраций на территории Арабского Востока не могла бы быть успешной, если бы там не было сил, заинтересованных в поддержании контактов с представителями этих администраций. Этими силами были сторонники регионалистской, конфессиональной или классовой (феодальной, компрадорской) ориентации[9].

Созданные европейцами при поддержке их местных союзников государственные образования странового типа, если следовать логике рассуждений Г. Саляме, «своим несвоевременным возникновением ... нанесли огромный ущерб, сделав невозможным дальнейшее развитие в направлении создания более благоприятных для эволюции демократии условий. Дело заключалось не только в том, что эти государства были созданы, прежде всего, военными, смотревшими на них как на место сосредоточения колониальных армий. Самым опасным последствием случившегося, – отмечал ливанский исследователь, – становилось то, что европейское вторжение и господство остановили процесс, начавшийся еще в XIX в. и воплощавшийся в развитии феномена модернизации на территории Османской империи. Феномен модернизации сопровождался возникавшим в силу внутренних причин процессом демократизации, где–то более весомым и быстрым, а где–то более медленным и последовательным. Однако самым принципиальным было то, что процесс демократизация, порождавшийся внутренними причинами, лучше отвечал условиям эпохи и того географического пространства, которое было им затронуто»[10].

По мнению арабских политологов, это было наиболее важным итогом европейской миссии в пределах тех территорий, которые в настоящее время составляют арабский мир. Столкновение цивилизаций – мусульманской и европейской – не содействовало их взаимному обогащению и взаимопроникновению. Напротив, одна из них – европейская – разрушила вторую или, по крайней мере, прервала естественное развитие мусульманской цивилизации, оттеснив ее на периферию общественно–политической жизни тех стран, где ранее она выступала в качестве неоспоримо господствовавшей. Более того, столкновение цивилизаций и победа одной из них содействовали тому, что в арабском регионе, – в то время части Османской империи, – не смог появиться автохтонный тип демократии, который, быть может, только в этом случае что–либо позаимствовать у западной модели демократии. Европейская экспансия лишила

арабов возможности сделать это, поскольку в ходе этой экспансии эта модель им навязывались силой оружия.

Стоило бы, однако, продолжить прерванную цитату. Внедрявшиеся европейцами в создававшиеся ими государства нормы демократии не были, кроме того, адаптированы к условиям арабского мира. В силу этого, происходило «перепрыгивание через последовательно следующие друг за другом этапы эволюции, осуществлялась попытка ускорить естественную эволюцию местного общества, нормы демократии становились орудием деспотического определения нужд и потребностей этого общества». Дальнейшее развитие событий, начавшееся уже в эпоху государственной независимости арабских стран, было во многом предсказуемо. В этой связи Г. Саляме отмечал следующее: «Лаицизм в арабском мире был отброшен теми, кто под лозунгами возвращения к традиции требовали осуждения молоха модернизации. Национализация стала ответом тем, кто пытался использовать собственное благоприятное экономическое положение ради того, чтобы и дальше управлять страной. Национализм стал орудием тех, кто выступил против дальнейшей феодализации государства, против монопольного обладания кучкой людей каналами контактов с внешним миром, против господствовавших в местном обществе сил и заимствованных извне идей»[11].

Высказывавшиеся ранее идеи приобретали более четкое оформление. Более того, вывод Г. Саляме был совершенно логичен. Естественно, что то, что было навязано деспотическими методами, должно было быть отброшено, хотя, как показывало дальнейшее развитие событий, арабский мир впоследствии вновь возвращался к усвоению норм западной демократии. Тем не менее, ключевым словом ливанского ученого становилось понятие «феодализации» странового государства. Европейская экспансия в арабский мир не столько модернизировала его, сколько обращала его развитие вспять. Здесь вывод Г. Саляме не был единственным в своем роде. Достаточно сослаться хотя бы на точку зрения М.Дж. Аль–Ансари.

Для бахрейнского политолога «страновое государство воплощало в себе перенесенный в эру существования ООН и государственных суверенитетов этап феодализма, через который арабское отечество ранее не проходило»[12]. Его выводы в этой связи достаточно красноречивы. Европейская экспансия и установление господства Запада над арабским миром вызвали к жизни «страновое государство, историческая функция которого идентична функции феодального государственного образования». М.Дж. Аль–Ансари последовательно проводит грань равенства между европейским феодализмом, включая также в круг своего анализа и японскую ситуацию средневековья и нового времени и настойчиво транскрибируя арабской графикой термин «феодализм», что исключает возможность иного подхода к высказываемым им соображениям в связи с существующими арабскими государствами.

Как и европейские феодальные образования, так и нынешние арабские государства возникли в результате распада огромных империй. Как и

европейские феодальные государства, так и арабские страновые государственные образования должны выполнить свое историческое предназначение. Оно заключается в том, что «нынешнее развитие арабского мира на основе существующих реальностей, воплощаемых в страновых государствах, должно, в конечном итоге, привести к развитию в общенациональном масштабе. Иными словами, нынешние условия развития объективно приближают время общенационального единства, которое положит конец этапу страновой раздробленности».

Ситуация, возникавшая в связи с этим выводом, выглядела как во многом неожиданная. Действительно, страновое государство, представлявшееся ранее как явление далекое от естественного хода вещей, навязанное извне с помощью «деспотических» методов внезапно приобретало новые оттенки. «Наиболее значимой особенностью этого государства, – подчеркивал М.Дж. Аль–Ансари, – как и европейского феодального государства, становилось то, что каждое из них трансформировалось в инструмент, в горнило изменения существующей лояльности. Благодаря каждому из них, лояльность племенного, конфессионального или регионального типа перерастала в лояльность по отношению к реальному политическому образованию, к высшей власти в этом государстве. Европейский феодализм уничтожил племенную лояльность германских племен и превратил ее в лояльность, основанную на уважении к феодальному властителю и его власти. Племенная, конфессиональная и региональная лояльность все еще остается фактором, воздействующим на жизнь арабских социальных объединений, хотя централизованный халифат – Османская империя – и не прошел через этап феодальной раздробленности. Это означает, что страновое государство действует в настоящее время в направлении искоренения традиционных форм лояльности, становясь горнилом, выковывающим идею патриотического единства и приближающим эпоху понимания значимости гражданского общества».

Возникает естественный в этом случае вопрос, – возможно ли совместить две, казалось бы, трудно сочетаемые идеи? Одна из них состоит в том, что достижение демократии в страновом государстве невозможно, поскольку это государство по самой своей природе не может отвечать представлениям о демократических нормах. Вторая же – что страновое государство содействует становлению в арабском мире адекватного понимания значимости гражданского общества. Тем не менее, обе эти идеи не являются абсолютными антиподами.

Страновое государство, возникшее в результате европейской экспансии, создавалось без учета многих обстоятельств, которые могли бы обеспечивать его выживание. Проведение линий демаркации между колониальными владениями ведущих государств Европы времени раздела Османской империи, которые и стали впоследствии государственными границами арабских стран, размечало сферы влияния европейских государств и определялось требованиями геополитики ушедшей в прошлое эпохи. Все те же линии демаркации лишь в малой мере учитывали сте-

пень или уровень внутрирегиональных хозяйственных связей в границах того или иного владения Великобритании, Франции или Италии. Их еще следовало создать. Но это отнюдь не всегда входило в задачу державы–метрополии, руководствовавшейся в этой сфере собственными, определявшимися ее интересами задачами.

Страновое государство, выраставшее на основе европейских колоний, не могло быть внутренне гомогенным. Реально существующие в этом государстве характеристики социальной лояльности и, прежде всего, – лояльность племенного, конфессионального или регионального типа – тому решающее доказательство. Поверхностность модернизации времени до обретения страновыми государствами политической самостоятельности определялась не только сохранением гетерогенного характера арабских обществ, но и выдвижением вперед представителей этно–предпринимательских групп, игравших ведущую роль в отношениях между колониальной администрацией и местным населением, оттеснением групп религиозного большинства на периферию социально–экономического развития. Тем не менее, задача преодоления этой гетерогенности также не была основным направлением деятельности иностранных администраций. Стоявшие перед ними задачи все так же определялись более высокими интересами той или иной державы. Более того, проводившаяся этими администрациями, как правило, линия на развитие в пределах территории той или иной колонии экономического либерализма даже и не способствовала тому, чтобы они могли бы уделять какое–то внимание решению этого вопроса.

Мог ли, в этой связи, процесс ускоренной модернизации быть успешным в обществе, где все еще в силу превалирования внешних причин становления государственности сохранялись унаследованные от прошлого характеристики лояльности? Традиционные западные нормы демократии в случае, если бы они последовательно претворялись в страновых государствах арабского региона, не смогли бы содействовать провозглашавшейся их режимами ориентации на преобразование общественных и хозяйственных структур. Причиной тому была бы их полная неэффективность в контексте гетерогенности местного социума. Они, тем самым не смогли бы обеспечить необходимую для решения задач модернизации степень мобилизации населения этих государств. С другой стороны, все те же нормы западной демократии в обществе, все еще лишенном национального единства, вызвали бы к жизни, в случае их реализации, необратимые центробежные силы регионалистского, этнического или конфессионального характера.

Страновое государство выступало в качестве существующей реальности. Его параметры были во многом противоречивы. Их противоречивость не могла не признаваться представителями арабской политологии, порой резко критиковавшими деятельность находившихся у власти в этих странах режимов. Вопрос, тем не менее, не сводился только к их критике в сфере соблюдения гражданских прав и свобод граждан. Главным для

арабских политологов становилось то, что эти государства обращали унаследованные от прошлых эпох методы авторитарного руководства на решение более существенной задачи – достижения внутренней консолидации ради будущего национально–государственного единства и, конечном итоге, создания гражданского общества. Иными словами, используя выражение Г. Саляме, страновое государство «своей деятельностью отрицает себя»[13].

Говоря о сегодняшней ситуации в сфере демократизации в странах Северной Африки М.А. Аль–Хармаси, в частности, подчеркивал: «Ни одно из правительств Магриба от Рабата до Триполи не смогло добиться решения постоянно бросавших им вызовы задач: большей экономической эффективности, с одной стороны, и политического обновления, с другой. ...Ситуация стала еще более сложной, когда магрибинские государства перешли к реализации стратегии экономической открытости, направленной на поиск выхода из тупика последствий прежнего экономического курса. С помощью этой же стратегии там стремились также удовлетворить запросы тех сил, которые все более сплоченно выступали под лозунгами политического протеста, требуя действительного расширения ограниченных возможностей собственной инициативы, о чем им велеречиво говорили местные правительства»[14]. В равной мере слова тунисского исследователя могли бы быть отнесены и к широкому кругу арабских азиатских стран от Ирака и Сирии до государств зоны Персидского залива и Аравийского полуострова.

Арабское региональное сообщество действительно стояло перед проблемой достижения более высокой производительности труда, повышения эффективности национального производства, что в огромной степени зависело от уровня подготовки местной рабочей силы, включая и освоение передовой технологии Запада. Государство должно было изменить, – и оно, вне сомнения, стремилось это сделать, – собственный сложившийся ранее образ.

Точка зрения, высказываемая в этой связи М.А. Аль–Хармаси, вновь обращала на себя внимание[15]. Он считал, анализируя положение, прежде всего, в североафриканском регионе, что в глазах своих граждан магрибинские государства в постколониальную эпоху играли двойственную роль. Они были «силой, направлявшей развитие в сторону обретения странами региона внутринационального единства и солидарности», и, одновременно, «единственным центром экономического патернализма в отношении собственных граждан». Однако, чем больше отдалялась эпоха борьбы за обретение национальной независимости, тем менее значимым становился соответствовавший ей образ странового государства. Субъективная сторона этой проблемы становилась тем более значимой, что нерешенность задач быстрого хозяйственного возрождения порождала серьезные трудности в реальной жизни этих государств. Речь шла об экономической стагнации и, как ее следствии, все большем отходе граждан

арабских государств от традиции ориентации на государство как инструмент поддержки их экономической деятельности.

Трансформация образа государства и изменение его функций, связанных, прежде всего, с той ролью, которую оно традиционно играло в экономической жизни общества, были связаны, в конечном итоге, с новой стратегией экономической открытости. Речь более не шла о том, что решение экономических задач продолжало оставаться исключительной прерогативой государственного аппарата. Во многом, они перекладывались на плечи самих граждан. Преодоление экономической стагнации требовало вложения в народное хозяйство как национального, так и иностранного капитала. Ради осуществления этой задачи требовалось всеобъемлющее поощрение частной инициативы. В силу этого, страновое государство превращалось в орудие «национального примирения»[16], идея которого, в зависимости, начиная со второй половины 70–х–начала 80–х гг. во все большей мере начинала реализовываться в различных странах арабского мира.

Станет ли реальностью арабского мира тот путь его модернизации, который сегодня ассоциируется с экономическим либерализмом и политикой «открытых дверей»? Вне зависимости от общей оценки этого пути, диктуемой теми или иными политическими и идейными пристрастиями, он выглядит сегодня как потенциально наиболее рациональный и способный действительно переломить негативные последствия хозяйственного застоя и социальной деградации. Конечно, и в этом случае не приходится сомневаться, в том, что реальные итоги осуществления курса экономической либерализации на Арабском Востоке будут продемонстрированы только по истечении определенного времени. Трудности реализации этого курса в стране, которая никогда не отказывалась от следования в русле политики экономического либерализма, – речь идет о Ливане, – четко осознаются арабскими политологами[17]. Но, вместе с тем, суть проблемы заключается не только в этом.

Государство не может не учитывать действительно встающие на пути осуществления курса экономической открытости трудности, источником которых выступают факторы реального развития арабского мира. Существующие в его пределах государственные образования все еще далеки от того, чтобы рассматриваться в качестве действительных «государств–наций». Впрочем, арабские политологи и не считают своей обязанностью содействовать их становлению в таком качестве. Неразвитость социальной структуры в рамках этих образований не может игнорироваться. Более того, естественные хозяйственные отношения, пробивавшие себе дорогу даже во времена если не абсолютного, то достаточно широкого огосударствления экономической жизни, должны в сегодняшней ситуации, открывающей путь к реализации частной инициативы, стать источником достатка, обогащения и, в силу этого, повышения социального престижа определенных социальных групп и слоев общества.

Такого рода процессы не могут оказаться безболезненными. Они уже сегодня угрожают потрясениями политического характера, возможностью реализации регионалистских форм сепаратизма, взрывами межконфессиональных и этнических конфликтов и антагонизмов. Это прекрасно понимают арабские политологи. Для них естественно говорить сегодня о том, что «группы исламского действия призывают к проведению в жизнь стратегии революционной борьбы против правящих режимов и против общества в целом, рассматриваемых с позиций этих групп как нелегитимные и безбожные»[18], используя, в этой связи, кажущиеся исламистам «полностью совпадающими понятия «народ» и «наследие». Иными словами, отталкиваясь от слов другого автора, речь идет о «негативизме политической практики масс»[19].

Идет ли речь, тем не менее, о том, что «арабо–мусульманский мир представляет собой очевидное исключение из общемирового правила движения к демократии»[20]? Отвечая на этот вопрос сирийца, А. Аль–Азме считает такую постановку проблемы в принципе неправомочной. Арабский мир, как и, в целом, мировое сообщество, движется по пути все большего практического претворения демократических норм в сфере экономических отношений, а также в области общественных отношений и политической жизни, включая и взаимоотношения между государством и личностью. Тем не менее, это движение не может не обладать многими, ярко выраженными чертами региональной и, в определенной мере, страновой специфики. На этом положении следовало бы остановиться подробнее.

Конечно[21], демократические процессы представляют собой сегодня реальность во многих странах Арабского Востока. Мусульманская цивилизационная матрица смогла обнаружить в себе достаточное число граней, находящих определенное соответствие их аналогам среди норм западной демократии. Их использование позволяет решить те проблемы, которые в относительно отдаленном прошлом казались неразрешимыми. Речь, в частности, идет об институте аш–шура (консультаций), становящимся основой для возникновения систем представительной власти на всем протяжении ареала проживания как арабских, так и мусульманских народов. Разумеется, эволюция этих систем, как и иных современных демократических институтов, становится, в этой связи, тесно связанной с необходимостью постоянного обращения к религиозной догматике ради легитимизации этого процесса. Или, пользуясь словами одного из цитировавшихся исследователей, «ислам должен постоянно выступать в качестве символического источника оправдания или подтверждения значимости того или иного института государства, а также той или иной нормы общественного поведения»[22].

Тем не менее, развитие процесса демократизации в странах арабского региона проходит в формах, которые далеки от того, чтобы рассматриваться в качестве либеральных. Это обстоятельство давно стало предметом дискуссий в арабском мире, в том числе и в кругах арабских политологов. Высказываемые в ходе этой дискуссии точки зрения в связи с тем,

почему этот процесс привел к возникновению феномена «нелиберальной демократии», при всем их разнообразии отталкиваются, тем не менее, от характеристик «неопатриархальности», сформулированных американским историком и политологом арабского происхождения Х. Шараби.[23], считающим, что арабский мир социально гетерогенен. Основой социальных отношений, как и институтом социальной организации в этом регионе выступают семья, род, племя, религия или конфессия. Эти социальные отношения – авторитарны. Иными словами, господство, насилие и методы управления, характерные для поведения патриархального отца в его отношениях с детьми, – все это вступает в качестве принципов межчеловеческих взаимоотношений, как на уровне семьи, так и на уровне государства. Иные варианты общественных связей и контактов, базирующиеся на принципах взаимодействия, взаимного признания и равноправия, или не существуют, или находятся в зачаточной состоянии. Общественная жизнь в значительной степени определяется распространением живучих стереотипов, порождающих чувство социальной замкнутости и веру в потусторонние силы. Осознание многообразия окружающего мира едва лишь начинает реализовывать себя. Наконец, это резко ощутимый традиционализм социального поведения, в основе которого лежит следование устоявшимся обычаям, а не спонтанность, созидание и творчество.

Для Х. Шараби и абсолютного большинства арабских ученых, исследователей и, в целом, представителей университетской и научной элиты все сказанное выше представляет собой достаточно существенные причины, определяющие возникновение феномена «нелиберальной демократии». Тем не менее, действительное существование этих причин вовсе не становится поводом для пессимизма. «Нелиберальная демократия», реализуемая авторитарным страновым государством представляет собой «историческую случайность общемировой закономерности движения по пути демократической эволюции»[24].

[1] Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy. – «Foreign Affairs», nov./dec. 1997, vol. 76, N 6, p. 22.

[2] Ibid., p. 28.

[3] Гальон Б. Низам ат–таифа: мин ад–дауля иля аль–кабиля (Конфессиональная система: от государства к племени). Бейрут, 1990, стр. 136–137.

[4] Аль–Ансари М.Дж. Таквин аль–араб ас–сиясий ва магза ад–дауля аль–кутрийя (Политическое формирование арабов и смысл странового государства). Бейрут, 1994, стр. 25.

[5] Там же, стр. 26.

[6] Саляме Г. Эйне хум ад–димукратыйун? (Где же эти демократы). – Димукратыйя мин дуна димократыйин (Демократия без демократов). Бейрут, 1995, стр. 14–15.

[7] Аль–Хармаси М.А. Ат–Тагйир аль–иджтимаъий аль–иктысадий ва мудаафатуху ас–сиясийя: аль–Магриб аль–арабий (Социально–экономическая

трансформация и ее политические последствия: Арабский Магриб). – в: Димукратыйя мин дуна димукратыйин, стр. 287–288.

[8] Ан–Насер Х. Узмат ад–димократыйя фи аль–ватан аль–арабий (Кризис демократии в арабском отечестве). – в: Ад–Димукратыйя ва хукук аль–инсан фи аль–ватан аль–арабий (Демократия и права человека в арабском отечестве). Бейрут, 1992, стр. 26.

[9] См. в этой связи точку зрения Г. Саляме в: Саляме Г. Ад–Димукратыйя ка адат ас–салям. (Демократия как орудие мира) в: Димукратыйя мин дуна димукратыйин, стр. 109–138. Цитируемая статья рассматривает, в частности, под этим углом зрения проблемы становления Кувейта и Ливана.

[10] Саляме Г., Эйне хум ад–димукратыйун?, стр. 23.

[11] Там же.

[12] Здесь и далее см.: Аль–Ансари М. Дж., цит. произв., стр. 168–173.

[13] Саляме Г., цит. произв., стр. 25.

[14] Аль–Хармаси М.А., цит. произв., стр. 288.

[15] Там же, стр. 288–289.

[16] Там же, стр. 290.

[17] См., например, точку зрения по этому поводу, высказываемую Г. Саляме в: Саляме Г. Ад–Димукратыйя ка адат ас–салям аль–маданий, стр. 113–116.

[18] Здесь и далее см. точку зрения одного из участников симпозиума «Демократия без демократов» сирийского политолога Азиза Аль–Азме в: Аль–Азме А. Аш–Шуубауийя дыдд ад–димукратыйя: хитаб ад–димукратыйа аль–муасыр фи аль–ватан аль–арабий (Популизм против демократии: дискурс современных демократов в арабском отечестве). в: Димукратыйя мин дуна димукратыйин, стр 209–228.

[19] Ан–Насер Х., цит произв., стр. 28.

[20] Выражение Азиза Аль–Азме. – Аль–Азме А., цит. произв., стр. 226.

[21] Здесь и далее автор опирается на идеи, высказывавшиеся А. Аль–Азме в: Аль–Азме А., цит. произв.; Г. Саляме в: Саляме Г. Ад–Димукратыйя ка адат ас–салям аль–маданий; а также М.А. Аль–Хармаси в: Аль–Хармаси М.А., цит. произв., стр. 285–304.

[22] Слова Г. Саляме. См.: цит. произв., стр 136.

[23] Здесь и далее см.: Sharabi H. Neopatriarchy: A Theory of Distorted Change in Arab Society. N.–Y., 1988.

[24] Выражение Исмаила Сабри Абдаллы. См.: Абдалла И.С. Аль–Мукаввамат аль–иктысадыйя ва аль–иджтимаъыйя лиддимукратыйя фи аль–ватан аль–арабий (Экономические и социальные предпосылки демократии в арабском отечестве). – в: Ад–Димукратыйя ва хукук аль–инсан фи аль–ватан аль–арабий, стр. 121.

Е.С.Мелкумян

СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Для Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) развитие отношений с Европейским союзом (ЕС) имеет особое значение. Они призваны содействовать укреплению многополярности в современной системе международных отношений. Упрочение связей с такой мощной региональной группировкой как ЕС должно создать, по мнению государств ССАГПЗ, противовес стремлению США быть единственным гарантом безопасности и стабильности в регионе Персидского залива. ССАГПЗ заинтересован в том, чтобы иметь широкие возможности для маневрирования, поэтому он стремится к развитию сбалансированных отношений со всеми ведущими мировыми державами. Это отвечает его коренным интересам по поддержанию внутриполитической стабильности и достижению экономического процветания. ЕС, со своей стороны, готов к развитию отношений с ССАГПЗ как одной из региональных организаций. Как отмечалось в документах ЕС, «поддержка региональной интеграции и региональных группировок в развивающемся мире содействует поддержанию стабильности»[1]. Это особенно важно в отношении региона Персидского залива, располагающего богатейшими мировыми запасами нефти и газа, от бесперебойных поставок которых на европейские рынки зависит экономическое благополучие государств ЕС.

Взаимоотношения между ССАГПЗ и ЕС основываются, прежде всего, на совпадении их экономических интересов: ЕС нуждается в поставках нефти и газа из стран ССАГПЗ, а те в свою очередь хотели бы получить доступ к европейским технологиям, помощь в подготовке местных высококвалифицированных специалистов и расширить перечень поставляемых на европейские рынки товаров. В марте 1983 г. официальная делегация ЕС посетила Саудовскую Аравию, где впервые были проведены переговоры с руководящими деятелями ССАГПЗ, в результате которых была достигнута договоренность об обмене информацией между этими региональными объединениями об их деятельности.

В ноябре 1984 г. были начаты предварительные переговоры между комиссией ЕС и Генеральным секретариатом ССАГПЗ о заключении экономического сотрудничества, которое охватывало бы торговлю, энергетику, инвестиции, промышленность, передачу технологий и подготовку кадров.

Некоторые арабские исследователи, в частности, представитель Саудовской Аравии Мухаммед Маамун Курди отмечал, что «переговоры не случайно начались в тот период, когда проходили выборы в США». Он подчеркивал, что выбор времени начала контактов с ЕС был верным не только с тактической точки зрения. Этот выбор был принципиален и по существу, так как государства ССАГПЗ могли обсуждать с ЕС проблему поставок их промышленной продукции на европейские рынки, отталкиваясь от значимости собственных экономических интересов и не принимая во внимание политическую реальность, которая определяла отношения между этой группой стран и США[2].

Переговоры не дали положительных результатов, потому что ССАГПЗ стремился к заключению такого соглашения, которое содержало бы пункт о введении льготного таможенного тарифа в отношении его промышленных товаров. Однако страны–члены ЕС отказывались от включения этого пункта в текст соглашения.

Второй раунд переговоров по заключению всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве между ССАГПЗ и ЕС состоялся в марте 1985 г. на Бахрейне. Обе стороны так и не смогли достичь договоренности по условиям торгового обмена между ними. В то же время, учитывая важность торговых связей между ними, и ССАГПЗ, и ЕС были готовы к поиску приемлемых для обеих сторон решений по выходу из тупикового положения. Стремясь добиться продвижения переговоров, торговая делегация ЕС в апреле 1985 г. посетила государства, входящие в ССАГПЗ. В октябре 1985 г. было созвано совещание руководителей государств ЕС и ССАГПЗ в Люксембурге для проведения официальных переговоров по всем спорным вопросам, препятствовавшим заключению соглашения о сотрудничестве между двумя региональными организациями. Основным из этих спорных вопросов было решение ЕС о введении таможенных пошлин в размере 13,5% на импорт в страны ЕС метанола и полиэтилена, производимых на предприятиях государств ССАГПЗ[3].

Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность представляют собой основу промышленного развития государств–членов ССАГПЗ. Расходы по выпуску продукции в этих отраслях экономики арабских государств региона Персидского залива значительно ниже, чем в других странах, что связано с имеющейся у них дешевой энергией и сырьём. Эти государства стремятся к тому, чтобы экспорт нефтеперерабатывающей и нефтехимической продукции стал, наряду с экспортом сырой нефти, одним из основных источников их государственных доходов. Торговая политика ЕС расценивалась руководителями ССАГПЗ как главное препятствие для достижения этой цели.

Представители ЕС на совещании в Люксембурге не согласились отменить повышенные тарифы на метанол. Они утверждали, что эти тарифы были введены по настоянию Голландии, выступившей с протестом против двенадцатикратного увеличения Саудовской Аравией, по сравнению с размером ее квоты, поставок метанола на европейские рынки.

Большая часть предприятий, производящих этот продукт в странах ССАГПЗ, была сосредоточена в Саудовской Аравии.

Руководители ССАГПЗ охарактеризовали действия ЕС как политику «промышленного протекционизма»[4]. Они настаивали на свободном доступе производимых в их странах товаров на рынки ЕС. В свою очередь, представители ЕС требовали заключения такого соглашения, которое ограничивало бы экспорт из стран–членов ССАГПЗ продукции нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, поскольку аналогичные предприятия Западной Европы не будут способны выдержать конкуренцию с новыми производителями этих товаров. Руководящие деятели ССАГПЗ опровергали эти утверждения. Они подчеркивали, что европейские рынки смогут легко поглотить повышение экспорта нефтепродуктов из стран ССАГПЗ, в силу того, что даже при самом максимальном его росте, он к 1988 г. не превысит 6% от общеевропейского потребления[5].

Противоречия между ЕС и ССАГПЗ были, в определенном смысле, продолжением старой системы взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами. Они отражали нежелание индустриальных государств идти на изменение традиционной структуры международного разделения труда, при котором развивающиеся страны выступали только в роли поставщиков сырья для этих государств.

ССАГПЗ добивался благоприятных условий продажи своей продукции на рынках ЕС. Моделью желаемого сотрудничества между обеими региональными организациями были провозглашены отношения, существующие между ЕС, а также странами Африки, Карибского моря и Тихого океана (АКТ). Первая Ломейская конвенция (февраль 1975 г.) и вторая Ломейская конвенция (февраль 1980 г.), заключенные между ЕС и государствами АКТ обеспечили свободный доступ всей промышленной продукции и 94% сельскохозяйственных товаров, ввозимых из стран АКТ, в страны ЕС. Для оставшихся 6% сельскохозяйственных товаров ЕС согласился предоставить преференции в виде снижения пошлин или уменьшения размеров импортных компенсационных сборов[6].

Помимо обсуждения условий товарообмена между странами–членами обеих региональных организаций, в ходе переговоров с ЕС представители ССАГПЗ подняли вопрос о необходимости принятия закона, гарантирующего взаимную защиту капиталовложений, а также налаживание обмена информацией о возможностях сотрудничества в области промышленности и создания совместных предприятий. ССАГПЗ проявил заинтересованность в развитии сотрудничества с ЕС в области научных исследований, включая обмен информацией об их результатах и осуществление совместных научных проектов. Руководители этой организации предложили включить в соглашение пункт об обязательствах ЕС участвовать в подготовке квалифицированных кадров для стран Совета сотрудничества. Взаимодействие в сфере научных исследований и подготовки кадров должны были содействовать передаче технологии государствам–членам ССАГПЗ.

Переговоры 1985 г. между руководителями ССАГПЗ и ЕС не дали положительных результатов. Потребовалась длительная и кропотливая совместная работа ЕС и ССАГПЗ, прежде чем обе стороны были готовы к подписанию соглашения о взаимном сотрудничестве. Оно было подписано в июне 1988 г.

Это было первое соглашение, заключенное ССАГПЗ с другой региональной организацией. Оно дало толчок развитию отношений между ними. Были созданы постоянные дипломатические представительства ССАГПЗ и ЕС, которыми обменялись эти региональные объединения. Хотя договор о свободной торговле и не вошел в текст соглашения, его пункт 11 предусматривал необходимость заключения подобного договора в будущем. Однако согласно условиям соглашения ЕС предоставил государствам ССАГПЗ режим наибольшего благоприятствования в торговле, в соответствии с которым часть их товаров поступает в страны сообщества беспошлинно. Главным образом, это сырая нефть и продукция нефтепереработки. На нефтехимическую продукцию пошлины были снижены, и был установлен их максимальный предел. В сентябре 1991 г. после тщательной проработки всех препятствующих этому проблем ЕС принял решение заключить договор о свободной торговле с ССАГПЗ. Предшествующий началу реализации его положений переходный период не должен превышать 12 лет. Европейские партнеры ССАГПЗ считают, что введению режима свободной торговли между ЕС и ССАГПЗ будет способствовать достижение согласия между государствами–членами ССАГПЗ о создании единой системы внешней торговли и об унификации их таможенной политики[7].

Несмотря на определенные противоречия между ССАГПЗ и ЕС по вопросам взаимной торговли, торговый оборот между обеими организациями постоянно растет. Для государств ССАГПЗ страны ЕС являются главными торговыми партнерами. Руководители ССАГПЗ стремятся к расширению торговых связей с ЕС и ставят вопрос о необходимости добиться снижения отрицательного сальдо в товарообороте государств, входящих в эти организации[8].

Одной из форм взаимодействия между ССАГПЗ и ЕС является так называемое трехстороннее сотрудничество, т.е. совместное использование западноевропейской технологии, с одной стороны, капиталов и сырья государств ССАГПЗ, с другой, и трудовых ресурсов развивающихся стран, с третьей. Идея «трёхстороннего сотрудничества была выдвинута еще в 1974 г. тогдашним президентом Франции Ж.Помпиду. Предполагалось наладить связи между странами ЕС, арабскими нефтедобывающими государствами и странами Африки, где европейцы начали терять свои позиции. Хотя в то время эта идея и не встретила поддержки, Франция, тем не менее, продолжала попытки ее претворения в жизнь. В 1980 г. Италия и Германия выступили в поддержку созыва евро–афро–арабского совещания. Практика «трехстороннего сотрудничества» расширяется, причем в

качестве стран–реципиентов начинают выступать не только африканские, но и азиатские, в первую очередь, арабские страны.

Одной из набирающих силу форм сотрудничества между обеими региональными организациями является создание совместных предприятий. Развитию этой формы сотрудничества способствовало проведение совещаний с участием промышленных предпринимателей государств ССАГПЗ и ЕС. Первое подобное совещание было проведено в Испании в 1990 г.

Взаимное стремление ССАГПЗ и ЕС к развитию сотрудничества в области финансов является важным элементом их взаимоотношений. Формы вложения капиталов государств ССАГПЗ в страны Западной Европы достаточно разнообразны: вклады в ценные бумаги, в финансовые и промышленные компании, депозиты. Граждане государств ССАГПЗ активно приобретают в странах Западной Европы недвижимость. Большое распространение получила практика приобретения государствами ССАГПЗ предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности в странах ЕС. Одним из примеров этого является покупка кувейтской компанией «Kuwait Petroleum Company» нескольких нефтеперерабатывающих комплексов и нефтяного оборудования в странах Бенилюкса и в Италии[9].

Валютно–финансовое сотрудничество между государствами ССАГПЗ и ЕС охватывает также и банковский сектор. Крупнейшие банки стран Залива имеют свои отделения в европейских столицах. Особое положение занимает Бахрейн, где была создана разветвленная банковская система, в состав которой вошли представительства десятков ведущих европейских банков.

Экономика и торговля являются важными сферами взаимодействия между ССАГПЗ и ЕС. В то же время политические связи между этими региональными объединениями начитают играть всё более существенную роль в общем комплексе их взаимоотношений. Кризис в Персидском заливе, возникший в результате иракской агрессии против Кувейта в августе 1990 г. стал импульсом, содействовавшим их активизации. ЕС выработал совместную позицию поддержки Кувейта и неприятия агрессии. Государства ЕС приняли активное участие в деятельности антииракской коалиции. Они поддерживали все резолюции СБ ООН, направленные на ликвидацию последствий агрессии и наказание агрессора. Большинство государств ЕС участвовало в военных действиях многонациональных сил по освобождению Кувейта.

Поддержка стран ЕС, оказанная государствам ССАГПЗ в период кризиса в Персидском заливе, способствовала активизации отношений между членами обеих организаций в различных областях их взаимодействия. ССАГПЗ получил поддержку со стороны Европейского сообщества в его стремлении добиться от Ирака выполнения всех требований, содержащихся в принятых СБ ООН резолюциях и направленных на ликвидацию последствий агрессии. В ходе совместного совещания министров иностранных дел ССАГПЗ и ЕС, проходившего в мае 1992 г. в Кувейте, была

подчеркнута необходимость скорейшего освобождения пленных и насильственного удерживаемых в Ираке кувейтских граждан и граждан других государств[10]. Участники совещания поддержали также требование о выплате иракским правительством компенсации Кувейту за ущерб, нанесенный в результате агрессии[11]. Эти два вопроса имеют принципиальное значение для Кувейта и его партнеров по ССАГПЗ, которые считают, что пока не будут ликвидированы все последствия агрессии будет невозможно добиться достижения безопасности и стабильности в регионе.

ССАГПЗ выступает за расширение участия ЕС в процессе обеспечения региональной безопасности. Его члены заинтересованы в том, чтобы содействовать участию в этом процессе как можно большего числа стран. Члены Совета сотрудничества считают необходимым привлечь ЕС к системе международных гарантий сохранения мира и стабильности в регионе Персидского залива. Подобный подход, как они считают, позволит избежать критики со стороны тех политических сил в арабских странах, которые не приемлют сложившееся в настоящее время положение, когда США выступают в качестве главного гаранта обеспечения региональной безопасности.

Тем не менее, среди членов ЕС нет единства в подходе к этой проблеме. Некоторые из них готовы играть более существенную роль в обеспечении безопасности региона Залива и даже стремятся конкурировать с США за влияние там. В то же время европейские страны не имеют структур, необходимых для ведения военных действий вне европейского континента, хотя попытки их создания и предпринимаются. Вместе с тем, для эффективного решения этого вопроса все еще отсутствует его должное согласование на уровне тех европейских институтов, которые могли бы реализовать эту задачу.

После кризиса в Персидском заливе в ходе одного из заседаний совета министров иностранных дел европейских государств, входящих в Западноевропейский союз, было принято решение о создании европейских сил быстрого реагирования (EUROFOR)[12]. В то же время остается неясной как возможная роль этих сил, а также в целом та роль, которую Европейский Союз смог бы сыграть в деле укрепления безопасности региона Персидского залива. Это определяется тем, что до сих пор не решен вопрос о том, как европейские силы быстрого реагирования будут согласовываться с силами НАТО.

В мае 1992 г. было принято решение о создании европейского корпуса численностью в 35000 чел., основой которого должна стать франко–германская бригада[13]. В мае 1993 г. в ходе заседания совета министров ЕС было принято решение о том, что европейский корпус будет передан в распоряжение Западноевропейского союза, сохранив одновременно структурные связи, как с Западноевропейским союзом, так и с НАТО.

Вместе с тем, внутри ЕС существуют разногласия по принципиальному вопросу, связанному с тем, могут ли европейские военные формирования принимать участие в действиях на территории тех регионов, кото-

рые расположены вне зоны военной ответственности НАТО. Против участия в этих действиях выступает, в частности, Германия. Несмотря на то, что на официальном уровне в конституцию Германии были внесены соответствующие изменения, тем не менее, общественное мнение этой страны выступает против такого рода действий. В то же время Франция, считающая регион Персидского залива зоной ее национальных интересов, выступает за независимый европейский курс по отношению к этому региону. Остается, вместе с тем, открытым и вопрос о том, какие европейские военные структуры могут принимать участие в обеспечении безопасности региона Залива. Как известно, США инициируют создание соответствующих военных формирований в рамках НАТО. Предполагается, что эти формирования должны координировать свои действия с американской стороной.

Несмотря на то, что и США, и европейские страны имеют общие интересы, заключающиеся в необходимости сохранения безопасности в регионе Персидского залива, тем не менее, между ними существуют и разногласия. В целом, эти разногласия связаны с содержанием курса в отношении Ирака. Франция является сторонницей необходимости смягчения нынешнего курса в отношении Ирака и решения всех возникающих в регионе проблем только мирными средствами. В то же время Великобритания неизменно поддерживает жесткий курс Соединенных Штатов и его военные акции против Ирака. Политические разногласия внутри ЕС осложняют задачу выработки единой стратегии европейцев по отношению к вопросам поддержания региональной стабильности в зоне Персидского залива. В целом, члены ЕС склонны рассматривать проблему безопасности Залива через призму своих политических и экономических задач, и они не готовы к тому, чтобы использовать решительные военные акции для защиты общих интересов Запада в этом регионе.

В то же время государства ЕС расширяют военное сотрудничество с государствами–членами ССАГПЗ. Целью этого сотрудничества является повышение обороноспособности государств–членов Совета сотрудничества с тем, чтобы они могли проводить самостоятельные действия, направленные на обеспечение региональной безопасности.

Военные связи арабских государств региона Персидского залива и европейских держав носят традиционный характер. У истоков создания армий этих государств стояла Великобритания. Однако, по мере развития процесса модернизации местных вооруженных сил и расширения закупок современного вооружения США в значительной степени вытеснили бывшую метрополию. Вместе с тем, уже после того, как в 1981 г. ССАГПЗ был организационно оформлен, членами этой организации была принята программа обеспечения системы коллективной безопасности, которая, в том числе, предусматривала и диверсификацию военных связей государств региона с зарубежными странами. Это привело к росту закупок вооружения в странах Европы.

Движению в этом направлении способствовало и еще одно обстоятельство. США отказывались поставлять в регион некоторые, существенные для повышения обороноспособности его государств виды современного вооружения в связи с тем, что они считали необходимым поддерживать баланс сил между арабскими государствами и Израилем. В свою очередь, европейские державы не выдвигали каких–либо политических условий в вопросе поставок своего вооружения в страны региона. Достаточно показательной в этом отношении выступает история заключения соглашения о поставках вооружения между Великобританией и Саудовской Аравией. В июле 1985 г. США отказались поставить в Саудовскую Аравию дополнительную партию самолетов F–15. Обращение Саудовской Аравии, в этой связи, к Великобритании привело к заключению между обеими странами контракта о поставках штурмовиков «Торнадо». При этом предполагалось, что самолеты этого типа будут базироваться в северо–западной части Саудовской Аравии, в Табуке, расположенном всего в 120 милях от территории Израиля.

Контракт между Саудовской Аравией и Великобританией, получивший название «Ямама–1», предусматривал поставку 132 боевых самолетов, из них 72 штурмовиков «Торнадо», а также учебных самолетов[14]. В 1988г. между обеими странами был заключен новый дорогостоящий контракт «Ямама–2» на сумму, превышающую 25 млрд. долларов[15]. Он предусматривал поставку нескольких видов самолетов, вертолетов, минных тральщиков, тяжелого и легкого вооружения, а также строительство с помощью Великобритании двух авиабаз на саудовской территории.

Великобритания стремится к активизации своих военных связей с государствами ССАГПЗ. Она постоянно расширяет список поставляемого в этот регион вооружения. Так, в частности, ею была продана Саудовской Аравии и Оману партия современных танков Challenger–2. Кувейт заключил с Великобританией контракт на сумму один млрд. долларов, предусматривающий поставку ему боевых кораблей и патрульных катеров[16].

Другие государства ЕС также ставят задачу расширения отношений с государствами ССАГПЗ в военной области. К ним относится, в первую очередь, Франция, увеличившая поставки вооружения ОАЭ, став, таким образом, главным партнером Объединенных Эмиратов в области. Франция оказывает содействие всем государствам–членам ССАГПЗ в развитии их военно–морских сил. Она поставляет боевые корабли и катера Кувейту, Оману, Саудовской Аравии. Предполагается, что в Саудовской Аравии французские фирмы примут участие и в реконструкции военно–морских баз.

Между Францией и Великобританией идет острая конкурентная борьба на рынках вооружения государств ССАГПЗ. В 1996 г. кувейтское правительство приняло решение о заключении с Великобританией контракта на поставку ракетного оружия для военно–морских сил Кувейта. Вооружение того же типа предлагала ему и Франция. Показательно, что обе державы боролись за этот контракт в течение целого года. Решающую

роль в решении правящих кругов Кувейта в пользу Великобритании сыграло то, что во время операции «Буря в пустыне» с помощью ракет британского производства было потоплено 15 иракских судов[17].

В том же 1996 г. Катар заключил с Великобританией крупномасштабный контракт на поставку бронемашин, ракет, боевых кораблей и другой военной техники. Тем самым были подорваны позиции Франции, поставлявшей в эту страну до 80 % всего вооружения и военной техники[18].

Среди поставщиков вооружения и военного оборудования в страны ССАГПЗ прочные позиции занимают все главные его производители ЕС – Великобритания, Франция, Германия, Италия. Хотя в Германии был принят ряд законодательных актов, ограничивающих военный экспорт за пределы стран, входящих в НАТО, тем более в «зоны напряженности», к которым относится и регион Персидского залива, немецкие торговцы оружием их успешно обходят. Саудовская Аравия закупает у Германии танки, зенитные установки, бронетранспортеры, Кувейт, Бахрейн и ОАЭ – патрульные катера.

С целью расширения своего военного экспорта в страны–члены ССАГПЗ Германия создает совместные компании по производству вооружения с другими государствами–участниками ЕС. Германская и французская компании создали совместную фирму по производству противотанковых управляемых ракет «Хот» и «Милан», закупаемых Саудовской Аравией, Кувейтом и Катаром. Примером совместной военной продукции государств ЕС, закупаемой некоторыми странами ССАГПЗ, является самолет «Торнадо», в производстве которого участвуют концерны Великобритании, Германии и Италии.

Страны ЕС также принимают активное участие в укреплении инфраструктурной базы вооруженных сил ССАГПЗ, участвуя в сооружении различных военных объектов. Они оказывают существенную помощь этой группе государств в подготовке местных военных кадров и в создании основ собственной военной промышленности. Саудовская Аравия уже обеспечивает свои потребности в легком и стрелковом оружии за счет производства образцов винтовок, приобретенных в западноевропейских странах. ОАЭ и Катар закупили в странах ЕС лицензии на производство некоторых видов автоматических винтовок.

После кризиса 1990–1991 г. государства ССАГПЗ начали заключать оборонные соглашения с входящими в ЕС странами. Наибольшую активность в этом плане проявляет Великобритания, заключившая такого рода соглашения со всеми членами ССАГПЗ. Франция следует тем же курсом. В феврале 1993 г. Италия заключила соглашение о военном сотрудничестве с Саудовской Аравией и Кувейтом. Эти соглашения предусматривают не только расширение поставок вооружения, но и проведение регулярных совместных маневров.

Торгово–экономические, финансовые и военные связи между ССАГПЗ и ЕС, несомненно, являются приоритетными в их взаимоотношениях. В то же время развитие отношений между обоими региональными

союзами как в политической области, так и в области безопасности будет приобретать все более существенное значение.

[1] EC Bulletin, № 9, 1991, с. 49.

[2] Мухаммед Маамун Курди. Аль–Халидж аль–арабий ва ас–сук аль–урубий аль–муштарак. – «Маджаллат дирасат аль–халидж ва аль–джазира аль–арабийа». № 48, 1986, с. 230.

[3] The Fifth Gulf Cooperation Council Summit. Kuwait, 1984, с. 108.

[4] «Aussenpolitik», Hamburg, № 1, 1986, с. 89.

[5] «Ат–Таавун», Эль–Кувейт, № 1, январь 1986, с. 166.

[6] Колкер Б.М. Африка и Западная Европа. Политические отношения. М., 1982, с. 90.

[7] Васаик маджлис ат–тааун ли дуваль аль–халидж аль–арабий. Доха, б/г, с. 170.

[8] Там же, с. 169.

[9] MEED. Special. Report. May 1984, p. 10.

[10] Васаик маджлис ат–тааун ли дуваль аль–халидж аль–арабийа, Доха, б/г, с. 163.

[11] Там же.

[12] Steve Yetiv. Global Relations in Southwest Asia: From «Desert Storm» into 21st Century. – European Security. № 1, vol. 6, Spring 1997, p. 3.

[13] Ibid.

[14] Hassan Hamdan Al–Alkim. The GCC states in an unstable world. Foreign policy Dilemmas of Small States, L., 1994, с. 137.

[15] MEED. Special report. Saudi Arabia. 31 March 1989, с. 3.

[16] Hassan Hamdan Al–Alkim, op. cit., с. 139.

[17] Зарубежное военное обозрение, № 9, 1996, с. 59.

[18] «Аль–Хаят», 27.08.1996.

Г.А.Миронова

ОПЫТ ПОИСКА НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЛИВИИ В СЕТИ INTERNET

Определенные трудности в поисках литературы по новейшей истории Ливии заставили автора обратиться к еще одному источнику – электронной сети *Internet.* Для просмотра литературы через *Internet* необходимы были два условия: наличие компьютера с подсоединенным модемом, дающим выход в сеть, и твердая уверенность в возможности использования этой связи для научного поиска. Опыт работы показывает, что выход в *Internet* от вас потребует значительно меньше компьютерных знаний и умения, чем, например, работа в редакторе *Word* (или даже в Лексиконе) по набору, оформлению и распечатке текста.

Целью данной работы являлся поиск научной литературы по истории Ливии, в частности, и востоковедной литературы в целом, через электронные каталоги сети *Internet.* Вопрос о существование таких каталогов и возможность доступа к ним решался по ходу работы, то есть в процессе поиска. Занятие это оказалось достаточно увлекательным, весьма трудоемким, и не всегда плодотворным, но в результате позволившим собрать немало информации и даже попытаться ее систематизировать.

В задачу данной работы входил как обзор имеющихся источников в сети *Internet,* так и описание доступа к ним. Предполагаем, что такое описание поможет специалистам–востоковедам начать работу, имея лишь самые минимальные компьютерные навыки. (Естественно, подразумевается, что имеется доступ в сеть *Internet* и один из множества популярных учебников, например Ноэль Истабрук «Освой самостоятельно Internet за 24 часа»).

Общий поиск

Самый общий подход – это так называемые общие поисковые системы, которые для поиска запрашивают только ключевые слова из любой области деятельности и не требует от вас знания конкретных адресов. После включения компьютера и выхода в сеть *Internet,* вы должны набрать в окошке «адрес» один из электронных адресов общей системы поиска: *altavista (http://www. altavista. digital. com)* или *yahoo (hffp://www. yahoo. com).* Обе эти системы «просматривают» серверы–компьютеры, на которых находятся web–страницы (страницы текста или изображений в электронном виде) различных организаций, библиотек, агентств новостей и т. д. Система *altavista* предлагает выбор по одному ключевому слову или по

сочетанию слов. Она выдает большой список единиц информации без всякой системы. Вы можете получить заголовок книги, газетное сообщение, рабочий документ международной организации, или даже web–страничку ливийских школьников, которые желают общения со своими сверстниками. Но, тем не менее, среди множества сообщений можно выбрать 2–3 адреса, которые сулят что–то более осмысленное. Однако в целом для нашей задачи более подходит система *yahoo.* Она предлагает поиск по темам.

Зарубежные университетские и национальные библиотеки

Выбрав в системе *yahoo* темы: *Libraries, Academic libraries,* вы получите список из, примерно, 400 университетских библиотек. Список можно признать международным, хотя подавляющее большинство, около 80% наименований – это американские университеты, остальные европейские. Россия представлена Санкт–Петербургским Техническим Университетом, Ближний Восток – университетом г. Хайфа. Тем не менее, это уже неплохой результат.

Список библиотек дан по алфавиту. На первой странице имеется один из известнейших и старейших университетов – Cambridge University *(http://www. lib. cam. ac. uk).* Дальнейший путь подразумевает просмотр библиотечных каталогов. После входа в каталоги система автоматически переходит к другому типу поиска – по протоколу Telnet, причем переход происходит почти как в анекдоте: «Скажи пароль». Отвечаешь – «Пароль». «Проходи», – отвечает Telnet. Telnet – это одна из самых ранних поисковых систем созданных тогда, когда забота о пользователе еще не стояла одним из основных приоритетов. Однако на каждом новом шаге на экране предлагаются инструкции, которые со второй попытки можно успешно выполнить и идти дальше. Недостаток один – все просмотренные вами списки не сохраняются после выхода из *Internet* автоматически (вне Telnet это происходит и информация остается в директории *Temporary Internet Files).* Поэтому надо не забыть предварительно открыть *Word* (или любой другой редактор, которым вы пользуетесь) и сохранить все, что вас заинтересовало.

До 1990 г. в нашей стране вышло несколько монографий по истории Ливии, в которых приведен достаточно обширный перечень литературных источников. Поэтому автора интересовали, прежде всего, издания, вышедшие после 1989 г. , как зарубежные, так и отечественные. Ценно было получить доступ к зарубежным работам, до которых очень сложно «добраться» иным образом.

По истории Ливии в Кембридже около двух десятков книг. В каталоге книги на английском, французском, итальянском и на арабском языках, на русском языке книг нет. Встречаются знакомые зарубежные авторы, такие как J. Wright, L. C. Harris, G. L. Simons, S. L. Bills, а, например, известной книги по Ливии R. Lawless из мировой библиографической серии здесь не

нашлось. По историческому периоду 1912–1969 гг. есть всего одна монография – про нее было указано даже в каком зале и крыле библиотеке она находится, и что она на руки не выдается. Summary книги приведено не было, поэтому вопрос о содержании так и остался открытым.

Еще два английских университета выбранных из предлагаемого системой *yahoo* списка – Оксфордский и Лондонский дали еще более скучную картину – там было всего по 3–4 наименования. Однако, обратившись к объединенному каталогу английских библиотек (Union Catalogue Of Departmental & College Libraries), автор нашла книгу известного английского историка–востоковеда E. Evans–Prichard (в библиотеках Trinity College и African Studies Library) и работы российских авторов Н. Аршаруни и С. Товмасяна, которые находятся в библиотеке восточных исследований (Oriental Studies Library).

Вернувшись в раздел *Library,* можно попробовать заглянуть в национальные библиотеки других стран. Например, Национальная французская библиотека *(http://www. bnf. fr)* предлагает доступ к своим каталогам, как заявлено, на английском и французском языках, но реально все доступно только на французском. Кнопка с английским вариантом дает картинку, на которой вас вежливо предупреждают, что эта версия находится в стадии разработки. С этим извинением придется столкнуться еще не раз, заглядывая на web–странички российских библиотек.

Знакомясь с каталогом французской библиотеки, невольно приходишь к мысли, что здесь все происходит в мире не знакомом с английскими изданиями. Здесь все свое, французское. Впрочем, в английских библиотеках тоже есть не все книги, изданные на французском, также как и в наших, российских.

Всего в каталоге около 50 наименований, в основном на французском и итальянском языках, причем 20 посвящены территориальным пограничным вопросам с Мальтой, Чадом и Тунисом. Период 1912–1951 гг. представлен исключительно итальянскими работами (4), которые рассматривают Ливию с точки зрения колониальных завоевателей. Есть одно библиографическое издание (Bibliography of Libya. Comp. by N. Beschorner), которое как указано, охватывает период с 1970 г. по 1990 г. Но книга R. Lawless признана самым полным изданием (включая 1989 г.), поэтому вышеназванная работа, как нам представляется, является дублирующей.

Конечно, каждый «заход» в национальные библиотеки разных стран приносит свои оригинальные работы на местных языках. Но не всегда такой подход можно осуществить по двум простым причинам: либо вы не знаете данного языка (например, венгерского), либо электронного каталога данной библиотеки еще не существует.

Библиотека Конгресса США

Эта библиотека стоит того, чтобы говорить о ней с большим уважением и выделить ее в отдельный раздел статьи. Она на сегодняшний

день, да и, вероятно, намного лет вперед, является самой технически оснащенной и информационно обеспеченной. Ее компьютерное обеспечение началось более 10 лет назад, поэтому понятно то особое положение, которое она сейчас занимает с точки зрения доступа и информации по сети *Internet.*

Библиотека Конгресса США *(http:///lcweb. loc. gov)* оказалась и более полной и более демократичной в отношении всех других языков. Здесь востоковедные издания есть не только на европейских языках, но и на арабском и даже на русском. Поиск по каталогам построен очень удобно. Например, список изданий по Ливии включает 670 наименований (после 1978 г.). Его можно смотреть в разбивку разными вариантами: по году, месту, языку издания, по предмету исследования, по историческому периоду. Список возглавляют самые последние издания 1998 г. и дальше он идет по нисходящей по годам. Самое удивительное и приятное, что там есть последние издания российских авторов по Ливии – А. 3. Егорина, Ф. А. Асадуллина, П. Ф. Чатурова, А. Н. Козырина, Г. И. Смирновой, В. Ю. Кукушкина, Л. Медведко и других. В каталоге американской библиотеки они набраны в латинской транслитерации, но, конечно, четко узнаваемы.

Исторические периоды построены логично, по месту возможны любые отклонения в сторону смежных тем – экономики, литературы, этнографии. Период борьбы Ливии за независимость и становление национальной государственности включает 24 наименования, из них 3 на английском, 6 на итальянском, 1 на французском и 14 на арабском. Аннотация каждого издания включает подробную информацию, в том числе ISBN номер и шифр. Удобства шифра можно оценить, конечно, только в местных библиотеках, но, например, для московских это было бы вполне актуально. По ISBN номеру возможен поиск и на других языках, вне зависимости от правильности написания фамилии автора или других имен собственных в заголовке.

В обращении к научной периодике, мы ограничились сначала сочетанием ключевых слов «Северная Африка и Ближний Восток» и получили 4 наименования: The Journal of North African Studies, The Middle East, The Middle East and North Africa, Middle East Journal. Расширив запрос до Ближнего Востока в целом, получили дополнительно еще 6 журналов: Middle East Monitor (Nicosia, Cyprus), Middle East Quarterly (Philadelphia), Middle East Monitor (London), Middle East Military Balance (Tel–Aviv), Middle East News (Cairo, Egypt), Middle East News Review (New York).

Наиболее известные журналы по востоковедению, такие как Middle East Journal, The Journal of North African Studies, Maghreb et Machreq и некоторые другие издания за разные годы можно получить и у нас. С их содержанием, все равно, нужно знакомится непосредственно на месте. Электронные каталоги, к сожалению, содержания периодических изданий не дают. Но, как оказалось, есть и другой путь. О нем речь пойдет ниже.

Электронный каталог библиотеки конгресса США можно считать эталонным, как по удобству поиска, так и по полноте содержания. Недостаток

у него только один – он доступен по строгому расписанию (которое приведено на первой web–странице), а, учитывая разницу в часовых поясах, это создает некоторые, но вполне преодолимые, неудобства.

Российские библиотеки

По такой же схеме мы пошли и в обращении к каталогам российских библиотек. Аналогичные системы поиска на русском языке – это условно *yandex (http://yandex. ru)* и *rambler (http://www. rambler. ru).* Через эти системы были получены электронные адреса некоторых российских библиотек, а потом и общей библиотечной сети *(Libnet).* Оказалось, что план по созданию электронной сети начал осуществляться только в октябре 1997 г. и на момент написания статьи (март 1998 г.) российская сеть объединяет всего 15 российских библиотек в двух столицах: 13 – в Москве и 2 – в Санкт–Петербурге. Из этих 15 есть web–странички только у 9 библиотек, у большинства это пока чисто информационно–ознакомительные страницы, с информацией по истории создания, структуре и составу учреждения, а также перечисление тематических каталогов.

Надо отметить, что библиотеки технического (Государственная публичная научно–техническая библиотека) и естественно–научного профиля (Библиотека РАН по естественным наукам) существенно опережают гуманитарные библиотеки в создании электронных каталогов, и даже электронных вариантов реферативных журналов (автору известно о существовании таковых по химии и медицине), но тем не менее и в общественных науках дело идет вперед.

Реально электронные каталоги содержались в 2 библиотеках (гуманитарного или общего профиля) – во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы *(http://www. libfl. ras. ru)* имеется список всех поступлений за 1996 г., но нет системы поиска; и в Научной Библиотеке МГУ *(http://uwh. lib. msu. su).* В университетской библиотеке есть электронный каталог, созданный после 1994 г. , и это пока единственное место в нашей стране, где действительно организован поиск книг гуманитарной тематики по указанию автора, названия и темы.

Стандартный поиск по истории Ливии (без указания определенного исторического периода) дал список из 9 работ, большинство из которых имеются в электронном каталоге библиотеки конгресса США. Все указанные работы на русском языке. Отдельного поиска по периодике пока нет. Как нет и серий издания Вестник Московского Университета. Конечно, библиотека Института стран Азии и Африки при МГУ должна содержать востоковедные издания, однако, электронный каталог ИСАА еще не создан, а те издания, которые при запросе попали в выборку по Ливии, по всей видимости, имеются в гуманитарной библиотеке на Воробьевых горах.

На web–странице Научной библиотеки МГУ также указана возможность получения платных ксерокопий изданий.

Российская система электронных каталогов библиотек пока находится только в самом начале своего становления, и прогресс идет прямо на ваших глазах. Еще несколько месяцев назад большинство страниц было помечено как «находится в разработке». Но, заглядывая на эти страницы регулярно, скажем, раз в две недели, можно видеть явное развитие сюжета. Так что у этой идеи есть будущее, если, конечно, она будет профинансирована.

Кроме библиотечных каталогов, журналы и другие периодические издания по востоковедной тематике, можно найти по интернетовским адресам специализированных издательств. При просмотре каталога библиотеки Конгресса США обращают на себя внимание примечания к некоторым новым изданиям, в которых говорится, что их содержание можно найти в *Internet.* Однако, там адресов указано не было.

Востоковедное издательство

В 1996 г. международное издательство *Frankcass,* объединившее европейских партнеров, взяло на себя выпуск журналов по истории, политике, международным отношениям, военным и региональным проблемам, проблемам социального развития и экономики. Издательство начало свою «электронную» деятельность и его *Internet–адрес* был опубликован в журнале Middle East Journal *(http://www. frankcass. com).* За 1997 г. издательство выпустило около 50 журналов 8 наименований: Algerian Studies, Israel Affairs, The Journal of Israeli History, Mediterranean Historical Review, Mediterranean Politics, Middle Eastern Studies, Nationalism and Ethnic Politics, Journal of North African Studies. В 1998 г. издательство намерено этот список расширить, добавив еще The International Journal of Human Rights, Civil Wars, Critical Review of International Social and Political Philosophy и Culture, Sport and Society.

Каждый журнал имеет свою web–страничку на которой указано его содержание. Причем содержание не только последнего выпуска, но всех предыдущих за два года. Здесь встречаются знакомые авторы, опять с оговоркой, что зарубежные, российских пока нет. Есть условия заказа годовой подписки, возможности получения отдельных копий статей, указаны правила для авторов, готовых прислать свои статьи для публикации. По всем параметрам это издательство и его представление в Интернете обещает быть перспективным.

«Виртуальный» книжный магазин

Наконец, последний «заход» в *Internet,* который сначала казался достаточно формальным, – по адресу книжных издательств в целом *(http://www. books. com),* тоже принес свои результаты. На этой web–странице есть поиск книг по тематике. По Ливии было получено 246 наименований. Это были книги, как изданные в последние годы, так и начиная с 50–х годов. Почти все книги можно заказать и получить (за соответствующую плату). Для недавно вышедших книг существуют скидки и

их можно получить в течение нескольких рабочих дней (не учитывая работу почтового ведомства в нашей стране). Все остальные книги разбиты на несколько категорий: те, которые есть в издательствах и могут быть вам высланы в течение более длительного времени и те, для которых «виртуальным магазином книг» будет осуществляться поиск. За поиск требуется вполне умеренная плата (3$). В полученном списке книг были многие английские издания, которые ранее встречались в каталогах. Российских изданий в этом списке нет.

Проделанное путешествие по сети Internet позволяет сделать уверенный вывод: эта система поиска будет жить, широко развиваться и применяться в библиографическом поиске.

В качестве источников автор не считает возможным указать полные списки литературы, полученные через сеть, тем более что они легко воспроизводимы, а работы цитированных российских авторов известны. Однако знание адресов в сети *Internet* совершенно необходимо, и их список, вероятно, является одним из практически важных результатов работы, который и приводится в заключении.

http://www. altavista. digital. com

http://www. yahoo. com – поисковые системы по зарубежным серверам;

http://yandex. ru

http://www. rambler. ru – поисковые системы по российским серверам;

http://lcweb. loc. gov – библиотека Конгресса США;

http://www. lib. cttm. ac. uk – библиотека Кембриджского Университета;

http://www. bnf. fr – Национальная Французская библиотека;

http://www. libnet. ru – сеть российских библиотек Либнет;

http://www. rsl. ru – Российская государственная библиотека;

http://www. shpl. ru – Государственная Историческая библиотека;

http://www. libfl. ras. ru – Библиотека иностранной литературы;

http://uwh. lib. msu. su – Научная библиотека МГУ;

littp://www»frankcass. com – специализированное издательство Frankcass по востоковедению;

lMp://www. books. com – «виртуальный книжный магазин».

Г.А.Миронова

БОРЬБА ЭМИРА ИДРИСА АС–СЕНУСИ ЗА ВЛАСТЬ В ЛИВИИ (1–я половина XX века)

На ливийской политической арене в период первой мировой войны появилась новая фигура, претендовавшая на роль лидера. Это был шейх Идрис ас–Сенуси, один из лидеров сенуситов. Сенуситы – по существу те же исламисты, которые имели большое влияние на бедуинское население Ливии, с сильной властью на местах и в то же время не признававшие единого лидера для всех шейхов.

Пока в Ливии шли боевые действия, Идрис совершил хадж в Мекку, потом в феврале 1915 г. побывал в Египте, где выступил против войны с англичанами и политики еще официально представлявшего интересы Ливии своего двоюродного брата Ахмеда аш–Шерифа. Это было замечено в Лондоне и Каире. «С этого времени, как писал английский историк Эванс–Причард, англичане стали оказывать ему (Идрису ас–Сенуси) покровительство в притязании на лидерство в Киренаике» [1, с. 98]. После его контактов, в феврале 1915 г. состоялись секретные переговоры представителей Англии, Италии и Франции, и было принято официальное соглашение трех держав от 31 июля 1916 г. признать Идриса ас–Сенуси в качестве руководителя сенуситов [1, с. 138].

По состоянию на лето 1916 г. на территории Ливии существовало по крайней мере шесть «правительств»: три в Триполитании (Сулеймана аль–Баруни в Триполи, Рамадана ас–Сувейхили в Мисурате и Сафи ад–Дина в Сирте), два в Киренаике (Идриса ас–Сенуси в Адждабии, Ахмеда аш–Шерифа в Джагбубе) и еще правительство Мухаммеда Абида – в Себхе (Феззан). Кроме того, имелись целые районы, особенно в центральной и южной областях страны, где верховодили вожди местных племен, не признавая никакой внешней власти, кроме как в отдельных случаях, формальной власти турецкого султана (а не итальянцев) [2, с. 78; 15].

14 апреля 1917 г. в Акроме английские и итальянские представители подписали с Идрисом ас–Сенуси соглашение, по которому стороны договорились прекратить военные действия, открыть торговые пути, гарантировать неприкосновенность сенуситских завий.

К концу 1918 г. сенуситы ввели новую административную структуру, разбив страну на три части – западную, центральную и восточную, во главе которых были поставлены назиры (инспектора), подчиненные Идрису ас–Сенуси. И хотя назирами были известные деятели сенуситов (Али–паша аль–Абдия в Адждабии, Омар аль–Мухтар – в Эль–Абъяре и Такни-

се, Сафи ад–Дин – в Мараве, Хавлане и Акроме), итальянцы при поддержке Англии и США все больше и больше прибирали Киренаику к рукам, создавая свою параллельную администрацию, постепенно сужавшую власть сенуситов.

Окончание первой мировой войны для ливийского народа не принесло облегчения. 20 октября 1920 г. в Эр–Раджме было подписано новое соглашение, по которому Идрис ас–Сенуси признавался эмиром всей Киренаики, но территория страны разделялась на две части, прибрежную и внутреннюю, где первая отдавалась в распоряжение итальянцев, и лишь во второй (в оазисах пустыни Сахара) административное управление оставалось за сенуситами.

В период создания Триполитанской республики в 1919–1922 гг. триполитанцы надеялись, что Идрис немедленно окажет им военно–политическую поддержку, пришлет продовольствие и оружие, объявит войну Италии [2, с. 82–83]. Итальянские колонизаторы были ослаблены войной и у этой ливийской провинции, казалось, были реальные шансы получить независимость. Эмир стоял перед проблемой выбора. Оттяжка в оказании помощи своим соотечественникам грозила ему подрывом собственного авторитета как в Триполитании, так и в Киренаике. Объявление войны Италии таило для него большой риск – армия Идриса не была боеспособной и реального успеха на победу у нее не было. Выходом из создавшегося положения был либо отказ от политической борьбы, либо отъезд из страны. В декабре 1922 г. Идрис ас–Сенуси объявил, что страдает острой сердечной недостаточностью и под этим предлогом выехал для лечения в Каир (откуда он вернется через 20 лет) [3, с. 140].

С точки зрения националистов это было «бегство и предательство национальных интересов», как потом напишет ливийский историк Тагер аз–Зави [4, с. 73]. С точки зрения сохранения национальных сил – поступок Идриса был разумным лишь отчасти. Старая междоусобная война лидеров Киренаики за власть после отъезда эмира вспыхнула с новой силой, и уже никто из них не думал о совместных действиях против итальянцев.

Единственным последовательным борцом в Ливии за национальную независимость остался Омар аль–Мухтар, который в течение 10 лет не давал покоя итальянским колонизаторам, и только его трагическая смерть положила конец ливийскому сопротивлению [2, с. 88–89]. Он был бесстрашным и смелым воином и смог в течение длительного срока вести борьбу, но, к сожалению, исторические условия были таковы, что эта борьба была обречена на поражение.

В условиях колонизации политическая борьба за независимое будущее Ливии переместилась за пределы ее границ. Ливийская политическая эмиграция стала объектом особого внимания британских представителей в Египте, с которым поддерживал постоянные связи полковник Дж. Брамлей, «Лоуренс ливийской пустыни» [5, с. 29].

После начала второй мировой войны 20 октября 1939 г. ведущие деятели ливийской эмиграции собрались в Александрии, где приняли решение доверить Идрису ас–Сенуси общее руководство борьбой за освобождение Ливии. Эмир Идрис предложил англичанам ливийский легион: 5 батальонов (до 14 тыс. человек), которые приняли участие во всех ливийских компаниях. В благодарность за оказанные услуги находившийся в эмиграции эмир Идрис ас–Сенуси был возведен в ранг посла Великобритании [6, с. 488].

Идрис ас–Сенуси прибыл в Киренаику вслед за уходом фашистских войск в январе 1943 г. Он хотел, чтобы западные союзники немедленно объявили его правителем Киренаики, но на это они не пошли. Стало понятно: в страну пришли не освободители, а новые колонизаторы. На месте Идрис смог объективно оценить обстановку. И снова, как и после первой мировой войны перед эмиром встал вопрос выбора: вооруженная кровопролитная война с колонизаторами в стране, разоренной войной, опять без полной уверенности в победе, или ведение политических переговоров со странами–победительницами с целью получения независимости мирным путем. Идрис выбрал второе. Он вернулся в Каир и стал налаживать связи с ливийскими политическими группировками, чтобы определить стратегию борьбы за независимость [3, с. 179–180].

В борьбе ливийских националистов за создание независимого государства явно проявлялись две тенденции – внутренняя и внешняя.

Внутри наметилось стремление к созданию таких политических центров, которые смогли бы сосредоточить свои усилия в борьбе за независимость страны. Сразу после изгнания фашистов, 4 апреля 1943 г. был открыт в Бенгази Спортивный клуб имени Омара аль–Мухтара, который по существу стал политической националистической организацией [3, с. 179–180].

О событиях тех дней рассказывают сохранившиеся документальные источники конца 40–х – начале 50–х годов [7] (документы публикуются в России впервые). Ниже приведен текст секретного доклада от 31 янв. 1951 г.

Доклад губернатора провинции Дерна

Правительство Киренаики — Секретно (экз. 5) № Д/17/б/4
Резиденция губернаторства Дерна — Его превосходительству
31 января 1950 г. Бенгази — министру внутренних дел
Копия – инспектору внутренних дел. — правительства Киренаики

Ежемесячный политический доклад провинции Дерна.

Общее. В прошлом месяце доклад не представлялся, так как месячные итоги были сообщены в нашем уведомлении №D/1/и от 28 декабря 1949 г. по делу клуба Омара Мухтара и деятельности делегации Киренаики в ООН.

В результате беспрецедентной активности этой делегации в ООН в Дерне произошло следующее:

1. В местной печати опубликовано заявление Совета Министров об отношении правительства к вопросу о единстве;

2. Принято официальное решение о том, что эта делегация не является выразителем точки зрения правительства;

3. Отстранен от деятельности Абдель Разак Эфенди Шакаиф;

4. Подал в отставку Омар Бек Шаниб;

5. Правительственным служащим запрещено участие в политической деятельности и работа в обществах;

6. Введены в действие новые законы по печати и деятельности клубов;

7. Лига Омара Мухтара была вынуждена изменить наименование;

8. Гражданин Туниса Мохаммед Абель Карим был назначен по распоряжению отдела просвещения учителем в Эль–Абрак.

Национальная сессия. Несмотря на происшедшее, клуб Омара Мухтара остается дезорганизованным. Все государственные служащие, его члены, считают это дело бесперспективным. Несомненно, однако, что они в большинстве своем неофициально будут поддерживать деятельность клуба. За ними будет установлено тщательное наблюдение с целью подтвердить их непрекращающееся участие в клубе.

Совещание, которое намечалось провести в Эль–Абраке и о котором мы сообщали в вышеупомянутом уведомлении, не состоялось, однако продолжались попытки побудить кое–кого из семейства Обейдов к участию в нем.

Как здесь стало известно, сессия прилагает усилия к созданию комитета с целью ведения переговоров о единстве с партиями в Триполи. В этот комитет войдет шейх Обейди, который и будет назначен президентом.

К нам поступило сообщение о возможности организации в Дерне демонстрации с конечным пунктом в Бенгази. В связи с возможными беспорядками предпринимаются все меры предосторожности. Во всяком случае, 22 января из Дерны в Бенгази вышли 3 автомобиля с частными номерами. В машинах находилось руководство клуба: Абдель Хамид бен Халили, Мифтах Абу Турара, Хадж Абрик Тафир, Хамиль Бакир, Абду Исмаил, Фуад Шаниб. Их сопровождали жена и дочь Омара Бек Шаниба. С ними было письменное уведомление о том, что Омар Бек Шаниб является спикером сессии. С тех пор в городе сохраняется спокойная обстановка.

25 января в Бенгази выехали шейхи Обейдов: Ас–Сальхейн Бу Салех, Сайд Бу Халиль, Муса Бу Ад–дакля, Джад Эль–Моли Мохаммед, Абдерахман Бу Акрим, Аль–Альвани Бу Хамад, Аль–Мабрук Абдалла, Шихад Сулейман Аль–Кадаини.

Шейхи Каббы. Внимание администрации привлекли забастовки и волнения, которые имели место в Каббе в начале года.

Вероятно, вам известно, что полицией предпринято расследование по вопросу петиции, предъявленной Обейдами. Цель этого – суд над

уполномоченными по обвинению в фабрикации подписей для обмана администрации.

Как показал начальник полиции, имеющихся сейчас улик недостаточно для обеспечения процесса в соответствии с циркулярами 85, ст. 106.

Дознанием установлено, что нижепоименованные отрицают подписание петиции или утверждают, что не посвящены в ее содержание: Абдель Рахман Бу Акрим, Баскари Бу Остап, Саид Бу Халиль, Маасоф Бу Джаддалла, Саид Бу Архим, Али Бу Асмид, Фади Бу Мухаммед, Али Бу Фарадж, Абдель Кадер Бу Омар.

Нижепоименованные показали, что они подписали петицию в доме Али Паши Обейди: Ас–Салехейль Бу Салех, Абдель Ваниф Мохаммед, Али Аль–Эмям, Абдель Гади Мисбах, Уд аш–Шубаки, Архим Бу Ат–Таиб, Джад эль–Моли Мохаммед, Муса Бу ад–Дакля. (Местонахождение остальных, подписавших петицию, не установлено до сих пор.) Достоверно известно, что петиция составлена Абдель Кадером Эль–Алямом. Однако его трудно уличить в этом и пока не существует данных, могущих пролить свет на это дело.

Во всяком случае после назначения министров и высокопоставленных чиновников в новое правительство мы не отметили попыток рассмотреть предыдущее заявление Обейдов, которые требуют большей доли в управлении государством. Волна волнений прошла. Эти шейхи продолжают настаивать на своих требованиях, так как в их руках находится треть населения. Можно ожидать, что результатом нового закона о гражданстве станет отмена этого требования.

К сожалению, Хамид Эфенди Обейди продолжает оставаться под влиянием Али Паши Обейди. Я уверен, однако, что он человек с хорошим сердцем, но энергия его расходуется в скверном направлении. Думается, что именно из–за этого он оставил свою работу.

Недавно стало известно, что он опубликовал листовку, критикующую политику правительства в округе. Я потребовал от него письменное разъяснение по этому вопросу. Если ему разрешат остаться в округе, необходимо будет установить над ним негласный надзор. В настоящее время нет официальных оснований придраться к его деятельности.

Основываясь на этом, я настаиваю и прошу рассмотреть проблему Обейдов, основные жалобы которых сводятся к следующему: 1) непризнание назначения старейшин и шейхов и задержки полагающегося вознаграждения; 2) непредоставление больших постов (не в смысле их значимости, а в смысле удовлетворения их чувств); 3) происшествия в доме египетских учителей от незнания подробностей.

Перемещения. Сыновья ас–Сейида Ибрагима (Камиль и Башир) отбыли из Дерны в Бенгази и направились в Египет 26 декабря. Известно, что Башир Бек ас–Саадави отбыл из Египта в Ливию сухопутным путем. Однако, к нам не поступало никаких сообщений о его настоящем местонахождении. Национальная сессия объявила, что манифестации и демонстрации по случаю визита Башир Бека запрещена. (Этот запрет был отве-

том на запрос, в котором Сессия выразила желание провести эти мероприятия в честь Башир Бека.)

Подпись: Губернатор провинции Дерна *Абдалла Балькун*

Из этого доклада видно, что Идрис, несмотря на официальное правление англичан, держал в своих руках всю местную администрацию, которая, передавая донесения английской администрации, те же данные посылала эмиру.

На обстановку внутри страны в свою очередь оказывали громадное давление внешние силы, не желавшие уступать свои позиции в Ливии. Английская и французская колониальные администрации внутри страны, и ведущие мировые державы на международной арене, ведя борьбу за свои интересы, делали все возможное, чтобы оттянуть предоставление Ливии независимости и это стало особенно резко проявляться после того, как в стране была обнаружена нефть.

Идрису ас–Сенуси приходилось вести свою политику лавирования с учетом интересов этих держав, но основную ставку он сделал на Англию. Во время переговоров в Лондоне он получил согласие Англии на провозглашение независимой Киренаики и последующего присоединения к ней Триполитании в рамках Ливийской федерации под его властью и на проведение соответствующих мероприятий [8, с. 57].

На IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН рассматривался вопрос о предоставлении независимости Ливии. Англия потребовала признания «независимой Киренаики», создания аналогичного режима в Триполитании и поддержки притязания Франции на Феззан. Проект резолюции США предусматривал предоставление Ливии независимости через три года, в течение которых право управления оставалось за Англией и Францией [9, с. 22].

21 ноября 1949 г. решением ООН в Ливии был назначен специальный комиссар «в целях содействия. . . в выработке конституции и сформирования независимого правительства», как об этом было записано в пункте 4 резолюции №289 ГА ООН [10, с. 251]. Им стал шведский экономист А. Пельт, столкнувшийся, как он потом признал в своих мемуарах, «с противодействием Англии и Франции созданию единой Ливии» [11, с. 100].

На V сессии ГА ООН (сентябрь–ноябрь 1950 г.) СССР предложил проект резолюции, предусматривавший объединение – Киренаики, Триполитании и Феззана – в единое государство и ликвидацию военных баз [12, с. 36].

Решения Генеральной Ассамблеей ООН по Ливии не препятствовали Англии, Франции и США проводить свою политику. В таких условиях им пришлось искать новые пути для сохранения своего господства в этой стране. Отсюда и возникла идея федеративного государственного устройства с монархической формой правления, с помощью которого Запад обеспечивал свои интересы через ведущую роль киренаикских лидеров.

2 декабря 1950 г. Национальное собрание Киренаики одобрило эту идею. Была принята резолюция об учреждении «демократического, феде-

ративного, независимого и суверенного государства, формой правления которого будет конституционная монархия» [13, с. 94]. Согласно другой резолюции Идрис ас–Сенуси провозглашался королем Ливии Идрисом Первым. 6 декабря 1951 г. А. Пельт информировал ООН, что английские и французские администрации начали передачу власти временному ливийскому правительству и что Ливия будет провозглашена независимым государством 1 января 1952 г.

Однако обстановка внутри страны была сложной. Волнения происходили непрерывно. В каждом районе страны организовывались демонстрации. Народ обращался в Лигу арабских стран и различные международные организации. Сильными были антибританские выступления.

Ниже приводится доклад, который предоставил Идрису один из его преданных людей. Он отражает, как представляется, царившую тогда обстановку [7].

«Ваше высочество, великий эмир!

Храни Вас Аллах. Мои заверения в наивысшей преданности и верности!

Для меня высочайшая честь представить Вашему высочеству великому эмиру этот краткий доклад. Я надеюсь, что он послужит общему благу, ради которого все мы боремся и к которому стремимся с рвением и преданностью. Сообщаю:

Когда Ваше высочество приказало распустить Национальное собрание, было объявлено, что это мера является подготовительной для сформирования в ближайшее время, с позволения Аллаха, парламента.

Все с интересом ожидали этого события, связывая с ним изменения внутренней и внешней политики для того, чтобы Киренаика выстояла перед лицом тех политических событий, которые ожидаются, с одной стороны, и для укрепления независимости парламента, в который входят представители всех классов, – с другой.

Дерна является неотделимой частью Киренаики, но приготовления к этому событию приобрели здесь особые формы, так как Национальная сессия (бывшая Лига имени Омара Мухтара), особенно такие лица, как Абдель Разак Шакаиф, Омар Шаниб и их сторонники, имеют на это противоположную точку зрения. Исходя из того, что политическая настроенность в этом городе сейчас, после роспуска местного Национального собрания и его филиалов, стала исключительно в поддержку упомянутой сессии, то люди, и особенно молодежь, взяла сторону оппозиционеров. Стало весьма вероятным и практическим решенным, что от Дерны будут выбраны двое:

1. Абдель Разак Шакаиф – представитель племени Мисрата (треть страны);

2. Ибрагим Уста Омар – представитель народности Лабиха, состоящей из следующих племен: Ат–таваджир, Азалитин, Аль–кара–галая, Ат–тавагир, Аль–бирагама.

Возникает вопрос. Почему эти племена, объединившись, выбрали этих двух человек, в то время как старейшины и шейхи, главенствующие в них, вроде бы стоят на страже наших интересов и ориентируют массы в правильном направлении?

Ответ таков: Национальная сессия, объединившись с молодежной Лигой, смогла завладеть умами молодежи, за ними – большинство. Они были соблазнены культурными и спортивными мероприятиями, техническими новинками и финансовой помощью. Это привело к тому, что молодежи импонируют идеи, пропагандируемые сессией, и она полностью поддерживают ее. И я говорю с полной ответственностью: если в Дерне будут проведены свободные выборы, то победа двух вышеупомянутых людей будет неоспоримой.

А потому, учитывая что эти люди в действительности не выражают мнение всех жителей Дерны, а навязывают от имени Дерны безрассудные идеи, в чем особенно преуспел Абдель Разак Шакаиф, заявляющий, что его сторонники являются теми, на кого возложена обязанность воплотить идеи народа в жизнь в ожидаемом парламенте, я предлагаю Вашему высочеству великому эмиру следующее:

Ваше высочество, в соответствии с конституцией Киренаики, назначает не одного, а нескольких представителей от г. Дерны с тем, чтобы они высказались в пользу официальной политики и стали таким образом щитом, защищающим этот город от безрассудных течений, которые распространяются носителями зла. Я молю о прощении у Вашего высочества, что осмелился предложить ряд лиц для этой акции, в преданности которых можно быть уверенным и из которых Вы выберете достойных:

1. г–н Шейх Абдель Джавад аль–Фаритис;
2. г–н Фавзи Бадер;
3. г–н Абдель Гади Аститиг;
4. г–н Мохаммед Халифа;
5. г–н Фардж Латвиш;
6. г–н Мифтах Бузилд.

Могу заверить Ваше высочество, что если Вы окажете доверие двум или трем из них, то они будут в состоянии бороться за Дерну, защищая следующие принципы: а) бесконечная преданность Вашему высочеству; б) абсолютная верность всем Вашим указаниям; в) повиновение без сомнений и колебаний; г) борьба, основанная на здравой логике, трезвом рассудке и влиянии на массы.

Вот в целом то предложение, которое я имею честь предоставить Вашему высочеству прежде всего, а уже потом мнение и оценка.

В конце моего доклада пользуюсь возможностью повторить заверения в верности и глубокой преданности. Да ниспошлет Вам Аллах свое благоволение и милость.

26 марта 1950 г. Вечно преданный Вам *раб Мубарак Салим аль–Джибани.*

Этот доклад свидетельствует о том, что, разыгрывая ливийскую карту с англичанами, эмир заботился прежде всего о сохранении своего влияния в ливийских националистических кругах. Борьба за власть, развернувшаяся в Ливии между Идрисом и поддерживавшими его англичанами, с одной стороны, и Баширом ас–Саадави и стоявшими за ним радикальными националистами, с другой, не могла не повлечь за собой не только вмешательство Запада, но и повышенное внимание Арабского мира, тоже следившего за событиями в Ливии.

Некоторые арабские страны (и Палестина) разделяли точку зрения тех ливийских националистических кругов, которые считали создание Учредительного собрания под патронажем англичан ошибкой, которая может негативно отразиться на судьбе всего арабского мира. Ливийский вопрос был внесен в повестку дня работы Совета Лиги Арабских стран в начале 1951 г.

Делегация Ливии отбыла в Каир 22 января 1951 г. Идрис снабдил делегацию указаниями, которые категорически запрещалось нарушать [7]. Он рекомендовал делегатам не вступать в контакт с лицами, выехавшими в Каир с секретной миссией. В частности, он требовал:

1. Не вступать в контакты с английской и французской сторонами, чтобы не вызвать протеста со стороны египетского общественного мнения;

2. Размещаться отдельно от членов секретной миссии;

3. Упреждать антиливийские акции Лиги арабских государств, доказывая, что Ливия намерена перейти в будущем от принципа федерального устройства к единой государственной структуре;

4. Убедить собеседников в полной свободе выбора решений о национальной организации: ливийцы, по Идрису, ни в какой степени не подвержены влиянию Англии или Франции. Те же, кто утверждает обратное – враги и их задача – преуменьшить значение учреждения госструктуры страны.

5. Контакты с прессой и публикация материалов должны носить проливийский характер без оценок действий оппозиции.

Идрис в конце мая 1951 г. провел беседы с американским, французским, итальянским представителями в Ливии. В своем дневнике Идрис пометил темы, по которым состоялось обсуждение, в следующем порядке [7]:

1) (с американцем) если они помогут нам скорее получить для Ливии независимость как для федеративного государства во главе со мной, то я приложу усилия, чтобы сдать в аренду Америке аэродром в Триполи;

2) (с французом) если они помогут нам скорее получить независимость для Ливии как для федеративного государства, если представители Феззана проголосуют за это вместе с представителями Киренаики, я готов им отдать стратегические пункты в Феззане;

3) (с итальянцем) если они помогут мне скорее получить независимость для Ливии как для федеративного государства со мной во главе, то мы гарантируем для Италии торговлю с Ливией.

В октябре 1950 г. Идрис поручает представителю Киренаики в консультативном совете ООН Али аль–Джараби (из его дневника от 13. 10. 1950):

1) Связаться с представителями арабских государств;

2) Связаться с представителями неарабских стран, например, с турками;

3) Связаться с представителями финикийских государств (так значится в дневнике Идриса) и убедить всех о невозможности единства, так как возможна лишь федерация. Смысл подобного утверждения в том, что различные части Ливии по сути своей стремятся к автономии. Так обстоит в действительности, и этому нет альтернативы. Киренаика и Феззан абсолютно не принимают нашего единства по расовым и моральным причинам. И вмешиваться в этот вопрос западным государствам совершенно ни к чему. Египет в этом вопросе преследует недобрые цели. Не следует идти у них на поводу, без самостоятельного изучения на практике состояния дел, а не полагаться в этом на Египет или еще кого–нибудь. Следует также изучить так называемый план Банта (американцев).

4) Если сможет, то пусть привлекает Мизрана (представителя Триполи), запугивая его тем, что мы можем предпринять, если все произойдет по желанию Киренаики. Киренаика отвергает решение ООН по этому вопросу, то есть в том, что противоречит федеративности и ненаселенным районам;

5) Если представитель Феззана с нами, то прибирай его к рукам.

В этих ясных инструкциях просматривается четко составленный план, с помощью которого Идрис намеревался достичь своих целей.

На внутреннем уровне Идрис добивался подавления инакомыслия в стране, всеми способами препятствуя участию оппозиции в работе правительственных органов. На региональном уровне он с помощью умелых маневров нейтрализовал действия стран арабской Лиги, которые не всегда одобряли политические шаги эмира. На международном уровне он выторговывал форму федерации и трон Ливии для себя, заплатив за это высокую цену: доля американцев в этой сделке – авиационная база, французов – стратегические пункты Феззана. Италия получала льготы в торговле с Ливией, ей удалось стабилизировать положение своих граждан и закрепить захваченную ими ранее собственность.

24 декабря 1951 г. Идрис ас–Сенуси объявил об образовании независимого Соединенного королевства Ливии и о вступлении в силу конституции. Новое государство было быстро признано. В телеграмме советского министра иностранных дел от 1 января 1952 г. на имя главы ливийского правительства содержались «пожелания успехов и процветания народу Ливии» [14, с. 108].

На основании новых источников можно сделать заключение о положительной роли эмира Идриса в борьбе за независимость страны как на внутреннем так на внешнем уровне. Идрис сумел гибко вести себя среди многочисленных и сильных кланов, претендовавших на ведущее положение в стране. Эти кланы имели безраздельную власть на местах, но они нередко бледно выглядели на общенациональном ливийском уровне, где требовалась гибкость в отношениях с западными странами. Идрис имел авторитет среди националистически настроенного населения, в основном бедуинского, веками воевавшего со своими врагами и не желавшего никому подчиняться, кроме своих вождей. Он хорошо понимал эти настроения и умело использовал их в своих целях, что и сделало его лидером. А все последующие события на международном уровне показали, что равной по значимости фигуре Идриса в то время так и не нашлось. Поэтому неуемная деятельность Идриса дала возможность перевесить чашу политических весов в его пользу и добиться главного – получить власть над всей Ливией.

1. *Evans–Pritchard E. E.* The Sanusi of Cyrenaica. , Oxf. , 1949.

2. История Ливии в новое и новейшее время. , М. , 1992.

3. Таарих Либия мунзу акдам аль–Асур. Триполи, 1972.

4. *Аз–Зави ат–Тагер Ахмед.* Джихад аль–абталь фи Тараблюс аль–Гарб. Каир, 1950.

5. *Khadduri M.* Modern Libya. A Study of Political Development. Baltimore, 1963.

6. Новейшая история арабских стран. М. , 1968.

7. Haqeiqat ldries : watheaiq wa–tsuwar wa–asrear. Tareabulus, al–Jameaheireiyah al–Arabeiyah al–Leibeiyah al–Shabeiyah al–Ishtireakeiyah : al–Munshaah al–eAmmah lil–Nashr wa–al–Tawzei° wa–al–I°lean, 1983.

8. *Wright J.* Libya: A Modern History. London–Canberra, 1981.

9. Обьединенные нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты четвертой сессии. Первый комитет. Нью–Йорк. 1949.

10. *Прошин Н. И.* История Ливии. Конец XIX в – 1969 г. , М. , 1975.

11. *Pelt A.* Libyan independence and the United Nations. New Haven, 1970.

12. Сборник предложений СССР, УССР и БССР, вносившихся в ООН в 1946–1950 гг. М. , 1952.

13. Объединенные Нации. Второй годовой доклад комиссара Организации Объединенных наций в Ливии. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестая сессия. Дополнение №17/а (1949). Париж, 1951.

14. СССР и арабские страны. 1917–1960. Документы и материалы. М. , 1961.

15. *Егорин А. З.* Современная Ливия. М. , 1996.

Д.Е.Мишин

РАБЫ–*САКАЛИБА* В ГОСУДАРСТВЕ САЛИХИДОВ

Исследователи, интересующиеся *слугами–сакалиба* в Северной Африке, обыкновенно обращаются к истории Фатимидского государства. Между тем, *слуги–сакалиба* появились в Северной Африке еще в дофатимидское время. Одно из первых упоминаний о *сакалиба* в Северной Африке связано с государством Салихидов, эмиратом со столицей в Накуре (ал–Хусайма), опиравшимся на берберов Гумара и Санхаджа.

Сведения о государстве Салихидов известны нам по многим источникам, однако восстановить хронологию его истории весьма непросто. События, в которых приняли участие *сакалиба,* произошли в самом начале правления эмира Са'ида Ибн Салиха. Источники расходятся в определении начальной даты его правления. Са'ид Ибн Салих пришел к власти после смерти своего отца, Салиха Ибн Са'ида. В созданной в 278 г.х.[1] географии *Китаб ал–Булдан* ал–Иа'куби утверждал, что Салих Ибн Са'ид в это время еще стоял у власти[2], но его материалы могут относиться и к более раннему времени. По другим источникам, эмир умер намного раньше. Согласно Ибн ал–Хатибу, это произошло в *зу–л–ка'да* 262 г.х.[3], но Ибн Халдун дает нам совершенно иную дату – 250 г.х.[4]. Отдать предпочтение какой–либо из этих датировок довольно сложно[5]. При нашем уровне знаний было бы наиболее оправданным предполагать, что Са'ид Ибн Салих пришел к власти в 60–70–х годах IX века.

Наиболее полный рассказ о событиях, последовавших за приходом к власти Са'ида Ибн Салиха находим мы у ал–Бакри:

«Когда его [Са'ида Ибн Салиха] положение укрепилось и упрочилось, к нему пришли его рабы ('*абид) сакалиба* и попросили дать им вольную. Он же сказал им: «Вы – наше войско и рабы *(джунду–на у а 'абиду–на)*\ [более того], вы как свободные люди, не наследуют вас и не разделяют. Почему же просите вы освободить вас?» Они же стали настаивать, но отказался он. Тогда повели они себя грубо, взяли брата его 'Убайд Аллаха и дядю его ар–Ради, носившего *кунйу* Абу 'Али, и напали с ними на дворец. Са'ид же с придворными слугами *(фитйан)* и женщинами стал отбиваться от них, взойдя во дворце наверх, и они потерпели поражение. Тогда же восстал на них простой люд, и выгнали их в деревню за городом, известную как «деревня *сакалиба».* Они же укрепились там и [защищались] семь дней. Са'ид собрал [войско], выступил к этой деревне и победил их после жестокой борьбы»[6].

Процитированным фрагментом исчерпываются имеющиеся у нас

сведения о *сакалиба* в государстве Салихидов. Тем не менее, мы в состоянии сделать на его основе несколько замечаний. Прежде всего, заметим, что *сакалиба,* о которых идет речь, не были приобретены Са'идом Ибн Салихом. Ибн ал–Хатиб говорит о *«сакалиба* его отца», т.е., Салиха Ибн Са'ида. Слова Са'ида Ибн Салиха, обращенные к *сакалиба,* также свидетельствуют о том, что последние к тому времени уже некоторое время служили Салихидам. Отсюда, присутствие *сакалиба* в Накуре можно констатировать уже как минимум с середины IX века.

Каким образом *сакалиба* попали в Накур? Рабы–*сакалиба* поставлялись в Северную Африку двумя путями – из Германии через Францию и мусульманскую Испанию и из Далматии через Венецию; в первом случае торговлю вели еврейские купцы–рахданиты[7], во втором – венецианцы. Как представляется, *сакалиба,* о которых идет речь, были привезены скорее из Андалусии. С одной стороны, у нас нет никаких документальных доказательств того, что венецианцы заходили в своей африканской торговле так далеко на запад. С другой стороны, Накур находился на пути купцов–рахданитов, направлявшихся из Андалусии в Кайруан. Условия для посещения ими Накура были самыми благоприятными. Эмиры Накура поддерживали хорошие отношения с испанскими Омейядами. После нападения на Накур норманнов в 244 г.х.[8] андалусский эмир Мухаммад выкупил у них двух накурских принцесс[9]. Брат эмира Накура Са'ида ибн Салиха (в правление которого мы и видим в Накуре *сакалиба)* 'Абд ар–Рахман направился в Андалусию для борьбы с христианами, но в конце концов погиб, сражаясь с 'Умаром Ибн Хафсуном[10]. Сыновья Са'ида после разгрома Накурского эмирата Фатимидами бежали в Андалусию и затем боролись за восстановление своей власти с помощью 'Абд ар–Рахмана III[11]. Есть сведения и о торговых контактах, относящиеся, правда, к более позднему времени. Ал–Истахри рассказывает нам о плаваниях из порта Накура в Альмерию[12], ал–Бакри – о плаваниях в Малагу[13]. В пользу того, что в Накур могли приходить рахданиты, говорит тот факт, что в городе была еврейская община: одни из четырех ворот Накура назывались *Баб ал–Иахуд*[14].

Установление пути, по которому *сакалиба* попадали в Накур, важно для нас и в другом отношении. *Сакалиба,* вывозившиеся из Андалусии, были в подавляющем большинстве евнухами[15]. Полагая, что накурские *сакалиба* были привезены из Андалусии, мы, тем самым, фактически утверждаем, что речь идет о евнухах.

Но в процитированном фрагменте Са'ид Ибн Салих называет *сакалиба* «войском и рабами» Салихидов. Речь, следовательно, идет о рабах, составлявших гвардию эмира. Но видеть здесь противоречие со сказанным выше вряд ли имеет смысл – в Андалусии при ал–Хакаме I евнухи составляли часть дворцовой гвардии *хур с*[16]. Салихиды, таким образом, набирали *сакалиба* как дворцовых слуг (евнухов) и одновременно составляли из них стражу. Негритянской гвардии мы в Накуре не видим совершенно; можно, очевидно, предполагать, что функции дворцовой стражи выполнял отряд *сакалиба,*

Сакалиба жили в Накуре в отдельном поселении – деревне *сакалиба*[17]. Именно туда они отступили, когда их выбили из города; естественно полагать, что они сразу направились к своим жилищам, а не стали занимать какую–то стоявшую поблизости деревню. Тот факт, что *сакалиба* имели свое особое поселение, указывает на то, что их было достаточно много. Кроме того, будь *сакалиба* малочисленны, им вряд ли удалось бы в течение недели сдерживать атаки войск эмира. Конечно, весьма сложно даже приблизительно называть какие–то цифры, но нам представляется, что *сакалиба* могло быть больше сотни человек, может быть, несколько сотен.

Сакалиба просят только что взошедшего на престол эмира освободить их. Данное явление можно трактовать по–разному, но наиболее вероятным объяснением кажется следующее. Освобождение раба по завещанию хозяина *(тадбир)* было обычным явлением в мусульманской жизни. Салих Ибн Са'ид вполне мог написать в завещании, что дает *сакалиба* вольную. От Ибн 'Изари мы узнаем, что именно дворцовые слуги, *фитйан* помогли Салиху одержать победу над выступившим против него его братом Идрисом[18]. Ибн 'Изари, правда, не называет *фитйан* именем *сакалиба,* однако *сакалиба,* вероятно, были среди них. В благодарность за верную службу Салих мог освободить *сакалиба* по своему завещанию. Если такое предположение верно, то поведение *сакалиба* легко объясняется: зная, что прежний хозяин дал им вольную, они готовы были идти так далеко, как потребуется, вплоть до свержения эмира, чтобы перестать быть рабами.

Сакалиба действуют как монолитная, организованная сила. Они сконцентрированы в одном месте (деревня *сакалиба),* Салих Ибн Са'ид, как мы предположили, дал всем им вольную; за свое освобождение они также сражаются вместе. Таким образом, в Накуре *сакалиба* были не лишены солидарности, объединявшей их между собой.

После данного эпизода мы уже более не видим *сакалиба* в Накуре. Источники говорят нам, что Са'ид Ибн Салих перебил всех выступивших против него, за исключением ар–Ради[19]. *Сакалиба,* таким образом, были истреблены. Каких–либо сведений о *сакалиба* в Накуре в последующие времена у нас нет, и мы не можем сказать, продолжал Са'ид Ибн Салих закупать их, или нет. Са'ид Ибн Салих был последним салихидским эмиром; впоследствии государство Салихидов было уничтожено Фатимидами[20].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ал–Бакри, *Масалик* = ал–Бакри, *Китаб ал–Масалик уа ал–Мамалик.* Изд. A. Van Leuwen, A. Ferré. Тунис: ад–Дар ал–'Арабиййа ли–л–Китаб, ал–Му 'ассаса ал–Уатаниййа ли–т–Тарджама уа ад–Дирасат «Байт ал–Хикма», 1992.

ал–Иа'куби, *Китаб ал–Булдан = Kitâb al–A'lâk an–Nafîsa auctore Abù Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitâb al–Boldân auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wadhih al–Kâtib al–Jakûbî.* Изд. M.J. De Goeje, Leiden, 1892. Bibliotheca

Geographorum Arabicorum, VII.

Ибн ‘Изари, *Байан* = Ибн ‘Изари, *ал–Байан ал–Мугр иб,* Бейрут: Мактабат Садир, 1950. Том 1.

Ибн Са‘ид, *Мугр иб* = Ибн Са‘ид ал–Магриби, *ал–Мугр иб фи Хула ал–Магр иб.* Изд. Ш. Дайф. Каир: Дар ал–Ма‘ариф, 1953.

Ибн Хаййан, *Муктабис = ал–Муктабис мин Анба’ Ахл ал–Андалус ли Ибн Хаййан ал–Кур туби.* Изд. М.‘А.Макки. Бейрут: Дар ал–Китаб ал– ‘Араби, 1973.

Ибн Халдун, ‘Ибар = Ибн Халдун, *Китаб ал–‘Ибар*, Булак, 1284 г.х.

Ибн ал–Хатиб, *А‘мал = Тар их ал–Магр иб ал–‘Ар аби фи ал–‘Аср ал–Уасит. ал–Кисм ас–Салис мин Китаб А‘мал ал–А‘лам ли–л–Уазир ал–Гар ат Лисан ад–Дин Ибн ал–Хатиб.* Изд. А.М. ал–‘Аббади, М.И. ал–Кинани, Касабланка, 1964.

Ибн Хаукал, *Сур ат ал–Ар д = Китаб Сур ат ал–Ар д ли Ибн Хаукал Аби–л–Касим Ибн Хаукал ан–Насиби,* Бейрут: Дар Мактабат ал–Хайа, 1979.

Ибн Хордадбех, Масалик = *Kitâb al–Masâlik wa'l–Mamâlik (Liber viarum et regionum) auctore Abû'l–Kâsim Obaidallâh Ibn Abdallâh Ibn Khordâdhbeh et Excerpta e Kitâb al–Kharâdj auctore Kodâma Ibn Dja'far,* Изд. M.J. De Goeje, Leiden, 1889. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VI.

ал–Маккари, *Нафх ат–Тиб = Analectes sur l'histoire et la littérature des arabes d'Espagne par al–Makkari.* Изд. R. Dozy, G. Dugat, L. Krehl, W. Wright. Leiden, 1855–56 (1), 1858–1858 (2).

ал–Мукаддаси, *Ахсан ат–Такасим = Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'ddin Abû Abdallâh Mohammed Ibn Ahmed Ibn Abî Bekr al–Bannâ al–Basschâri al–Mokaddasi,* Изд. M.J. De Goeje, Leide, 1877. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, **III.**

ан–Нувайри, *Нихайат ал–Ар аб = Нихайат ал–Ар аб фи Фунун ал–Адаб. Та’лиф Шихаб ад–Дин Ахмад ‘Абд ал–Уаххаб ан–Нувайри.* Т. 23. Изд. А.К. Заки. Каир: ал–Хай’а ал–Мисрийа ал– ‘Амма ли–л–Китаб, 1980.

Родерих Толедский, *Historia arabum* = Rodrigo Jiménez de Rada, *Historia arabum.* Изд. J. Lozano Sánchez. Sevilla: Universidad de Sevilla, 1974.

Descripción anónima = Una descripción anónima de al–Andalus. Изд. L. Molina. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Cientificas. Instituto «Miguel Asín», 1983.

lbn Khaldoun, *Histoire des Berbères = Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale par Abou Zeid Abd er–Rahman lbn–Mohammed Ibn Khaldoun,* Изд. W. de Slane, Alger, 1847.

Lèvi–Provençal, *HEM* – Lèvi–Provenal, E., *Histoire de l'Espagne musulmane,* Paris: **G.–P.** Maisonneuve, Leiden: E.J. Brill, 3 тома, 1950 (1–2), 1967 (3).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 15 апреля 891 – 2 апреля 892.

[2] *Китаб ал–Булдан,* 357.

[3] *А'мал,* 172. Приведенная дата соответствует периоду с 29 июля по 26 августа 876.

[4] 13 февраля 864 – 1 февраля 865.

[5] Хронология, которую мы находим в источниках, к сожалению, не отлича-

ется четкостью. Версия Ибн ал–Хатиба довольно схожа с изложением событий у ал–Бакри и Ибн ‘Изари, ср. ал–Бакри, *Масалик,* 765–768 и Ибн ‘Изари, *Байан,* 1: 246–249. Согласно ал–Бакри и Ибн ал–Хатибу, Салих Ибн Са‘ид, отец эмира, о котором идет речь, правил в Накуре 28 лет (у Ибн ‘Изари – больше 20), вступив на престол после Са‘ида Ибн Идриса. Но такое изложение событий кажется нам довольно сомнительным – почему, например, нападение норманнов на Накур, происшедшее по общему мнению всех трех авторов в 244 г.х. (19 апреля 858 – 7 апреля 859; следует, правда, отметить, что Ибн Хаййан говорит о нападении норманнов под 245 г.х., Ибн Хаййан, *Муктабис,* 307–309), пришлось на правление не Салиха Ибн Са’ида, а Са’ида Ибн Идриса, хотя Салих, умерший в 262 г.х. после 28–летнего правления, должен был, следовательно, стать эмиром в 234 г.х.? Данные о Са’иде ибн Идрисе вообще фантастичны. У Ибн ал–Хатиба мы читаем, что он построил Накур в 123 г.х., а умер в 234 г.х., причем правил 67 лет, *А’мал,* 172–174. Сведения, сообщаемые ал–Бакри и Ибн ‘Изари не только не вносят ясности, но даже еще больше запутывают ситуацию. Согласно им, Са’ид правил не 67, а 37 лет. Если мы считаем, что Салих Ибн Са’ид скончался в 262 г.х. после 28–летнего правления, став эмиром сразу после Са’ида Ибн Идриса, тогда Са’ид Ибн Идрис начал править значительно позже набега норманнов на Накур. У Ибн Халдуна хронология Салихидов выглядит стройнее, однако, эта стройность только кажущаяся. Ибн Халдун неправильно определяет дату нападения норманнов (у него это событие относится к 144 г.х.) и, сообразно с этим, относит правление Са’ида Ибн Идриса на середину II века хиджры. Поступая так, Ибн Халдун вынужден удлинить период правления Салиха Ибн Са’ида, и тот, по его словам, остается у власти 62 года, Ibn Khaldoun, *Histoire des Berbères,* 1: 283. Обе хронологии, таким образом, далеко не бесспорны. Вообще говоря, в отношении Салихидов современному исследователю остается либо предполагать, что эмиры этой династии правили очень долго (Са’ид Ибн Салих, например, оставался у власти 43 года по Ибн ал–Хатибу и 54 года по Ибн Халдуну), либо считать, что их правление было менее продолжительным; тогда сведения об упомянутых трех эмирах будут относиться к IX веку, а ранняя история Салихидов будет окутана туманом. Ввиду ограниченности материала предпочесть какую–то одну из этих точек зрения не кажется нам возможным. Точно так же весьма сложно и отдать предпочтение какой–либо из датировок – 262 г.х., или 250 г.х.

[6] ал–Бакри, *Масалик,* 768. Сходные фрагменты, правда, в сокращенном виде, приводятся у Ибн ‘Изари, *Байан,* 1: 248–249 и у Ибн ал–Хатиба, *А’мал,* 174. Ибн ал–Хатиб допускает явную ошибку, превращая «деревню *сакалиба» (карйат ас–сакалиба)* в «крепость *сакалиба» (кал’ат ас–сакалиба).* Об этих событиях сообщает и Ибн Халдун, который, однако, представляет их как конфликт между ‘Убайд Аллахом и ар–Ради с одной стороны и Са’идом Ибн Салихом – с другой, Ibn Khaldoun, *Histoire des Berbères,* 1: 283.

[7] Ибн Хордадбех, *Масалик,* 153–155. Сведения Ибн Хордадбеха относятся к середине IX века, то есть, к тому времени, когда мы видим *сакалиба* в Накуре.

[8] 19 апреля 858 – 7 апреля 859.

[9] Lévi–Provençal, *HEM,* 1: 248. По мнению Леви–Провансаля, уже того одного факта достаточно для того, чтобы убедиться в том, что отношения между эми-

рами андалусии и Накура были замечательными.

[10] ал– Бакри, *Масалик,* 766, Ибн ‘Изари, *Байан,* 1: 247.

[11] ал– Бакри, *Масалик,* 771, Ибн ‘Изари, *Байан,* 1: 252.

[12] *Масалик,* 38.

[13] *Масалик,* 763.

[14] Ибн ‘Изари, *Байан,* 1: 246.

[15] Все источники, по которым мы знаем о даставке *неволъников–сакалиба* из Андалусии, говорят, что эти *сакалиба* были евнухами, Ибн Хордадбех, *Масалик,* 1: 153, Ибн Хаукал, *Сур ат ал–Ард,* 95 и 105–106, ал–Мукадцаси, *Ахсан ат–Такасим,* 242, ал–Карауи в передаче ал–Маккари, *Нафх ат–Тиб,* 1: 92.

[16] Из 5 тысяч гвардейцев 3 тысячи были испанскими христианами–ренегатами, 2 тысячи – евнухами, Родерих Толедский, *Historia arabum,* 37. В отношении гвардии ал–Хакама 1 см. также *Descripción anónima,* 125, ан–Нувайри, *Нихайат ал–Араб,* 23: 374, Ибн Са’ид, *Мугр иб,* 1:39, Ибн Халдун, *‘Ибар* , 4: 127 и со ссылкой на него – ал–Маккари, *Нафх ат–Тиб,* 1:220. Следует заметить, что арабские историки нигде не говорят, что в рядах *хур с* были *сакалиба.*

[17] Название это употреблялось и впоследствии – см. ал–Мукаддаси, *Ахсан ат–Такасим,* 217.

[18] *Байан,* 1:247–248.

[19] Эти сведения сообщают нам Ибн ал–Хатиб, *А‘мал,* 174, Ibn Khaldoun, *Histoire des Berbères,* 1:283.

[20] В отношении даты крушения Салихидского эмирата источники сообщают противоречивые сведения. По ал–Бакри, фатимидский наместник Тахерта Масала Ибн Хаббус овладел Накуром летом 917 года, *Масалик,* 771. Ибн ал–Хатиб уточняет, что фатимидские войска вошли в Накур 26 июня 917 г., *А‘мал,* 174, но Ибн Халдун переносит эту дату на более ранний срок: 304 год хиджры, т.е., 5 июля 916 – 23 июня 917, Ibn Khaldoun, *Histoire des Berbères,* 2: 284.

Мухаммад Аль–Мансур

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ (1960–1970 гг.)

Вплоть до начала 60–х годов женское образование в королевстве носило ограниченный и неорганизованный характер, так как в стране не было соответствующего единого координирующего. И так как традиция не допускала появления девочек вне дома без сопровождения, они могли учиться только частным образом с помощью домашних учителей, либо в небольших группах в куттабах. Таким образом, женские куттабы стали первой формой группового приобщения девочек к знаниям, которые передавались им женщинами, получившими определенные сведения от своих отцов, либо частных репетиторов. Эта ранняя форма женского образования была скорее религиозного, чем прикладного характера – в рамках ее обучали только чтению и заучиванию наизусть отрывков из Корана и арифметике[1].

Однако в конце 50–х годов, в связи с общим социально–экономическим подъемом и успехами в мужском образовании в стране стали возникать более устойчивые группы обучения. В описываемое время в кварталах крупных городов возникла и стала распространяться сеть частных женских школ. Девочки, которые учились в этих школах, либо частным образом в своих собственных домах сдавали те же самые экзамены и получали такие же сертификаты, что и мальчики об окончании начальной школы, однако смешанное обучение не было принято в Саудовской Аравии[2]. В новых условиях определенная часть саудовцев стала выступать с требованием и даже оказывать давление на правительство, с чем чтобы оно взяло на себя заботу о просвещении девочек. Вокруг вопроса о женском образовании в описываемое время развернулась не просто дискуссия, но и борьба, так как консервативная часть улемов решительно выступила против женского образования. Исключительно важную роль в этом вопросе сыграл наследный принц Фейсал, влияние которого на политическую жизнь страны в конце 50–х – начале 60–х гг. заметно выросло. Благодаря исключительно гибкой политике ему удалось достичь компромиссного решения по данному вопросу. В конце концов, принятие принципиального решения о судьбах женского образования было правительством поручено компетентной и влиятельной группе экспертов, в которую вошли специалисты по просвещению и религиозные лидеры, получив согласие религиозных авторитетов, одобрили женское образование, как не противоречащее религии.

После принятия этого решения был издан королевский указ об учреждении Главного управления обучения девочек в 1960 г. Этот факт получил широкий отклик в стране, так как явился поворотным пунктом в истории женского образования, открыв путь для ускоренного его развития. Главное управление получило вполне удовлетворительный бюджет и было наделено министерскими полномочиями, с полным правом голоса в Совете Министров и было абсолютно независимо от Министерства просвещения[3].

Основной задачей управления была подготовка учебных программ и годовых курсов обучения, с тем чтобы удовлетворить стремление саудовского народа дать образование своим дочерям в соответствии с учением ислама. На управление, наряду с курированием детских садов, было возложено руководство следующими видами женского образования:

– общее образование (начальное, неполное среднее и среднее);
– подготовка преподавателей различного уровня;
– педагогические колледжи;
– обучение взрослых и неграмотных;
– профессиональное обучение и подготовка[4].

Интересный пример развития женского образования на начальной его стадии дает история ныне известной в стране Дар аль–Ханан (Дом милосердия) – первоначально небольшого дома и школы для девочек–сирот, которая была открыта в 1956 г. королевой Иффат – супругой короля Фейсала (в то время наследного принца). В 1959–60 учебном году первая группа девочек получила свидетельство об окончании начальной школы. В 1960 г. был открыт класс неполного среднего обучения, который первая группа учениц окончила в 1963 г. После этого в Дар аль–Ханан был открыт первый класс средней школы. Наконец, в 1964–65 учебном году состоялся выпуск группы учениц, состоящей из 8 человек, окончивших среднюю школу. Это была первая женская группа, окончившая регулярную среднюю школу. Школа продолжала расти и развиваться: в 1966 г. она перешла в новое специализированное помещение, а число учениц выросло до 620; к 1973 г. в этой школе было уже 1050 учениц. Когда в 1969–70 учебном году Генеральное президентство обучения девочек открыло первый женский педагогический колледж в Эр–Рияде, то первый курс этого колледжа был укомплектован выпускницами Дар аль–Ханан и средней школы Эр–Рияда.

Дар аль–Ханан продолжает успешно развиваться и в настоящее время. Он давно уже утвердил себя как передовой учебный центр, своеобразная лаборатория для женского образования. Школа оборудована новейшими техническими средствами обучения, современными лабораториями и специализированными кабинетами, аудио и видео оборудованием и полностью обеспечена учебными пособиями. Ее высокая репутация образцового и экспериментального учебного заведения привлекает наиболее квалифицированных и одаренных женщин–педагогов[5].

Главное управление обучения девочек начало с того, что уже в 1960 г. открыло 15 начальных государственных школ, в которые было принято 5180 учениц и 113 учительниц. Женское образование, начатое почти что с нуля, развивалось исключительно быстро, опережая по темпам мужское образование. Через пять лет, в 1965 г. число женских школ выросло до 160, а еще через пять лет в 1970 г. до 357. то есть выросло в 24 раза. Что касается количественного роста учащихся, то оно было не менее впечатляющим: в 1965 г. и 1970 г. соответственно 5 087 и 127 131, то есть увеличилось более чем в 25 раз. Что же касается численности преподавательского корпуса в вышеуказанные годы, то в 1965 г. и 1970 г. он соответственно составлял 1932 и 4303, то есть за десять лет численность преподавателей выросла в 38 раз![6]

Первые четыре регулярные неполные средние школы в Саудовской Аравии были основаны в 1963 г., в которых первоначально обучалось 230 учениц. Через десять лет, в 1970 г., в стране было уже 17 неполных средних женских школ, в которых учились 7861 ученица и преподавали 384 учительницы.

Первая средняя школа была открыта управлением в том же 1963 г. Первоначально была принята 21 ученица. Через семь лет в 1970 г. в королевстве было уже две средние женские школы, в которых училось 550 учениц[7].

Несмотря на впечатляющие успехи женского образования в 60–е годы, первое десятилетие деятельности Главного управления явилось лишь подготовительной стадией для более ускоренного развития в последующие годы. Разумеется, Главное управление использовало сравнительно богатый опыт, накопленный Министерством просвещения во всех сферах обучения. Однако были и свои специфические, в том числе и социальные, психологические и инерционные факторы, которые предстояло преодолеть. Так или иначе, к рубежу нового этапа развития системы просвещения, т.е. в 1970 г., школьным обучением было охвачено не более 10% саудовских девочек школьного возраста.

[1] Нур ад–Дин Абд Аль–Джавад, Мустафа Мухаммед Мутавалли, Ат–Таалим ал–ахли ва масира ат–таалим фи Аль–Мамляка Аль–Арабийя Ас–Саудийя, Эр–Рияд. 1416/1995, с. 78; The Ministry of Education. Development of Education in the Kingdom of Saudi Arabia. National Report. Riyadh, 1996, с. 195.

[2] The Kingdom of Saudi Arabia. Op. Cit., с. 195.

[3] The Kingdom of Saudi Arabia, с. 197.

[4] Визара аль–маариф. Татаввур ат–талим фи Аль–Мамляка Аль–Арабийя Ас–Саудийя. Такрир ватаний. Эр–Рияд, 1996 г./1417 г.х., с. 46.

[5] The Kingdom of Saudi Arabia, сс. 195–196.

[6] Абд Аль–Джавад, Мутавалли. Цит. пр., сс. 82–83.

[7] Абд Аль–Джавад, Мутавалли. Цит. пр., сс. 84.

Мухаммад Аль–Мансур

ОБРАЗОВАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СИСТЕМЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ (1954–1970 гг.)

Достижения Саудовской Аравии в период деятельности Директората просвещения (1926–1954 гг.) в области образования были немалыми, если принять во внимание крайне низкий, почти нулевой стартовый уровень состояния просвещения в королевстве, которое являлось одной из самых отсталых в экономическом и социальном отношениях арабских стран, с крайне ограниченными ресурсами. Достаточно отметить, что ежегодные доходы королевства в 20–е годы не превышали 100 тыс. золотых гиней, а главным их источником были сборы с паломников, численность которых в связи с мировым кризисом, резко сократилась, что отражалось крайне негативно на экономическом положении страны и замедляло развитие образования в стране.

Поэтому, несмотря на значительные усилия и определенные успехи, тем не менее Саудовская Аравия была в числе аутсайдеров в области просвещения среди арабских стран, за исключением Йемена, достижения которого в интересующей нас области были значительно скромнее саудовских. О состоянии саудовской системы просвещения наиболее красноречиво свидетельствует тот факт, что неграмотность в середине XX в. по различным оценкам охватывала 95–97,5% взрослого населения королевства[1].

Ибн Сауд вполне отдавал себе отчет в том, что для модернизации саудовского общества ему во все возраставшей степени будут нужны образованные саудовцы, которые со временем смогут заменить традиционных национальных администраторов и иностранных экспертов в экономической сфере. Поэтому, несмотря на крайнюю ограниченность финансовых ресурсов, король с целью развития просвещения нанимал во все более возраставшей степени египетских и других арабских учителей и увеличивал численность саудовцев, направляемых на учебу в Египет. Этот процесс по мере расширения коммерческой добычи нефти после 1946 г. заметно ускорился, что привело, по мнению ряда авторов, к «прогрессирующей египтизации» всей системы просвещения в 50–60–е годы. Однако новый этап в развитии саудовской системы просвещения наступил уже после смерти короля – основателя государства, который лишь за месяц до

своей кончины реорганизовал Совет Министров, функции которого впервые юридически и фактически были распространены на всю страну. В этом реформированном правительстве было восемь министерств, среди которых было впервые созданное в январе 1954 г. (1374 г.х.) Министерство просвещения, сформированное на базе бывшего Директората просвещения. Эта дата считается исторической, ознаменовав важную веху, поворот к более быстрому, а с начала 70–х годов стремительному взлету системы просвещения, ознакомление с которыми не может не поразить воображение всякого непредубежденного наблюдателя.

Следует отметить, что выдающуюся роль в развитии саудовской системы просвещения в описываемое время сыграли принц Фейсал – заместитель главы кабинета, а с 1954 г. – премьер–министр и первый министр просвещения – принц Фахд Ибн Абд Ал–Азиз. Именно под руководством последнего были проведены реформы в области образования и культуры, создана современная административная структура управления и разработана долгосрочная стратегия развития просвещения в королевстве. Получив один из самых ответственнейших постов, молодой министр (ему в то время было 29 лет) с энтузиазмом и искренним желанием взялся за работу по реформированию просвещения, с тем, чтобы ликвидировать тяжелое наследие прошлого и сделать образование доступным для всех граждан страны. Но на первом этапе своей деятельности новый министр столкнулся с огромными трудностями.

В официальном докладе о состоянии министерства в первый год его существования говорилось следующее: «Его высочество приняло обремененное тяжелыми проблемами наследие. Едва ли можно встретить какое–либо представительство или школу без сложнейших проблем. Также как перед его высочеством встали трудные вопросы огромной важности такие, как отсутствие квалифицированных педагогических кадров, рост школ, а также необходимость удовлетворить постоянные и возросшие обращения соотечественников из всех провинций и областей королевства с просьбами об открытии новых начальных и средних школ. Все эти вопросы ставились перед новым министерством с небольшим аппаратом, количество чиновников в котором можно было насчитать на пальцах одной руки»[2]. Министерство нуждалось в ввозе абсолютно всех необходимых для работы предметов. В королевстве не производились учебные предметы, принадлежности, пособия, не подготавливались и не печатались учебники.

Министерству, по словам одного из историков просвещения, пришлось «преодолеть многие трудности, начиная от приглашения учителей из арабских стран и ввоза учебников и учебных принадлежностей, включая мел и доски»[3].

Молодой министр приступил к формированию нового министерства в духе единой команды и с молодым задором. В то время он нередко говорил чиновникам министерства: «Каждый служащий в министерстве просвещения – министр в нем, он несет ответственность министра в рамках

своей работы и компетенции, поэтому необходимо, чтобы каждый из нас работал в меру своих сил и был предан нынешнему молодому поколению соотечественников»[4]. Для решения масштабных задач в области просвещения велась постоянная работа по расширению и совершенствованию организационной структуры самого министерства, которое пополнялось компетентными и квалифицированными кадрами.

В первые годы существования постепенно сформировалась следующая организационная структура министерства:

1. Министр, которому непосредственно подчинялись канцелярия министра и высший совет просвещения.

2. Заместитель министра, в ведении которого было подчинено бюро советников.

3. Генеральное управление министерства, включавшее в свой состав:

а) главное управление министерства по административным вопросам;

б) главное управление просвещения, непосредственно ведающее делами образования;

в) главное управление по финансовым вопросам[5].

В связи с новыми импульсами, которые были приданы системе просвещения, увеличением числа школ и учащихся, усложнением и развитием самой системы управления, а главное качественно новыми задачами по модернизации и совершенствованию всех видов, форм и ступеней образования, в 1385 г.х. (1965 г.) был образован Высший совет по политике просвещения во главе с принцем Фахдом, которому была поручена разработка долгосрочной стратегии и идеологии развития просвещения в королевстве. С этого времени этот Совет играет особую роль в развитии системы просвещения в стране[6]. Главным итогом работы Высшего совета по политике просвещения явилась разработка важнейшего программного документа «Политика просвещения в Королевстве Саудовская Аравия», который был опубликован в 1970 г. (1390 г.х.). В этом документе изложены основополагающие принципы, на которых зиждется система просвещения в королевстве. Главная идея этого документа выражена в следующих словах: «Истоки политики просвещения Королевства Саудовская Аравия вытекают из ислама, который исповедует Умма[7]. Вера, культ, мораль, шариат[8], заповедь и совершенный порядок жизни – все они составляют основную часть общей политики государства». Первый и важнейший принцип этого документа – это принцип веры, так как Саудовская Аравия – исламское государство и поэтому все стороны жизни в стране управляются и регулируются исламом, верой в Аллаха как господа Бога, в ислам, как религию и Мухаммеда, как пророка и посланника Бога. Оно верит в совершенство исламского представления о существовании человека и жизни, что существование всего на свете подчинено порядку, установленному Богом, и что все твари (создания) должны действовать в соответствии с их предназначением. Земная жизнь человека – это время производства и труда: использует в ней мусульманин энергию свою для веры и выбора верного пути для вечной жизни в загробном мире, «сегодня труд и не под-

ведение итогов, а завтра подведение итогов и не труд». Миссия Мухаммеда – это самый верный путь к идеальной жизни, которая приведет к счастью человека и спасет человечество от пороков и мучений. Получение образования, согласно заповеди ислама – это обязанность каждого человека[9].

Религиозные предметы являются главными на протяжении всех лет обучения в школе, а исламская культура – основным предметом в высшей школе[10].

В документе отмечается также необходимость использования достижений современной педагогической мысли при решении принципиальных задач просвещения, образования и культуры.

Специальный раздел в «Политике просвещения» посвящен «принципу развития», в котором отмечается связь между образованием и просвещением и всеобъемлющим развитием королевства. Специальный параграф посвящен прямой связи всех ступеней и видов обучения с генеральным планом развития государства; в нем подчеркивается зависимость планов развития в экономической, социальной, культурной и политической сферах от успехов просвещения и образования и отмечается, что понятие развития включает в себя прежде всего человеческий фактор.

Одним из главных положений анализируемого документа является «принцип научности», в котором говорится о том, что одной из задач, стоящих перед страной – это ознакомление и использование достижений мировой науки в различных сферах науки, литературы и техники, изучение плодов усилий всего человечества в интересах развития страны[11].

В этом же разделе говорится о громадной позитивной роли научных исследований в мировом прогрессе и отмечается необходимость развертывания научных исследований в королевстве и отмечается особая важность знакомства и практическое использование достижений прикладных наук, изобретений, современной техники и технологии[12].

Важное практическое значение для развития просвещения в королевстве имело положение документа о том, что одной из задач обучения должно стать развитие у учащихся научного мышления, а также поощрение и поддержки духа исследовательства и экспериментаторства, использование наиболее передовых современных методов обучения, внедряя в учебных заведениях признанные в мире авторитетные учебники и пособия[13].

Ознакомление с этим важнейшим документом в области просвещения и идеологии в целом позволяет сделать вывод о том, что целью саудовского правительства было сохранение и глубокое изучение исламского вероучения в качестве основы всей системы просвещения, с тем, чтобы новые поколения не только получали научные и практические знания, но и воспринимали их в контексте осознания их долга перед Богом и людьми[14].

Одной из важнейших идей этого документа был тезис о том, что изучение новейших достижений естественных и точных наук, техники и тех-

нологии не только не противоречит духу ислама, но, напротив, содействует более глубокому его восприятию.

Уже первые годы деятельности Министерства просвещения свидетельствовали о наступлении нового периода в истории просвещения королевства, значительных количественных и качественных изменениях. Прежде всего следует отметить, что благодаря усилиям принца Фейсала, в то время возглавлявшего саудовское правительство, и министра просвещения принца Фахда, удалось, несмотря на сопротивление некоторых консервативно настроенных лиц, резко увеличить бюджет просвещения. Если в 1953 г. на нужды просвещения было выделено 2,8 млн. долл., то в 1964 г. этот показатель поднялся до около 100 млн. долл.[15].

Официальные данные по образованию показывают, что в год основания Министерства просвещения (1954 г.) в королевстве было 338 школ, в которых обучалось 45 431 учащихся, обучением которых занимались 1828 учителей. Всего же в описываемое время было 356 учебных заведений (включая духовные и педагогические институты, курсы по изучению английского языка и обучению машинописи), в которых обучались 46 880 учащихся и обучали 1954 преподавателей. Через семнадцать лет, в 1970 г. (1390 г.х.) число учащихся во всех видах обучения достигло 377 289 учащихся (то есть увеличилось более чем в 9 раз), количество школ в стране выросло до 2.988 (то есть почти в 9 раз), а численность учителей поднялась до 21 220 (то есть более чем в 11 раз)[16].

В связи с постоянно растущими потребностями в квалифицированных и подготовленных специалистах и неуклонным расширением и ростом системы образования в соответствии с требованиями времени развивалась и совершенствовалась и деятельность Министерства и его организационная структура. Так, для управления каждой ступенью, либо видом обучения в Министерстве были созданы специализированные административные ведомства – главные управления (например, Главное управление по начальному образованию, или Главное управление по частному образованию и др.). Наряду с этим развивался технический и административный аппарат министерства.

Выше уже говорилось о том, что еще Директорат просвещения приступил к созданию в различных районах страны своих представительств и ко времени создания Министерства просвещения таких представительств по всей стране было открыто девять. После учреждения министерства ставшие уже архаичными представительства были преобразованы в управления просвещения, подчиненные Министерству. Первые управления просвещения были открыты в Эр–Рияде и Джидде в 1954 г. (1373 г.х.), затем в следующем 1955 г. (1374 г.х.) в Даммаме, Касиме, Медине и Бахе. Вслед за ними управления были открыты в остальных областях и к 1973 г. (1393 г.х.) их число достигло 34. Наконец, в 1995 г. система управлений приняла современный вид. В настоящее время в стране 13 генеральных управлений просвещения в каждом из районов или эмиратов[17] страны (во

главе каждого из них стоит генеральный директор в ранге заместителя министра) и 29 управлений просвещения провинций[18] (мухафаза)[19]. «

Значение деятельности Министерства просвещения в развитии Саудовской Аравии трудно переоценить, ибо никакие преобразования в экономической, социальной и культурной сферах были бы абсолютно не мыслимы без человеческого фактора, то есть формирования человека современного общества, имевшего среднее или высшее образование, специалиста в области религиозных, гуманитарных, технических, физико–математических и естественных наук, одним словом, квалифицированных кадров для работы в различных сферах народного хозяйства.

Министерство просвещения является главным и первым по времени образования, универсальным по организационной структуре и уникальным по обеспеченности подготовленными специалистами в области образования ведомством. Ему принадлежит определяющая роль в разработке стратегии и идеологии просвещения, в формировании и развитии общей политики просвещения и определении основных его направлений. Именно благодаря усилиям министерства разрабатываются и совершенствуются программы обучения, налажена работа по подготовке учебников и учебных пособий практически по всем предметам.

Министерство просвещения выполняет и ряд дополнительных функций. Так, например, на министерство возложены функции определения и охраны памятников истории и культуры, музейное и библиотечное дело. Поэтому в его структуре имеются такие ведомства как Главное управление по выявлению и охране памятников, Генеральное управление по школьным библиотекам и др.

Министерство просвещения занимается также вопросами науки и научных исследований и выполняет функции по координации исследований с университетами страны.

Следует отметить также такую специфическую особенность саудовской системы образования как раздельное обучение мальчиков и девочек. Поэтому Министерство, как и его предшественник – Директорат просвещения, несет ответственность за развитие лишь мужского образования.

Завершая раздел, посвященный первому периоду деятельности Министерства просвещения, хочется специально остановиться на деятельности первого министра просвещения принца Фахда (с 1982 г. – король), который внес выдающийся вклад в развитие просвещения и культуры. «Эти семь лет (годы пребывания Фахда в качестве министра – прим М.М.), – пишет известный деятель саудовского просвещения Абд Ал–Азиз бну Абдаллах бну Хасан Аал Аш–Шейх, – были годами всестороннего подъема просвещения по любым критериям и параметрам, включая преподавателей, программы и учебные заведения, как в количественном, так и в качественном отношениях, как по форме, так и содержанию». Он создал благоприятные условия для учителей, поднял их уровень и содействовал повышению их квалификации (специальным) обучением... «за сравнительно короткий промежуток времени он фактически создал современную

структуру среднего, высшего и университетского образования, что близко осуществлению самых сокровенных мечтаний»[20].

В 1957 г. был основан первый современный университет в Эр–Рияде, так как уже упоминавшиеся шариатские и педагогические колледжи в Мекке и Эр–Рияде, основанные Директоратом просвещения, преимущественное внимание уделяли изучению традиционных предметов – филологическим (арабским) и религиозным. В следующем, 1958 г., была введена современная система среднего образования, разделенная на три ступени: начальная (шесть лет), неполная средняя (три года), средняя (три года)[21].

Под руководством Фахда была разработана долгосрочная программа развития просвещения и подготовлен важнейший идеологический документ – «Политика просвещения в королевстве» и тем самым была выработана стратегия развития, по которому Министерство и Высший совет по политике просвещения действуют вплоть до настоящего времени. Основные принципы этого курса заключаются в следующем:

1. Дальнейшее расширение сети начальных, неполных средних и средних школ.

2. Содействие дальнейшему развитию высшего университетского образования. После основания уже упомянутого университета в Эр–Рияде, получившего в последствии имя короля Сауда, были основаны новые университеты, число которых в 1994/95 учебном году достигло восьми. Программа по развитию и совершенствованию университетского образования продолжает осуществляться.

3. Введение и развитие современных методов в обучении, здравоохранении, социальном обеспечении и спорте, что должно содействовать развитию системы образования. Правительство уделяет особое внимание развитию сети медицинских учреждений, обслуживающих учащихся. То же самое касается социального обеспечения (бесплатное обучение и развивающаяся система различных видов пособий, выплат, материальной помощи, стипендий учащимся, обеспечение некоторых категорий учащихся бесплатным питанием и транспортом и др.).

4. Удовлетворение потребности получения различных видов и форм образования и подготовка соответствующих национальных преподавательских кадров.

5. Постоянное расширение сети педагогических колледжей и совершенствование системы повышения квалификации учителей.

6. Организация исследовательских центров по педагогике и воспитанию, с целью применения научных методов в системе просвещения, анализ позитивного и негативного опыта в системе просвещения в королевстве и за рубежом[22].

Министерство обеспечивало следующие виды мужского образования:

– общее образование (начальное, неполное среднее и среднее);

– обучение учителей;

– специальное образование;

– обучение взрослых и неграмотных[23].

[1] The Middle East and North Africa 1996. London, 1996, с. 860; Lackner H. A House Built on Sand. London, 1978, с. 74.

[2] Визара аль–мааріф. Визара аль–мааріф фи хамс санават 1372–1376 гг. х. Эр–Рияд, 1376 г.х., с. 23; Абд Аль–Джавад, Мутавалли. Ат–Талим аль–ахлий ва масира ат–талим фи Аль–Мамляка Аль–Арабийя Ас–Саудийя, Эр–Рияд. 1416/1995, с. 61.

[3] Ахмад Иса. Муджиза фаявка ар–рималь. Бейрут. 1392, с. 781.

[4] Визара аль–мааріф. Визара аль–мааріф фи хамс санават., с.17.

[5] Визара аль–мааріф. Инджазат визара аль–мааріф хиляля аль–хутта аль–хамсийя аль–хамиса. 1410–1415 гг.х. (1990–1995 гг.). Эр–Рияд. 1417 г.х. (1997 г.), с. 25.

[6] В настоящее время Совет возглавляет от имени короля Фахда принц Султан бен Абд Аль–Азиз, министр обороны и брат короля.

[7] Умма – исламская община.

[8] Шариат – мусульманское право.

[9] Визара аль–мааріф. Сияса ат–талим фи Аль–Мамляка Аль–Арабийя Ас–Саудийя. Эр–Рияд. 1390 г.х. (1970 г.). (Изд. первое), с. 7–8.

[10] Сулейман Аль–Хакиль, Низам ва сияса ат–талим фи Аль–Мамляка Аль–Арабийя Ас–Саудийя. Эр–Рияд. 1416/1995, с. 65–66.

[11] Сияса ат–талим фи Аль–Мамляка, с. 14.

[12] Сияса ат–талим фи Аль–Мамляка, с. 21

[13] Сияса ат–талим фи Аль–Мамляка, с. 26.

[14] The Kingdom of Saudi Arabia. London, 1990. Eighth edition. Editor–in–Chief William Facy, с. 186.

[15] Assah, A. Miracle of the Desert Kingdom. London, 1969, сс. .36, 54.

[16] Визара аль–мааріф. Инджазат визара аль–мааріф хиляля аль–хутта аль–хамсийя аль–хамиса. 1410–1415 г.х. (1990–1995 гг.). Эр–Рияд. 1417 г.х. (1997 г.), с. 25.

[17] Эмираты– основная административная единица страны.

[18] Эмираты делятся на мухафазы (провинции).

[19] Инджазат визара аль–мааріф, с. 28.

[20] Абд Аль–Азиз Аал Аш–Шейх. Лямха ан ат–таалим ва бидаятуху фи Аль–Мамляка Аль–Арабийя Ас–Саудийя. Эр–Рияд. 1412, с. 97.

[21] Низам ат–талим фи Аль–Мамляка Аль–Арабийя Ас–Саудийя. Эр–Рияд. 1413/1993, с. 190.

[22] Министерство информации. Королевство Саудовская Аравия. Эр–Рияд, 1993 г. (1413 г.х.), с. 122.

[23] The Ministry of Education. Development of Education in the Kingdom of Saudi Arabia. National Report. Riyadh. 1996, с. 47.

В.В. Орлов

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ВЫСШЕГО МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ МАРОККО (конец XVIII – начало XIX в.)

Духовная ситуация, сложившаяся в интеллектуальных кругах алауитского Марокко на протяжении XVIII в., отличалась пестротой и неоднозначностью. В дальних западных пределах мусульманского мира, как и в других его частях, начало XIX столетия ознаменовалось зарождением весьма динамичного противоборства между сторонниками традиций и обновленческих идей. Примечательно, что в Шерифской империи[1] стремление к пересмотру средневековых устоев затронуло преимущественно суфийскую среду, которая выдвинула в этот период целую плеяду видных духовных наставников, заложивших основы суфийского реформизма в Магрибе – Мухаммада ад–Даркауи (1737–1823), Ахмада ат–Тиджани (1737–1815), Ахмада ибн Идриса (1758–1837) и их многочисленных учеников. В то же время в кругах высшего марокканского духовенства[2], напротив, наблюдалось неуклонное усиление традиционалистских взглядов. На протяжении всей первой половины XIX в. последовательная антиреформаторская позиция алимов в вопросах веры сыграла существенную роль в политической истории как предколониального Марокко, так и всей Северо–Западной Африки. При рассмотрении факторов, которые обусловили выраженный консерватизм алимского корпуса Марокко нового времени, особый интерес вызывают его идеологические воззрения и место, которое служители «официального ислама» занимали в политической системе страны.

В массовом общественном сознании стран Магриба ученые–богословы всегда расценивались как подлинные носители и выразители божественных истин, недоступных для рядового правоверного. Если для политической элиты Марокко они представляли интерес в своем качестве толкователей священного закона, то в среде горожан[3] алимы воспринимались как хранители и передатчики нормативной религиозной традиции, духовные наставники, ответственные за моральный облик молодого поколения. В свою очередь, алимы ощущали себя своеобразным «общественным камертоном» – инструментом духовной настройки общественной жизни, образцом благочестивого мусульманина, своим примером подвигающего собратьев по вере ко благу и добродетели. Качество передачи священного знания новым поколениям, его чистота и целостность состав-

ляли главный предмет забот высшего духовенства. Подобные самооценки, культивируемые в ученой среде в течение столетий, формировали в корпусе алимов охранительно–консервативные идеологические ориентации и систему ценностей[4]. Социокультурное пространство, которое отвело алимам общество, с неизбежностью предопределило замкнутость исканий марокканских интеллектуалов в узкой схоластической проблематике, нередко отвлеченной от повседневных запросов и чаяний общины. Значимый вклад в усиление традиционалистских взглядов марокканского духовенства вносила неизменная со средних веков система подготовки «людей пера», а также духовный потенциал маликитского мазхаба[5], осуждавшего умозрительное вмешательство в дела религии и требовавшего буквального понимания священных текстов.

Твердый подход марокканских алимов к вопросам веры издавна находил в Марокко государственную поддержку. Со средних веков марокканские государи стремились привлекать богословов не только к проведению идеологических кампаний, но и собственно к государственному управлению. Уже в XVI–XVII столетиях, в ходе которых в Марокко закрепилось господство шерифских династий Саадидов (1510–1659 гг.) и Алауитов (с 1640–х гг.), высшее мусульманское духовенство занимало стратегическую позицию в государственной системе Шерифской империи. Алимы двух главных столиц Марокко – Феса и Марракеша – как правило, составляли нечто вроде высшего арбитражного суда, который только и мог дать религиозную санкцию тем или иным мерам правительства или принять решение об их соответствии нормам шариата и благу мусульманской общины. Кроме того, именно на духовных авторитетов «официального ислама» традиция возлагала общий юридический надзор за повседневной политикой султана и высших сановников его двора. В рассматриваемый период представители высшего мусульманского духовенства выступали как существенный элемент политической структуры марокканского государства. Несмотря на свою малочисленность по сравнению с «людьми меча» (военными, наместниками, высшими функционерами султанской администрации), марокканские алимы, как и их «коллеги» во всем мусульманском мире, нередко оказывали существенное влияние на процесс принятия решений. Хотя в Марокко ученые не смогли сплотиться в некий род квазисословной группировки (как это сделали алимы османской метрополии, действовавшие в XVIII в. на стамбульской сцене наряду с янычарами[6]), и не составили самостоятельной политической силы (наподобие египетских богословов, воспользовавшихся этнолингвистической отчужденностью правящей мамлюкской касты от населения[7]), их вовлеченность в политические интриги внутри правящей элиты не вызывает сомнений.

Важнейшей политической функцией высшего духовенства Марокко являлась легитимация государственной власти. Формально эта практика выражалась в институте бай'а – клятвы населения страны на верность новому султану. Этот квазидемократический элемент общественной жизни в XVIII – XIX вв. имел в первую очередь церемониальное и символическое

значение. Наследование власти в Марокко обычно происходило следующим образом: султан заблаговременно назначал наследника престола и в случае кончины суверена именно совет алимов столицы (как правило, той, в которой скончался султан) утверждал его выбор. Решение алимов о престолонаследии вызывало большой резонанс в правящих кругах, поскольку в XVI – XIX вв. восшествие преемника покойного султана на престол почти всегда осложнялось выдвижением нескольких претендентов и гражданской войной. Достаточно заметить, что из двенадцати наследований власти от основания династии Алауитов (1640–е гг.) до восшествия на престол Мулай Слимана (1792 г.) одиннадцать сопровождались кровопролитными конфликтами между претендентами на престол (особенно тяжелой была тридцатилетняя война 1727–1757 гг. за наследство султана Мулай Исмаила, в ходе которой законный наследник Мулай Абдаллах был четыре раза низложен и пять раз призван на правление). Формально подтверждая права на власть того или иного претендента, алимы, по сути, символизировали высшую волю мусульманской общины (уммы) и своими действиями возвышали народное мнение над политическими играми «людей меча». Более того, теоретически они, как хранители божественного закона, могли даже сместить султана, пренебрегающего своими обязанностями, и избрать более достойного[8]. Часто привлекаемый в историографии факт узаконения алимами власти нового султана как признания военных успехов победившего претендента, ничуть не принижает, как представляется, их ведущей роли в процессе выработки и составления бай'а. С одной стороны, традиция признания алимами «власти сильнейшего» находилась в соответствии с народными верованиями, согласно которым барака[9] должна перейти от покойного султана к тому из его потомков, который смог победить всех конкурентов (собственно, в этом и заключался для массового сознания «выбор Божий»). С другой стороны, анализ текстов бай'а XVIII в. позволяет выделить в качестве их «соавторов» ученых (улама), шерифов (шурафа), юристов (фукаха), людей известных фамилий (заву–ль–буйут), воинов священной войны (муджахидун) и, наконец, простой народ (амма)[10]. Представители этих социальных групп выполняли роль свидетелей, а кади удостоверял подписи присутствующих. Затем текст бай'а направлялся султану в знак подчинения данной провинции его власти. Такая практика усиливала престиж алимов как знатоков божественного закона и выразителей общественного мнения.

Несомненно, пропагандистские возможности высшего духовенства Марокко значительно уступали их потенциалу идеологов властных структур. Усилия алимов, направленные на духовное воспитание и политическую ориентацию рядовых верующих, нередко сводились на нет значительным различием культуры и стиля жизни высшего духовенства и народных масс. Культивируемая «большая традиция» элитарной «ортодоксии» – философа, теолога, литератора, – противостояла самовоспроизводящейся «малой традиции» народной культуры во всех областях общественной жизни – от материального достатка до особенностей языка и

религии. Хотя марокканским алимам, как и их османским коллегам, удалось сблизить две традиции путем вступления в более «эрудированные» суфийские ордены и расширения влияния этих орденов в среде господствующего класса[11], разделение двух культур сохранялось и препятствовало просветительской и пропагандистской миссии высшего духовенства.

Тем не менее алимы все же могли оказывать некоторое влияние на общественную жизнь городов, в известной степени ориентировать социальное поведение правоверных и их умонастроения. Главным каналом связи духовных авторитетов и масс народа еще со средних веков была культовая деятельность. Обычные и пятничные молитвы, во время которых читалась проповедь (хутба), собирали большую аудиторию, психологически настроенную на восприятие морально–этических и политических установок. В исследованиях отечественных и зарубежных магрибистов наибольшее внимание при рассмотрении общественной роли духовенства уделяется значению соборной (пятничной) мечети – этой, по выражению Фреджа Стамбули и Абд ал–Кадира Згаля, «ратуши» и «форума» магрибинских горожан[12]. Именно соборная мечеть города расценивается как средоточие общественной жизни, место идеологической и политической (а в кризисных ситуациях – и военной) мобилизации населения. В то же время, как представляется, не следует недооценивать идеологическое значение квартальных пятничных мечетей. По наблюдениям американского антрополога Д.Эйкелмана, сообщество местной мечети (mosque community) и в городе, и в деревне обычно насчитывало не более 200–600 человек, что, по–видимому, является оптимальным размером социальной группы, связанной родственными и соседскими отношениями[13]. Уступая соборной городской мечети в территории «прихода», квартальные мечети собирали более сплоченную и управляемую аудиторию, чему способствовала незначительная численность жителей и известная обособленность кварталов. Пятничные мечети были широко распространены в крупных городах Марокко. К примеру, в Фесе начала XIX в. из 19 традиционно выделяемых кварталов 17 имели квартальные пятничные мечети[14]. Духовные авторитеты по мере возможностей использовали сообщества квартальных мечетей для пропаганды своих взглядов или укрепления своего влияния. Многие из них исполняли роль имама или проповедника мечети своего квартала, имели тесные личные связи с его жителями и пользовались почетом и уважением. Часто они входили в число «первых лиц» (куббар) квартала и к их авторитету прибегали в затруднительных ситуациях.

Исследование источников по истории Марокко XVIII – XIX вв. показывает, что местные алимы были достаточно широко представлены в административной системе государства. Из 8 министров (вазиров) и 28 секретарей (катибов), выполнявших свои обязанности в султанском правительстве (махзене) при Сиди Мухаммаде, Мулай Язиде и Мулай Слимане, 9, или 25%, изначально были алимами или же получили этот статус в результате успешной карьеры и дополнительного обучения[15]. Султаны Марокко неизменно поддерживали средневековую традицию консультаций с

алимами, особенно в тех сферах, где их публичное одобрение могло быть использовано в пропагандистских целях. Ученые присутствовали на заседаниях махзена и султанского ученого совета (ал–маджлис ал–илми) принимали участие в обсуждении текущих политических проблем, писали рекомендации, давали советы государственным мужам в частном порядке. Не ограничиваясь функциями советников, духовные лица стремились к совмещению своих религиозных обязанностей с работой в госаппарате. Традиционно махзен комплектовался из числа членов привилегированных племен гиш, однако узкий клановый дух мышления, стремление к интригам и крайняя некомпетентность этих чиновников делала их непригодными к исполнению многих видов государственной службы. В связи с этим на посты в финансовом, внешнеполитическом и некоторых других ведомствах нередко назначались выпускники ал–Карауин. Со временем они попадали в ряды административной элиты, приобретая статус алима. Как показали изыскания Э.Берка, уже в середине XIX в. многие алимы из провинции возводились в ранг кади своего города благодаря службе в правительственной администрации[16]. Наиболее доступным для алимов был пост секретаря (катиба). Обязанности катиба вполне соответствовали наклонностям и устремлениям богословов–интеллектуалов: они не были строго определены и в основном включали в себя наблюдение за текущими делами в городах и регионах, контроль исполнения султанских указов, ведение переписки правительства с властями на местах. Как писал марокканский летописец XIX в. Мухаммад Акенсус, работавший в 1814–1822 гг. в махзене Мулай Слимана, начинающий катиб должен был иметь юридическое образование и некоторую практику в применении шариата[17].

Посты в центральной администрации были не единственной сферой применения сил интеллектуалов на службе махзену. Представители духовенства могли занимать такие должности, как контролер налоговой службы, управитель вакфов (хабусов), чиновник таможен, казначей, инспектор рынков. Более того, ученые нередко меняли сферу деятельности, что позволяет говорить о разнообразии их карьер. Убедительными примерами «профессиональной мобильности» духовенства могут служить биографии авторов основных источников по истории Марокко XVIII – XIX вв.: Абу–ль–Касима бен Ахмада аз–Зайани (1734–1833) – катиб, наместник крупной области, вазир, дипломат, инспектор таможен; Мухаммада Акенсуса ал–Марракуши (1796–1877) – катиб, вазир, дипломат; Ахмада бен Халеда ан–Насири (ум. 1897) – агент таможни, инспектор налоговой службы. Ряд должностей духовные лица исполняли и в султанской армии. Каждая часть гиш в конце XVIII в. наряду с командиром (каидом) имела в командном составе алима, ответственного за поддержание веры и борьбу с «ересями» в армейских рядах[18].

Политический статус марокканских алимов и уровень их причастности к властным структурам наиболее рельефно выявляется при сравнении их карьер с принципами государственной службы духовенства в османской метрополии XVIII –XIX вв. Присущая османской политической струк-

туре система «царства и веры» (дин–и девлет) основывалась на восприятии султана как «тени Бога на земле»[19], тем самым преодолевая традиционную для исламского мира дихотомию «людей пера» и «людей меча». В силу этого религиозная карьера в османских провинциях и особенно в метрополии постепенно утрачивала свой самостоятельный характер, а многие этапы карьерного продвижения алима – от рекрутирования и обучения до назначения и отставки с различных постов, – переходили под контроль Порты. На протяжении XVI – XVII вв. инкорпорирование османских алимов в госаппарат заметно расширилось и даже регламентировалось специальными нормами, а неформальные звания (шейх–уль–ислам, муфтий и др.) уже расценивались как должности, ранги и почетные титулы, присваиваемые и оплачиваемые государством[20]. Несмотря на отдельные успешные попытки османских алимов занять самостоятельную позицию в отношениях с Портой, даже их превращение в сословную группировку, произошедшее в XVIII столетии, не избавило их от участи «чиновников от ислама».

В Марокко алимы пользовались значительно большей степенью автономии, что позволяло им более свободно выражать свои политические предпочтения и оказывать воздействие на ход принятия решений в махзене. По традиции, только высшие духовные должности (кади Феса и Марракеша, муфтий) замещались по указу (дахиру) султана. Остальные назначения на духовные и светские посты, особенно в провинции, получали лишь формальное утверждение правительством, а на деле предопределялись своеобразным лоббированием местных духовно–политических элит, которые через сеть неформальных связей при дворе добивались утверждения своих кандидатов[21]. В столь же малой степени султанская администрация контролировала обучение алимов и процесс их рекрутирования, чему способствовала полицентричность местной ученой традиции.

Несмотря на значительно меньшую зависимость от государства, чем в Османской империи, марокканские алимы были далеки от самостоятельного активного курса. На протяжении XVIII – начала XIX в. они играли двойственную и переменчивую роль на местной политической арене. С одной стороны, целый ряд факторов действовал в пользу конформистских настроений в среде мусульманских авторитетов Марокко. Во–первых, алимы не могли не признавать превосходство вооруженных сил правительства над присущей им силой убеждения. В свете этого попытки мобилизовать население на открытое восстание против властей были для них малоперспективны. В то же время махзен был единственной политической силой в Марокко, стремящейся к единству страны и поддержанию порядка. Это не могло не импонировать алимам как охранителям божественного закона. Наконец, важное значение имел субъективный фактор – султаны–Алауиты, правившие в конце XVIII – начале XIX в., неизменно выказывали уважение к учености и ученым. Сиди Мухаммад бен Абдаллах (1757–1790 гг.) и Мулай Слиман (1792–1822 гг.) любили отдыхать от государственных забот в кру-

гу интеллектуалов, посвящая свое время дискуссиям и изучению богословских трудов[22]. Почетной обязанностью высшего духовенства было воспитание и образование молодых членов семей султана и сановников двора. Близость алимов к рычагам власти обычно сочеталась с их лояльностью и одобрением начинаний махзена. Некий тип «системы сдержек и противовесов» (check–and–balance system), представленный Г.Гиббом и Х.Бауэном как образец отношений алимов и политической элиты[23], был совершенно чужд политическим реалиям Марокко.

Вместе с тем существовало немало аспектов внутренней жизни Марокко, способных привести высшее духовенство к оппозиции махзену и лично султану. Негативное отношение мусульманских авторитетов к мерам и преобразованиям, проводимым правительством, обычно диктовалось им или опасениями за свои привилегии и материальное благополучие, или настороженным отношением к любым новшествам в их излюбленной «вотчине» – идеологии и образовании. Материальные интересы марокканских алимов, как правило, совпадали с устремлениями торгово–ремесленной верхушки городов, поскольку духовные лица сами занимались торговлей и обладали немалым имуществом. Попытки махзена ввести новые налоги, не предусмотренные шариатом, учредить государственную монополию на некоторые виды товаров или санкционировать прямые конфискации – все эти меры ставили высшее духовенство перед трудным выбором. Как представители власти султана в юридической и религиозной сферах алимы должны были выражать лояльность властям, но религиозный долг и личные интересы вынуждали их противостоять махзену. Примером трений между алимским корпусом и султаном может служить попытка Сиди Мухаммада бен Абдаллаха ввести в Фесе в 1788–1789 гг. некоранические налоги (мукус) на продажу сливочного и растительного масла. Фесские торговцы крайне болезненно восприняли эту меру и начали открытый саботаж султанских распоряжений. Упреки султана по этому по-воду в адрес городских властей и алимов поначалу не достигли цели и да-же вызвали поток замечаний и протестов с их стороны. «Руководители и законоведы Феса, – отмечал в своих реляциях консул Франции в Марокко Л. де Шенье, – твердо ответили султану, что новые налоги, которые мусульмане считают противоречащими их обычаям и религии, одни уже могут извинить перед столь справедливым и набожным сувереном шепот и общее недовольство»[24]. В дальнейшем, однако, султан убедил алимский корпус Феса издать фетву, подкрепляющую его распоряжения. При этом он мотивировал необходимость налогов затратами на военные нужды и защиту дела ислама от нападок «неверных».

Пример другого рода представляло собой внедрение в Шерифской империи ваххабитского учения в начале XIX в., при султане Мулай Слимане. В этом случае взаимоотношения алимов и политической элиты подверглись еще более серьезному испытанию. Идеологические инициативы венценосного реформатора поставили лидеров «официального» ислама перед перспективой глубоких перемен в тех сферах, которые они по праву

считали заповедными для власти – образовании, судопроизводстве, морально–нравственном климате. Стремление ранних ваххабитов к унификации исламского духовного комплекса на всем пространстве арабской ойкумены и их подчеркнутая враждебность к «местной специфике» в исламе не вызывали симпатии у духовных авторитетов Шерифской империи, так как все они были воспитаны в рамках богатейшей испано–магрибинской культурной традиции. В то же время лозунги ваххабитов об «очищении» ислама путем отказа от народных культов пророка Мухаммада, поклонения местным святым, мистической практики суфиев и т.д. также не поддерживались марокканским духовенством, поскольку многие его представители принадлежали к привилегированной группе потомков Пророка (шерифов), происходили из почитаемых населением кланов местных святых (мурабитов) и нередко занимали видные позиции в суфийской среде[25]. Наконец, крайний фанатизм ваххабитов в вопросах веры и свойственные им экстремистские методы политической борьбы отпугивали благоразумных и умеренных хранителей божественного закона.

Ориентация на традиционный маликитский идеал и стремление к защите, по словам Ж.Аяша, «национального духа независимости»[26], вызывали у высшего духовенства Марокко подчеркнутый скепсис в отношении привносимых из Машрика заветов Ибн Абд ал–Ваххаба. Кроме того, ваххабитские реформы Мулай Слимана были нацелены на подчинение духовных лиц твердому государственному контролю и предусматривали меры, сокращающие их привилегии. Например, попытка султана ограничить право мечетей и суфийских обителей (завий) предоставлять убежище преступникам, вызвала крайне отрицательное отношение не только суфиев, но и ученых[27]. Сходную реакцию спровоцировал запрет, наложенный султанским дахиром 1815 г. на поклонение святым и проведение религиозных празднеств–ярмарок (маусимов): многие алимы пользовались репутацией святых и извлекали из маусимов немалый доход.

Политическая позиция алимского корпуса, как и в случае с налогами мукус за двадцать шесть лет до этого, во многом предопределялась конъюнктурными обстоятельствами и принципами корпоративной этики. Ряд видных марокканских интеллектуалов во главе с фесским алимом Хамдуном ибн ал–Хаджжем (1760–1817) поддержали султана и составили по его просьбе официальный ответ правителю Аравии Ибн Сауду, где выразили свое согласие с ваххабитскими призывами. В то же время большинство алимов посчитали невозможным отказаться от привычных представлений и идейных привязанностей, что побудило их к резкой критике ваххабизма. Даже среди алимов, приближенных ко двору и заседавших в султанском ученом совете (ал–маджлис ал–илми), явственно проявилось осуждение безоглядного следования властей учению Ибн Абд ал–Ваххаба. К примеру, виднейший богослов Марокко XVIII в. Мухаммад ат–Тауди ибн Суда (1700–1795), удостоенный за свои заслуги почетного титула «шейх ал–джамаа», еще в бытность свою муфтием Марокко отказал молодому Мулай Слиману в поддержке его начинаний[28]. Ученики Ибн Су-

ды во главе с известным фесским алимом Мухаммадом ат–Тайибом ибн Кираном (1758–1812) расценивали насильственное внедрение ваххабитских принципов как посягательство на чистоту канонического вероучения. Свое негодование алимы выражали по преимуществу в ученых трудах. Наиболее популярной формой таких работ были «Ответы Ибн Сауду», комментирующие или пародирующие официальный ответ двора на послание аравийского эмира. Образцом жанра «Ответов» по праву может считаться памфлет Ибн Кирана, где этот преданный слуга престола, прославившийся своими верноподданническими трактатами, на этот раз не стеснялся в выражениях и доказывал султану всю пагубность ваххабитских «излишеств в строгости»[29].

Подводя итоги, следует отметить явное предпочтение, которое марокканские алимы XVIII – XIX вв. оказывали консервативным взглядам на духовное развитие общества. Настороженное отношение к новшествам неизменно переплеталось в идеологических установках высшего духовенства с необходимостью, с одной стороны, соблюдать политическую лояльность алауитскому трону, а с другой – выражать интересы алимского корпуса и связанной с ним торгово–ремесленной верхушки. Закономерным следствием этого положения дел была неясность и двойственность позиции высшего духовенства в отношении властных структур, ярко проявлявшаяся в эпоху реформ. В частности, бескомпромиссный ригоризм ваххабитских реформ Мулай Слимана расколол алимский корпус и привел большинство духовных авторитетов Марокко к отрицанию самой возможности «традиционалистского обновления». В данном случае марокканское духовенство вполне осознанно взяло на себя роль политической оппозиции и выступило в роли защитника магрибинской культурной самобытности, духовных чаяний и потребностей большинства населения Арабского Запада.

[1] Шерифская империя – распространенное в Европе вплоть до середины XX в. название марокканского государства.

[2] Понятия «духовенство», «официальный ислам» в применении к исламу употребляются условно, как собирательное обозначение носителей нормативной религиозной традиции, в противовес служителям т.н. «народного ислама».

[3] Авторитет алимов в Марокко, как и повсеместно в исламском мире, был сравнительно высок в городах, но совершенно не ощущался в сельской местности. О причинах этого феномена в Марокко см. *Орлов В.В.* Контур сословия: мусульманское духовенство Марокко в конце XVIII – начале XIX в. – Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1995, № 4, с. 19.

[4] Роль алимов как охранителей традиции отчетливо проявилась в организованной ими травле видного суфийского наставника XIX в. Ахмада бен Идриса в бытность его студентом и преподавателем крупнейшего в Марокко фесского университета ал–Карауин (80–е – 90–е годы XVIII в.). Попытки Бен Идриса устроить диспуты на актуальные для его времени темы, в т.ч. об отношениях суфизма и исламской науки, со своими коллегами закончились изгнанием его из универси-

тета. Неприязнь алимов к талантливому вольнодумцу была столь велика, что Ибн Идрису пришлось отправиться в 1798 г. в паломничество и больше не возвращаться в Марокко. – *O'Fahey R.S., Karrar A.S.* The Enigmatic Imam: the Influence of Ahmad Ibn Idris. – International Journal of Middle East Studies. 1987, vol. l9, №2, с. 206.

[5] Маликитский мазхаб безраздельно господствовал в марокканском судопроизводстве с середины XI в., в отличие от Алжира и Туниса, куда вместе с османскими порядками в XVI в. проник и «официальный» для Османской империи ханифитский мазхаб. Впрочем, в Алжире и Тунисе маликизм также преобладал над ханифизмом на протяжении XVI – XIX вв.

[6] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991, с. 152; *Repp R.C.* The Altered Nature and Role of the Ulema. – Studies in Eighteenth Century Islamic History. Ed. by Th. Naff, R. 0wen. Amsterdam – L., 1977, с. 286–287.

[7] *Ацамба Ф.М.* Высшее мусульманское духовенство Египта в конце XVIII – начале XIX в. (Социальные функции. Экономические позиции). – Вестник Московского университета, Сер. 13. Востоковедение. 1992, № 4, с. 41–42; *Ацамба Ф.М.* Высшее мусульманское духовенство в политической жизни османского Египта (XVIII – начало XIX века). – Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1993, № 4, с. 35–36.

[8] *Martin A.G.P.* Quatre siècles d'histoire marocaine. Au Sahara de 1504 à 1902. Au Maroc de 1894 à 1912. D'après archives et documentations indigènes. P., 1923, с. 456–458.

[9] Барака – благодетельная сила божественного происхождения, присущая мусульманским «святым» (мурабитам), потомкам Пророка (шерифам), видным суфийским наставникам (шейхам) и др.

[10] Использовались тексты присяги султанам Сиди Мухаммаду (1757–1790 гг.), Мулай Язиду (1790–1792 гг.) и Мулай Слиману (1792–1822 гг.), составленные в Фесе, Сале и Рабате и приведенные марокканским летописцем XIX в. Ахмадом ан–Насири *(Ан–Насири, Абу–ль–Аббас Ахмад бен Халид.* Китаб ал–истикса ли ахбар дувваль ал–Магриб ал–акса (Книга изучения сведений о династиях Марокко). Т. 8–9. Касабланка, 1954–1956). Бай‘а в основном составлялись в городах. Степень участия сельских общин в практике бай‘а остается пока невыясненной.

[11] *Мейер М.С.* Роль ислама в социально–политической жизни Турции. – Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1986, № 4, с. 35; *Zilfi M.C.* Elite Circulation in Ottoman Empire. Great Mollas of the Eighteenth Century. – Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden, 1983, vol. 26, pt. 3, с. 351.

[12] *Stambouli F., Zghal A.* La vie urbaine au Maghreb précolonial. – Annuaire de l'Afrique du Nord. P., 1973, vol. 11, с. 206.

[13] *Eickelman D.F.* Is There an Islamic City? The Making of a Quarter in a Moroccan Town. – International Journal of Middle East Studies. L.–N.Y., 1974, vol. 5, № 3, с. 287.

[14] *Delphin G.* Fas, son université et l'enseignement supérieur musulman. – Bulletin de la société de géographie et d'archéologie d'Oran. Oran, 1889, vol. 8, с. 66; *Berque J.* Maghreb: histoire et sociétés. Alger, 1974, с. 128.

[15] Подсчитано по базовым источникам новой истории Марокко: *Акенсус ал–Марракуши, Абу Абдаллах Мухаммад бен Ахмад.* Ал–джейш ал–арамрам ал–хумаси фи даулат аулад маулана Али ас–Сиджильмаси (Несметное пятичастное войско в государстве наследников нашего повелителя Али из Сиджильмасы). Т. 1–2. Фес, 1918; *Бен Зейдан, Мулай Абд ар–Рахман.* Ал–изз ва–с–саула фи ма'алим нузум ад–даула (Сила и могущество в характере системы государства). Т. 1–2. Рабат, 1961–1962; *Ezziani, Aboulqasem ben Ahmed.* Le Maroc de 1631 à 1812. Extrait de 1'ouvrage intitulé «Ettordjeman Elmo `arib an douel elmachriq ou `lmaghrib». Trad. par O.Houdas. P., 1886; *Ан–Насири.* Китаб ал–истикса, Т.8–9. Также был использован именной указатель биобиблиографической работы Э.Леви–Провансаля «Историки шерифов» – *Levi–Provengal E.* Les historiens des Chorfa: essai sur la litterature historique et biographique au Maroc du XVIe au XIXe siècle. P., 1922, с. 403–405.

[16] *Burke E.* The Moroccan Ulama, 1860–1912: an Introduction. – Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500. Ed. by N.R.Keddie. Los Angeles–Berkeley–L., 1972, с. 114.

[17] *Акенсус.* Ал–джейш ал–арамрам, т. 2, с. 183.

[18] *Le Coz J.* Les tribus guichs au Maroc. – Revue de géographic du Maroc. Rabat, 1965, № 7, с. 5. Гиш (диал. от араб. джейш – армия) – племенное ополчение, освобожденное от уплаты налогов и несущее воинскую службу.

[19] *Мейер М.С.* Роль ислама, с. 34.

[20] *Смилянская ИМ.* Османское провинциальное управление и общественные институты в Сирии XVIII в. – Государственная власть и общественно–политические структуры в арабских странах: история и современность. М., 1984, с. 79. Своеобразные «табели о рангах», устанавливающие соотношение духовных и военно–административных постов, появляются еще в канун–намэ Мехмеда II (конец XV в.). Например, мударрис высшего ранга или кади с доходом 300 акче в день имел право на должность дефтердара, а кади с доходом 500 акче в день – бейлербея. – *Repp R.C.* Some Observations on the Development of the Ottoman Learned Hierarchy. – Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500. Ed. by N.R.Keddie. Los Angeles – Berkeley – L., 1972, с. 23–24.

[21] Примером может служить назначение управляющих (аминов) таможни в портовых городах, когда местный кади составлял для правительства рекомендательный список кандидатур из числа местных алимов; ничто не могло помешать ему включить в этот список близких к нему богословов. Сами провинциальные кади также почти всегда были местными уроженцами. См., например, случай назначения некоего Тахами ал–Филали на должность кади Тетуана в конце XVIII в. *–Дауд М.* Мухтасар та'рих Титуан. Тетуан, 1955, т. 2, с. 266.

[22] Султаны Марокко этой эпохи и сами писали богословские работы. См. *Мулай Мухаммад бен Абдаллах.* Китаб масанид ал–а'имма (Книга о тронах имамов). Лараш, 1941; *Мулай Слиман.* Китаб инайат уля–л–маджд би зикр Аль Фаси

ибн ал–джадд (Книга преславного внимания к роду Аль Фаси, отмеченному величием). Фес, 1928.

[23] *Gibb H.A.R., Bowen H.* Islamic Society and the West. A Study of the Impact of Western Civilization on Muslim Culture in the Middle East. L.– N.Y., 1957, т. 1, ч. 2, с. 84.

[24] *Chénier L., de.* Recherches historiques sur les Maures et histoire de 1'Empire de Maroc. P., 1787, т. 3, с. 487.

[25] Из 158 алимов, биографии которых были изучены по источникам (см. примечание 15), 39 (или 25 %) были членами того или иного суфийского братства, а 42 (26 %) принадлежали к сословию шерифов.

[26] *Ayache G.* Etudes d'histoire marocaine. Rabat, 1983, с. 179.

[27] *Burke E.* The Moroccan Ulama, с. 108.

[28] *Berque J.* L'intérieur du Maghreb, XVe–XIXe siècle. P., 1978, с. 271.

[29] *Lakhdar M.* La vie littéraire au Maroc sous la dynastie Alaouite, 1075–1311/1664–1894. Rabat, 1971, с. 281–282.

Э.В.Павлуцкая

СТАНОВЛЕНИЕ МАРОККАНСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Вопрос о модернизации монархического режима в Марокко возник в период угрозы колонизации страны европейскими державами. Проект первой конституции, рассмотренный 11 октября 1908 г., предполагал создание Консультативного совета, состоящего из двух органов – Совета нации и Совета нотаблей [1, с. 77–78].

Однако установление в 1912 г. французского протектората над Марокко способствовало консервации существовавшего монархического строя, сведя в то же время до минимума реальную власть султана. Кроме политических соображений, подобие государственной власти позволило колониальной администрации переложить управленческие расходы на местное население.

За время существования протектората произошли существенные изменения в экономике, в социально–политической структуре, оказавшие значительное влияние на политико–административную систему страны. В частности, в процессе освободительной борьбы национальные партии заняли прочное место в политической жизни. Сформировалась довольно развитая партийная структура, послужившая в дальнейшем базой развития парламентаризма.

Стремление к модернизации монархии возникло у султана Мухаммеда бен Юсуфа по мере вовлечения в общественно–политическую жизнь в период протектората. Еще в тронной речи 1952 г. он обещал стране конституцию. В 50–е годы был образован Правительственный совет – представительный орган с совещательными и рекомендательными функциями. Входившие в него партийные фракции нередко выступали с резкой критикой действий французских властей.

Участие в освободительном движении помогло султану удержать власть в переходный период от протектората к независимости. Феодально–аристократические круги во главе с монархом смогли возглавить процесс укрепления независимости, оттеснив на второй план национальную буржуазию, усилившуюся в ходе борьбы за независимость.

Требования демократических преобразований постоянно выдвигали политические партии, организации и отдельные авторитетные деятели. В этих условиях монарх понимал, что союз с самой влиятельной национальной партией Истикляль сулит ему большую политическую выгоду, чем разрыв с ней, благодаря ее влиянию на массы. Поэтому нормы современ-

ной политической жизни он использовал для консолидации своего режима.

Уже в 1956 г., когда страна получила независимость, был образован Консультативный совет. После отбора 76 его членов, принадлежавших к духовным лицам и политически влиятельной аристократии, был сформирован этот орган сословного представительства. Совет имел совещательные функции, но монарх всячески подчеркивал его самостоятельность. Созданный как прообраз будущего парламента, он просуществовал до 1959 г. В 1957 г. султан Мухаммед бен Юсуф принял титул короля Мухаммеда V, а своего старшего сына Муляя Хасана провозгласил наследным принцем, закрепив впоследствии порядок престолонаследия в конституции, принятой в 1962 г.

Мухаммедом V была заложена «политика поэтапной демократизации» общества, в основе которой было постепенное проведение демократических преобразований, подготавливающих население к конституционному правлению при одновременном укреплении монархического строя. Модернизация традиционной политико–административной системы вызвала сопротивление племенных и феодальных властей. Так, в 1957 г. при помощи французской армии поднял мятеж губернатор Тафилальта Ади у Бихи, который был быстро подавлен.

Следующим этапом к созданию представительного строя стали коммунальные и муниципальные выборы в 1960 г. Подготовка к выборам в местные органы власти началась в 1959 г. Страна была разделена на сельские и городские общины, в которых создавались соответственно общинные и муниципальные советы. Выборы 1960 г. стали большим пропагандистским выигрышем короля. Однако влияние советов было незначительно. Их деятельность регламентировалась Министерством внутренних дел. Паши и каиды по–прежнему сохраняли ведущие позиции на местах.

В 1962 г. уже при короле Хасане II была принята первая конституция, одобренная всенародным референдумом*. Она устанавливала режим конституционной монархии с сильной королевской властью. В соответствии с конституцией, в 1963 г. прошли первые в истории страны выборы в парламент, состоящий из двух палат – Палаты советников и Палаты представителей. Палата советников назначалась местными органами самоуправления и профессиональными палатами. Нижняя палата была сформирована путем прямых выборов. Она была представлена преимущественно социо–профессиональным сектором и имела ограниченную власть. В целом, депутаты парламента от сельского населения составляли 45,5% [2, с. 98].

Еще в марте 1963 г. в преддверии парламентских выборов ближайшим помощником короля А.Р. Гедирой был создан Фронт защиты консти-

* Референдум бойкотировали Национальный союз народных сил, отколовшийся от Истикляль и примыкавший к нему самый крупный профцентр Марокканский союз труда.

туционных свобод (ФЗКИ), объединивший вокруг трона независимых либералов, лидеров партии «Народное движение» (НД), представлявших в основном сельские районы страны, и несколько беспартийных чиновников. Его целями были деполитизация выборов и «учреждение абсолютной власти». Однако вопреки ожиданиям, первые в стране парламентские выборы не принесли твердого большинства феодально–монархическим силам: из 144 мест ФЗКИ получил только 68. Партия Истикляль завоевала 44 мандата, Национальный союз народных сил (НСНС) – 28, а группировка «независимых» – только 6 мандатов [3,23.10.1984]. Итоги выборов показали непопулярность правительства, так как семь министров, выставивших свои кандидатуры, потерпели поражение. В 1964 г. ФЗКИ распался.

Поражение на выборах явилось сигналом к наступлению на левые силы. Были арестованы депутаты от Истикляль, которая в 1963 г. перешла в оппозицию, и от оппозиционного НСНС. Тысячи сторонников НСНС были брошены в тюрьмы. В июле 1963 г. даже было объявлено о раскрытии заговора против Хасана II, что повлекло за собой новые репрессии против оппозиции.

В обстановке разгрома оппозиционных сил 28 июля 1963 г. проводились муниципальные выборы. Их бойкотировали Истикляль, НСНС, Марокканская компартия и профсоюзы. Официально было объявлено, что в голосовании участвовало 70% избирателей, а по сведениям оппозиции – менее 30% [4, с. 392.

Однако левая оппозиция играла активную роль внутри парламента. Она продолжала борьбу за демократизацию, используя и парламентскую трибуну. В первом парламенте были представлены многие лидеры национально–освободительного движения, поскольку политические партии предпочитали известных кандидатов и нотаблей, имеющих семейное или персональное влияние, а не молодые кадры (пусть даже и с высшим образованием).

После мартовских событий 1965 г., переросших в столкновения с. полицией в крупных городах страны, в июне этого года Хасан II ввел в стране чрезвычайное положение. Парламент был распущен, король объявил о намерении пересмотреть некоторые статьи конституции для «обеспечения нормальной деятельности парламента». Практически произошел возврат к абсолютной монархии.

Чрезвычайное положение в стране было отменено только в июне 1970 г. Чтобы не оказаться в изоляции и взять под контроль партийно–политические структуры, Хасан II провозгласит возвращение к парламентской системе правления. В июле 1Э70 г. был проведен референдум по новой конституции, казалось бы сохранившей все основные положения предыдущей. Однако существенные изменения претерпело раздел о власти. По старой конституции регламентарная власть была разделена между королем и премьер–министром, теперь же лишь в отдельных случаях король мог по своему усмотрению передавать ее премьер–министру.

Значение парламентской деятельности сводилось на нет ст. 37 конституции, которая разрешала подвергать судебному преследованию членов парламента в том случае, если высказанные ими мнения ставят под угрозу монархический строй, мусульманскую религию или подрывают авторитет короля. В случае роспуска парламента король осуществляет (в течение периода до провозглашения новых выборов) не только власть признанную за ним конституцией, но и впасть, принадлежащую законодательному органу.

Введение новой конституции», являвшейся шагом назад по сравнению с предыдущей, было неодобрительно встречено оппозицией. Истикляль, НСНС и профсоюзы выступили против введения новой конституции. Во время референдума 1 марта по конституции 1970 г. «картель нет»(как окрестили левую оппозицию) проголосовал против нее.

Оппозиционные силы считали, что нельзя сводить кризис к простой проблеме пересмотра конституции. В заявлении, опубликованном в марте 1972 г. указывалось, что правительство должно отказаться от антидемократических методов управления и антинародной политики, дать народу возможность сознательно принимать участие во всех делах государства и в контроле за правящими органами, разработать законодательство, лишающее привилегий феодалов и неоколониализм, прекратить преследования и т.п.

Решительное возражение оппозиции вызвало устранение от участия в референдуме более 2 млн. молодых марокканцев в возрасте от 21 года до 28 лет в соответствии с избирательным цензом. Вместе с тем конституция 1970 г., как и предыдущая, утверждала, что «избирателями являются все граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими и политическими правами (ст. 8) [5, с. 125].

В сложной политической обстановке оппозиционные партии решили объединить свои усилия. Истикляль и НСНС с примыкающими к ним профцентрами в июне 1970 г. образовали Национальный фронт, выступивший за осуществление в стране демократических преобразований.

В соответствии с конституцией 1970 г. однопалатный парламент стал называться Палатой представителей. Существовавшая двухпалатная система вызывала широкое недовольство левой оппозиции, поскольку сильно ограничивала законодательную власть, Однако по новой конституции Палата представителей была еще более ограничена в своих действиях по сравнению с прежним парламентом. Так, по статье 39 она могла быть созвана на чрезвычайную сессию только абсолютным большинством голосов или декретом, в то время как по старой конституции достаточно было требования одной трети голосов. В качестве «тайного комитета» Палата представителей могла заседать либо по требованию премьер–министра, либо по требованию трети его членов (ст. 41), в то время как раньше достаточно было требования одной десятой части членов (ст. 42) [6, с. 126].

Палата представителей была лишена права выступать с предложением пересмотра конституции. Теперь эта инициатива принадлежала

только королю (ст. 97). Значение этой палаты как трибуны для легальной деятельности сводилось на нет и ст. 37, где говорилось, что «ни один член Палаты представителей не может подвергаться преследованию, аресту или суду за высказанные мнения или голосование при осуществлении им своих обязанностей». Однако было внесено существенное дополнение: «за исключением случаев, когда высказанные мнения ставят под угрозу монархический режим, мусульманскую религию или наносят вред уважению, положенному королю». Под такую оговорку можно было подвести любое оппозиционное выступление, что делало Палату представителей послушным орудием королевской власти. По оценке Марокканской компартии, «провозглашенная теперь, через пять лет, новая конституция имеет одну цель: увековечить старые порядки. Она предусматривает создание парламента без справедливого представительства в нем национальных партий, не дает депутатам никаких прав на законодательство или контроль, провозглашает создание институтов, фактически закрепляющих абсолютизм» [7, с. 126].

В августе 1970 г. были проведены два тура выборов в новый парламент*. В первом туре путем двухстепенных выборов представителями местных органов власти из муниципальных, коммунальных и префекторальных советов было избрано 150 депутатов от сельскохозяйственных, промышленных и кустарно–ремесленных палат и профсоюзов. Во втором туре путем всеобщего и прямого голосования по мажоритарной системе было избрано 90 депутатов. Парламент был избран на 6 лет. Наиболее низкий процент голосовавших оказался в крупных городах – Фесе, Мекнесе, Танжере и Рабате, так как оппозиция бойкотировала выборы.

Мажоритарная система с выдвижением одного кандидата на каждое место способствовала избранию представителей местной знати. Таким образом, в парламент пришли новые люди. За время чрезвычайного положения власти начали практиковать привлечение в политику кадров из высшей администрации и чиновничества. Поэтому в новом парламенте наметилось новое соотношение сил за счет оттеснения элиты из национально–освободительного движения.

Вместе с тем политическая обстановка вновь обострилась, будучи тесно связана с социальным и. экономическим кризисом в стране. После неудавшегося покушения военных на жизнь короля в июле 1971 г., он пообещал значительные перемены, в том числе и принятие более либеральной конституции. Эта конституция была одобрена референдумом в 1972 г. В нее был включен ряд демократических положений, регулирующих порядок формирования и деятельности парламента. Были расширены прерогативы Палаты представителей, получившей право контроля над

* Муниципальные выборы состоялись 24 октября 1969 г.: из 358 мест «независимые получили 298, НД – 44, Истикляль – 16. Оппозиционные партии бойкотировали выборы.

деятельностью правительства и право определять общее направление внутренней и внешней политики государства.

Изменения, внесенные в конституцию, опять же касались прерогатив королевской власти. До новой конституции король был наделен правом обращения к Палате представителей с посланиями, содержание которых не могло служить предметом обсуждения (ст. 28). Он мог также потребовать от парламента повторного обсуждения законопроектов и предложений. Право изменения конституции предоставлялось королю и парламенту (по конституции 1970 г. – только королю). Монарх мог ставить вопрос об изменении конституции непосредственно на референдуме, а предложение об изменении конституции, исходящее от парламента, должно было быть одобрено двумя третями членов палаты, а затем вынесено на референдум. Была демократизирована система выборов: по конституции 1972 г. две трети депутатов должны избираться путем прямых выборов, а одна треть – двухстепенных. Члены парламента теперь избирались сроком на 4. года, а не на 6, как раньше. В соответствии с новой конституцией, старый парламент считался распущенным.

По конституции 1972 г. право голоса по–прежнему имели граждане, достигшие 21 года, что лишало миллионы молодых марокканцев принимать участие в выборах, поскольку население Марокко по своему демографическому составу очень молодо. Левые силы последовательно вели борьбу за снижение возрастного ценза при голосовании.

Выборы в новую Палату представителей должны были состояться в конце 1972 – начале 1973 г., но в речи, произнесенной по случаю Праздника труда 1 мая 1972 г. король заявил, что он принял решение пересмотреть избирательные списки, с тем чтобы включить в число избирателей те 2 млн. молодых марокканцев в возрасте от 21 до 28 лет, которые были отстранены от голосования на референдуме. Пересмотр списков потребует отсрочки предстоящих парламентских выборов, что не противоречит якобы новой конституции, так как в ней формально не указано, что выборы должны состояться в год принятия конституции. До избрания новой Палаты представителей, в соответствии со ст. 102, конституции 1972 г., вся полнота власти по–прежнему будет осуществляться королем.

В апреле 1972 г. было сформировано временное правительство во главе с К.Ламрани, главой прежнего правительства. Король Хасан II высказал надежду, что новое правительство будет правительством примирения между всеми политическими тенденциями. Оппозиционный блок отказался от участия в этом правительстве, так как оно должно продолжать старый политический курс.

Политическая ситуация в стране оставалась сложной. Оппозиция не желала идти на сотрудничество с двором. В августе 1972 г. состоялось второе неудавшееся покушение военных на короля. Правительство встало на путь репрессий против оппозиционных сил, что значительно ослабило их, внесло раскол в их ряды, повлияло на дальнейшее размежевание левых. В 1972 г. распался Национальный фронт.

Однако в 70–е годы происходило размежевание политических сил не только левой, но и правой ориентации*. Создание все новых проправительственных группировок свидетельствовало о стремлении короля упрочить правящий режим в условиях обострения социально–экономических и политических проблем с помощью укрепившейся крупной бюрократической буржуазии.

Многопартийность открыла большие возможности для активного вмешательства монарха в политическую жизнь, регулирования отношений между партиями. Оказавшись в политической изоляции, в середине 70–х годов Хасан объявил о демократизации общественной жизни. Основой восстановления национального консенсуса стала проблема Западной Сахары, ранее принадлежавшей Испании и на которую претендовало Марокко. «Восстановление исторических границ Марокко» нашло поддержку у всех политических сил. Национальное согласие по фундаментальной для Марокко проблеме привело к тому, что в новом парламенте 1977 г. бюджет королевских вооруженных сил был одобрен единогласно.

Оппозиционные партии пошли на сотрудничество с правительством. Правительство узаконило деятельность вновь созданных образований, таких как Партия прогресса и социализма (ППС), преемницы компартии. Социалистического союза народных сил (ССНС), отколовшегося от НСНС. Но интеграция их в политическую жизнь была очень трудной. Каждая из них под собственным знаменем добивалась голосов избирателей.

Во время выборов в парламент в июне 1977 г. избиратели проявили бóльшую активность, что определило и бóльший процент голосов, поданных за оппозиционные силы по сравнению с прошлыми выборами. Депутатские мандаты распределились следующим образом: «независимые» — 141, Истикляль – 51, Народное движение (НД) – 44, ССНС –15, профцентр "Марокканский союз труда" (МСТ) – 7, Конституционно–демократическое народное движение – 3, Партия действия – 2, ППС – 1. Впервые в парламент был избран депутат от коммунистов, генеральный секретарь ППС А.Ята. Потерявшая свое влияние НСНС в выборах не участвовала. «Независимые либералы», т. е. группировка представителей проправительственных кругов буржуазии, феодалов, чиновников, в сентябре 1978 г. образовали свою партию – Национальное объединение независимых (НОН) во главе с премьер–министром А.Османом [8, 1977, № 77, с. 14].

Итоги выборов 1977 г. свидетельствовали, что произошла консолидация мелкой городской буржуазии, которая расширила поле своего представительства среди политической элиты. Результатом появления новой элиты стало то, что с этого времени две трети министров рекрутировались из парламентариев. Это относилось скорее к правым и центристским партиям. За счет оппозиции поднялся и интеллектуальный уровень парла-

* Подробнее об этом в статье автора в сб. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". М., 1997, с. 286-301.

ментариев: среди депутатов от ССНС 45% составляли преподаватели, Истикляль– 26,1% [9, с. 96].

Король предпринял шаги для укрепления правовых основ монархического строя. В мае 1980 г. был проведен референдум по пересмотру ст. 21, 43 и 95 статей конституции. Изменения касались снижения срока совершеннолетия короля с 18 до 16 лет (ввиду малолетства наследного принца); расширения состава тронного совета; удлинения срока полномочий членов парламента с четырех до шести лет, а председателя парламента – с года до трех лет; увеличения с четырех до шести лет срока полномочий членов Конституционной палаты Верховного суда. Истикляль и НОН поддержали предложения короля. Оппозиция выступила против.

В соответствии с законом, новые парламентские выборы состоялись в 1984 г. За прошедшее время на политической арене появились новые партии, Если в парламентских выборах 1977 г. участвовало 9 партий, то в 1984 г. – 12. Как правые, так и левые партии возникали преимущественно за счет перегруппировки и дробления существующих партий. Газета «Монд» писала, что эти партии, как и те, что появились. на свет после третьих парламентских выборов 1977 г., зачастую раздирало соперничество между их руководителями, дезорганизованными маневрами короля и соблазненными преимуществами сотрудничества с правительством. Их разъедал оппортунизм, и они предпочитали долгосрочной стратегии выгодную краткосрочную политику [10, 23.10.1984].

Хасан II разрешил создание новых партий, считая, что так их легче держать под контролем. Он объявил, что дебаты открыты для тех, кто входит в систему и принимает установленные им правила игры. Остальные расплачиваются за убеждения арестами и тюрьмами. Привлекая партийных руководителей в государственные институты, он прекрасно сознавал, что они «предстают уже не как исторические вожди, а как государственные чиновники, подобно всем остальным» [11, 23.10.1984]. Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что при недостатке квалифицированных политиков, партии служили «школой кадров».

Правые и левые партии, старые и новые, пользовались примерно одинаковым влиянием. Поэтому в 1983 г. была создана «партия короля» – Конституционный союз (КС) во главе с премьер–министром М.Буабидом. Король вновь продемонстрировал, что может расширить правительственное большинство в зависимости от того, какой характер он хочет придать своим будущим действиям.

Однако контроль над партийной системой сказался на авторитете и партии, и парламента: в ряде крупных городов в парламентских выборах участвовало не более 30% избирателей. В целом же по :стране в них приняли участие почти 67,5% избирателей. Из 204 депутатов 102 были избраны от коллегии коммунальных советов и профессиональных палат, остальные – прямым голосованием. Завоевавшие большинство депутатских мандатов (КС – 83, НОН – 61, НД – 47, Истикляль – 41, ССНС – 21, отколовшаяся от НОН Национально–демократическая партия – 24) полу-

чили право сформировать парламентские фракции. Итоги голосования газета «Таймс» охарактеризовала как «сдвиг вправо», в результате которого доминирующее положение заняли правоцентристские партии, а во внутреннеполитической жизни страны увеличилась идеологическая поляризация. Выборы 1984 г. стали большим поражением давней соперницы режима, партии Истикляль, выставившей наибольшее число кандидатов (197).

Оппозиция в парламенте составляла 137 депутатов (из 306) из трех парламентских групп: НД, Истикляль и ССНС. Из 12 парламентских комиссий в 6–ти председательствовала оппозиция.

Выборы 1984 г. привели к стабилизации парламентской системы. За время существования четырех парламентов депутатский корпус приобрел неоценимый политический опыт, сыграл важную роль в привлечении и формировании интересов. Парламентский институт укоренился не только в политической системе, но и в общественном сознании.

В парламенте 1984 г. 26,1% были преподавателями, 20% – служащими, 16,6% – лицами свободных профессий, 12,7% – коммерсантами, 9,9% – землевладельцами, 6,8% – рабочими и 2,5% – промышленниками. Наибольшее число преподавателей представляло левую оппозицию: ССНС – 50,5% (против 45% в 1977 т.), Истикляль – 28,7% (26,1%) [12, с. 96]. Более 20% составляли чиновники в партиях НОН, КС, НД и Народно–демократическая партия (НДП). Сельские депутаты представляли партии НД (20,3%), НДП (15,1%), НОН (12,1%). Коммерсанты в большинстве своем избирались от НДП (19%), НД (18%), НОН (15%). Лица свободных профессий лучше всего были представлены в КС (25,7%), Истикляль (20,5%), ССНС.(20%), НДП (15,1%), НОН (14,4%) [13, с. 98]. Таким образом социополитическое поле к этому времени стало городским. Политическая культура приобрела черты модернизации, стала менее традиционной.

Однако социально–экономическое положение в стране было по–прежнему непростым. Она переживала экономический кризис. Ухудшились условия жизни населения, прежде всего в сельской местности из–за сильной засухи, непрерывно увеличивалась армия безработных, среди которых прежде всего молодежь. Деградировала система образования, здравоохранения и социального обеспечения. Все это говорило не в пользу проправительственных партий, деятели которых преимущественно входили в правительство.

В 80–90–е годы наблюдался всплеск исламизма в стране. Правительство начало диалог с умеренными исламистами, дав им согласие на создание партии, с тем чтобы включить их в политическую жизнь и одновременно поставить под контроль, как и другие партии. В связи с этим на референдуме 1992 г. в конституцию 1972 г. были внесены поправки, разрешавшие создание партий на религиозной основе[*] (хотя референдум 1992 г. формально одобрял новую конституцию, практически это была

[*] Ранее это рассматривалось как покушение на прерогативы короля.

старая конституция с некоторым количеством поправок). В 1992 г. была оформлена исламистская партия «Аль–Адль ва Таджид» под руководством председателя благотворительной организации "Исламское общество" А. Бенкирнана. Однако разрешения на легальную деятельность она не получила.

Но главное, в ходе пересмотра статей конституции были значительно расширены полномочия парламента и премьер–министра. Депутаты в бóльшей степени имели возможность влиять на формирование кабинета министров и его политику, осуществлять более полный контроль за деятельностью правительства. Согласно измененной статье 24 основного закона, монарх, олицетворяющий высшую власть, по–прежнему назначал и увольнял членов правительства, но уже по предложению премьер–министра.

После принятия новой конституции 16 октября 1992 состоялись выборы в местные городские и сельские органы власти (предыдущие выборы прошли в 1983 г.). Выборам предшествовала широкая избирательная кампания, в ходе которой состоялись 5 тыс. митингов и собраний по всей стране. Хасан II выдвинул идею «регионализации и реальной децентрализации», что должно было привести к усилению роли местных органов власти во всех областях общественной жизни.

План регионализации предусматривал поддержание, а в отдельных случаях и восстановления родоплеменных связей, важных для стабильности трона. В рамках этого плана осуществлялся процесс образования и укрепления различных ассоциаций, преимущественно культурного характера, создающихся по этническо–территориальному принципу. Наряду с чисто пропагандистской деятельностью они проводили работу по формированию землячеств в крупных городах, с тем чтобы составить конкуренцию оппозиционным партиям на выборах. Некоторые из них пытались оформиться в партии. За этим стояли поиски нового курса правительства, чтобы обеспечить устойчивость власти, придав современную окраску непреходящим традиционным ценностям.

Несмотря на то, что парламент в 1984 г. был избран на 6 лет и его полномочия истекли в 1990 г., они были продлены еще на 2 года. Эти полномочия кончились в мае 1992 г. Выборы были поставлены в непосредственную связь с разрешением проблемы Западной Сахары. Однако референдум западносахарского населения по вопросу о принадлежности Западной Сахары под эгидой ООН, назначенный на начало 1992 г., так и не состоялся.

По указанию Хасана II были созданы национальная и провинциальные комиссии по контролю за ходом выборов. Первую возглавил советник короля А.Р.Гедира. В нее вошли лидеры политических партий, министры внутренних дел и юстиции, двое судей.

Назначенные на апрель 1993 г. парламентские выборы по техническим причинам были перенесены на июнь. Оппозиция, которая заявила о своем выходе из Национальной комиссии по контролю за выборами, по-

требовала обновления избирательных списков, внесения частичных изменений в территориальное деление на округа, введения новой карточки для избирателей и т.п.[*] Ряд оппозиционных партий призвали к проведению всеобщих выборов только прямым голосованием. После частичного удовлетворения своих требований лидеры партий восстановили свое членство в комиссии.

Накануне выборов король призвал народ к массовому участию в голосовании, осознанию «священного характера избирательного процесса. Выборы он сравнил с джихадом, неучастие в котором равносильно дезертирству.

К этому времени у короля начал вызревать план сменяемости кабинета министров на основе существования двух платформ, как в западных странах. Установив чередование власти, король рассчитывал осуществить перемены в обществе и его обновление. В смене правительства Хасан II видел одну из мер по возрождению страны. Демократический блок предложил программу по оздоровлению экономики из 360 пунктов, не требующих дополнительных капиталовложений, хотя его противники очень скептически отнеслись к возможностям левых.

Король считал, что бывшие оппозиционные партии, при определенных условиях, могут сформировать правительство[**]. Они это заслужили «в качественном и политическом отношениях». «Индивидуально или коллективно они могут привнести новую методологию и новый стиль работы».

Проведению парламентских выборов предшествовала подготовительная кампания, в ходе которой 11 политических партий вели борьбу за голоса 11,5 млн. избирателей (в выборах 1965 г. участвовало 4 млн. человек). При подсчете голосов избирателей были учтены и голоса 500 тыс. марокканских эмигрантов или четверти этой категории населения. На финансирование кампании власти ассигновали 100 млн. дирхамов. Правительство согласилось на создание местных комиссий по контролю за использованием финансовых средств в ходе выборов.

Всего на 333 места в парламенте претендовало 2042 кандидата. В среднем 9 кандидатов на один избирательный округ. Среди кандидатов было 33 женщины (в 1984 г. ни одна из 15 женщин–кандидатов не была избрана в парламент). Впервые в выборах участвовали кандидаты в возрасте 23–25 лет, в основном от студенчества. Впервые же были выдвинуты 176 кандидатов, не имевших партийной принадлежности, хотя по конституции борьбу могли вести политические партии, профсоюзы и профессиональные палаты, а также члены правительства, примкнув к той или

---

[*] Последняя мера была нужна в целях подготовки референдума по Западной Сахаре. Стороны конфликта пока не договорились об идентификации сахарского населения.

[**] Хасан II в интервью французскому телевидению 18 мая 1993 г. уточнил, что оппозиция в Марокко понимается особо: не как оппозиция личности короля, а существующему кабинету министров.

иной партии. Только политические партии имели право создавать парламентские фракции.

Ранее король возражал против участия в парламентских выборах независимых кандидатов, считая, что такие депутаты могли использовать свое влияние в корыстных целях при каждом правительственном кризисе. Однако, как показали выборы в местные органы власти, независимые кандидаты имеют неплохие шансы получить значительное число голосов избирателей, уставших от обещаний партийных деятелей. Независимые кандидаты могут оттянуть голоса у оппозиции.

Решение об участии в выборах независимых кандидатов было принято за два дня до 12 июня 1993 г. (окончания срока выдвижения кандидатов) после согласования с высокими властями Национальной комиссией по контролю за выборами и вызвало резкую критику со стороны оппозиции. Это решение дало возможность членам правительственного кабинета выдвинуть свои кандидатуры в качестве «независимых», но поставило в сложные условия действительно независимых кандидатов.

Накалило предвыборную борьбу заявление короля о том, что в случае победы оппозиционных сил, они смогут претендовать на пост премьер–министр. Поэтому характерной чертой этих парламентских выборов стало объединение основных конкурентов в политические блоки. Еще в 1992 г. партии Истикляль, ССНС, ППС и Организация народно–демократического действия (ОНДД) создали Демократический блок. Они обнародовали совместную программу реформ в политической и социально–экономической областях во имя «спасения страны» и вывода ее из тяжелого кризиса, охватившего все стороны жизни. Очень популярен был лозунг Демократического блока снять экономическое эмбарго с Ирака. С этим требованием он даже обратился в Совет безопасности ООН. Между членами блока была достигнута договоренность о совместных действиях не только в ходе предвыборной кампании, но и в парламенте. Истикляль и ССНС пошли еще дальше, приняв решение выдвинуть общих кандидатов в едином списке в количестве 221 человека.

Демократический блок выражал взгляды самого широкого спектра марокканского общества. Это националисты и происламистско настроенные круги (Истикляль), социалисты (ССНС), коммунисты (ППС) и левацкие элементы (ОНДД). У них были сильные позиции в крупнейших профсоюзных объединениях, в молодежной среде, в том числе и в университетах. Однако политические и идеологические расхождения затрудняли их взаимодействие, порождали различные подходы к оценке политической ситуации и решению сложнейших социально–экономических проблем. Наиболее согласованы были действия Истикляль и ССНС.

На общей платформе под девизом во имя национального согласия и при соблюдении самостоятельности и сохранения особенностей каждой из них вели борьбу три партии правительственной коалиции – КС, НД и Народно–демократическая партия (НДП), хотя каждая из них выдвинула своих собственных кандидатов. Они исходили из взаимодополняемости

своих программ. Блок Национальное согласие, с учетом влияния НД в сельской местности, рассчитывал на победу. Две другие проправительственные партии НОН и Народно–национальное движение (ННД) проводили свою избирательную кампанию самостоятельно.

Не зря правительственные круги считали, что выборы будут «трудными» и выражали опасение, что может возникнуть «новое большинство». Из более чем 2 тыс. кандидатов от различных партий и «независимых» путем прямого голосования 25 июня 1993 г. было избрано 222 депутата или две трети членов парламента. Наибольшее число голосов получили две основные оппозиционные партии – Истикляль и ССНС, выдвинувшие единый список кандидатов. Они обеспечили себе в Палате представителей 91 место. Успех на выборах в значительной мере связан с происламистской настроенностью Истикляль. Впервые в г.г. Фес и Касабланка от этих партий были избраны две женщины, университетские преподаватели. ППС и ОНДД получили соответственно 6 и 2 мандата. Три партии Национального согласия – КС, НД и НДП – завоевали соответственно 27, 33 и 14 мест. НОН получило 28 мандатов. [14.1.07.1993].

В результате косвенных выборов 17 сентября 1993 г. были избраны еще 111 депутатов. Если в первом туре успех сопутствовал оппозиционным силам, то во втором туре – более половины мандатов получили партии правительственного большинства из бывшего парламента. После двух туров выборов блок Национальное согласие получил 154 депутатских места, демократический блок – 115. В новой Палате представителей, избранной на 6 лет, были представлены 11 партий и 4 профцентра. Однако ни одна из соперничающих группировок не получила в парламенте абсолютного большинства (167 человек), которое позволило бы ей сформировать правительство [15.1.07.1993].

Поддержка исламистских кругов обеспечила преимущество оппозиционным силам при прямом голосовании. Однако второй тур выборов определил парламентское большинство, от которого зависит состав правительства, констатировала газета «Опиньон», орган Истикляль. Практика полуконкурентных выборов обеспечивала предсказуемость их результатов с точки зрения сохранения ключевых позиций в парламенте за придворными партиями.

Поскольку ни одна из парламентских группировок не получила большинства, Хасан II начал переговоры с основными партиями относительно их возможного участия в правительстве. Король предложил Демократическому блоку сформировать правительство. Лидеры Демократического блока выдвинули заведомо неприемлемые для короля («ошеломляющие») условия, предложив назначить премьер–министра и «силовых» министров из своей среды. Ставя такие условия, они понимали их неприемлемость для двора и, видимо, были не готовы взять на себя ответственность за решение сложнейших социально–экономических и финансовых проблем. Однако левые партии отказались от этого предложения не только из опасения отвечать за провал политики правых, но из–за нежелания

сотрудничать с министром внутренних дел Д.Басри, с которым связаны политические репрессии. Таким образом, переговоры о создании коалиционного правительства закончились безрезультатно.

В четвертый раз формирование правительства было поручено опытному 74–летнему К.Ламрани, который назначил «беспартийных» министров из «технократов» (15 человек вошли в него впервые). Хасан II поставил перед правительством следующие приоритетные задачи: уменьшение бюджетного дефицита, сдерживание инфляции и решение проблем занятости населения. Для успешного осуществления этих задач король обещал в кратчайший срок учредить «административные суды», а также государственную инспекцию и инспекционные органы в каждом министерстве. Признав, что в парламенте сложилась сильная оппозиция, монарх призвал правительство учитывать этот факт в своей деятельности, а парламентариев – независимо от их политической ориентации, действовать в «духе патриотизма».

Впервые в арабском мире был создан министерский департамент по правам человека в соответствии с пересмотренной на референдуме преамбулой конституции, в которую включено положение о том, что королевство Марокко подтверждает свою приверженность правам человека признанные мировым сообществом. Консультативный совет по правам человека существовал при короле с 1990 г. Марокко ратифицировало большинство международных соглашений и конвенций в области прав человека, в том числе о запрещении пыток, о правах ребенка, о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также о создании специального министерства по правам человека.

Марокканские власти начали активно пересматривать устаревшие законы и вносить поправки в конституцию 1992 г. В июле 1994 г. парламент отменил закон 1935 г., позволявший бросать в тюрьмы участников демонстраций по обвинению в деятельности, наносящей ущерб общественному порядку, или за неуважение властей. На протяжении десятилетий этот закон служил основанием для арестов активистов оппозиционных политических партий, профсоюзных лидеров и журналистов. Против его применения неоднократно выступали оппозиция и правозащитные организации. Трижды они пытались провести через парламент постановление об отмене устаревшего акта. В июле 1994 г. была объявлена амнистия всем политическим заключенным. Однако правозащитные организации страны по–прежнему критикуют органы внутренних дел за «превышение полномочий». Одним из требований оппозиции было проведение глубокой конституционной реформы. Оно включало в себя создание основ правового государства, укрепление власти закона и гарантирование демократизации и модернизации органов власти на всех уровнях.

В 1996 г. был проведен референдум по новой конституции, в соответствии с которой парламент страны становился двухпалатным. Это решение было принято после проведения широких консультаций с политическими партиями о задачах и функциях каждой из палат. По новой кон-

ституции двухпалатному парламенту отводилось более важное место в формировании современной политики. В ходе обсуждения возникла надежда на диалог с двором о сменяемости исполнительной власти.

После принятия новой конституции парламент был распущен, так же как и местные органы власти, и назначены новые выборы. В этот период монарх приложил немало усилий для обеспечения гражданского мира, усмирения политических страстей между правыми и левыми, парламентом, и правительством. Даже примирил левых с министром внутренних дел Д. Басри. Были признаны права берберов, составляющих большую часть населения страны, на развитие собственной культуры и языка. Король предпринял умиротворяющие шаги в отношении умеренных исламистов. Что касается будущего парламентского строя, то было достигнуто согласия относительно критериев подготовки списков электората. Между правительством и партиями был подписан меморандум о взаимопонимании, который должен был исключить возможность оказания давления на избирателей.

Следующим этапом демократизации власти должна была стать выдвигаемая Хасаном II идея о придании большей значимости местным органам власти в рамках кампании по децентрализации, Идею создания в регионах собственной исполнительной и законодательной власти король выдвинул еще в 1984 г. В 1996 г. монарх начал новые консультации с партиями по этой проблеме.

13 июня 1997 г. под знаком регионализации и децентрализации местной власти прошли выборы в органы местного самоуправления. На 1220 мест претендовало 7423 кандидата. 305 мандатов досталось независимым кандидатам. Однако под видом 300 независимых кандидатов были избраны исламисты из радикальной партии Аль–Адль валь Исхан, руководимой А.Ясином. Успех исламистов превосходил результаты, достигнутые легальными партиями*.

Среди партий, принимавших участие в выборах, победу одержала Истикляль – 140 мест, затем шли НОН – 132, НД – 123, КС – 109, ССНС – 102, Национально–демократическая и социалистическая партия (НДСД) – 81, НДП – 36, ППС – 11 мест. Остальные мандаты разделили мелкие партии. 36 мест досталось профцентру Демократическая конфедерация труда, связанному с ССНС и 15 – Всеобщему союзу трудящихся Марокко, связанному с Истикляль.

Выборы показали практическое равенство между правыми, левыми и правоцентристами. Авторитет правых несколько снизился, а бурная активность левых не дала желаемого успеха. Сказались здесь и внешнепо-

* В местные органы власти были избраны бывшие министры А.Алими, А. Эль-Коэн, А.Бенслиман, министр-делегат при премьер-министре, ответственный за административные вопросы М.Мансури, многолетний лидер НД М.Ахардан, посол в США А.Бенаисса.

литические факторы, связанные с падением авторитета социалистических идей, а также разногласия среди самих левых сил.

Успех Истикляль на этих выборах породил ее большие надежды на парламентские выборы. Поэтому она приняла решение отказаться от выдвижения единых кандидатов с Демократическим блоком на парламентских выборах, практически расколов оппозиционные ряды.

Раскол в Демократическом блоке наметился еще в во время выборов 1993 г., поскольку этот союз был основан преимущественно на тактических соображениях, на общих временных целях. Разногласия возникли как в отношении позиции по общим политическим проблемам, так и по конкретным действиям. Немаловажную роль сыграли расхождения по поводу иракского кризиса, проблемы ближневосточного урегулирования и т. п.

Перед выборами произошло и внутрипартийное размежевание левых сил. Возникли новые партии, принявшие участие в парламентской гонке.

Всего в парламентском марафоне участвовало 16 партий. В первом туре выборов 14 ноября 1997 г. в Палату представителей на 325 мест баллотировалось 3319 кандидатов. По числу кандидатов лидировали левые силы: Истикляль – 322, ССНС – 315, ППС – 293 человека. Фронт демократических сил (ФДС), вышедший из ППС, выдвинул 220 кандидатов. Под прикрытием Национально–демократического и конституционного движения (НДКД) шли на выборы исламисты из Аль–Ислах ва Таджид А. Бенкирнана и А.Раисуни, так и не добившись права на легализацию. Из 142 кандидатов до 50 человек были исламистами [16, 1997, № 48, с. 69]. Бурное дробление и других партий не могло не сказаться на результатах голосования.

Как и ранее ни одна из партий не смогла выставить кандидатов во всех избирательных округах. Из 12,8 млн. марокканцев, имеющих право голоса, проголосовало 7,46 млн. человек (58%). 1,085 млн. бюллетеней были признаны «нулевыми». Таким образом, только 44% избирателей практически приняли участие в судьбе парламента. Сказалось разочарование марокканцев в традиционных партиях, много лет стоявших у руля власти»[17, 20.11.1997].

По числу полученных мандатов лидировала ССНС (57), получив 884 тыс. голосов. Среди них две женщины. За ССНС шел КС (50 мандатов), НОН (46), ННД (40) и только на шестом месте оказалась партия Истикляль (32 мандата). Столько же мандатов получило и Демократическое и социалистическое движение (ДСД). На неудачу Истикляль, видимо, повлиял и тот факт, что в этих выборах исламисты поддержали не ее, а НДКД А. Катиба (бывшим одним из руководителей НД), с которой они сотрудничали уже два года. Политбюро НДКД состоит из 8 членов с равным представительством собственно движения и Аль–Ислах ва Таджид. Во многих округах исламисты буквально наступали на пятки победителям, занимая вторые места, Это свидетельствует, в частности, о реальном весе исламистов в марокканском обществе [18, 1997, № 48, с. 72].

Однако участие в выборах повлекло за собой раскол в рядах исламистов в целом, и умеренной партии Аль–Ислах ва Таджид, в частности. Из партий ушел ряд видных фигур, являвшихся звеном между радикалами и умеренными. Еще в 1996 г. самый острый кризис пережила эта партия, возникшая еще в 1980 г.

С резкой критикой методов руководства партии Аль–Адль валь Исхан во главе с А. Ясином выступил М. Башири. Несколько активистов «дистанцировались» от нее, с тем чтобы также принять участие в выборах от НДКД. Исламистами руководило стремление, в случае завоевания более 12 мандатов, сформировать в парламенте автономную депутатскую фракцию. Участие в выборах, по мнению исламистов, приближало их к легализации в качестве партии.

После парламентских выборов исламистская партия выступила с призывом к политическим партиям начать национальный диалог, чтобы «не случилось того, что происходит в Алжире», критикуя правительство за социально–экономический кризис, который переживает Марокко. Партия осудила запрет на свою деятельность и ограничение на свободу своего лидера А. Ясина, который 8 лет находится под домашним арестом. Она заявила, что ее деятельность направлена, на «расширение базы во всех слоях общества для достижения права на легальное существование».

Поражение на выборах привело и к кризису в партии Истикляль, возникновению в ней двух течений. «Возмутители спокойствия» потребовали созыва чрезвычайного съезда партии (последний состоялся в 1989 г.) и принятия радикальных мер по ее обновлению, выражая недовольство курсом ее лидера А. Бусетты, нарушением «Хартии чести» Демократического блока. При этом именно Истикляль сыграла активную роль в демократизации общества, выступив за. разработку демократической конституции, создание институтов «свободно избранных народом»,и предоставления гарантий «для обеспечения свободы и неприкосновенности выборов на всех уровнях».

В целом на первом этапе выборов Демократический блок получил 102 места в нижней палате. 26 мест завоевали партии, не входящие ни в какие блоки, Недавно возникшие СДП и ФДС смогли получить мандатов больше, чем партии, из которых они вышли. Правоцентристские партии добились 197 мандатов: правые 100, центристы – 97, так что у них возникли наибольшие шансы на формирование правительства. [19, 1997, № 48, с. 71].

6 декабря 1997 г. состоялись выборы в верхнюю палату парламента – Палату советников. На 270 мест претендовало 2420 кандидатов. В соответствии с решением короля, среди них не было «лиц без политической принадлежности». Видимо оно было принято, с тем чтобы не допустить избрания в верхнюю палату исламистов, пытавшихся выступить в качестве независимых кандидатов. Советников избирали 50 тыс. выборщиков из числа депутатов местных органов власти, членов профессиональных палат и объединений наемных работников.

На этих выборах победу одержали центристские партии, получившие 90 мандатов (НОН – 42, ДСД – 33 и ННД – 15). На блок правых пришлось 76 мест (КС – 28, ЦД – 27, НДП – 21). Демократический блок получил 44 места (Истикляль – 21, ССНС – 16, ППС – 7). Не входящие в левый блок партии завоевали 12 мест: ФДС – 12 и СДП – 4. 17 мест достались Партии действия и Партии Шура и Истикляль. Среди профобъединений лидировало самое авторитетное ДКТ – 11 мест. [20, 8.12.1997, с. 3–4]. Таким образом, был избран самый масштабный парламент за всю его историю.

Благодаря этим выборам Марокко несколько продвинулось к более представительному правительству. В начале февраля 1998 г. на церемонии приема лидеров ССНС Хасан II объявил о назначении премьер–министром председателя партии А.Юсефи. Во второй раз представителю левых сил был доверен столь ответственный пост. Впервые левое правительство было сформировано в 1958 г. из членов Истикляль и «независимых» во главе с А.Ибрахимом, возглавлявшим левое крыло партии.

Назначив 73–летнего А.Юсефи премьер–министром, Хасан II осуществил идею об альтернативности исполнительной власти. Король понимал, что с падением авторитета правых, много лет стоявших у власти, в чем–то наступил предел возможностей решения социально–экономических проблем, Смена правительства стала одной из мер по оздоровлению и модернизации экономики, сохранению социального мира. Король пытается переложить на левые партии решение острых социальных проблем, за нерешенность которых оппозиция так долго критиковала правительство.

14 марта 1998 г. власти объявили о сформировании нового коалиционного правительства, состоящего из 40 членов: премьер–министр, 23 министра, 7 министров–делегатов и 3 госсекретарей. В него вошли представители 7 партий, что обеспечивает опору на большинство в 60% в Палате представителей. ССНС получило 14 портфелей, Истикляль – 6, ППС – 3, ФДС – 2, СДП – 1. Кроме того НОН получило 6, а ННД – 3 портфеля. Большинство министров впервые вошли в состав правительства, среди них и лидеры ССНС, ППС и ФДС. Преобладающая часть министров получила образование на Западе, став интеллектуальной элитой страны. Сохранили свои посты министры иностранных дел (А. Филали), внутренних дел (Д. Басри), а также юстиции, хабусов и по делам ислама, генеральный секретарь правительства.

По оценке специалистов, переход из оппозиции в лагерь исполнительной власти неизбежно повлечет за собой дальнейшую потерю сторонников, поскольку ни одна партия не сможет быстро решить все социальные проблемы. С другой стороны, основные направления экономического развития страны уже давно определены, опираются на рекомендации международных финансовых организаций, не принимавших во внимание однако социальной цены реформ. Смена исполнительной власти практически не сможет изменить курс на либерализацию экономики, мо-

билизацию внутренних ресурсов, уход государства из экономики, внедрение новых методов управления государственными финансами.

Таким образом в 70–90–е годы королю удалось создать сбалансированный парламент с парламентским центром, «своего рода киль государственного корабля, без которого судно бросает из стороны в сторону», и который является «существенным условием сохранения политической стабильности» [21, 14–21.01.1996]. Произошла консолидация парламентского корпуса. Консенсуса удалось достичь с помощью «государственного национализма». Эффективность парламента будет видимо возрастать по мере формирования гражданского общества и расширения рыночных отношений.

В дальнейшем Хасан II намеревается строить политическую жизнь в стране по биполярной схеме западного образца, в основе которой лежал бы противовес двух основных сил – Демократического блока и Национального согласия. Если эта идея воплотится в жизнь, монарх посчитал бы «свою миссию выполненной».

Король стремится создать устойчивый баланс сил между блоками, чтобы добавить прочности политической системе по образцу Запада. Особенно его вдохновляет пример США, где существует поле согласия между двумя партиями: «в американском конгрессе это реализуется в наличии сдвоенного центра, куда входят умеренные либеральные республиканцы (похожие на демократов) и консервативные демократы (похожие на республиканцев» [22, 14–21.01.1996].

Король постоянно подтверждает свою тактику «дозирования» демократии, о чем он говорил и в 31–ю годовщину восшествия на престол: «Мы не питает иллюзий: демократия желательна для всех, но для того чтобы предстать и укорениться, она должна вводиться в тщательно изученных дозах, Прежде чем быть занесенной в законы и конституцию, демократия должна стать комплексом традиций, передаваемых из поколения в поколение. Если же ее пытаться пересадить резко и грубо туда, где она не имеет корней, то со всей очевидностью возникнет риск спровоцировать общественный взрыв». Подобным образом государственная власть содействует соединению неевропейского жизненного уклада с парламентским механизмом.

Однако при всей внешней атрибутике демократизма пока «нет парламентаризма как сущностной системы государственной власти», поскольку элементы государственной власти сцеплены между собой не только современным, но и традиционалистским типом связей [23, с. 293]. Королевский двор рассматривает парламент, партии, профсоюзы и другие общественные организации как средство сохранения клиентельных отношений, формирующих базу его власти.

Следует отметить, что обращение к демократии закономерно. Ведь тема модернизации монархии под давлением общественности звучит даже в Англии. Стремясь осовременить марокканскую монархию, двор «воспроизводит свою власть посредством демократических парламентских

механизмов». Но пока это медленный и трудный путь, вернее первые шаги к демократизация в сочетании с грузом старых проблем и недемократических традиций [24, 1996, № 2, с. 90, 110]. Идет процесс отлаживания политической системы.

Пока это демократия на уровне государства, а не на уровне сознания. Скорее это формальная демократия, демократия для «внешнего потребления». Демократизация для правящих кругов стала не целью, а средством достижения цели. К 2003 г. Марокко надеется стать зоной свободной торговли для Европейского сообщества. Но как говорил в свое время один из организаторов и руководителей Африканского демократического объединения, президент Республики Берег слоновой кости Уфуе Буаньи, «демократия плохо уживается с нищетой».

В том строе, который существует в Марокко, есть и элемент мимикрии в целях самосохранения системы. Марокканский король для укрепления и легитимизации своей власти совсем по М. Веберу использует и традиционалистский, и харизматический, и законотворческий подход. Проведение референдумов также стало способом демонстрировать приверженность демократии. Постепенно происходит обновление и совершенствование конституционного законодательства, как основного закона, государства, обладающего высшей юридической силой. Политическая модернизация монархии стала завоеванием боровшихся против авторитарных методов правления демократических сил. Расширение демократии в какой–то мере и реакция на «фундаменталистскую лихорадку». Формируется не просто лояльная, но и профессиональная оппозиция, которая помогает найти мирные и верные решения, создана самобытная партийная система, при всей ее клановости подталкиваемая в направлении к реальному плюрализму, признаку нормы и политического здоровья.

Исторические сдвиги, происходящие в жизни мирового сообщества, явились не просто фоном процесса демократизация в развивающихся странах. Проблема демократизации перестала быть только внутренним делом, она стала проблемой, в решении которой заинтересовано все мировое сообщество. Перед нами явное усиление цельности мировой истории, растущая взаимозависимость государств и регионов, увеличение на макроуровне удельного веса общечеловеческих подходов по сравнению с подходами частными, групповыми, возрастание стабилизирующей роли международных организаций [25, 21.01.1998].

1. Ch.–H. Julien. Maroc face ane impérialismes. 1415–1956. P. 1978.

2. G. Vedel présente «Edification d'un Etat moderne. Le Maroc de Hassan II». P. 1986.

3. Le Monde. P.

4. Н.С. Луцкая, Э.В. Павлуцкая. Марокко – в кн.: Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990.

5. Э.В. Павлуцкая. Отражение классовых противоречий марокканского общества в конституционном праве – сб.: Арабские страны. Турция. Иран. Афганистан. История, экономика. М., 1973.
6. Там же.
7. Там же.
8. Magreb–Machrek. P.
9. G. Vedel…
10. Le Monde.
11. Там же.
12. G. Vedel…
13. Там же.
14. La Tribune du Maroc. Rabat.
15. Там же.
16. Компас. М.
17. Там же.
18. Известия. М.
19. Компас.
20. Пульс планеты. БСВ.
21. Московские новости. М.
22. Там же.
23. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
24. Восток. М.
25. Известия.

К.А.Панченко

ВЕХИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ПРАВОСЛАВНЫХ АРАБОВ В VIII – XVIII в.

Историческая судьба православных арабов, одного из малоизвестных осколков византийского мира, являет собой интереснейший вариант диалога цивилизаций, столкновения и синтеза различных культурно–исторических традиций.

С самого начала культура арабо–православной общины носила двойственный, промежуточный характер, сочетая в себе как элементы византийского наследия, так и сильнейшие восточные воздействия. Европейских наблюдателей прошлого века иной раз шокировал образ какого–нибудь ближневосточного епископа, сидящего по–турецки на диване, с черным тюрбаном на голове и кальяном во рту. В то же время, именно эти люди 14 веков в чужеродном окружении сохраняли – и поныне сохраняют – многие черты византийской культуры, показывая удивительный пример живучести, стойкости –и верности своим духовным устоям.

Истоки арабо–православной культуры лежат в культуре арамеев–сирийцев, населения ряда азиатских провинций Римской империи. Арамеи выступили одними из первых и самых страстных адептов христианства, неоспорим их вклад в сложение христианской догматики, богослужебной практики, литературы и искусства.

В V–VI в. вследствие сложения несторианской и монофизитской доктрин, ожесточенных богословских споров, вселенских соборов и церковных расколов, произошло отпадение арамейского и коптского Востока от византийского православия и создание в Иране, Сирии, Египте автономных церковных организаций. Эти еретические учения были отражением многовекового (еще со времен Александра Македонского) противостояния цивилизаций на Ближнем Востоке, отторжения «туземными» культурами греко–римской системы ценностей. «Собственная» церковь стала для сирийцев залогом этно–культурной независимости и самобытности.

В то же время некоторая часть арамеев осталась верной византийской ортодоксии, предпочла общехристианскую универсальную империю провинциальному патриотизму. Из этой группировки «мелыситов» (как называли на Востоке приверженцев константинопольских базилевсов) и сформировалась впоследствии община православных арабов. Толчком к ее сложению послужили арабские завоевания, возникновение Халифата, вобравшего в себя земли бывших восточных провинций Византии.

В первые два века арабского владычества культура ближневосточных мелькитов еще являла собой лишь провинциальный вариант глобальной византийской культуры. Впрочем, это была не самая глухая провинция – из стен палестинской лавры св. Саввы вышло большинство классиков греческой духовной поэзии VII–VIII в.; на фоне культурного упадка в Византии иконоборческого периода, ближневосточные христиане продемонстрировали примеры творческой активности почти во всех жанрах искусства и, в первую очередь, на поприще антииконоборческой полемики. Наконец, в отличие от самодостаточной, замкнувшейся в себе культуры классической Византии, мелькиты, жившие на перекрестке цивилизаций, были более открыты для культурных контактов, что выразилось и в их полемике с иноверцами, и в переводческой деятельности, переложениях на греческий язык творений сирийской литературы.

Сама православная культура Ближнего Востока VII–VIII в. была очень пестрой в языковом и этническом отношениях. Тут творили и греки, как Софроний, патриарх иерусалимский, сдавший этот город халифу Омару в 638 г., и арамеи, писавшие по–гречески, как знаменитый Иоанн Дамаскин, последний из Отцов Церкви (ум. в сер. VIII в.). Наряду с этим, развивалась православная литература на сирийском языке, выработался даже особый мелькитский шрифт, отличающийся от несторианского и сиро–яковитского вариантов письма[1].

Постепенно, ко второй половине VIII в., арабский язык почти вытеснил греческий в среде мелькитов. С этого момента мы можем достаточно уверенно отсчитывать начало самостоятельного развития православной арабской культуры. Относительно самостоятельного, потому что ее связи с Византией никогда не прерывались; из всех культур ближневосточных христиан арабо–православная испытывала самое сильное греческое влияние, и в этом – первая из ее характерных особенностей.

Свой путь культура мелькитов начала с грандиозного научно–интеллектуального подвига – перевода на арабский язык христианского духовного наследия. Конечно, над этим работали и другие ближневосточные христиане – копты, яковиты, несториане; тем не менее, православным принадлежит главная заслуга в подготовке арабских переложений христианских текстов, что является второй отличительной чертой их культуры.

Дело в том, что у остальных христианских конфессий сакральным языком богослужения был национальный язык (сирийский или коптский). Такой язык тщательно оберегали как гарант выживания общины, его искусственно культивировали в литературе даже тогда, когда он становился мертвым, выходил из употребления в быту. Православные же относились к языку богослужения спокойней, с самого начала допуская параллельное использование греческого и арамейского, потом добавив к ним арабский, который и вытеснил все остальные языки раньше, чем у других христианских общин.

Самые ранние переводы христианской литературы на арабский восходят к концу VIII в. и группируются вокруг лавры св. Саввы и Синайского монастыря, которые были главными очагами культуры мелькитов в VII–IX в. С IX в. переводческая деятельность разворачивается и в монастырях Сирии, где арамейское наследие удерживалось дольше[2]. От того времени до нас дошел интереснейший образец взаимодействия языков в христианской культуре – трехъязычная греко–сиро–арабская псалтырь, вышедшая из скриптория лавры св. Саввы, где жили монахи разного этнического происхождения. В Средние века псалтыри широко использовались для обучения грамоте, а данный трехъязычный экземпляр с параллельными текстами в трех колонках, несомненно, служил и для изучения чужого языка, позволяя построчно и дословно следить за текстами[3].

К рубежу VIII–IX в. относится деятельность первого оригинального арабо–православного автора – ученика Иоанна Дамаскина епископа хауранского Феодора Абу–Курры (740–820). В отличие от множества типичных для ближневосточной христианской культуры компиляторов и переводчиков, Абу–Курра (это его почетное наименование, означающее «Отец утешения») был автором десятков самостоятельных апологетических и полемических трактатов, имевших большой резонанс на современном ему Востоке и переведенных впоследствии на греческий, грузинский, славянский языки[4].

В целом мелькитская культура эпохи Халифата была достаточно близка другим культурам азиатских христиан по структуре жанров и основным направлениям творчества.

Общеизвестна роль христиан в ознакомлении арабов с античным наследием, без чего был бы невозможен тот взлет арабской творческой энергии, которым отмечено первое столетие Аббасидов, да и вообще сложение многих отраслей арабской науки и культуры. Мелькиты принимали активное участие в этой переводческой деятельности; из 56 известных нам писателей–переводчиков VIII–X вв. 10 были православными. Конечно, лидирующие позиции тут занимали несториане, давшие 62% переводчиков[5]. Это объясняется привилегированным по отношению к другим христианам статусом несториан в Халифате, их высоким интеллектуальным уровнем и чисто географическим фактором – несториане жили в Ираке, а православные – достаточно далеко от политических и культурных центров империи.

Тесно связанными с переводческой деятельностью выступали философские штудии восточных, в т. ч. православных, христиан, сводившиеся, прежде всего, к комментариям Аристотеля и неоплатоников.

Не менее развиты были естественные науки, главным образом, медицина. Хотя при халифском дворе доминировали, опять же, несторианские врачи, как клан Бохтишо или Хунайн ибн Исхак, мелькиты, тем не менее, выдвинули из своей среды ряд фигур не меньшего калибра. Например, уроженец Баальбека Коста ибн Лука (830–912), ученый–энциклопедист – медик, математик, астроном, чье имя на века стало си-

нонимом мудрости и научных познаний. Средневековые поэты упоминали Косту ибн Луку, почти как имя нарицательное, в одном ряду с Платоном и Аристотелем[6]. Среди светил арабо–христианской медицины назовем также мелькита Али ибн `Ису аль–Каххаля, классика арабской офтальмологии (жил в 1–ой пол. XI в.)[7].

После распада Халифата в X в., а особенно после разгрома Багдада монголами, православные медики Сирии и Египта все более затмевают несториан. Мелькитами были многие придворные врачи Фатимидов, Айюбидов, мамлюков, в том числе, видимо, и Абу Якуб Исхак (ум. в 1007 г.), состоявший лейб–медиком при знаменитом маньяке халифе аль–Хакиме и пытавшийся, в меру своих профессиональных знаний, нейтрализовать параноидальные наклонности царственного пациента[8].

Среди других ветвей православной культуры следует выделить богословские, прежде всего, полемические, труды, иные из которых были направлены даже против ислама.

Гордостью арабо–православной науки можно считать исторические труды мелькитов. В X–XI в. появляется целая плеяда выдающихся ученых, среди которых надлежит упомянуть Евтихия, патриарха александрийского (ум. в 940г.) (арабское имя – Сайд ибн Батрик), автора грандиозной всемирной истории, доведенной им до 937 г. Эта книга, рано ставшая известной в Европе и изданная уже в XVII в., служит одним из основных источников по раннесредневековой истории Восточного Средиземноморья[9].

Менее известен современник Евтихия Агапий, епископ манбиджский (в Северной Сирии), он же – Махбуб ибн Константин. Написанная им хроника «Китаб аль–`Унван» охватывает светские и церковные события от сотворения мира до VIII в. (концовка утрачена), содержит ряд уникальных сведений из византийской, иранской, арабской истории[10].

Продолжателем летописи Евтихия Александрийского стал его родственник Яхья, родившийся в Египте в конце 970–х гг., в 1015 г. переселившийся в Антиохию, где и умер около 1066 г. Пользуясь мусульманскими и греческими источниками, Яхья создал подробнейшее историческое повествование о жизни Византийской империи и Арабского Машрика во второй трети X – первой трети XI в. Среди прочих достоинств, сочинение Яхьи Антиохийского отличается скрупулезностью и обилием точных дат; по Яхье выверяют данные всех остальных современных ему хронистов Византии и Востока[11].

Привлекает внимание тот факт, что большую часть своей жизни Яхья провел в византийской Антиохии. В этот город, снова входивший в состав империи в 969–1084 г., переместился центр арабо–православной культуры. Помимо Яхьи, там действовал ряд других фигур, как, например, патриарх антиохийский Агапий (ум. в 997 г.), выдающийся государственный и церковный деятель, мастер политических интриг и одаренный писатель[12].

В Антиохии в 1060–х годах закончил свою беспокойную жизнь корифей тогдашней медицинской науки багдадец Ибн Бутлан. Есть, правда,

утверждения, что он был несторианином, а не православным, но, в любом случае, его судьба и творчество были тесно связаны с Византией и особенно ее арабской окраиной. Ибн Бутлан был автором многочисленных медицинских трактатов теоретического и прикладного характера, а также этнографических и антропологических исследований[13].

Среди церковных писателей XI в. надлежит упомянуть иеромонаха Михаила, автора первого жития Иоанна Дамаскина (создано в 1085 г.)[14], и выдающегося богослова Абдаллаха Антиохийского (ум. ок. 1051 г.). Помимо собственных поучений и толкований на Св. Писание, Абдаллах собрал все бытовавшие тогда варианты арабских переводов Библии, сверил их с греческим оригиналом, отредактировал и пустил в обиход полный арабский вариант Ветхого и Нового Завета, который применялся в православной церкви многие столетия, несмотря на появление в XIX в. более совершенных переводов, выполненных под эгидой западных миссионеров[15].

Следует отметить, что православная арабская культура Антиохии сохраняла свой ориентальный характер, отнюдь не растворяясь в общеимперской греко–византийской культуре.

Процветала арабоязычная литература; через почти «прозрачные» границы поддерживались тесные контакты с остальным арабским миром. Влияние арабской культурной традиции заметно и в том, что Яхья Антиохийский в своей летописи пользуется летоисчислением по хиджре (как, кстати, и Евтихий); и в том, что Яхья и патриарх Агапий начинали свои сочинения фразой «Бисмилляхи ар–рахмани ар–рахим» вместо традиционной христианской формулы «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Политическая история Египта и Сирии Яхью интересовала куда больше, чем войны его собственного императора Василия Болгаробойцы на Балканах. Но самый яркий пример – это споры христиан разных стран и конфессий о дате празднования Пасхи 1007 г. Из–за расхождений в вычислениях и таблицах возникла оживленная переписка, консультации, пререкания, в которых приняли участие мелькиты, несториане, монофизиты от Армении до Верхнего Египта. Любопытно, что Константинополь остался в стороне от этого спора, как будто бы авторитет вселенского патриарха ничего не значил для ближневосточных христиан, даже для мелькитов византийской Антиохии[16]. Еще меньше внимания они обращали на Рим. Хотя во время богослужений, по обычаю, поминалось имя римского папы, но из–за отсутствия связей с Римом этих имен никто не знал, последним известным на Востоке папой был Агапий, участник VI Вселенского Собора (681 г.). Его–то и поминали, чисто автоматически, следующие 300 лет[17].

Подъем ближневосточной православной культуры X–XI в. резко оборвался с началом Крестовых походов. Дело было, возможно, даже не в натянутых отношениях, сложившихся между крестоносцами и мелькитами, которые подвергались разнообразному давлению, вплоть до попыток навязать им латинскую духовную иерархию, что отнюдь не способствовало культурному развитию восточных христиан. Главная же причина их упадка заключалась в том, что значительная часть христианской общины

была истреблена в ходе войн мусульман с крестоносцами, нашествия Тимура и других катаклизмов; к этому надо добавить рост мусульманского фанатизма, спровоцированного Крестовыми походами, а также сокращение связей с угасающей Византией. В результате период XII–XV в. оказался чрезвычайно беден памятниками культурного творчества православных арабов. Можно назвать лишь богослова XIII в. Павла, епископа сидонского, и антиохийского патриарха рубежа XIV–XV в. Михаила, свидетеля нашествия Тимура и автора недошедшей до нас хроники[18]. Инерция упадка сказывалась и в XVI в., от которого до нас дошло только имя поэта митрополита `Исы, посетившего в 1586 г. Москву в свите антиохийского патриарха Иоакима и оставившего стихотворное описание России.

Однако, тот же XVI в. стал переломной вехой в судьбе и культуре православных арабов. Османское завоевание стран Машрика привело к установлению режима, отличавшегося относительной политической стабильностью и достаточно высокой веротерпимостью. Включение мелькитов в состав полуавтономного сообщества православных народов империи – рум миллети – способствовало резкому расширению контактов с греческой культурой, стоявшей на более высоком уровне развития. Греки–фанариоты, доминировавшие в православном миллете и пользовавшиеся особым покровительством османских властей, в течении XVI в. подчинили своей власти Александрийский и Иерусалимский патриархаты, полностью оттеснив местное арабское духовенство от участия в управлении церковью. Тем самым, православные арабы Палестины и Египта, малочисленные, лишенные собственной интеллектуальной элиты и принадлежавшие к низшим слоям общества, надолго перестали играть самостоятельную роль в истории. Православная культура Иерусалима и Синая в османскую эпоху была чисто греческой, теснее связанной с Афоном, Константинополем или греческой колонией Венеции, чем с окрестными арабами–христианами. Хотя многие из плеяды греческих богословов, историков, ученых арабского Востока внесли заметный вклад в изучение Св. Земли. Упомянем в этой связи исторические и географические труды иерусалимских патриархов второй половины XVII – начала XVIII в. Нектария, Досифея и Хрисанфа.

Что же касается православных арабов, то примеры их политической активности и культурного творчества можно видеть лишь в Сирии и Ливане, в пределах Антиохийского патриархата, и прежде всего **–** в Дамаске и Халебе[19].

С деятельностью халебского «культурного гнезда» связано начало литературного подъема в среде православных арабов в XVII в. Его инициатором был митрополит, впоследствии патриарх Мелетий Карама (1571–1635). Он проделал огромную работу по унификации арабской литургической литературы согласно стандартным изданиям греческих типографий, что стало сирийским прообразом известной церковной реформы Никона.

Ученик Мелетия патриарх Макарий аз–За`им (ум. в 1672 г.) инстинктивно осознавал важность просвещения своих единоверцев, знакомства

их с поздневизантийским культурным наследием. Большинство произведений патриарха и других литераторов его круга представляют собой изложения по–арабски фрагментов из греческой исторической, географической и пр. Литературы. Наряду с этим Макарий, а также его сын, знаменитый Павел Алеппский (1627–1669) воздали ряд оригинальных сочинений. Прежде всего это – исторические хроники, восстановившие оборвавшуюся в XI в. историографическую традицию православных арабов. Широко известна также книга Павла «Рихля–т Макариус» о путешествии его отца ко двору московского царя Алексея Михайловича в 1650–х гг.

Конец XVII – XVIII в. стали временем активного проникновения на Арабский Восток католических миссионеров и перехода значительной части православной общины в унию с Римом. Одним из самых эффективных орудий католической пропаганды была созданная иезуитами блестящая система образования для арабов, которой православная церковь почти ничего не смогла противопоставить. Тем не менее, необходимость сопротивления латинскому натиску стимулировала волну полемической литературы православных арабов, создание ими книгопечатания (первый проект – 1700 г.) и попытки учредить собственную высшую школу, связанные с деятельностью в Сирии и Палестине в первой половине XVIII в. греческого просветителя Иакова Патмосского.

После перехода в унию большинства христиан Халеба, этот город оказался «потерян» для православной культуры. В какой–то мере понесенные утраты компенсировал рост значения бейрутского «культурного гнезда», ставшего во второй половине XVIII в. средоточием православной науки и образованности, где действовала типография, создавалась собственная летопись, работал ряд видных писателей и проповедников. Наряду с Бейрутом, важную роль продолжал играть Дамаск. В эти десятилетия там действовал видный историк, священник Михаил Барик ад–Димашки, автор ряда трудов по церковной и светской истории.

Таким образом, мы видим, что первые столетия османской эпохи отмечены новым подъемом арабо–православной культуры, возродившейся как Феникс из пепла.

В XIX столетии эта культура испытала сильнейшее влияние со стороны Европы и России, вследствие чего претерпела заметные мутации, заслуживающие стать предметом особого исследования.

Что же касается средневекового тысячелетия в жизни православных арабов, то ими была создана за это время достаточно оригинальная, не смотря на все греческие заимствования, культура, где причудливо переплелись черты византийского, арамейского, арабо–мусульманского происхождения, дав интереснейший пример синтеза цивилизаций, который породил один из тысяч элементов, слагающих многоцветную мозаику человеческих культур.

[1] История православной культуры Арабского Востока в VII–УШ в. еще не написана, посему мы можем лишь отослать читателя к некоторым источникам,

как: Иоанн Дамаскин. Полное собрание творений. Т. 1, СПб. 1913; /К.Кекелидзе/ Грузинская версия арабского Жития св. Иоанна Дамаскина // ХВ, т. 3, с. 119–174; /К.Кекелидзе/ Житие Петра Нового, мученика Капетолийского // ХВ, т. 4, с. 1–71; Мученичество шестидесяти новых св. мучеников, пострадавших во св. Граде Христа Бога нашего под владычеством арабов. СПб, 1892; /К.Кекелидзе/ Новооткрытый агиологический памятник иконоборческой эпохи (Житие св. Романа Нового) // ТКДА, 1910, июнь, с. 201–238; Житие и подвиги св. Иоанна, католикоса Урхайского // ХВ, т. 2, с. 301–348; Сказание о мученичестве св. отцов, избиенных варварами–сарацинами в великой лавре преподобного отца нашего Савы // Сборник палестинской и сирийской агиологии. Вып. 1. Спб, 1907, с. 1–48.

Среди литературы по этому вопросу отметим: Г.В.Флоровский. Восточные отцы V–VIII в. М. 1992, с. 129–132, 137–139, 179–185; Х.М.Лопарев. Византийские жития святых VIII–IX в. // ВВ, т. 19, с. 1–64; А.Виноградов. Святый Андрей, архиепископ Критский (агиологический очерк). // Христианское чтение, 1902, февр., с. 247–269; В.Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб, 1902, с. 111–112.

[2] См. об арабоязычной православной литературе IX в.: /И.А.Кипшидзе/ Житие и мученичество св. Антония–Раваха. // ХВ, т. 2, с. 54–104; Н.Я.Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием (арабская версия). // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества, т. 16, СПб, 1904–1905, с. 63–211; И.Ю.Крачковский. Новозаветный апокриф в арабской рукописи 885–886 г. по Р.Х. // ВВ, т. 14, с. 246–275; П.Жузе. Начало христианской письменности у арабов. // СИППО, 1908, с. 487–503.

[3] Н.В.Пигулевская. Греко–сиро–арабская рукопись IX в. // Палестинский сборник, вып. 1 (63), М.–Л. 1954, с. 59–90.

[4] Труды Феодора Абу–Курры были изданы в Бейруте в 1904 г., см. ВВ, т. 13, с. 706–707. Фрагменты его трактатов переводились на русский язык: Противомусульманские сочинения епископа Феодора Абукары. // Миссионер, т. 6, Казань, 1879, с. 148–193. См. о нем также: П.Жузе. Происхождение православных жителей Сирии и Палестины. // СИППО, 1906, с. 168–169; И.Ю.Крачковский. Феодор Абу–Курра у мусульманских писателей IX–X в. // ХВ, т. 5, с. 301–309.

[5] Les arabes, du message a l'histoire. P., 1995. p. 222–223.

[6] См. о нем: Les arabes..., p. 223, 231, 233; И.Ю.Крачковский. Феодор Абу–Курра..., с. 305.

[7] См. о нем: First Encyclopaedia of Islam. Leiden–N.Y.–Kobenhavn–Koln. 1987, vol. 1, p. 288–289.

[8] В.Р.Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб, 1883, с. 027–029; Les arabes..., p. 227–230.

[9] Eutychi Patriarchae Alexandrini. Annales. // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Beryti–Parisiis, T. 6–7, 1906–1909; На русском языке фрагменты из летописи Евтихия изданы у Н.А.Медникова: Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 2, М. 1897, с. 255–294.

[10] Kitab al–`Unvan. Histoire universelle ecrite par Agapios (Mahboub) de Manbidj. Paris, 1912; см. также: В.Розен. Заметки о летописи Агапия Манбиджского. // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1884, янв., с. 47–75;

А.Васильев. Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X в.// ВВ, т. 11, с. 574–587.

[11] Летопись Яхьи опубликована в составе хроники Евтихия: Eutychi Patriarchae Alexandrini... т. 7, с. 91–273; В русском переводе изданы значительные фрагменты из нее: В.Р.Розен. Император Василий Болгаробойца...; Н.А.Медников. Палестина..., т. 2, с. 328–390.

[12] Об Агапии см.: В.Р.Розен. Император Василий Болгаробойца..., с. 3–4, 5–11, 24–26, 33–34, 209.

[13] Об Ибн–Бутлане см.: там же, с. 036–049; Les arabes..., с. 230; А.Мец. Мусульманский ренессанс. М. 1966, с. 139–141.

[14] В русском переводе издано: Иоанн Дамаскин. Полное собрание творений. Т.1. СПб. 1913.

[15] Труды Абдаллаха Антиохийского изданы в бейрутском журнале «аль–Машрик» (т. 9, 1906 г.) – см. ВВ, т. 14, с. 649; см. о нем также: П.Жузе. Начало христианской письменности..., с. 502–503; Михаил Барик Ад–Димашки. Список Антиохийских патриархов. // ТКДА, 1874, № 6, с. 417;

[16] В.Р.Розен. Император Василий Болгаробойца..., с. 44–47.

[17] Там же, с. 015.

[18] ВВ, т. 13, с. 708, т. 14, с. 654–655; Михаил Барик. Ук. соч., с.422.

[19] См. подробности об этой эпохе арабо–православной культуры в нашей статье: К.А.Панченко. Культура православных арабов в XVII –XVIII в. // Вестник Московского университета, сер. 13, 1997, № 4, с. 37–51. Там же приводится библиография вопроса.

СОКРАЩЕНИЯ:

ВВ – Византийский временник

СИППО – Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества

ТКДА – Труды Киевской Духовной Академии

ХВ – Христианский восток

Н.Г.Романова

АРХИВЫ О ПЕРВЫХ МЕСЯЦАХ ИТАЛО–ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Начальный период итало–турецкой войны 1911–1912 гг. явился показательным для всего течения итало–турецкой войны в целом и оказал большое влияние на весь ход последующих событий. Тщательно спланированная итальянским правительством операция после первого же месяца военных действий показала всю иллюзорность ожиданий, как в дипломатической, так и в военной сферах. После длительных секретных переговоров со странами Антанты и Тройственного союза Италия получила согласие на захват Триполитании и Киренаики в обмен на одно непременное условие – сохранить статус–кво на Балканах и локализовать войну. Материалы, хранящиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), рапорты и документы Российского Государственного военно–исторического архива (РГВИА), публикации российской и иностранной прессы позволяют дополнить события того периода новыми интересными фактами.

Поведение стран Европы в первые месяцы войны вызвало сильнейшее разочарование итальянского правительства, которое надеялось, что европейские кабинеты окажут давление на Турцию и принудят ее отказаться от своей колонии. Но ни одна из европейских держав на деле и не подумала рисковать своими интересами в Турции ради Италии. В приватной беседе с австрийским послом министр иностранных дел Германии сказал, что «итальянцы совершенные дети. Они не хотят понять, что можно быть союзниками и не видеть необходимости жертвовать своими выгодами в обстоятельствах, чуждых договору» [1].

Наряду с дипломатической подготовкой итальянское правительство также провело крупную пропагандистскую кампанию с целью привлечь на свою сторону широкие общественные массы. С января 1911 г. газеты постоянно подогревали общественное мнение рассказами о притеснениях, чинимых Италии турками. За несколько дней до официального объявления войны итальянские газеты писали: «Триполи, 26 сентября, ночь. Новости, приходящие из Триполи, подтверждают необходимость вооруженного вмешательства. Итальянская колония в Триполи отныне сократилась едва ли не наполовину. Бегство в последние дни стало всеобщим. Вчера вечером выехало еще 20 семей. Все, кто мог уехать, уехали. Мальтийцы бросили свои дома, имущество и бежали на родину. Множество итальянских семей штурмом взяли пароходы, идущие на тунисский остров Джербу, на Мальту и на Сиракузы. Мы, немногие оставшиеся здесь итальянцы,

закрывшись в своих домах, вынуждены слышать вопль: «Смерть Италии!» от народа, одурманенного пропагандой, может быть завтра уже возбужденного кровью, мы не чувствуем себя уверенно даже в европейских кварталах. Мусульманский город имеет вид мрачный, угрожающий, тревожный. Лавки и базары абсолютно закрыты из–за праздника Байрам, второй день которого был вчера в понедельник. Сегодня – последний день. Итак, должен пройти еще один день трепета. Байрам опасен для нас. Мусульмане и арабы после пиршеств, которыми они обычно завершают Рамадан, стекаются в мечети, где муллы, ловко подученные местным турецким Комитетом «Единение и прогресс» их подстрекают каждый день против нас, неверных. Любая неожиданная случайность, несогласованность, один единственный жест, одно только слово могут означать ужасную вспышку насилия. Все это приводит к ужесточению, не знающему границ» [2].

Постепенно нагнетая обстановку, итальянская печать разжигала националистические настроения в обществе, пытаясь оправдать решение правительства о захвате Триполитании и Киренаики. Но необходимо также отметить и реакцию прогрессивных сил Италии, резко осудивших военные действия в Ливии. Так в Пьомбино в момент отправления отряда пехоты во Флоренцию около 300 человек, провожавших отряд и предполагавших, что войска направляются в Триполи, устроили демонстрацию протеста. Жандармерия была осыпана камнями и ответила стрельбой из револьверов. Было ранено 13 жандармов, в том числе 1 офицер и 5 демонстрантов, один из которых умер [3]. Все попытки социалистов объявить в Риме, Милане, Варезе и других городах Италии всеобщую забастовку в знак протеста против военного захвата Триполитании и Киренаики окончились полным крахом. Официальная газета «Giornale d'Italia» 27 сентября писала: «Та компания крикунов, которая собралась вчера в Милане, кричала и постановила кричать и впредь, не отдавая себе отчета в том, что крики их не находят никакого отклика, – ни отклика сочувствия, ни отклика досады. Их протест против войны на самом деле является восстанием против родины. Они никак не могут сказать, что иностранный пролетариат всегда восставал против своих колониальных захватов и что с их помощью были прекращены французские колониальные кампании, позволившие стать Франции самой большой империей нашего времени, или вспомнить их немецких друзей, которые уже ни в чем не обвиняют Германию» [4]. Другая крупнейшая газета Италии «Messaggero», вышедшая в тот же день экстренным выпуском, привела телеграммы, пришедшие из разных городов Италии, которые сообщали, что повсюду навязывание генеральной забастовки было встречено абсолютным большинством рабочих с неодобрением. Настроения, которые владели умами итальянцев на протяжении всего периода итало–турецкой войны, очень ярко показывает один интересный документ под заголовком: «Обращение ко всему итальянскому народу», обнаруженный в фондах РГВИА: «Итало–турецкая война является борьбой между цивилизованным христианством и варварским исламом, она ведется не из–за узких меркантильных интересов Ита-

лии, но во имя великих духовных благ европейской цивилизации. Турецкое государство – фикция, созданная европейскими державами, вследствие взаимного их недоверия и установленная Европой «для обеспечения себя от своих собственных вожделений». Италия должна самым энергичным образом требовать, чтобы прекратилось раз и навсегда это безумное преступление – вооружение Турции при благосклонном содействии Европы... Русский царь не побоялся предложить Европе общее разоружение; не может ли в самом деле Италия потребовать, чтобы установление и поддержание порядка и ограждение благ и свободы человечества были бы поручены более достойному оружию, чем турецкая армия – орда разбойников, которая режет армян, попирает греков, защищается от итальянцев одними лишь убийствами и офицерство которой, завязшее в долгах, столь осторожно перед итальянскими пушками и столь храбро против безоружных женщин, старцев и детей» [5].

Итальянское правительство 27 сентября 1911 г. отправило Турции ноту, в которой говорилось: «Упорное противодействие Турции всякой допустимой законом экономической деятельности Италии в Триполи и Киренаике и опасность, в которой находятся наши соотечественники в названных провинциях, могут с минуты на минуту принудить королевское правительство принять решительные меры, которые могли бы подать повод к столкновению между Италией и Турцией. Правительство признало необходимым разрешить вопрос о Триполи соответственно интересам и достоинству Италии, но каковы бы ни были средства, к которым оно будет вынуждено прибегнуть для достижения этой цели, основой его политики остается все же сохранение территориального status quo на Балканском полуострове и упрочение Европейской Турции» [6]. В этот же день Итальянский флот блокировал побережье Триполитании и Киренаики, а после предъявления Турции ультиматума 29 сентября открыл боевые действия, уничтожив турецкий транспортный корабль «Дерна», который перевез перед этим в Триполи большую партию оружия. Прибрежные города подверглись обстрелу с моря, а в ночь с 4 на 5 октября военно–морской десант в количестве 1600 человек взял Триполи.

Планируя вторжение в Северную Африку, итальянское правительство вначале решило создать 22–тысячный экспедиционный корпус. Такое численное превосходство над турецкими войсками позволяло сходу захватить прибрежную часть Ливии и оккупировать ее в наикратчайшие сроки. Премьер–министр Италии Джолитти во избежание всяких неожиданностей настоял на увеличении численности войск до 40 тыс. человек. «Мы знали, – писал в своих мемуарах Джолитти, – что в портах Ливии не было современных оборонительных укреплений, за исключением очень старых крепостей, которые не в состоянии были оказать сопротивление нападению европейского флота. Турецкий военный флот был малочислен и состоял из старых военных кораблей. Турецкие гарнизоны в Триполи, Дерне, Бенгази, Тобруке, Мисурате были невелики и поэтому не смогли бы оказать сопротивления нашим солдатам при их высадке... Численность регу-

лярных частей в главных населенных пунктах Триполитании и Киренаики не превышала 3–4 тысяч человек». По плану военного командования, захват Ливии делился на два этапа. Вначале предполагалось произвести высадку на побережье, усмирить местное население и изгнать турок. Эту задачу должны были решить войска числом 22,5 тыс. пехотинцев, две бригады горных стрелков, 6 тыс. всадников, а также два дивизиона тяжелой и легкой артиллерии (72 орудия) и транспортный батальон из 200 автомашин. На втором этапе намечалось полное подавление еще оставшихся очагов местного сопротивления, полное очищение оккупированной территории от турок, организация защиты тылов. Для решения этих задач должен был быть привлечен второй эшелон – 13,5 тыс. солдат, 30 тяжелых орудий [7].

Для турецкого правительства объявление войны явило собой полную неожиданность. «В Турции еще месяц назад и не подозревали о готовившемся ударе. Вопреки протестам триполийского вали и без того немногочисленный гарнизон был недавно еще уменьшен. Корреспонденты сообщают из Константинополя, что общая растерянность буквально не поддается описанию. Где фактическая власть – совершенно неизвестно. Нет даже достоверных сведений из Триполи и с Адриатического побережья, так как телеграфная служба дезорганизована» [8]. После официального объявления войны возмущение в Константинополе действиями правительства было так велико, что оно немедленно подало в отставку. Экстренно собравшийся турецкий парламент требовал привлечения к суду членов бывшего правящего кабинета Хакка–паши за бездеятельность и «оставление Триполитанской провинции с недостаточными оборонительными средствами» [9].

Вначале действия Италии развивались по утвержденному плану. Захват Триполи военно–морским десантом прошел быстро и без особых потерь. «Бомбардировка Триполи итальянскими судами была, по сообщению всех военных корреспондентов, не сражением, а расстреливанием мишеней. Береговые форты хотя и отвечали на выстрелы, но их снаряды не могли долететь до итальянских судов и беспомощно шлепались в воду. Главные силы турецкого гарнизона покинули укрепления и отступили вглубь страны. Итальянский десант занял город, убитых и раненых немного. Дальнейшая оккупация Триполи предстоит не раньше, как прибудет весь экспедиционный корпус генерала Каневы» [10]. Прибыв в город, главнокомандующий итальянских войск обратился с воззванием к населению Триполитании и Киренаики, объявив, что он послан для того, чтобы вернуть населению, находившемуся до сих пор в турецком рабстве, его свободу и наказать притеснителей, а народ освободить. Воззвание заканчивалось словами: «Италия желает мира. Страна пусть останется под защитою итальянского короля страною ислама. Итальянский флаг пусть развивается над страной, как знамя верности, любви и надежды» [11]. Российские военные корреспонденты в октябре 1911 г. писали о Триполи: «Город выстроен в обыкновенном восточном стиле, с мечетями, минаре-

тами, еврейской синагогой. Улицы узкие, скверно вымощены, без тротуаров, но все–таки они удивительно уютны. Кто был в Каире или в русском Туркестане, тот быстро себе составит понятие о Триполи. Движение в городе необыкновенное, особенно усилившееся с приходом итальянских войск. Шум стоит целый день неумолчный, но уже в 9 вечера все стихает и Триполи погружается в мертвый сон», и далее «На рейде стоят в 1–2 верстах от берега около 10–15 военных судов, считая в этом числе и миноносцы. Все они выкрашены в мрачный черный цвет, два броненосца стоят под адмиральскими флагами. В переплет с военной эскадрой, растянутой в линию параллельно берегу и городу, стоят транспортные десантные суда, некоторые очень внушительных размеров, в несколько этажей» [12].

После взятия Триполи на следующий день итальянский десант занял Хомс, после упорного обстрела 14 октября был взят стратегически важный порт Тобрук, 17 октября – Дерна, после долгих тяжелых боев и повторного разрушительного обстрела 21 октября сдался город Бенгази. К концу октября итальянские войска заняли важнейшие приморские города, но регулярные турецкие силы не были разгромлены. Внезапно итальянцы столкнулись с новым опасным врагом – местным арабским населением, которое неожиданно оказало храброе и отчаянное сопротивление итальянским захватчикам. Арабский народ не захотел сменить старого хозяина в лице младотурецкого правительства Османской империи на нового более «прогрессивного» западного колонизатора. Сразу же в первые дни войны стали возникать арабские вооруженные отряды самообороны. Турция тут же воспользовалась возникшей ситуацией и постаралась переложить всю тяжесть ведения боев на местное население. В Ливию был послан видный деятель младотурецкой революции Энвер–бей, главной задачей которого было развернуть «малую войну», которой предстояло сыграть одну из решающих ролей в ходе всего итало–турецкого конфликта. Прибыв в Киренаику в район Дерны, Энвер–бей обратился к вождю сенуситов Ахмеду аш–Шерифу с просьбой призвать своих последователей выступить с оружием в руках против итальянцев – врагов страны и религии. Ахмед аш–Шериф откликнулся на просьбу и призвал руководителей завий и шейхов племен подготовить всех арабов в возрасте от 14 до 65 лет к священной войне – джихаду. Слова этого воззвания были вышиты на шелковых стягах, которые воины перевозили из одного племени в другое [13]. Вооруженное сопротивление итальянским колонизаторам ширилось и крепло. Итальянцы, не ожидавшие такого поворота событий, оказались втянуты в затяжную изнуряющую войну, к ведению которой они совершенно не были готовы. Началом к повсеместной освободительной борьбе послужили события в оазисе Триполи. Крупные арабские отряды 23 октября 1911 года напали на итальянские войска в окрестностях города Триполи, атаковав форт Шарашат и уничтожив роту берсальеров. В ходе упорных боев итальянцы вынуждены были оставить форты Хенни, Хамидие и Месри. Постепенно вооруженное восстание вспыхнуло и в самом городе. После

упорных боев ситуация изменилась только с помощью сильного артиллерийского огня с судов и береговых батарей, который заставил арабов отступить. Огонь корректировался с самолетов «Ньюпор» и «Блерио». Интересно, что итальянцы первыми применили авиацию для ведения боевых действий, хотя военные наблюдатели того времени считали более перспективным использование воздушных кораблей (дирижаблей). «Польза, приносимая в Триполи воздушными кораблями несравненно выше услуг, доставляемых аэропланами. Способность итальянских воздушных кораблей стоять неподвижно обеспечивает точность наблюдения и фотографирования местности. А ружейный огонь арабов одинаково безразличен и кораблю, и самолету» [14]. Что могли противопоставить арабские отряды итальянской военной технике: авиации, дирижаблям, современным морским миноносцам и броненосцам, артиллерийским орудиям Круппа? Только винтовки и собственную храбрость. Российские корреспонденты писали: «Быстро перенял босоногий противник итальянскую тактику: залечь за глинобитными стенами шагах в 300, а то и ближе, просверлить дырки в этих заборах, воспользоваться кое–где неразрушенными домами и старательно прячась, открыть охоту с утра и до ночи», и далее «Упорное сопротивление турок и арабов в Триполи, разочаровавшее итальянцев в легкости заморских приобретений, принудило римское правительство изменить первоначальный план. Крови пролилось за это время ручьи, золота истрачены горы, а в результате этих жертв конкистадоры сами оказались в осадном положении и Бог весть, когда еще у турецких гарнизонов в Триполи и у арабов пустыни истощатся боевые припасы»[15]. После вооруженного восстания в оазисе Триполи 23 – 26 октября итальянцы озлобились. По приказу генерала Канева город Триполи был на три дня отдан на откуп солдатам, которым разрешалось делать все: грабить, убивать, насиловать. Арабов, захваченных с оружием в руках, расстреливали на месте без суда и следствия. Из–за зверских расстрелов и казней арабов оазиса, среди которых попадались женщины и дети, многие возмущенные иностранные корреспонденты возвратили данные им журналистские билеты и покинули страну. Итальянские корреспонденты, передавшие в свои газеты правдивую информацию о последних событиях и опубликовавшие действительные цифры потерь, были немедленно высланы обратно на родину. В фондах «Турецкий стол» АВПРИ хранится «перевод статьи, сообщающей о тех возмутительных действиях, которые итальянские войска позволили себе в Триполи в отношении арабов, расстреливая даже неповинных женщин и детей, и является переводом тех телеграмм, которые появлялись как во всех наших без различия, так и в иностранных газетах». Текст приводимой статьи следующий: «Сотрудник газеты «Централ–Ньюс», имевший беседу с посетившим Триполийский оазис английским офицером, телеграфирует: «Оазис совершенно разрушен итальянцами. Среди развалин найдены тела 120 замученных женщин и детей со связанными руками и ногами. Мечети наполнены мертвыми. Здесь найдены трупы 400 женщин, изуродованных до неузнаваемости» [16].

Первые месяцы итало–турецкой войны показали всю тщетность намерений итальянского правительства завершить войну в быстрые сроки и с малой кровью. Столкнувшись с упорным и храбрым сопротивлением арабского населения, итальянцы были вынуждены пересмотреть свои планы. Уже к концу 1911 г. численность экспедиционного корпуса была увеличена до 90 тысяч человек. Ведение военных действий на территории огромной страны требовало все больше денег на содержание армии и морского флота. Неожиданно затяжной характер войны изменил в худшую сторону позиции Италии на международной арене. Связанная жестким обязательством перед Европой локализовать военные действия, осенью 1911 г. Италия не решилась нарушить своих обещаний. Сложные и противоречивые дипломатические отношения между европейскими державами, сложившиеся накануне Балканского кризиса, не могли способствовать скорейшему разрешению итало–турецкого вооруженного конфликта и полностью разрушили надежды Италии на их мирное посредничество. Война принимала затяжной и кровопролитный характер.

1. АВПРИ ф. 180 «Посольство в Константинополе», д. 3961, посол в Риме Долгорукий 30 января 1912 г.

2. «Cronaca Prealpina», Италия, 27 сентября 1911 г.

3. «Правительственный вестник», СПб, 27 сентября 1911 г.

4. «Giornale d'Italia», Италия, 26 сентября 1911 г.

5. РГВИА, фонд 2000, д.3471, доклад итальянского филэллинического общества, 19 июня 1912 г.

6. «Правительственный вестник», СПб, 29 сентября 1911 г.

7. Прошин Н.И., История Ливии, М., Наука, 1975, с. 74–75.

8. «Новое время», СПб, 8 октября 1911 г.

9. РГВИА, фонд 2000, д.3832, рапорт генерала Хольмсена от 16 октября 1911 г.

10. «Новое время», СПб, 10 октября 1911 г.

11. «Новое время», СПб, 14 октября 1911 г.

12. «Новое время», СПб, 28 и 30 октября 1911 г.

13. Прошин Н.И., История Ливии, М., Наука, 1975, с. 83–84.

14. АВПРИ, фонд 190 «Посольство в Риме», д. 2312, рапорт военного агента Волконского от 24 апреля 1912 г.

15. «Новое время», СПб, 3 декабря и 4 ноября 1911 г.

16. АВПРИ, фонд 149 «Турецкий стол», д.3938, с. 1–2.

Е.Я.Сатановский

ПАЛЕСТИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО
Реальность ближайшего будущего и ее “подводные камни”

Провозглашение 4 мая 1999 г. любой ценой Палестинского Государства является жизненной необходимостью для властей Палестинской Национальной Автономии (ПНА) и ее главы, Абу–Аммара, более известного в России как Ясир Арафат. Если это не будет сделано в тот самый день, который был объявлен как день окончания “переходного процесса”, велика вероятность того, что это государство никогда не возникнет. Политическая конъюнктура, и без того не слишком благоприятствующая палестинцам на протяжении десятилетий, скорее всего необратимо изменится, и вряд ли в их пользу. Замедление переговорного процесса с приходом к власти в Израиле правого блока в 1996 г., и без того ослабившее позиции властей Автономии на палестинской “улице” и укрепившее скрытую оппозицию Арафату со стороны его многочисленных противников, не может быть вечным. Уже сегодня вина за объективные и субъективные трудности существования палестинцев в Газе и на Западном берегу неизбежно ложится, в глазах населения Автономии, не только на традиционно (и не без оснований) обвиняемых в них израильтян, но и на руководство ПНА, возглавляемое Арафатом. Просочившиеся в израильскую прессу сведения о финансовых скандалах в палестинском руководстве, закончившихся в 1998 г. цепью отставок среди высших чинов ПНА, на мгновение приоткрыли “верхушку айсберга” конфликтов в палестинском руководстве. Еще одним свидетельством ослабления позиций власти стали ее контакты с представителями исламской оппозиции (ХАМАС) о возможности их вхождения в правительство Автономии. То, что они на первом этапе ни к чему не привели, само по себе не свидетельствует ни о чем: требования исламистов, переоценивших проблемы Арафата и степень его в них заинтересованности, были неприемлемо высоки, но сам факт показателен – попытка достичь компромисса с оппозицией для жестко авторитарного палестинского лидера нехарактерна и, очевидно, отражает всю величину проблем, с которыми он столкнулся (включая стремление вовлечь ХАМАС в процесс текущего управления ПНА и тем самым переложить на него часть ответственности за сегодняшние и предстоящие неудачи). Наконец, временной фактор играет слишком серьезную роль для 67–летнего Ясира Арафата, в жизни которого идея создания палестинского государства играла и играет слишком большую роль, чтобы он мог остановиться на пороге воплощения своей мечты. Если это государство не будет создано после нескольких десятилетий борьбы (при

этом внутренней едва ли не более напряженной, чем внешней) и нескольких лет вхождения во власть в пределах ПНА, со всеми сопутствующими этому процессу разочарованиями, вряд ли он сможет претендовать еще на одну попытку.

Степень готовности израильского руководства к событиям, которые должны произойти 4 мая 1999 г., представляется весьма низкой. Какого–либо консенсуса по поводу политических, экономических и территориальных взаимоотношений между двумя государствами нет даже в правящей коалиции. Сколько нибудь серьезных проектов будущего взаимодействия не существует, хотя на уровне практических ежедневных нужд контакт между политиками и ведомствами двух сторон налажен и выдержал испытания такими "горячими" моментами, как вооруженное противостояние израильтян и палестинцев после открытия туннеля под Храмовой горой или дорожная блокада израильских поселений в Газе палестинскими грузовиками летом 1998 г. Готовность израильского левого лагеря к контактам и компромиссам с палестинцами по–прежнему высока, однако переоценивать ее не следует: в свое время Рабин уже заплатил жизнью за отсутствие по этому поводу консенсуса внутри Израиля. Шок, вызванный его убийством, почти прошел уже к моменту выборов 1996 г. и окончательно забылся сегодня. Не исключено, что противостояние внутри собственно израильского общества по вопросу возможности тех или иных уступок палестинцам (с взаимным припоминанием всех и всяческих "грехов", накопившихся за десятилетия внутри– и межпартийной борьбы в Израиле), сегодня может быть гораздо более острым, чем противостояние между палестинцами и израильтянами. В какой мере премьер–министр Биньомин Нетаньягу, для которого решение палестинского вопроса является не более, чем одной из составляющих внутриизраильского политического кроссворда (правильное решение которого в конечном счете должно привести его к власти на очередную каденцию), учитывает внутрипалестинский фактор – неизвестно. Как минимум – не в качестве определяющего. В какой мере он способен трезво взглянуть на ситуацию, в т.ч. глазами палестинских лидеров,– также неизвестно, но весьма сомнительно. Как представляется, премьер–министр Израиля, основываясь на личном опыте времен работы в ООН, привык в решении сложных мировых проблем полагаться в первую очередь на Вашингтон (попытка нажима на Россию в вопросе о поставках ракет в Иран свидетельствует именно об этом), так что для него вопрос об уступках той или иной доли территорий – скорее вопрос его личных отношений с президентом Клинтоном, чем с Ясиром Арафатом. Позиция опасная, ибо предполагает недооценку партнера по переговорам и переоценку возможностей посредника, хотя и восходящая к десятилетиями складывавшейся политической практике Израиля. Очевидно, что избрание премьер–министром Нетаньягу послужило на первом этапе его деятельности своего рода клапаном для "выпуска пара" в ситуации, когда излишне поспешные действия левого правительства (не заручившегося реальной поддержкой большей части израильского общества и вынужденного выполнять обязательства, данные палестинцам

и не соответствующие его реальным возможностям) спровоцировали взрывоопасную ситуацию в Израиле, окончившуюся не гражданской войной, которая заодно поставила бы окончательную точку на перспективах палестинского самоопределения, но “лишь” гибелью премьер–министра Рабина. Однако с момента, когда необходимость принятия решений перешла в его собственные руки, Биньомин Нетаньягу продемонстрировал, как премьер–министр, все что угодно, кроме внятной и последовательной политики, как негативной, так и позитивной. Его действия, заставляя вспомнить известную фразу Ленина “шаг вперед, два шага назад”, в конечном счете, привели к тому, что ни палестинцы, ни американцы, ни израильтяне, в т.ч. его собственные партнеры по коалиции и даже ближайшее окружение, не представляют, чего же он, собственно, хочет. Возможно, этого не знает точно и он сам. Во всяком случае, многочисленные инициативы израильских посредников (в т.ч. и неофициально действующих “добровольцев” типа министра А.Кахалани) из числа правого лагеря и центра, вступающих в переговоры с палестинцами, когда диалог Арафата и Нетаньягу заходит в тупик, не оставляют иного впечатления.

В отличие от израильского премьер–министра, Ясир Арафат и его окружение очень точно знают, чего именно хотят, и добиваются этого, используя все возможные политические каналы и демонстрируя превосходную “бойцовскую” форму, более всего напоминая Бен–Гуриона в период, непосредственно предшествующий образованию Израиля. Положение палестинских лидеров намного прочнее, чем в начале 90–х годов. Они возглавляют не террористическую организацию, потерявшую главного политического покровителя – СССР, утратившую благоволение финансовых спонсоров – арабских монархий, оскорбленных и напуганных тем, что палестинцы поддержали Ирак в ходе оккупации им Кувейта. Они возглавляют организацию, борющуюся за свое существование практически против всего Западного мира, поддерживаемые лишь горсткой союзников, большей частью являющихся не слишком влиятельными либеральными интеллигентами или представляющих маргинальные террористические группы. Сегодня на их стороне большая часть мирового политического истеблишмента, включая и США. В тот момент, как левое правительство Израиля пошло на достижение договоренностей с ООП, организация была легитимизирована, а с началом реального строительства ПНА в Газе и на части Западного берега вместе со своей долей ответственности за будущее живущих там палестинцев она получила и реальные властные механизмы. Можно сколько угодно осуждать Арафата за отклонения от достигнутых с Израилем договоренностей в части безопасности, характера вооружения палестинской полиции и т.д., но он не сделал ничего выходящего за рамки собственных возможностей в русле максимально прагматичной и реалистичной политики по построению собственного государства, т.е. поступал и поступает именно так, как Бен–Гурион, создававший в свое время из ХАГАНЫ Армию обороны Израиля – ЦАХАЛ и удерживавший в своих руках все территории, которые мог удержать. Даже борьба с конкурентами за власть в автономии, что ста-

вят зачастую в вину Ясиру Арафату как пример недопустимой его недемократичности,– так ли уж отличается она от противостояния Бен–Гуриона с “ревизионистами” Жаботинского?

Замедление мирного процесса мировое сообщество сегодня склонно ставить скорее в вину Израилю, и давление им оказывается в первую очередь на эту страну. В самом деле, подписав с ООП вполне конкретные договоренности, израильское правительство отказаться от их выполнения не смогло, и объяснения по–поводу необходимости отклониться от них в ту или иную сторону вызывают в американской администрации не столько желание добиться приемлемого для Израиля консенсуса с палестинцами, сколько раздражение по–поводу его неуступчивости, лишающей США лавров миротворца, хотя эти договоренности в конечном счете и были для этого – безусловно ведущего посредника на палестино–израильских переговорах, оттеснившего в сторону всех прочих, включая Россию (теоретически “коспонсора мирного процесса”) – главной целью. Палестинцы при этом для американцев играют роль “хорошего парня” в гораздо большей степени, чем израильтяне, не создавая проблем такого уровня. Еврейская община США, в течение десятилетий поддерживавшая Израиль и оказывавшая серьезное давление на администрацию в вопросе непризнания ООП, оказалась полностью дезориентированной после смены израильтянами курса и начала партнерских отношений израильского правительства с Ясиром Арафатом. Кроме того, на ее лоббистской дееспособности сказались охлаждение отношений ее лидеров сначала с правительством Рабина, а затем и Нетаньягу, посчитавших необходимым продекларировать в жесткой форме экономическую независимость Израиля и нежелание считаться с советами американского еврейского истеблишмента после достижения страной серьезных экономических успехов в первой половине 90–х годов, а также маневр администрации Клинтона, де–факто выведшей из процесса принятия решений традиционный еврейский истеблишмент США и приведший на его место в роли посредников между США и Израилем с американской стороны беспрецедентное количество “новых бюрократов” еврейского происхождения, лишенных сантиментов своих предшественников и оказывающих на Израиль гораздо более серьезное давлений, чем это было в предшествующие десятилетия.

Чего добилась в процессе подготовки к созданию государства палестинская администрация за истекшие несколько лет? Во внешнем мире ею были преодолены последствия фатальной, казалось, ошибки, когда Арафат поддержал Саддама Хусейна в ходе “Войны в заливе”. По крайней мере, преодолены внешне, хотя трудно поручиться за то, что последствия этого шага не будут еще долго сказываться на охлаждении отношения арабских монархий к палестинской идее и связанному с этим сокращением, а в ряде случаев полным прекращением финансовой поддержки ее. Власти Автономии являются сегодня единственным легитимным представителем палестинского народа в глазах мирового общественного мнения, включая ту его часть, которая еще недавно считала для себя неприемлемой саму идею

контактов с ООП, в первую очередь, израильтян. ПНА является де–факто в гораздо большей степени независимой, чем ООП, от влияния со стороны Сирии, Египта, Иордании и других стран, которые в течение десятилетий использовали палестинцев как проводника собственной политики, далеко не всегда совпадавшей с их интересами. Ясир Арафат может общаться с главами арабских государств на равных: он контролирует территорию, собирает налоги и возглавляет не революционный совет, а правительство. Автономия все в большей мере контролируется властями ПНА: конкуренты (ХАМАС и пр.) слабы политически, хотя их нельзя сбрасывать со учетов в случае серьезного обострения обстановки, а позиции традиционной земледельческой и торговой элиты подорваны, и из сферы экономических отношений с Израилем – главным торговым партнером ПНА – она вытеснена и заменена структурами, подконтрольными администрации ПНА. Последнее было в значительной мере облегчено тем, что новые израильские структуры – партнеры палестинских – зачастую возглавляются отставными офицерами израильских спецслужб, по самой специфике своей предыдущей деятельности не только имеющими широкие связи среди палестинцев, в т.ч. “тунисцев” – опоры Ясира Арафата, но и пользующимися поддержкой высоких израильских кругов.

В то же время экономические итоги палестино–израильского соглашения, в т.ч. широко прокламировавшиеся в ходе Амманского саммита 1995 г., окончившегося за два дня до гибели Ицхака Рабина, нельзя охарактеризовать иначе, как провал. Инвестиции в экономику Автономии не пришли ни с Запада, ни от израильтян, ни из арабского мира. Это вполне объяснимо. Для Запада главным тормозящим фактором стала политическая нестабильность, неясность перспектив мирного процесса. Для Израиля к этому фактору прибавился фактор безопасности и ощущение большей целесообразности использования в стране труда таиландских, иорданских, польских и румынских рабочих на тех местах, где еще недавно работали палестинцы. Потенциально “большой израильский бизнес” готов использовать преимущества совместного производства в “промышленных инкубаторах” на границе с ПНА, так как товары с территории ПНА будут иметь самый широкий доступ на мировые рынки вследствие обеспечения им режима наибольшего благоприятствования. Однако практикуемая ныне израильским руководством политика спорадического закрытия границ с Автономией уничтожает всякую заинтересованность в такого рода проектах. Для арабского мира экономически развитая Палестина – еще один нежелательный конкурент, тем более, что структура потенциально производимых на ее территории товаров и услуг явно накладывается на имеющуюся на сегодня в Египте, Иордании, Сирии при полном совпадении экспортных рынков. Порт в Газе неизбежно станет конкурентом портам Александрии, Акабы и Бейрута, аэропорт – аэропортам Каира и Аммана, через которые в настоящее время осуществляются практически все зарубежные полеты палестинцев, традиционно игнорирующих аэропорт им. Бен–Гуриона. Определенную опасность зоны свободной торговли, которыми должны стать палестинские порт и

аэропорт, представляют и для Израиля, облегчив доступ на его территорию облагаемых в настоящее время высокими пошлинами импортных товаров. Однако этот вопрос, как представляется, может быть и, в конечном счете, будет решен, хотя сегодня в стране существует серьезное лобби, тормозящее, под предлогом обеспечения безопасности, развитие палестинской внешнеэкономической и транспортной инфраструктуры.

Нельзя сказать, что контуры будущей палестинской экономики определились. Несмотря на попытки более или менее серьезного анализа ее будущего, осуществляемые наблусским центром Саида Кнаана, ясно лишь, что будущее ее – в тесной интеграции с израильской экономикой и передаче палестинцам тех ее отраслей, которые в XXI в. не будут представлять интерес для израильтян. Подход этот имеет ряд минусов. В частности, он закрепляет вторичность палестинской экономики по отношению к израильской, хотя по сравнению с сегодняшним положением дел, несомненно, позитивен. Однако в какой бы мере ни сбылись сегодняшние палестинские планы построения “ближневосточного Бенилюкса” (интегрированная экономика Израиля, Палестины и, возможно, Иордании при сохранении ими государственной самостоятельности), они легко могут быть разрушены таким фактором, как демографический прессинг, что само по себе может привести к необратимым политическим последствиям. Так, если число детей на Западном берегу составляет примерно 4 на семью, то в секторе Газа этот показатель равен в среднем 8,2. С одной стороны, это несколько облегчает задачу нахождения рабочих мест для сегодняшнего трудоспособного населения Газы: из примерно полутора миллионов населения сектора в работе нуждается лишь 75 тыс. взрослых мужчин (кормильцев 150 тыс. семей Газы). При 60%–ной безработице в секторе Газа это означает, что 45 тыс. рабочих мест решают ее проблему. Однако, с другой стороны, короткое время спустя, когда в ряды трудоспособного населения вольются повзрослевшие дети, в секторе Газа неизбежен социальный взрыв. Ситуация осложняется тем, что по израильским законам в Израиль допускаются на работу семейные палестинцы старше 25 лет. Это означает, что палестинская молодежь, с одной стороны, не может работать на главном соседнем рынке труда, с другой, – не имея работы, не может вступить в брак. Как выйти из этого заколдованного круга – неясно никому, однако понятно, что люмпенизированная таким образом масса молодежи служит питательной средой для распространения исламского фундаментализма и экстремизма, становясь дополнительным дестабилизирующим фактором. “Отход” на заработки в соседний Египет, пораженный той же самой проблемой, практически исключен. Это же касается и Иордании с ее собственными палестинцами и собственной безработицей, не говоря уже о странах Залива, сокращающих, вследствие падения цен на нефть, уже существующие рабочие места (в т.ч. занятые палестинцами – по преимуществу квалифицированными рабочими и техниками) и не намеренных расширять прием низкоквалифицированной рабочей силы. Обычный в мировой практике рецепт решения проблемы перенаселения – массовая эмиграция за рубеж на постоянное место жи-

тельства, преимущественно на “свободные территории” или, напротив, в развитые в экономическом отношении страны, в данном случае невозможно реализовать ни по объективным (квотирование иммиграции в сегодняшнем мире), ни по субъективным (проблема возвращения палестинских беженцев) причинам. В любом случае, если бы такое решение палестинской проблемы существовало, оно было бы реализовано за истекшие десятилетия. Имеющиеся планы руководства Автономии расселить излишек населения сектора Газы на Западном берегу представляются в большой мере утопическими и способными привести к обострению и без того существующих противоречий между двумя частями ПНА, несопоставимыми по уровню жизни. В любом случае, планы эти требуют не только продуманной программы экономического развития, жилищного строительства и планирования семьи, которая попросту отсутствует, но и значительных средств и, главное, времени, которого у руководства ПНА нет. Ситуацию не упрощает и дефицит пресной воды, особенно острый в Газе, но проявляющийся и на Западном берегу, при отсутствии на сегодня у палестинцев традиции ресурсосбережения, характерной для израильтян.

Проблем у будущего палестинского государства более чем достаточно, в размышлениях о его судьбе больше вопросов, чем ответов. Однако Ясир Арафат является заложником необходимости его создания. Ни трудности перехода от роли “революционеров” к роли “государственников”, не до конца преодоленные до сих пор, перехода, сопровождающегося, как и любая трансформация такого рода, многочисленными злоупотреблениями, ни сложности в отношениях со “старым палестинским истеблишментом” и “полевыми командирами интифады”, многим из которых нашлось место не в структуре управления ПНА, а в рядах ХАМАСа, ни противоречия между Газой и Западным берегом (на котором власть Арафата много слабее и контроль над ситуацией далек от того уровня, который достигнут в Газе) не могут остановить его. Ситуация поистине “велосипедная” – крутить педали необходимо не только для того, чтобы двигаться вперед, но и для того, чтобы не упасть.

Следует отметить то, с какой настойчивостью, используя все появляющиеся возможности, действует, подталкивая ситуацию в выбранном направлении, Ясир Арафат, демонстрирующий как палестинский лидер недюжинные политические способности в быстро меняющейся ситуации, обеспечивающей ему все возможные “сюрпризы”, кроме приятных. Особенно это проявляется в виртуозном ведении переговоров с различными политическими партиями, группами и лидерами Израиля, использовании всех и всяческих противоречий между ними для продвижения в израильском истеблишменте идеи палестинского государства как единственной панацеи от сегодняшних проблем и будущих бед, а также в блестящем использовании международной политической “игры” для получения новых союзников (США) при сохранении старых (Россия). Как представляется, в этом “председатель” Арафат (все чаще называемый в ПНА “президентом”) намного силь-

нее своего израильского соперника и партнера по переговорам премьер–министра Нетаньягу.

Последний, однако, также является заложником предвыборных обещаний, хрупкости правящей коалиции и необходимости опираться на израильскую "улицу", в большой мере являющуюся его электоратом и реагирующую на ситуацию не столько рассудочно, сколько эмоционально. Приоритетом для израильского премьер–министра служат потребности сегодняшнего дня. Долгосрочных обязательств он не дает даже ближайшим союзникам, а если и дает, то, как истинный политик, не выполняет. Политический риск, пусть приводящий в отдаленной перспективе к нормализации отношений Израиля с палестинцами, но ставящий под вопрос его собственное политическое будущее, для него неприемлем. Как именно Нетаньягу отреагирует на декларацию о создании 4 мая 1999 г. палестинского государства, не знает сегодня никто, включая, возможно, даже его самого. Многое зависит от того, как сложится к тому времени баланс сил в правящей коалиции, на чьей стороне будет перевес (и к кому выгоднее ему будет присоединиться с точки зрения перспектив выборов 2000–го года), а также от международной реакции (которая, скорее всего, будет на стороне палестинцев) и, главное, от целого ряда непредсказуемых сегодня факторов внутренней жизни Израиля. Можно предсказать, впрочем, что любое обострение обстановки со стороны властей ПНА и палестинской полиции, будь это блокада поселений, вооруженный конфликт или масштабный теракт против израильтян, способно будет взорвать ситуацию, напряженную с обеих сторон уже сегодня и которая, несомненно, станет более напряженной к весне 1999 г.

Дополнительным фактором беспокойства для израильтян служит возможность приглашения на территорию палестинского государства (естественная для всякой суверенной страны) вооруженных формирований, представляющих какую–либо из арабских стран. Скорее гипотетическая, чем реальная на деле (учитывая все перипетии истории палестинцев, богатой вооруженными конфликтами с арабами едва ли не больше, чем с израильтянами), возможность эта для Израиля является реальным фактором угрозы. Ситуацию не упрощает существующее в израильском истеблишменте ощущение того, что в свое время "холодный мир" с Египтом лишил Израиль большой части завоеванных территорий, не дав гарантий прочного мира и не обеспечив экономического роста страны, а мир с Иорданией не принес ничего нового ни для безопасности, ни для экономики Израиля. Появление ядерного оружия у Индии и Пакистана, а также освоение Ираном ракетной технологии при неизбежном и естественном стремлении этой страны к овладению ядерным оружием (де–факто в качестве противовеса пакистанской атомной бомбе, что не декларируется иранским руководством никогда и нигде), при изощренности и массовости антиизраильской риторики в иранских средствах массовой информации, также не служит успокоению Израиля в части его контактов с палестинцами и развития палестинской государственности. Вполне возможно, что в сегодняшнем мире мадридский процесс стал бы невозможен, и соглашения, достигнутые в Ос-

ло, никогда не были бы подписаны. Однако сам этот процесс такого рода, что возвращение на позиции, занимаемые сторонами в доперегоровный период, невозможно. Это ясно в Израиле всем более менее значимым политическим лидерам, включая не приемлющих неизбежные итоги мирного процесса.

Следует отметить несомненную роль в грядущих событиях фактора наступления 2000–го года как одного из главных событий в истории христианского мира. С одной стороны, дополнительным фактором, обостряющим отношения сторон в вопросе о разделении территории Западного берега и Иерусалима, служит национальная принадлежность христианских святынь, становящихся в ближайшее время источником многомиллиардных доходов от паломнического туризма. С другой стороны, нельзя не понимать, что в случае серьезного конфликта между израильтянами и палестинцами из–за территорий ни одна из сторон не получит предполагаемой прибыли. При всей приземленности этого аргумента, он служит едва ли не самой серьезной гарантией мирного исхода создания палестинского государства…

Большинство проблем, которые должны были получить решение в “переходный период”, – не урегулированы до сих пор. В их числе такие, решение которых в интересах обеих сторон представляется попросту невозможным: проблема права беженцев на возвращение, проблема Иерусалима, объявленного обеими сторонами столицей своего государства... Разумеется, ясно, что подавляющая часть палестинцев, обустроившихся в Западном мире, не собирается менять место жительства и отказываться от американских, английских, французских паспортов. Проблема беженцев – это проблема жителей лагерей, рассеянных по арабскому миру, этой мины замедленного действия, населенной сотнями тысяч в большой мере люмпенизированных людей, пригодных для оказания давления на Израиль, но совершенно не приспособленных к вхождению в нормальную, мирную жизнь в собственной стране. Точно так же ясно, что в качестве палестинской столицы может с успехом выступать какой–либо арабский анклав Иерусалима, входящий в его муниципальную черту, однако вряд ли возможно предсказать последствия этого шага на практике для города, все более теряющего традиционно склонную к компромиссам светскую составляющую населения, разделенного по линии религиозного противостояния, при стремительном росте доли в его жителях еврейских ультраортодоксов и столь же стремительном снижении их уровня жизни.

При всей зыбкости прогнозов и непредсказуемости перспектив палестино–израильского урегулирования можно с уверенностью предсказать одно: события, которые произойдут на территории Израиля в течение ближайшего года, станут основой будущего всего региона на несколько десятилетий так же, как объявление о создании еврейского государства 50 лет назад в конечном итоге стало одним из главных политических событий XX в., во многом определив ход истории второй половины его. Отличие лишь в одном, дата – 4 мая 1999 г. – известна заранее. В остальном – все похоже:

никто не готов к тому, что неизбежно случится, ни мировое сообщество, ни сами участники.

Б.Г.Сейранян

КОНСТИТУЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕГИПТЕ В XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.

История египетского конституционализма восходит к 22 октября 1866 г., когда египетский правитель (вали)[1] Исмаил опубликовал два документа – «Основной закон» (Ал–Лаиха ал–Асасийа) и «Закон об устройстве» (Ал–Лаиха ан–Низамийа)[2]. Первый, состоявший из 18 статей, предусматривал учреждение «Совещательной палаты депутатов» (Маджлис шура ан–нувваб), члены которой должны были быть двадцати пяти лет и старше, сознательными и законопослушными, рожденными в Египте (ст. 2), иметь хорошую репутацию (т. е. не быть банкротами, либо отстраненными от службы по судебному предписанию), не состоять ни на военной, ни на гражданской службе (ст. 3–5); число членов, избираемых на трехлетний срок, на основе двухстепенных выборов, не должно было превышать семьдесят пять депутатов (ст. 9 и 10)[3].

Второй документ, содержавший 61 статью, определял и уточнял правила и процедуры работы Палаты – речь правителя на открытии сессии, а также право руководителей палаты подготовить ответ Палаты и форму ознакомления с ней вали, формирование комиссий, процедуру подтверждения полномочий членов, функции и права председателя, методы рассмотрения проектов и предложений, порядок обсуждения и формы голосования. «Закон об устройстве» копировал, а в некоторых фрагментах даже в деталях воспроизводил процедуры европейских парламентов, в особенности Законодательного корпуса Франции. В то же время имелись статьи, адаптированные к египетским условиям, представлявшие по существу, совокупность этических норм и правил поведения для парламентариев. Так, депутатам предписывалось являться на заседания «в приличной, достойной одежде» (ст. 12), не прерывать друг друга (ст. 28), говорить только по разрешению председателя (ст. 30), заблаговременно получать разрешение в случае, если они не могли присутствовать на заседании (ст. 41) и др.[5].

Возникает, по крайней мере, два вопроса: что заставило египетского правителя провозгласить конституцию и сформировать парламент и почему именно в конце 1866 г.? Мы согласны с теми исследователями, которые не склонны приписывать монархам, дарующим конституцию высокие и идеальные побуждения. Исторические факты свидетельствуют о том,

что обыкновенно парламенты создаются (созываются) ими в периоды острых политических и экономических кризисов, либо социальных взрывов, с целью выпутаться из возникших осложнений[6].

Исмаил вступил на престол в период заметного экономического подъема, ускоренной модернизации и включения страны в мировой рынок. Начало правления Исмаила совпало с самым пиком хлопкового бума, когда в связи с гражданской войной в США (1861–1865 гг.) египетские производители хлопка, воспользовавшись исключительно благоприятной конъюнктурой, в течение четырех лет в четыре раза увеличили экспорт хлопка по ценам возросшим почти втрое[7].

Ослепленный необычайным процветанием, чрезмерно амбициозный Исмаил с самого начала задался честолюбивой целью ускорить европеизацию Египта, поразить воображение современников своими феноменальными достижениями и щедростью. Это требовало громадных средств, но вали не умевший трезво оценивать свои средства, считал свою страну сказочно богатой, а ее ресурсы бездонными. Но с окончанием гражданской войны в США экономическая конъюнктура ухудшилась, цены на хлопок стали падать и страну охватил кризис[8]. В изменившихся условиях правителю Египта нелегко было отказаться от прежних планов и многих неизбежных расходов[9], и он был вынужден обратиться к займам в Лондоне и Париже. Но кризис 1866 г. вынудил хедива предпринять усилия для выявления новых внутренних источников увеличения доходов. Именно в это время Исмаил обратил свой взор на деревенских старост (омд) и шейхов и нашел эффективный способ установления контроля над ними. И хотя правитель не питал особых симпатий к последним, к «феллахам» (крестьянам), как их презрительно именовали представители господствующего слоя помещиков турко–египтяне, он прекрасно понимал, что именно деревенские нотабли являлись той общественной силой, которая может содействовать существенному пополнению его казны. Действительно, статус деревенских старост и шейхов стал меняться в период перехода к рыночным культурам и более интенсивного включения экономики в систему мирохозяйственных связей. И если в первой половине XIX в. латифундии коренных египтян встречались крайне редко, то уже в 60–80–е годы они стали распространенным явлением. Все высшие государственные посты вплоть до середины XIX в. занимали турко–египтяне, которые за государственную службу получали крупные земельные угодья в форме пожалования от правителей.

Что же касается поместий деревенской элиты, то их формирование было, прежде всего следствием распада деревенской общины и имущественной дифференциации. От первого слоя латифундистов новые помещики отличались рядом особенностей – они не были абсентеистами, занимали промежуточное положение между турко–египтянами и крестьянами; поместья турко–египтян принадлежали к категории привилегированного налогообложения – ушурийя, а владения шейхов – хараджийя[10], несмотря на сохранение громадной разницы в положении двух слоев поме-

щиков в структуре власти, со второй половины 50–х годов наметились существенные сдвиги – провинциальная элита все активнее стала привлекаться на государственную службу, что также содействовало повышению ее экономического и социального статуса.

Одна из важных особенностей слоя деревенской элиты состояла в том, что эта была поднимающаяся, чисто египетская и более многочисленная социальная общность, отличавшаяся большим динамизмом и более ясно выраженными переходными к буржуазному типу чертами. Она в гораздо большей степени, чем остальные классы и слои, связанные с производством и экспортом хлопка, воспользовалась благоприятной конъюнктурой бума 1861–1865 гг., заметно приумножив свои доходы[11]. По всем этим причинам Исмаил полагал, что основным источником пополнения его казны могут стать провинциальные нотабли.

Созданная Исмаилом, вопреки протестам турко–черкесских пашей, Совещательная палата должна была стать инструментом в руках правителя, с помощью которого он предполагал установить более прочные связи и эффективный контроль над деревенской элитой, ибо потенциальная оппозиция правителю и окружавшей его иностранной османо–египетской элите могла появиться, прежде всего, со стороны коренных помещиков. В ответ на лояльность последних, он был готов повысить их политический статус, приведя его в соответствие с возросшим их экономическим весом[12].

Поэтому отнюдь не случайно во всех трех составах Палаты эпохи Исмаила (избранных в 1866, 1870 и в 1876 гг.) абсолютное большинство мест в ней принадлежало омдам и шейхам. Сама избирательная система предназначалась преимущественно для сельских местностей, а города были представлены всего шестью депутатами. Так, например, в Палате, избранной в 1876 г. из 74 депутатов, 60 были сельскими нотаблями[13].

Несмотря на видимое формальное движение в направлении конституционализма, Палата в действительности, ни в коей мере, не ущемляла абсолютной власти хедива и имела чисто консультативный характер. Вали мог в любое время созвать, прервать, отсрочить, либо распустить Палату, мог заменить ее членов, назначал председателя и его заместителя.

Тем не менее, Совещательная палата депутатов принципиально отличалась от консультативных советов, существовавших при халифах в средние века, в новое время и даже при некоторых современных монархах. Во–первых, были опубликованы вышеназванные документы – «Основной закон» – конституция и установлена система выборов (пусть несовершенных) депутатов; во–вторых, были проведены выборы депутатов на провинциальных собраниях знати; в–третьих, по образцу европейских парламентов были созданы парламентские структуры и установлены характерные для парламента процедуры (комиссии, обсуждение законов, порядок обсуждения и голосования, речь правителя и ответ парламента и др.).

Депутаты обсуждали преимущественно вопросы, непосредственно касающиеся налогообложения, земельной собственности, общественных работ и даже улучшения системы образования.

Уже на первой сессии Палаты были приняты ряд решений (о ликвидации системы ухда, об освоении неудобных и заброшенных земель и др. в интересах деревенских шейхов, направленных на юридическое и фактическое признание земельной собственности омд[14].

На второй сессии рассматривались финансовые вопросы: после непродолжительного обсуждения парламент поддержал предложение правительства об увеличении налога не одну шестую часть и размещение внутреннего займа. Наконец, в апреле 1869 г. на последней сессии первого состава Палаты было принято еще одно решение в интересах деревенской элиты, направленное на предотвращение раздробления крупных владений сельских шейхов[15].

В конце 1869 г. состоялись выборы второго состава Палаты, первая сессия которой продолжалась с 1 февраля по 31 марта 1870 г. Наибольшее внимание депутаты уделили проблемам сельского хозяйства (ирригация, ремонт дамб и мостов, очистка каналов), не проявив особого интереса к обсуждению бюджета, а немногие замечания по последнему вопросу были поверхностные и касались второстепенных вопросов[16].

Вторая сессия второго состава Палаты открылась 10 июня 1871 г. на шесть месяцев позже установленного Основным законом срока в самое жаркое время года. Точная причина отсрочки остается неизвестной, но скорее всего, была вызвана с резким ухудшением финансового положения страны. Некоторые депутаты затребовали информацию о бюджете текущего года и им был представлен вполне благополучный бюджет, затем, ознакомившись с итогами работы комиссии по финансам и весьма поверхностного обсуждения, одобрили его.

Между тем финансовое положение стало столь критическим, что хедив под давлением иностранных кредиторов был принужден принять пагубный Закон о мукабале (возмещении)[17]. Следует отметить, что закон о мукабале, принятый через 12 дней после завершения сессии Палаты, никогда не обсуждался на ней, что свидетельствует о том, что мнение депутатов спрашивали только тогда, когда считали это нужным; закон был разработан личным советом (маджлис хусуси) хедива и утвержден им 30 августа 1871 г[18].

О слабости Палаты свидетельствовал и тот факт, что в 1872 г., 1874 и 1975 гг. она вовсе не созывалась, хотя это были годы, когда Исмаил вел тяжелую борьбу с европейскими кредиторами, которые добивались установления полного контроля над финансами страны. Отчаянные шаги, предпринятые им для предотвращения полного краха, не дали ожидаемых результатов и в апреле 1876 г. правительство хедива объявило о своем банкротстве, чем и воспользовались кредиторы, чтобы навязать свой финансовый контроль.

Установление иностранного финансового контроля было воспринято египетским политическим истеблишментом, как удобное обстоятельство для усиления его роли в управлении страной. В этой критической ситуации хедив вспомнил о своем забытом детище – парламенте. И после проведения выборов в третий состав Палаты созвал чрезвычайную ее сессию в августе 1876 г. в Танте. Финансовый кризис 1875–76 гг., заметно пошатнувший авторитет хедива, отразился и на обстановке в Палате, некоторые депутаты которой теперь позволили себе открыто высказать критические замечания в адрес правительства. Хедив рассчитывал на поддержку депутатов против ограничения его власти. Кроме того, ему нужно было восстановить эффективность собирания налога мукабала, отмененного под давлением европейских кредиторов. Делегаты потребовали объяснения бюджетной политики правительства, в целом, и высказались за предоставление им права наблюдать и контролировать расходную часть бюджета. Эта, еще робкая критика финансовой политики правительства явилась предзнаменованием будущей оппозиции хедиву[19]. Но на данном этапе, получив нужное ему решение Палаты, в ноябре того же года хедив восстановил действие закона о мукабале[20]. Однако, это был временный успех, так как вскоре по настоянию держав в стране была учреждена система англо–французского двойственного контроля, ограничившего суверенитет Египта в такой важной сфере, как государственные финансы, что порождало постоянные коллизии между хедивом и контролерами, которые в конце концов добились прибытия в апреле 1878 г. в Египет Международной комиссии, отчет которой послужил формальным основанием для большего ограничения власти хедива[21]. В нем осуждалось отсутствие дифференциации между его личным и государственным бюджетом, рекомендовалось отказаться от своего недвижимого имущества в пользу государства и предлагалось отказаться от абсолютной власти и передать власть ответственному кабинету[22].

Исмаил поспешно принял требования комиссии: вместо косвенного контроля европейцев был образован «европейский кабинет», в котором ключевые посты заняли европейцы и компрадоры, власть хедива ограничивалась, поскольку совет министров стал «независимым от правителя и ответственным за управление страной»; на заседаниях правительства должен был председательствовать не хедив, а глава совета министров[23]. Таким образом, была ограничена в определенной степени власть монарха и введен принцип министерской ответственности. Но парадокс состоял в том, что именно европейский кабинет стал первым в истории Египта исполнительным правительством.

Это событие ознаменовало начало глубокого политического кризиса, который имел далеко идущие последствия. Именно в эти годы в процессе борьбы с силами международного империализма и обострения противостояния внутренних сил был достигнут существенный прогресс в развитии египетского парламентаризма.

Уже в первые дни работы открывшейся 2 января 1879 г. очередной сессии парламента появились признаки, свидетельствующие о переменах в настроениях депутатов, которые открыто выступали с критикой международного министерства, против раболепного выполнения распоряжений иностранных контролеров. О возросшем самосознании депутатов свидетельствовал и тот факт, что они, опустив слово «Шура» стали именовать с этого времени свой парламент Палатой депутатов. В противовес горстке компрадоров – сторонников Запада, значительная часть господствующего класса поддерживала группу приверженцев идеи формирования национального правительства, образовавших «Ал–Хизб ал–Ватани» (Национальная партия) во главе с крупнейшим деятелем либерального направления Шериф–пашой. Главной опорой этой организации была Палата депутатов.

Депутаты, втайне поддерживаемые хедивом, выговорили себе право давать предварительное одобрение всем законам, связанным с налогообложением[24]. Однако уже через месяц на историческом заседании 27 марта 1879 г. депутаты отказались выполнять указ хедива о роспуске Палаты, подписанный под давлением иностранных держав и в качестве «представителей нации» продлили сроки своей деятельности до тех пор, пока не будут рассмотрены финансовые вопросы[25].

Депутаты выступили инициаторами созыва 2 апреля 1879 г. представительного собрания египетской знати, на котором был провозглашен»Национальный манифест» (Ал–Лаиха ал–Ватанийа). Отвергнув проект финансового урегулирования министра финансов – англичанина Вильсона и его тезис о том, что Египет потерпел банкротство. Палата выдвинула собственный контр–план урегулирования финансовых проблем, в котором утверждалось, что доходы правительства достаточны как для покрытия текущих расходов, так и уплаты долгов кредиторам. Кроме того, в манифесте выдвигалось требование преобразовать Палату депутатов в «признанную власть по образцу европейских парламентов» и введение принципа ответственности правительства перед парламентом[26].

7 апреля хедив заявил о том, что он полностью принимает принципы Национального манифеста и, несмотря на протесты европейских министров, отправил в отставку европейский кабинет и поручил Шериф–паше, лидеру египетских конституционалистов, сформировать чисто национальный кабинет, что означало ликвидацию системы двойственного контроля и формальное восстановление национального суверенитета. Это был далеко рассчитанный шаг: во–первых, он вновь перехватил инициативу у Палаты и направил ее энергию против иностранных контролеров; во–вторых, расширяя права Палаты и ограничивая свою абсолютную власть, хедив как бы демонстрировал державам свои конституционные наклонности. В конечном счете, он рассчитывал смягчить недовольство европейцев и добиться освобождения от иностранного контроля.

Национальный кабинет, отмечая заслуги депутатов в свержении «европейского кабинета», первым делом продлил сроки работы парламента,

а 17 мая Шериф представил Палате депутатов разработанный им проект новой конституции, которая отражала не только взгляды автора, но и настроения, царившие среди наиболее активной части депутатов весной 1879 г. Конституционная комиссия парламента в составе 15 человек во главе с одним из лидеров «Национальной партии» и председателем парламента Ал–Мувейлихи внесла существенный вклад в окончательную редакцию этого документа. Проект «Основного закона» 1879 г. представляет большой интерес и свидетельствует о значительном развитии египетского конституционализма в сравнении с конституцией 1866 г. Часть положений повторяет в ряде случаев в несколько модифицированной форме статьи предыдущего документа, обеспечивая преемственность. Вместе с тем, она содержит несколько принципиально новых положений:

– Полная свобода депутатов высказывать свое мнение и принимать решения; при этом они не должны быть связаны какими–либо инструкциями, обещаниями или угрозами (ст. 9).

– В случае разногласий между Палатой и правительством, после проведения ряда конституционных процедур, право окончательного решения сохранялось за Палатой (ст. 11).

– Заседания Палаты должны были проходить открыто (ст. 14).

– На первом заседании нового состава Палаты каждый депутат должен был произнести клятву верности хедиву и Отечеству (ст. 18).

– Любой египтянин, обладающий избирательными правами, мог подать прошение в парламент через одного из депутатов (ст. 23)[27].

– Министры были обязаны к первому заседанию очередной сессии Палаты представить все проекты законов и декретов, разработанных ими, и любой документ, отвергнутый парламентом, не мог быть повторно передан ей на текущей сессии (ст. 26–28).

– Министры были ответственны перед Палатой за все свои решения и действия (ст. 36, 43–44).

– Палата имела право контролировать финансы и утверждать бюджет страны (ст. 45–46)[28].

Проект Конституции 1879 г. в гораздо большей степени учитывал достижения современного европейского конституционализма, что дало основание некоторым авторам считать ее первой египетской конституцией[29]. Однако по своему духу и названию конституция 1879 г. представляла собой развитие первой конституции, по сравнению с которой значительно расширялись права законодательного органа и увеличивался его контроль над исполнительной властью. Проект, отражая политические реалии времени, имел две яркие особенности: во–первых, был направлен против иностранного вмешательства; во–вторых, ограничивал абсолютную власть хедива. Проект конституции был одобрен правительством, а затем 8 июня Палатой депутатов, но так и не вступил в силу, так как Исмаил не успел его подписать. События 7 апреля были расценены в Европе как государственный переворот и хедив по настоянию держав 25 июня был низложен султаном.

Новый хедив Тевфик отказался подписать проект конституции, восстановил двойственный контроль и расформировал национальное правительство. Хедив вознамерился лишить кабинет статуса независимого исполнительного органа, но полного возвращения абсолютной власти ему не удалось добиться, хотя он вернул себе право присутствовать, а в случае необходимости и председательствовать на заседаниях правительства[30].

Период реставрации, отмеченный острой борьбой, завершился 9 сентября 1881 г. восстанием каирского гарнизона во главе с полковником Ураби. Основными требованиями армии были созыв Палаты депутатов и формирование национального правительства во главе с Шерифом. Последний не без колебаний принял это предложение. Будучи человеком с развитым чувством собственного достоинства, независимых взглядов и не склонный играть роль марионетки в руках лидеров революционной армии, он рассчитывал ограничить вмешательство армии в политику. Вполне сознавая опасность радикализации революции и установления военной диктатуры, он решил направить ход событий в рамки конституционного развития[31]. Поэтому с первого же дня прихода к власти (14 сентября) он приступил к проведению выборов в Палату депутатов. Вскоре между Шерифом и лидером революции Ураби возникли серьезные разногласия. В то время как первый хотел провести выборы на основании ограниченного избирательного закона 1866 г., Ураби настаивал на проведении в жизнь более демократической избирательной системы, разработанной самим Шерифом в 1879 г., но не утвержденной хедивом. Было вполне естественно, что вожди революции 9 сентября стремились продолжить развитие политических учреждений с той стадии, на которой оно было прервано вмешательством Европы. В конце концов Ураби уступил Шерифу, готового выйти в противном случае в отставку[32].

26 декабря 1881 г. открылась первая сессия четвертого состава Палаты, а 2 января 1882 г. Шериф внес в парламент для обсуждения и утверждения проект Основного закона, передав парламенту функции учредительного собрания, ответственного за разработку конституции[33].

Несмотря на изменение и совершенствование некоторых формулировок, Конституция 1882 г. не отличалась от проекта Конституции 1879 г.: в ней содержались основные идеи современного парламентаризма, такие как определение принципов министерской ответственности перед Палатой, право последней утверждать законы, бюджет и вводить налоги. Правительство и Палата (ее конституционная комиссия) уже в середине января были близки к окончательному согласованию документа, если бы не январский кризис 1882 г., вызванный как и предыдущий (1879 г.) вмешательством Англии и Франции, которые 8 января представили египетскому правительству совместную ноту, в которой категорически отвергалось право Палаты принимать решения по бюджету. Шериф, испытывавший сильнейшее давление со стороны держав (новая нота от 26 января), решил пойти на компромисс с державами. 31 января он внес в Палату мо-

дифицированный проект Конституции, в который был внесен ряд поправок, лишавшие парламент контроля над финансами, что фактически означало ограничение суверенитета страны, а возникшие спорные вопросы премьер предлагал решать посредством переговоров с державами[34]. Однако парламент, находившийся под влиянием революционной армии, отклонил статьи проекта конституции, включенные по требованию европейских кредиторов и высказался за решительную борьбу с иностранным контролем. Умеренный и либеральный Шериф был заменен решительным и радикальным сторонником революции М.С. Ал–Баруди.

События 2–5 февраля 1882 г. ознаменовали фактическую ликвидацию двойственного контроля и установление революционной диктатуры армии. Новое правительство, в состав которого впервые вошли два активных депутата парламента, приняло 7 февраля проект Конституции, которая в тот же день была утверждена парламентом и подписана хедивом.

Конституция 1882 г., в основу которой был положен проект Шерифа, предложенный парламенту 2 января, в который были внесены некоторые предложения депутатов, обобщенные председателем парламента Султан–пашой, явилась попыткой учреждения системы национальных политических институтов перед лицом европейских угроз автономии Египта[35]. В соответствии с Основным законом депутаты избирались на срок в пять лет и получали жалованье в 100 ег. ф. в год, председатель Палаты выбирался хедивом из числа трех кандидатов, предложенных ему парламентом; министры, назначаемые хедивом, были ответственны перед Палатой, которая получила право утверждать бюджет, за исключением тех его частей, которые предназначались для уплаты государственного долга, новые налоги, договоры, контракты или обязательства правительства с третьей стороной; Палата получила право выступать с законодательной инициативой (наряду с правительством), но с совещательным правом; она имела право вносить поправки, утвердить или отвергнуть любой пункт рассматриваемого закона.

Таким образом, в условиях напряженной борьбы за отстаивание национального суверенитета была выработана Конституция 1882 г., которая явилась наивысшим достижением египетского парламентаризма в XIX в., а Палата депутатов превратилась в высший законодательный орган. Через месяц, 21 марта Палата приняла новый более демократический избирательный закон, который явился развитием предыдущих избирательных законов. Его главное новшество состояло в том, что вводились двухступенчатые выборы: сперва избирали сотенных выборщиков (представителей от каждых ста избирателей), которые уже, в свою очередь, выбирали депутата Палаты, число членов которой увеличивалось до 125[36].

Период с 1866 по 1882г г. был наиболее плодотворным в истории парламентаризма в Египте и отмечен поступательным развитием конституционных и законодательных актов, расширявших права Парламента. Однако действие Конституции 1882 г. не было надлежащим образом ис-

пытано на практике. Революция Ураби и последующая британская оккупация привели к нарушению нормальной политической жизни. Устанавливая свой контроль над Египтом, английские колонизаторы первым делом отменили конституцию 1882 г. В новом «Основном законе» (1883 г.), разработанном Дафферином[37], предусматривалось создание двух новых полу–парламентских институтов по индийскому образцу – Законодательный совет[38] и Генеральное собрание. Первый состоял из 30 членов, 14 из которых, включая председателя и одного из вице–председателей, являлись постоянными членами и назначались хедивом и его министрами, остальные 16 членов, включая второго вице–председателя, избирались на шесть лет провинциальными советами (из своей среды) и выборщиками–делегатами от Каира и Александрии[39]. Законодательный совет должен был созываться в первый день февраля, апреля, июня, августа и октября, а функции его заключались в рассмотрении бюджета и всех подготавливаемых правительством законов, но он не обладал правом законодательной инициативы, а его поправки могли отвергаться правительством.

Итак, его права были весьма ограниченными. Генеральное собрание включало в свой состав Законодательный совет, шесть министров и 46 депутатов, избираемых на шесть лет по двухстепенной системе выборов, и состояло из лиц, которые платили не менее 50 ег. ф. прямых налогов. Собрание имело также исключительно совещательные прерогативы. Однако оно было наделено одним правом негативного свойства, поскольку никакой новый налог не мог быть введен без ее согласия[40].

Наиболее важным в британском «Основном законе» было восстановление абсолютной власти хедива, в руках которого была сосредоточена вся полнота исполнительной власти – он назначал и смещал министров, которые были ответственны только перед ним, высших гражданских и военных чиновников, осуществлял законодательную власть, то есть была восстановлена автократическая власть монарха, какой он обладал в соответствии с Конституцией 1866 г.

Таким образом, были ликвидированы достижения египетского конституционного движения, а страна была отброшена к прежней деспотической системе. Британская система косвенного управления («Мы не правим Египтом, мы управляем лишь его правителями») основывалась на сильной власти полностью зависимого от них хедива[41].

Параллельно с египетскими правительственными структурами во главе с хедивом была создана реальная британская структура управления, которая не была отражена ни в одном правовом документе. Номинальный характер египетских представительных институтов привел к потере интереса к выборам как среди избирателей, так и их избранников. Деятельность депутатов этого времени отличалась апатичностью и безынициативностью; чаще всего они без особого обсуждения вопроса утверждали предложения своих лидеров. Что касается Генерального собрания, то оно с 1883 г. по 1892 гг. созывалось не более четырех («Основной закон» предусматривал ее созыв не реже чем раз в два года) раз, а обсуж-

дения вопросов были краткими и бесцветными[42]. И только в период подъема освободительного движения после знаменитого Деншавайского дела (13 июня 1906 г.) настроения улицы стали оказывать влияние на некоторых депутатов, что проявилось в требовании Законодательного собрания в 1908 г. восстановить Палату депутатов и конституционное правительство[43]. В ответ на это и другие подобные требования колониальные власти отвечали, что время для формирования представительных органов в Египте еще не наступило.

Стремясь воспрепятствовать расширению национального движения, колониальные власти решили создать более популярный представительный орган. 1 мая 1913 г. был издан новый Основной закон без какого–либо предварительного ознакомления и обсуждения в стране. Он предусматривал формирование однопалатного парламента – Законодательного собрания. Изменения в парламентской системе носили чисто формальный характер. Собрание должно было состоять из министров, 66 избранных и 17 назначенных правительством депутатов. Избирательный закон предусматривал двухстепенные выборы, в которых могли принять участие около двух миллионов человек. Каждый избранный депутат представлял 200 тысяч избирателей[44]. Депутат должен был быть не моложе 35 лет, грамотным и платить земельный налог 50 ег. ф. и выше, либо налог на городскую недвижимость не менее 20 ег. ф. в год[45].

Власть Законодательного собрания существенно не отличалась от полномочий предшествующего парламента. Оставаясь преимущественно консультативным органом, оно все же приобрело больший вес при обсуждении новых законов и бюджета. Собрание получило право обсуждать ответы правительства на свои замечания (такого права не было у его предшественников), однако его ответы не имели обязательной силы для правительства. Депутаты были заметно ближе министрам, в связи с тем, что их запросы и поправки стали обсуждаться совместно с последними. Новым было и то, что Собрание получило право законодательной инициативы (за исключением права представления проекта новой Конституции)[46]. Наконец, и по числу избирателей, и по количеству избранных депутатов Собрание было более представительным органом[47] и задумывалось, по мнению одного из авторов Основного закона, как «улучшение прежней системы», «скромным и осторожным продвижением в направлении к более демократической системе управления»[48]. После установления британского господства в социальном составе парламента произошли определенные сдвиги. В новых условиях, особенно после ликвидации в конце XIX в. разделения налога хараджийа и ушурийа, наряду с помещиками коренного происхождения появился сравнительно немногочисленный, но влиятельный слой турко–черкесских пашей, а также группа лиц, свободных профессий и купцов. Так, например, в Законодательном совете из 16 выбиравшихся депутатов 8 были представителями городов, а в Генеральном собрании из 46 выбиравшихся депутатов 14 представляли горожан[49].

Состав Законодательного собрания, избранного в декабре 1913 г., свидетельствовал о серьезных сдвигах в настроениях египтян. Среди депутатов оказались многие видные политические и общественные деятели, руководители национально–освободительного движения, которым предстояло сыграть выдающуюся роль в истории страны. Председатель Собрания и один из вице–председателей были назначены правительством. Второй вице–председатель Собрания был избран после созыва парламента. Избранным вице–председателем стал Саад Заглуп – крупнейший политический деятель первой трети XX в.[50].

Однако первая (и единственная) сессия Собрания, превратившись в центр и легальную трибуну антиимпериалистической оппозиции, не оправдала расчетов колонизаторов. В годы мировой войны его созыв несколько раз откладывался сперва на новые сроки, а затем на неопределенное время. Этот состав парламента официально не был распущен, но никогда более не созывался.

В послевоенные годы в период бурного подъема антибританского движения Великобритания 22 февраля 1922 г. опубликовала декларацию о предоставлении Египту независимости. После этого была образована особая конституционная комиссия, результатом работы которой явилась утвержденная королем Конституция 19 апреля 1923 г. Принятие этого документа ознаменовало начало нового этапа в конституционном развитии страны.

Главное отличие Конституции 1923 г. от предыдущих состоит в том, что она включила статьи, касающиеся не только принципов формирования и функционирования парламента и его взаимодействие с хедивом и его министрами, но и впервые определила права и обязанности граждан, полномочия короля, судебной власти, провинциальных органов управления вооруженных силах и др.[51].

[1] Правители Египта из династии Мухаммеда Али именовались с 1805 по 1867 гг. вали или паша. В результате подкупа сановников султанского двора в июне 1867 г. султан «даровал» Исмаилу наследственный титул «хедив», который возвысил его над остальными губернаторами империи.

[2] Тексты обоих законов опубликованы в приложении к книге Абд ар–Рахмана ар–Рафии – Аср Исмаил. Каир, 1948 (Изд. 2–е, ч. 2, сс. 287–298.

[3] Ар–Рафии. А.Аср Исмаил, ч. 2, сс. 287–290.

[4] Landau Jacob. Parliaments and Parties in Egypt. Tel–Avive, 1953, с. 10.

[5] Ар–Рафии Аср Исмаил, ч. 2, сс. 290–298.

[6] Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959, (Изд. второе, с. 78.

[7] См. подробнее: Ротштейн, Цит. пр., сс. 19–20; Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965, сс. 139–144; Ал–Барави Р., Улейш М.Х. Экономическое развитие Египта в новое время. М., 1954, с. 105.

[8] Ал–Барави, Улейш. Цит. пр., с. 104.

[9] К их числу относились выплата дани Турции, участие в многочисленных бессмысленных войнах, подарки и взятки чиновникам Высокой Порты для полу-

чения привилегий и достижения большей автономии; одним из главных факторов расстройства финансов было строительство Суэцкого канала.

[10] Налог хараджийа составлял 1,2–2 ег. ф., а ушурийя – 0,303–0,835 ег. ф. с 1 федд.

[11] Сейранян Б. Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока., М., 1991, сс. 43–49; 269.

[12] Schölch A. Constitutional Development in Nineteenth Century Egypt.–Middle Eastern Studies. London., 1974, Vol. 10, № 1, с. 6.

[13] Баракат Али. Татаввур ал–мулькийа аз–зыраийа фи Мыср 1813–1914 ва асаруху ала ал–харака ас–сийясийа. Каир, 1977, с. 379–380; Ар–Рафии. Цит. пр., с.149–151.

[14] См. подробн. Сейранян Б. Г., Цит пр., сс. 49–50.

[15] Landau., Op. cit. с. 17;Сейранян, Цит. пр., с. 50.

[16] Landau., Op. cit. с. 18.

[17] Внутренний заем, по которому землевладельцы уплачивали вперед шестикратную сумму земельного налога в обмен на его сокращение наполовину.

[18] Ар–Рафии. Цит. пр., сс. 114–117; Schölch., Op. cit. с. 3.

[19] Vatikiotis P.J. The History of Egypt. London. 1980 Sec. Ed., сс. 131–132.

[20] Сейранян. Цит. пр., с. 50.

[21] Иванов Н.А., Глава У. Египет – История национально–освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976, с. 192.

[22] Ал–Барави, Улейш. Цит.пр, с. 130.

[23] Ар–Рафии. Цит.пр., с. 237; Vatikiotis., Op. cit. с. 131.

[24] Wucher J.K. Historical Dictionary of Egypt. Metuchen, N.J., 1984, с. 564.

[25] Ар–Рафии. Цит. пр., с. 180.

[26] Ар–Рафии. Цит. пр., с. 183.

[27] «Основной закон» 1866 г. категорически запрещал Палате принимать прошения от кого–либо (ст. 18), по–видимому с целью не допустить возрастания ее популярности.

[28] Ар–Рафии. Цит. пр., сс. 195–198; Богушевич 0.В. Первая египетская конституция 1879 г. – КСИНА. М., 1961, т. 45, сс. 195—198.

[29] Богушевич. Цит. пр., с. 195; Иванов. Цит. пр., с. 199.

[30] Ар–Рафии. Ас–Савра ал–Урабийа ва ал–ихтилал ал–инглизи. Каир, 1949 (Изд. Второе), с. 32–35.

[31] Ар–Рафии, ас–Саура, с. 131.

[32] Ротштейн, с. 124.

[33] Ар–Рафии, Ас–Савра, с. 185.

[34] Ар–Рафии, Ас–Савра, с. 194–198.

[35] Ар–Рафии. Ас–Савра, с. 202. Текст Конституции 1882 г. см.

Ар–Рафии. Аср Исмаил, ч. 2, с. 200; Blunt W.S. Secret History of English Occupation of Egypt. London, 1907, сс. 564–570.

[36] Ар–Рафии. Ас–Савра, с. 248; Landau., Op. cit. с. 38.

[37] Дафферин, лорд, английский посол в Константинополе.

[38] По–арабски «Законодательно–совещательная палата» (Меджлис шура ал–каванин).

[40] Ар–Рафии. Мыср ва Ас–Судан фи аваил ахд ал–ихтилал. Каир, 1948 (Изд. 2–е), сс. 41–43; 190–197; 207–208. Голдобин А.М. Национально–освободительная борьба народа Египта 1918–1936. М., 1989, сс. 20–22; Milner G.C.B. England in Egypt. London, 1926 (13–е изд.), сс. 308–309.

[41] Low S. Egypt in Transition. London, 1914, с. 223; Голдобин, Цит.пр., с. 23.

[42] Milner., Op. cit., сс. 308–312; Landau., Op. cit., с. 47.

[43] Ар–Рафии А.Мухаммад Фарид рамз ал–ихлас ва ат–тадхийа Каир, 1948 (Изд. второе), с. 311; Голдобин, Цит. пр., с. 23.

[44] На первой ступени каждые 50 избирателей в возрасте старше 20 лет выбирали делегата–выборщика в возраста 30 лет и старше, который выбирал депутата парламента.

[45] Ар–Рафии. Мухаммад Фарид, с. 315; Landau., Op. cit., сс. 55–58.

[46] Законодательный совет имел лишь право затребовать законопроекты, разрабатывавшиеся правительством.

[47] Ар–Рафии. Мухаммад Фарид, сс. 315–316.

[48] Wavell A.P. Allenby in Egypt. London, 1943, сс. 22–23; Landau., Op. cit., с. 58.

[49] Ар–Рафии. Мыср ва Ас–Судан, с.42–44.

[50] Ар–Рафии. Мухаммад Фарид, с. 319.

[51] Конституция 19 апреля 1923 г. – Конституции буржуазных стран. Том III, Москва, 1936, сс. 310–336.

С.Н.Серебров

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ПРОРОКУ ХУДУ[1]. ХАДРАМАУТ. Ю. АРАВИЯ. (Из путевых заметок участника СОЙКЭ)

В ноябре 1991 г. совместно с петербургским востоковедом М. Родионовым мы посетили главную святыню Хадрамаута – Кабр Худ[2].

Кабр Худ – название городка, расположенного в пустынной части вади Масила восточнее Тарима. Жилые и сакральные постройки теснятся в ущелье у подножия скалы, на которой высится мавзолей (кубба) кораического Пророка Худа[3]. На главной площади селения Кабр Худ[4] находится колодец, связывающий по легенде земной мир с вышним. От нее широкая многопролетная лестница ведет к куббе Худа. На каждом пролете – мечети и стоянки[5] авторитетных кланов Хадарамута. Городок заселяется паломниками со всего Хадрамаута и Йемена только на время ритуального посещения – зийары, участие в котором приравнивается к малому хаджу. В остальное время Кабр Худ опустевает и находится под охраной местного племени.

Верховенство в ритуале паломничества является признанием высшего авторитета за теми, кто его осуществляет. Самые могущественные кланы сада и машаих издавна соперничают за право руководить шествием паломников и произносить молитвы и проповеди. Многовековой ритуал отточен до мелочей. Здесь мы приводим краткую версию ритуала, изложенную нам одним из самых авторитетных духовных лидеров могущественного сейидского клана Бин Шейх Бу–бакр, 92– летним Шейхом бин Ахмадом, дядей живущего мунсыба клана.

Начинается зийара из Тарима 7 дня месяца шаабана. По пути следования делают остановки:

1–ый день – Эийнат. Здесь находится 7 мавзолеев[6] прославленного сейидского рода Бин Шейх Бу–бакр. Этот род имеет влияние на сильные племена бани–зунна и осуществляет посредничество при племенных усобицах между племенами тамим и манахиль, составляющими две основные ветви соплеменности бани–зунна. Этими же племенами ведется охрана Кабр Худа. Сейиды из рода Бин Шейх Бу–бакр за многовековую историю дали Хадрамауту блестящих ученых–суфиев и не менее прославленных вождей–политиков. 7 кубб Эйината –это общее признание могущества клана.

2–ой день (8–го шаабана) паломники идут по дороге Сумх–аль–Хун. Весь день они постятся. Прием пищи производится только вечером.

На 3–й день (9–го шаабана) к обеду приходят в селение Фугма, от которого уже виден купол мавзолея на противоположном берегу единственной реки Хадрамаута. Вечер и ночь паломники проводят в приготовлениях на площадке у реки – Сейлаа близ местечка бин Куба, в котором несут караул охраняющие племена.

На 4 день (10–го шаабана) в 7 утра шествие под предводительством сейидов, восседающих на конях под барабанный бой[7] (би–тыйяла) и развернутыми стягами (байарик) идут к реке Пророка (нахр наби Аллах) и совершают омовение.

После этого паломники поднимаются к «Мечети Михдара», камням на которых сейид Михдар в XV в. получил ниспосланное откровение о месте чудесного спасения Худа[8] Там совершают два ракята, читается сурат «Я Син»[9] и повторяют аль–фаватих (молитвы, открывающие церемонию). Затем движутся к колодцу «бир таслим», испытывая состояние радости и повторяя зикр субхан Аллах (Ля илахи илля – Ллахи – нет бога кроме Аллаха).

У поминального колодца (бир таслим) останавливаются и совершают покаяние (йасламун) над душами всех Пророков. Мунсыб из рода Бин Шейх Бу–бакр совершает молитву. От колодца шествие направляется к широкой парадной лестнице, покрытой нурой[10] (известью), поднимаются к мавзолею Пророка Худа, читая зикр без остановки.

Род сейидов аль–Шихаб из Тарима завоевал себе право верховенствовать во время молебна в мечети «Верблюдицы» (Нака), что между куббой Пророка Худа и мечетью сильнейшего машаихского рода Ба–аббад, которые также претендуют на особые отношения с племенами бани–зунна и покровительство комплексу Кабр Худ. У всех этих и других могущественных родов, участвующих в паломничестве – собственные ритуальные «вставки» во время зийары. Так, род аль– Шихаб объединяет прославленные кланы таримских сейидов аль бин факих, аль–хаддад, аль–эйдарус и др., слава которых связана прежде всего с ученостью и суфизмом. Они устраивают бдения (хадра) с медитацией под удары бубнов в мечети « Верблюдица» за два часа перед «зийарой к Шейху Бу–бакру», общим молебном под верховенством мунсыба из родв Бин Шейх Бу–бакр, на котором присутствуют все паломники. Эта «зийара» тоже проходит в мечети «Верблюдицы», но уже после восхождения к мавзолею Пророка Худа.

Само восхождение к мавзолею Пророка Худа называется «зийрат аль кудум» (посещение). Там наступает апогей церемонии. Любопытно, что несмотря на чудесное спасение Худа, от мавзолея вверх по склону борта долины ведут камни, которыми в Хадрамауте обозначают надгробия. Расстояние от изголовья до ног этого надгробия – около 13 метров, т.е. соответствует росту гигантов – легендарных предков живущих в Хадрамауте племен. После посещения куббы паломники спускаются на несколько маршев лестницы к мечети «Верблюдица» и начинается «бдение Шейх Бу–бакра» (хадрат Шейх Бу–бакр) с барабанами (тубуль) и пе-

нием гимнов (анашид). Два часа длится этот величественный процесс медитации, в ходе которого курятся благовония и паломникам предлагают кофе. Дневной азан[11] прерывает бдения и после дневной молитвы у «Верблюдицы» паломники вновь поднимаются к куббе под барабанный бой (тыйаля) и чтение фаватих. После этого отправляются от куббы – к дому мунсыба Бин Шейх Бу–бакра, где происходит ритуальная раздача угощений. Бараны для этого угощения покупаются на деньги мунсыба. После обеда официальная часть ритуала заканчивается.

Вечером паломники вновь поднимаются к куббе, но уже обычным порядком без барабанного боя и чтения фаватихи. Там они проводят 1 предзакатную молитву. После этого устраивается моуляд (торжественная, молитвенная церемония, посвященная Худу) под предводительством религиозного наставника, который обращается с проповедью к паломникам. Этот моуляд продолжается до самой вечерней молитвы.

Бедуины устраивают ночные пляски (мужчины и женщины вместе). Женщины для танцев живут в Бин–Кубе и не участвуют в зиайрах[12].

Наш информатор подчеркнул, что официальная часть собственно зийары Кабр Худ заканчивается молитвой у Верблюдицы и общим обедом у дома бин Шейх Бу–бакра.

Во время зийары продаются детские игрушки – верблюды и коняшки. Также привозят сухие финики и аль–фагш – кисломолочный напиток.

Однако сама зийара отнюдь не заканчивается. Она длится еще 3 дня. В последний, 10–ый день зийары от момента выхода паломников из Сейюна племена аль–манахиль шествуют под предводительством мунсыба (аль–Хамида из рода машаих Ба–аббад) с замилем (племенным кличем) от реки к скале Михдара, далее – к колодцу и далее – к куббе Пророка Худа, читая фаватиху и суру Я Син.

Свои «стоянки» имеют, кроме перечисленных родов, также машаих Ба–вазир (близ Шейх Бу–бакр).

Машаих Ба–аббад завершают племенную часть зийары.

Наш информатор не случайно отделил сущностную, духовную часть зийары от прочей, с его точки зрения менее важной, в которой участвуют и соперничающие за верховенство на зийаре с бин Шейх Бу–бакром роды сейидов и машаих. Так, таримские сейиды (аль Хаддад и Бель–факих), которые соперничают с эйинатскими сейидами также руководят зийарой утром во время шествия к мечети Михдара, и перед «зийярой аль кудум», затем в последующие дни. У каждого из них – родовые дома, у которых также производится ритуальная трапеза и молебны. При такой логике главным оказывается тот, кто ставит точку в официальной церемонии. По убеждению нашего информатора первым претендентом на эту роль является его собственный род.

Наш информатор сейид Шейх бин Ахмад, возможно один из немногих сохранившихся духовных лидеров Хадрамаута, которые помнят еще кавалькаду верховых сейидов с бубнами и знаменами, направляющихся во главе шествия к Худу. В наши дни туда приезжают на джипах и грузовиках.

Но значение Кабр Худ для Йемена остается чрезвычайно большим. Поэтому немаловажную роль играет и возвращение паломников после посещения мавзолея Пророка Худа. Наш информатор подчеркнул, что на обратном пути все паломники останавливаются в Эйинате для почитания 7 мавзолеев славного рода Бин Шейх Бу–бакр, читают сурат Я Син и фаватихи, т.е. повторяют в сознании совершенные молитвы у Пророка Худа.

Приведенное интервью дополняет другие сведения о зийаре Кабр Худ. Сама структура ритуальных действий сложна и многообразна. Противоречия, встречающиеся в рассказах о зийаре, отражают самым реальным образом имеющиеся аспекты политического соперничества. Главное состоит в другом: весь ритуал паломничества к Пророку Худу способствовал формированию специфического хадрамаутского самосознания, патриотизма. Для племен – это почитание не только мусульманского Пророка, но и вождя племени, который одним из первых был призван донести вероучение до населения Аравии. Для сейидов и шейхов – это возможность утвердить Хадрамаут на высокое место в мусульманском мире, а также утвердить господство своего мазхаба[13]. Для горожан – это мирная передышка и спокойные передвижения по территории Хадрамаута, т.к. в дни зийар войны прекращались.

Во время нашего посещения Кабр Худ в 1991 г. и раньше – в 1985 г. наши передвижения по комплексу происходили в сопровождении воинов из охранного племени. Повсюду, особенно при последнем посещении, велись ремонтно–восстановительные работы, обустраивалась торговая площадь у колодца. Некоторые жители близлежащего селения Фугма не скупились на пояснения к происходящей подготовке к проведению паломничества и всей церемонии, смысл которых значительно отличается от интервью одного из духовных лидеров эйинатских сейидов. Для них – это прежде всего общехадрамаутский праздник с величественными торжествами и весельем, торговлей и угощением. Это также первая по значению зийара, из тех, которые практикуются в Хадрамауте поныне. В отличие от локальных зийар (таких как зийары Нафхун в в. Амд или в Гейдуне в в. Дуан) или племенных (как племенная зийара сейбанитов у Моуля Матар), или даже более популярных зийар–ярмарок как зийрат аш–Шихр, паломничество в Кабр Худ утверждает единство и духовное первенство Хадрамаута, а не отдельного рода, племени или локуса. Она ставит Хадрамаут в число мест, имеющих особое значение для всех мусульман мира, т.к. позволяют ему претендовать на роли почитания после Мекки и других признанных святынь ислама. Известно, какую роль придают исламские мистики первенству. Мифы, которыми в Хадрамауте пронизана вся духовная жизнь говорят, что еще многие признаваемые исламом пророки домухаммедовской эры действовали в Хадрамауте[14], а среди них главный – Пророк Худ.

[1] В Коране 11 глава названа в честь Пророка Худа. В ней содержится рассказ о спасении Худа и гибели его народа – племени Ад, высокомерно отвергнувшего призыв Худа поклониться Богу истинному.

[2] Для автора это было второе посещение мавзолея в Кабр Худ. Первое произошло в 1985 г. В первом посещении участвовал также член СОЙКЭ с йеменской стороны – Абдель Азиз бин Агиль.

[3] Одна из известных генеалогий Худа: Худ б.Абделла б.Рубах б.аль–Джаруд б.Ад б.Авад. б.Арам б.Салим б.Нух (Пророк Ной).

[4] Перевод слова «кабр» – могила, захоронение.

[5] Термин «стоянка» здесь употребляется в смысле термина, применяемого суфиями – «макам».

[6] 7 кубб Эйината:

1. Шейх Бу–бакр (эпоним, умер ок. 900 г.х.)
2. Хусейн бин Шейх Бу–бакр.
3. Аль– Хамид.
4. Ахмад бин Хусейн.
5. Али бин Ахмад.
6. Салим бин Ахмад.
7. Ахмад бин Салим (отец информатора).

[7] Барабаны, бубны и стяги – атрибуты власти сейидов. Один вид этих атрибутов был способен остановить бой между воинственными племенами.

[8] Миф повествует о том, как верблюдица Худа превратилась в камень (округлый валун размером с дом, у которого расположена одна из главных мечетей комплекса. А сам Худ скрылся в разверзшейся трещине в скале, над которой и воздвигнут мавзолей.

[9] Кораническая сура 36 «Я Син» содержит вдохновенный призыв уверовать и последовать за верными учителями. Ослушникам уготована Творцом геена, а верующим – рай.

[10] Нура – от арабского «свет», «блеск» – известковое покрытие, которое защищает саманные постройки Хадрамаута от дождя и придает им неповторимую красоту. Хадрамаутские мастера добиваются идеально глянцевой поверхности слоя известки. Нура придает поверхностям в зависимости от состава либо ослепительную белизну, либо – матовую желтизну. На солнце в дни испепеляющей жары постройки, покрытые нурой, отражают энергию солнца, помогая сохранять прохладу, и создают особую красоту архитектуре.

[11] Азан – призыв верующих на молитву.

[12] Участие женщин в ритуале паломничества, по–видимому, допускается отдельно от мужчин в другой день.

[13] В Хадрамауте утвердился суннитский мазхаб шафиитского толка. С проникновением ваххабизма в города Хадрамаута, духовные отцы заботятся о сохранении потомства в лоне традиционного мазхаба.

[14] Среди них, в частности, упоминаемый в суре «Худ» пророк Салих (его народ жил в Тамуде).

С.Н.Серебров

ХАДРАМАУТ, ЮЖНАЯ АРАВИЯ. ПЛЕМЯ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ.

В 1984–91 гг. в рамках СОЙКЭ* нами проводились полевые исследования социального развития йеменской провинции Хадарамаут. Применялись разнообразные методы сбора информации: интервью, анкетирование жителей городов, беседы с населением в ходе многочисленных объездов долин и плато Хадрамаута. Одной из специальных тем наших исследований были вопросы миграций племен (местный термин принадлежности к племенам – "кабили"). На наш взгляд эта тема может иметь большое научно–практическое значение для прогнозирования развития подобных обществ.

1. Общество Хадрамаута в историческом контексте отношений община–кабили.

Л.И.Рейснер подметил фундаментальную роль баланса сил община–племя для характера всего развития восточного общества[1]. В частности, он обратил внимание на рецидивность исторического развития в тех обществах, где соотношение сил между этно–культурными комплексами, выраженными понятиями община и племя, находится в квазиравновесном состоянии (или с тенденцией к племенной доминанте). Исторические периоды успешного развития обществ в направлении формирования централизованного государства, в таких случаях, никогда не приводили в конечном итоге к преодолению потестарного наследия. Наоборот, это наследие прорывалось с большим или меньшим успехом наружу и препятствовало созреванию государства в полном смысле слова, со всеми его атрибутами власти и органами управления.

Хадрамаут в этом плане – уникальный образчик. В V–VI вв. массовые и повторяющиеся миграции воинственных племен из внутриаравийских пустынь в районы "счастливой Аравии" нанесли урон общественно–политическому положению провинции, но не могли уничтожить более высокую цивилизацию Хадрамаута, располагавшую к этому событию уже более тысячелетним опытом. Возможно отсюда и следует начинать отсчет формирования последующей хадрамаутской модели развития. После катаклизмов, связанных с племенными миграциями, исламизация об-

* Советско–йеменская комплексная экспедиция, начавшая работы в Хадрамауте в 1983 г.

щества Хадрамаута в VII веке, даже не сопровождалась коренной сменой элит[2]. Есть основания полагать, что некоторые кланы машаих (отсюда термин – "шейх" – член клана) сегодняшнего Хадрамаута – прямые потомки местной доисламской ученой аристократии. Приход из Басры в X веке и укоренение в качестве аристократической элиты общества потомков пророка Мухаммада (сейидов) в XП – XШ веках знаменательное событие социальной истории провинции исламского периода. Но и сегодня не смолкают споры хадрамаутских историков: способствовало ли формирование алидской аристократии в лице сейидов укреплению позиций общины в контексте противостояния племенам. Уж слишком широк был диапазон общественных ролей сейидов – от погружения в мистический мир суфизма с брезгливым отношением ко всему земному, до вооруженного верховенства в племенных войнах и создания своих собственных зарубежных финансовых групп. Самая значительная до нынешнего столетия попытка превращения Хадрамаута в государство "османского" типа, предпринятая касирийским султаном Хадрамаута, прозванным Бадром бу Тувейраком[3] в XVI в., блистательно провалилась, а ее автор закончил свою неординарную политическую карьеру в сейюнской тюрьме. Лишь в 30–е гг. XX в. с помощью британского советника Х.Ингрэмса, вписавшего в историю Хадрамаута эпизод под названием "мир Ингрэмса" и ставшего автором одного из первых серьезных исследований о Хадрамауте[4], начались реформы в направлении государственного строительства, которые к моменту победы освободительного движения в конце 60–х гг. оставались в незавершенной стадии.

Общество Хадрамаута и поныне сохраняет многие черты статусно–иерархического кастового строя[5], который еще совсем недавно поражал своим отчетливым и своеобразным знаковым языком западных востоковедов. Профессор Лондонского университета Р.Б. Саржент в своем великолепном выступлении в 1956 году нарисовал замечательный портрет хадрамаутского сейида – "консервативного, но не фанатичного, хорошо понимающего значение образования, часто – естественного лидера, сильного сознанием своего высокого права по рождению"[6].

Высокий статус сейида или шейха в хадрамаутском обществе сочетался с признанием военно–политического могущества и высокого статуса племен. Право кабили на применение "рифки" (запрета на продолжение действовать или говорить, нечто похожее на наше "замри" при произнесении формулы "анта марфук") в некоторых отношениях с простыми общинниками – дуафа (вариант перевода – "слабые") вошло в поэтический фольклор. Высокомерие кабили к безоружным "слабакам" (право на оружие было монополизировано кабили) и находчивость в сохранении чести и достоинства со стороны даифа – частый сюжет рассказов провинции[7].

В Хадрамауте мы находим весь арсенал культурных традиций, который позволял обществу сохранять некую устойчивость без участия государства и в мирное время, и в годы войн, которые значительно превосходят по продолжительности периоды мирного затишья.

Поведенческие нормы, присущие кастам Хадрамаута, этот древний инструмент социального контроля, – далеко не всегда эффективно преду-

преждали зарождение конфликтов на почве межкастовых, не говоря уж о межплеменных, различий. И все же в них заложены многие фундаментальные особенности хадрамаутского общества. Правило брачных соответствий (кафа') –несомненно одна из них. Принадлежность к касте ведется по отцу, но женщина не может стать женой того, кто ниже по происхождению. Поэтому подавляющее большинство браков в Хадрамауте происходит внутри одной касты, а обычно даже – внутри клана или племени. Среда некоторых групп населения до сих пор ортокузенные браки признаются предпочтительными. Признаками принадлежности к касте выступали одежда, поведение на улице, даже имя[8].

Наличие высоких межкастовых барьеров в условиях племенных усобиц часто вызывало конфликты. Тогда вступали в силу многочисленные институты посредничества в разрешении гражданских или межплеменных споров. Ниже мы приведем лишь наиболее типичные “третейские” инстанции традиционного хадрамаутского общества.

На уровне торговли “бедуинским товаром” (таким как скот, пальмовые ветви, ладан, древесный уголь и др.) посредничество в общении кабили с горожанами осуществляли далляли – непременные участники главных рынков Хадрамаута. Далляли, хотя и были представителями “слабаков” наделялись правом разрешения споров с бедуинами, находящимися в городе в период ярмарок. В прежние времена без участия далляля не обходилась ни одна сделка. Они были доверенными лицами бедуинов, знали их обычаи и нравы и умело пользовались этими знаниями для улаживания (или наоборот – разжигания) разного рода конфликтов с горожанами.

На уровне межплеменных отношений посредничество осуществлялось с особым тщанием, т.к. именно войны между племенами причиняли опустошение и страдания всей провинции. Мукаддамы – вожди всех ступеней племени вершили суды в спорах и конфликтах между соплеменниками. Хаким –признанный третейский судья (точнее – арбитр) той или иной группы племен. Он выдвигался из числа племенных вождей и имел авторитет среди соседствующих племен. Он вершил арбитражные разбирательства на основе племенного права – урфа. Хакимами племен выступали также авторитетные лидеры из числа машаих и сейидов. Как правило они были мансабами (формальными лидерами) самых влиятельных кланов аристократии. Мансабы вершили суд на основе мусульманского права шариата, если затрагивались интересы горожан, или урфа, если дело касалось только племен. И те, и другие правовые нормы были хорошо известны образованным сейидам и шейхам.

На уровне внутриклановых отношений среди сейидов и шейхов посредничество осуществлялось советами кланов (никаба)[9] и их председателями – мансабами. Некоторые кланы сейидов насчитывают десятки тысяч человек и десятки родовых ветвей, между которыми подспудно ведется соперничество. Сохранить единство и солидарность в таком коллективе, а заодно укрепить позиции клана в обществе – основная задача хадрамаутских никаб. Благодаря этим институтам ритуальные зийары – ярмарки вблизи хаут, сакральных мест, в которых имеются погребения

святых (предков тех же сейидов и шейхов) до сих пор привлекают массы паломников. Этим же клановым органам принадлежит важная роль в духовной и общественно–политической жизни общества. Они контролируют мечети, осуществляют сборы пожертвований, распределяют помощь, ведут многие гражданские дела. Визиты мансабов в зарубежные землячества нередко обставляются с пышностью визита глав государств.

Невозможно отрицать, что за тридцать лет пребывания Хадрамаута в составе государства Йемен, государственные органы власти и институты заметно потеснили традиционные механизмы социального регулирования. Но в то же время, нельзя не заметить, что последние 30 лет – ничто по сравнению с многовековым опытом преемственности, накопленным Хадрамаутом, начиная с древности, времени, когда государства Саба, Катабан и Хадрамаут составляли образцы высокоразвитой цивилизации Аравии, остающихся поныне значимыми для истории мировой цивилизации. Не только библейские или коранические тексты доносят до нас дыхание Хадрамаута той эпохи. Современная археология указывает на непостижимую связь дошедшей до нас материальной культуры Хадрамаута с культурой, отстоящей от нас на две с половиной тысячи лет[10].

2. Племя Батайс. Миграции и новые перспективы.

Новейшая история Хадрамаута изобилует драматическими эпизодами борьбы правящей элиты провинции с бунтарскими племенами, не желавшими поступиться своими “исконными правами”, в частности правом осуществления военно–политического контролирования подвластной им территории, реализации суверенитета в границах собственно племенной территории, правом взимание пошлин с феллахов и транзитных грузов, монопольным правом ведения караванной торговли и другими. Племена, в сущности не желали примириться и с привилегированным положением аристократических элит, ассоциироуемых с исламом (сейидов и шейхов, некоторые из которых ведут родство от ансаров). Так, в начале XX в. иршадистски настроенные племена, выступившие против “алидской”[11] исключительности обвиняли сейидов в нарушении фундаментальных эгалитаристских принципов исламского вероучения. Этот конфликт, сразу получивший большой резонанс в мусульманском мире, отнюдь не замкнулся в догматике, но и вылился в экстремистские акции, имевшие порой и кровавые формы. До сих пор среди племен, проживающих вблизи Тарима можно встретить сторонников иршадизма.

Однако, экономические причины вызвали куда более острый кризис племен. В 30–е годы XX века конфликт султана Ка'эйты (и его британских покровителей) с соплеменностью хумум. протекавший в городах Шихр и Дис был вызван в значительной мере конфликтом на экономической почве – приходом автомобильного сообщения и прокладкой автодорог которые сразу дали превосходство регулярной армии перед племенными вооруженными формированиями. В результате автомобилизации грузовых перевозок верблюдоводческие племена теряли экономический источник своего могущества. Никакие посреднические усилия, предпринятые

сейидами Хадрамаута не предотвратили кровавой развязки конфликта между племенами хумум и султаном.

За время, отделяющее упомянутое событие от начала наших работ в Хадрамауте прошло более 50 лет, сменилось 2 поколения кабили. Быт племен Хадрамаута уже давно приспособился к современным техническим средствам. Однако, состояние кризиса, вызванного коренными изменениями условий жизни племен и– их ролей в обществе продолжает сказываться в многочисленных примерах. На страницах йеменской прессы в более или менее завуалированной форме проводится мысль о "враждебности" племен новациям, "особой консервативности", если не присущей племенам "отсталости". Гораздо реже встречаются материалы, характеризующие реальные проблемы племен: острая нехватка воды, медицинского обслуживания, возможностей трудоустройства, оторванность от учебных учреждений.

В этом смысле наши исследования и наблюдения являются, возможно, уникальными. Нами были охвачены все основные ареалы проживания племен Хадрамаута: долины и плато, внутренние и прибрежные районы. Общее впечатление от наших исследований состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев племена демонстрируют чудеса изобретательности, позитивной воли и умения самостоятельно решать отнюдь не пустяковые задачи, поставленные временем.

Здесь мы рассмотрим в качестве примера племя батайс[12], которое в 1990 г. предоставило нам[13] возможность заниматься научными исследованиями как на своей территории (Сот Батайс), расположенной на аридном плато восточного борта вади Амд, так и в селениях проживания соплеменников.

История проживания племени в Хадрамауте тесно связана с миграциями. Переселение эпонима племени батайс (соплеменность нааман) в Хадрамаут из в. Джирдан, расположенной в соседней провинции, произошло по преданию ок. 300 лет назад, т.е. в середине–конце XVII в. При этом упоминается, что родоначальники батайсов – отец Бакр и 2 сына (Ахмад и Мушейаа бин Бакр), первыми обосновавшиеся на Соте, нашли тут автохтонных жителей из рода пахарей ба–кобен, которые издавна занимались в этих местах сезонным земледелием. Родоначальники нашего племени "выкупили" у пахарей землю на плато[14] и назвали его Сотом Батайс. В процессе работ мы нашли на территории Сота множество примет древнего обитании человека на плато: графитти на камне, изображающие сцены охоты на ибексов (каменных козлов), межевые камни, древние водосборники, дорожные плиты (сохранившиеся, возможно, со времен караванного пути благовоний от порта Каны в Средиземноморье). Актом приобретения земли было положено начало заселению Сота батайсами и полному вытеснению прежних жителей. В настоящее время нами было обнаружено в радиусе 15 километров 27 селений племени. При каждом селении имеется рукотворный обрабатываемый пахотный массив, орошаемый во время сезонных дождей и в них даже растут отдельные плодовые деревья (финиковые пальмы и сидры). На плато нет природных ис-

точников воды. Вода, используемая в быту, собирается во время редких дождей через отверстия на поверхности земли в сделанные под землей в известняке цистерны. Обычно эти водосборники находятся в коллективном пользовании. Воды в них хватает на 2–3 года, если засуха стоит дольше – воду доставляют бурдюками на ослах за много километров из озер в в. Рахийа. Сейчас также иногда воду привозят автоцистернами по небезопасному для автомобильного движения крутому серпантину. Столица Сота – Сидда, самое крупное, но скорее символическое селение с 9 огромными крепостями, олицетворяющими могущество соперничающих родов племени, оживает только в сезоны сельскохозяйственных работ, т.е. в сезоны редких дождей и сбора скудного урожая. Именно в Сидде расположена единственная на Соте школа с 3–мя комбинированными классами, куда приезжают и приходят ученики со всей 15–километровой округи Сота. В остальном Сидда – безлюдное селение. Например, во время нашего пребывания на Соте в 1990 г. в Сидде проживало всего 4 семьи. В противовес Сидде, главные селения наиболее могущественных родов батайсов были населены довольно густо и даже обустраивались (строились новые дома, мастерская для завезенного кем–то трактора и т.д.).

Следующая за обоснованием племени на Соте страница истории батайсов связана с миграцией иного характера – с экспансией одного из сильных родов племени (аль мансур бин ахмад) в близлежащую долину, в. Амд. Прямо внизу по левому борту плато располагались два оазиса, земля в которых принадлежала тем же пахарям из рода ба–кобен. Полтора столетия назад кабили из рода аль мансур провели успешную военную акцию, завершившуюся переуступкой орошаемых угодий племени. Отметим, что в устных рассказах о походе аль–мансур в долину, упор делается на отважный десант племени в долину и факт купли земли. Именно такая цепь событий устанавливает легитимность племенного господства на данной территории. Факт вооруженного насилия как бы играет подчиненную роль.

Сегодня в структуре племени батайс отчетливо выражены не менее 7 ветвей, каждая из которых самоидентифицируется с одним из предков рода (а одна ветвь – ба–зир, – с инкорпорированным в племя родом пришлых кабили). При этом родовое подразделение аль–Мансура, осуществившая упомянутое расширение племенной территории, претендует на роль мукаддама всех батайсов.

Приобретение и закрепление вождийских функций за определнным родом является коренным вопросом соперничества внутри племен Хадрамаута. В данном случае, как видим, та часть племени, которая расширила территорию батайсов не только не откололась от родного племени в результате переселения, но и укрепила свой статус во внутриплеменной иерархии. Было установлено также, что многие жители селений долины из племени батайсов до сих пор имеют долю в орошаемых угодьях плато и даже собственные дома на Соте (в частности, в орошаемом массиве селения Ба–Зумля, расположенного на Соте и являющегося вотчиной старейшины рода аль–мансур. часть земли принадлежала жителям

долины). Единство племени цементируют брачные отношения, участие в свадебных обрядах, родственных посещениях, принятых при обрядах перехода (например при обрезании мальчиков). Обилие обычаев и обрядов, призванных подчеркнуть самоценность принадлежности индивидуума–кабили к роду и племени так велико и столь эмоционально, что невольно задумываешься над тем, какие могучие позывы в характере кабили к атомизации, самовыражению они призваны обуздать.

Впрочем, "кабваля" – принцип родо–племенной солидарности, черта не только характерная для хадрамаутских племен, но и вообще для всех групп населения провинции[15].

Мы далеки от утверждений о замкнутости и узости мира кабили. Кроме упомянутой миграции в близлежащую долину батайсы имеют вековую историю миграций в Танзанию (Вост. Африка), в Индонезию, а также, разумеется, в соседнюю Саудию. В каждой из стран миграций сохраняются более или менее многочисленные отпрыски рода батайсов. В некоторых случаях связи с ними активны и сегодня. Отходничество в Саудию для племени составляет важнейшую предпосылку экономического выживания всего племени.

Мы хотим лишь заострить внимание на существенной специфике миграции племен – новые ареалы проживания рассматриваются ими прежде всего как ресурс всего племени. После миграции социальные отношения по–прежнему ориентированы преимущественно внутрь племени. Вовне племя выступает как некий единый коллектив, объединенный общими целями и мотивами.

На рубеже 80–х гг. объектом миграции батайсов становится растущий город в вади Хадрамаут – г. Кати. В 1985 гг. среди 41 опрошенных нами семей мигрантов в Катне совершенно случайно 6 оказалось из племени батайсов, в основном, – из числа жителей долинных селений. К 1990 г. таковых насчитывалось уже не менее 25. Все соплеменники проживают по соседству, образуют компактный городской квартал[16].

Материалы анкетирования мигрантов в Катне выявляют следующие особенности миграции батайсов:

– предпосылкой миграции является приобретение (строительство) собственного дома в городе;

– средства для покупки дома (минимальная сумма – 30 тысяч доллаpов) заработаны мигрантами или их родственниками чаще всего в Саудии;

– основным занятием кабили после переселения остается пчеловодство и торговля медом (самый прибыльный вид занятии после 70–х годов, когда, спрос на хадрамаутский мед среди хадрамийских землячеств в Заливе привел к баснословному удорожанию товара);

– мотивами миграции в г. Катн выступали либо экономические (близость рынка сбыта меда), либо – желание приобщить детей к образованию.

Параллельно с медовым промыслом выходцы из батайсов осваивают важные профессии на госслужбе. Представители племени служат по-

лицейскими в г. Сейюне – “столице” внутреннего Хадрамаута, в секретариате мамура (губернатора) в г. Хурейда – административном центре округа Амд. Один из младших сыновей старейшины вождийского рода батайсов окончил бакинское военное мореходное училище и рассчитывает на карьеру военного. Другой сын выбрал карьеру адвоката в Абу–Даби. Старший сын был убит будучи назначенным на высокий политический пост на территории соперничающего племени[17]. “Свои” люди в госаппарате начали лоббирование экономических проектов, имеющих важнейшее значение для батайсов. Так, они предложили внести в планы строительство асфальтированной автодороги на участке плато – долина, которая свяжет селения Сота с г. Катн и другими городами Хадрамаута, а также гигантского резервуара на Соте, питающегося по трубе от глубинной артезианской скважины, пробуренной в районе принадлежащих батайсам селении в в. Амд.

Нынешние мигранты, осевшие в г. Катн и других городах провинции не только регулярно обмениваются визитами с родственниками и соплеменниками на Соте, но и сохраняют там в порядке свои дома и пахотные наделы. Экономическая целесообразность при этом явно отходит на задний план. Гораздо более важную роль имеют соображения престижа и приверженность малой родине, свойственной кабили. Она остается для них символом единства племени.

Мигранты–батайсы в Катне единодушно указали, что хотели бы дать своим детям максимально высокое городское образование (!), которое невозможно в условиях Сота. Вместе с тем, они считают не менее важным параллельно дать детям основы “кабилийского” воспитания, для чего возят детей на Сот, приучают к традиционным занятиям (охота, выпасы скота, сельхозработы) и аскетизму “бедуинской” жизни. Излюбленные “мужские” развлечения юношей на Соте – стрельба из автоматического оружия и охота на ибексов (или даби – помесь дикого каменного козла и домашней козы) и вабров (жиряков). Богатые устные традиции старейшин племени передают детям богатство исторических и легендарных фактов из жизни Хадрамаута, на всю жизнь прививают им любовь к малой родине. “Воздух Сота свежее и лучше”, – говорят новые батайсы–горожане.

Взаимосвязь соплеменников, проживающих не только в разных частях Хадрамаута, но и раскинутых по всему свету, цементируется Сотом. При этом, старейшины и те немногие, которые проживают постоянно на Соте экономически поддерживаются всеми мигрантами, имеющими экономические возможности для этого. Они получают подарки и денежные переводы от родственников, а взамен следят за родственными владениями и поддерживают живую связь времен. Может быть – это какой–то новый вариант реципрокации?

В случае батайсов мы встретили пример племени, которое приняло вызов современности и ищет свои пути адаптации к переменам с привычных позиций, достойных звания кабили.

3. Миграции племен в города Хадрамаута.

Новые реалии в традиционном контексте.

В городе исторически лежали корни духовного и политического влияния Хадрамаута в странах акватории Индийского океана. Сегодня здесь зреют семена беспрецедентных для провинции новых общественных явлений. И хотя прогнозирование в социологии не всегда дает верный результат, рискнем проследить возможные последствия растущей концентрации племен в городах Хадрамаута.

Центрами притяжения мигрантов выступают, разумеется, самые крупные города (Мукалла, Шихр, Тарим, Сейюн), население которых превышает 30–50 тысяч жителей. На втором месте находятся быстро растущую города (как в нашем примере – г. Катн), население которых недавно перешагнуло за 15–20 тысяч. В этих городах сосредоточены органы власти, рабочие места, особенно в государственной сфере, учебные заведения и, наконец, современные коммунальные удобства. Никогда еще подобные города не становились объектом массовых миграций множества племен.

Естественно, города становятся ареной острого соперничества племен на многих направлениях: жизненное пространство (городская территория), трудоустройство (влияние в государственных органах), образование и т.п. К несчастью, этика племен резко ограничивает выбор занятий кабили в условиях хадрамаутского города. Даже те племена, которые традиционно специализировались на сезонном земледелии вряд ли выберут это занятие после переселения в город (в Хадрамауте основные пахотные угодья расположены вокруг городских центров). Известны случаи, когда профессии, приобретенные кабили во время эмиграции в Саудию, остаются неприменимыми на родине по соображениями престижности. Кабили, помимо профессии военных и чиновника, чаще всего выбирают профессии водителя грузовика, учителя, мастера строительной бригады (подрядчика), рантье... Многие при этом сохраняют привычки сезонных миграций на малую родину, где либо отдыхают, либо возвращаются к привычным занятиям.

Городские власти, сталкиваясь со сложными проблемами бытования племен в городах, часто не имеют представления о путях решения множащихся проблем. В результате – настороженное или враждебное отношение со стороны властей усугубляет положение кабили в городах.

По нашим наблюдениям, растущая напряженность в связи с растущей миграцией кабили в города становится весьма характерной чертой современной жизни Хадрамаута. Мы здесь можем высказать осторожное предположение, что возрождение роли традиционных институтов посредничества в этих новых условиях происходит гораздо активнее, чем желание (или умение) государственных и местных органов власти регулировать возникающие проблемы.

Вернемся к рассмотрению традиционных механизмов арбитража применимого к племенам. Раньше, когда территориальный суверенитет племени был неотъемлемым атрибутом общественной жизни, соприкосновение племен чаще всего происходило на границах племенных терри-

торий, во время перемещений торговых караванов по территориям, принадлежавших другим племенам и во время ритуальных посещений сакральных мест, зийар (и приуроченных к ним ярмарок). Хакимы – третейские судьи племен обслуживали только местные племена. Роль суперарбитров играли некоторые судьи из среды сейидов и шейхов. Обычно, если не было явно победивших или проигравших сторон, цель арбитражного разбирательства состояла в восстановлении статуса–кво с символическим наказанием очевидно виновной стороны (при краже –возмещение ущерба с небольшим избытком, при захвате недвижимости – возврат к исходным границам, при убийстве – взамен кровной мести (катль ан–ника) – умерщвление виновника или его соплеменника, реже – денежная компенсация, при телесном повреждении или нарушениях этических норм поведения – денежный штраф и т.д.). Гарантией исполнения приговоров таких судей выступал их личный авторитет и могущество, подкрепленное часто военной силой и властью над вооруженными племенами. Очевидно, что в условиях города накопленный опыт арбитражного разбирательства в значительной степени бессилен помочь. В условиях противостояния интересов племен на территории одного города не всегда возможно развести племена территориально (ибо нет возможности запереть жителей современного города в квартальные границы), а тем более обеспечить гармоничное распределение ограниченных по определению ресурсов (государственных постов, льгот и пр.). Естественным выходом из возникшего тупика должно стать формирование некоей новой суперэлиты, которая через соединение авторитета исламского духовного лидера и современных знаний найдет способы установления нового неформального господства над “урбанизованными” племенами, ставшими в результате этого несравненно более влиятельными и могущественными, чем ранее. Куда и кем повернется при этом энергия конфликта, зреющего в недрах хадрамаутского города – остается загадкой. Ясно только, что не в сторону возникновения мафиозных криминальных групп. Исключить этот вариант развития позволяет весь многочисленный социологический материал, накопленный исследователями в странах Востока.

Представляется, что первым кандидатом на лидерство в этих суперэлитах стоят сейиды, о которых профессор Саржент в конце своей речи писал “Какие бы перемены не принесло будущее– я не сомневаюсь, что сейиды останутся влиятельным элементом мусульманского общества”[18].

[1] Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного, М, 1984.

[2] М.Б Пиотровский. Южная Аравия в раннее средневековье. М. 1985.

[3] В 1520 г. смена тахиридских правителей в Адене способствовала переходу власти в Шихре, бывшего тогда столицей Хадрамаута и Дофара в руки младшего брата действовашего султана – Бадра бин Аблделла аль–Касири, прозванного Бу Тувейраком. Этому правителю приписывают крупные победы в подчинении племен и попытки реформирования всего общества в русле османизма.

[4] Ingrams H., Arabia and the Isles, L., 1952.

[5] Подробнее о кастах Ю.Аравии см. в статье С.Н.Серебров 'Традиционная социальная стратификация в Хадрамауте" в сб. "Ислам и традиционные социальные структуры стран Бл. и Ср. Востока", М., 1990, а также М.Родионов "Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута" в сб. Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потенциальные и политические функции." М,, 1993.

[6] R.B. Serjeant. The Saiyids of Hadramawt. Univ. of London, 1957, p.28–29.

[7] М.А.Родионов. Племена ал–Мишкаса: ал–хумум и са'ин. В сб. Кунсткамера, Вып. 1, С.–П. 1993, с.64.

[8] Саржент приводит народную поговорку: "Порой дают без смысла имена: даифу – Алави, а сеиду–Авад", 0р. cit. p. 10.

[9] Термин "никаба", что в современном арабском языке означает "профсоюз", даже получил трактовку в работах М.А.Саббана, сейюнского ученого–краеведа именно в смысле проведения аналогии с современными профсоюзными организациями.

[10] Городище Райбун. (Раскопки 1983–1987 гг.) Труды Советско–йеменской комплексной экспедиции, том 2., М., 1996 г.

[11] Алидами называют потомков Пророка по линии его дочери Фатимы и племянника Али.

[12] Этнографическую характеристику племени батайс см. в ст. M.Rodionov "The plateau–ans–Valley Complex in Hadramawt: Ba Tays Case study" in Studies in Oriental Culture and History. Festschrift for Walter Dostal. Frankfurt a/M, Wien, 1993, p. 172–184.

[13] В состав отряда входили вместе с автором этнографы М.Родионов и А.Погорельский, архитектор Ю.Кожин и археолог А.Седов.

[14] "Сотом" в Хадрамауте называют часть плато, имеющего пригодную для сельскохозяйственного использования почву. Непригодные для этих целей части плато называют "джолем".

[15] См. М.А. Родионов. Этнография Западного Хадрамаута. Общее и локальное в этнической культуре. М., 1994, с. 153.

[16] Квартальное деление городов Аравии ("низам харат") было характерно и для многих старинных городов Хадрамаута.

[17] Семья погибшего сына была взята на попечение следующим по возрасту сыном, взявшим вдову в жены. Левират, как в библейские времена все еще бытует в Хадрамауте.

[18] Op.cit., Serjeant, p. 29.

[1] Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного, М, 1984.

[2] М.Б Пиотровский. Южная Аравия в раннее средневековье. М. 1985.

[3] В 1520 г. смена тахиридских правителей в Адене способствовала переходу власти в Шихре, бывшего тогда столицей Хадрамаута и Дофара в руки младшего брата действовашего султана – Бадра бин Аблделла аль–Касири, прозванного Бу Тувейраком. Этому правителю приписывают крупные победы в подчинении племен и попытки реформирования всего общества в русле османизма.

[4] Ingrams H., Arabia and the Isles, L., 1952.

[5] Подробнее о кастах Ю.Аравии см. в статье С.Н.Серебров 'Традиционная социальная стратификация в Хадрамауте" в сб. "Ислам и традиционные социальные структуры стран Бл. и Ср. Востока", М., 1990, а также М.Родионов "Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута" в сб. Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потенциальные и политические функции." М,, 1993.

[6] R.B. Serjeant. The Saiyids of Hadramawt. Univ. of London, 1957, p.28–29.

[7] М.А.Родионов. Племена ал–Мишкаса: ал–хумум и са'ин. В сб. Кунсткамера, Вып. 1, С.–П. 1993, с.64.

[8] Саржент приводит народную поговорку: "Порой дают без смысла имена: даифу – Алави, а сеиду–Авад", 0p. cit. p. 10.

[9] Термин "никаба", что в современном арабском языке означает "профсоюз", даже получил трактовку в работах М.А.Саббана, сейюнского ученого–краеведа именно в смысле проведения аналогии с современными профсоюзными организациями.

[10] Городище Райбун. (Раскопки 1983–1987 гг.) Труды Советско–йеменской комплексной экспедиции, том 2., М., 1996 г.

[11] Алидами называют потомков Пророка по линии его дочери Фатимы и племянника Али.

[12] Этнографическую характеристику племени батайс см. в ст. M.Rodionov "The plateau–ans–Valley Complex in Hadramawt: Ba Tays Case study" in Studies in Oriental Culture and History. Festschrift for Walter Dostal. Frankfurt a/M, Wien, 1993, p. 172–184.

[13] В состав отряда входили вместе с автором этнографы М.Родионов и А.Погорельский, архитектор Ю.Кожин и археолог А.Седов.

[14] "Сотом" в Хадрамауте называют часть плато, имеющего пригодную для сельскохозяйственного использования почву. Непригодные для этих целей части плато называют "джолем".

[15] См. М.А. Родионов. Этнография Западного Хадрамаута. Общее и локальное в этнической культуре. М., 1994, с. 153.

[16] Квартальное деление городов Аравии ("низам харат") было характерно и для многих старинных городов Хадрамаута.

[17] Семья погибшего сына была взята на попечение следующим по возрасту сыном, взявшим вдову в жены. Левират, как в библейские времена все еще бытует в Хадрамауте.

[18] Op.cit., Serjeant, p. 29.

И.М.Смилянская

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АРАБСКИХ СТРАН В НОВОЕ ВРЕМЯ

В 1980–90–е гг., в условиях кризиса исторической науки, который был осознан равно марксистской историографией, школой Анналов и культурологией, основанной на структуралистских методах, историки вновь обратили свое внимание на политическую историю – эту, казалось бы, одну из ранних форм исторического знания. Они повернулись к политической истории, поняв, что ограничение исследовательских интересов занятиями социальной и экономической историей и культурологией привело к потере цельности исторического знания. Эту мысль сформулировал, в частности, английский историк Лоуренс Стоун («...оставив в стороне государственную политику и государственные структуры, исторические исследования лишились центра притяжения»)[1].

Ситуация усугубилась тем, что увлеченность социально–экономической и культурной историей («Экономика, общество, культура – вот те области, которые примерно полвека назад завладели вниманием историков»)[2] сочеталась с сознательным пренебрежением политической историей, рассматриваемой как история событийная и потому поверхностная (согласно французскому историку, вышедшему из школы Анналов, Ж. Ле Гоффу, «с точки зрения школы Анналов, такая триада – политическая история, история повествовательная и событийная история – омерзительна»)[3]. Однако в начале 1990–х гг. Ж. Ле Гофф уже признавал значение политической истории, назвав ее «ядром» исторических знаний. («Подобно нашей эпохе, являющейся отныне эпохой не анатомии, но атома, политическая история – не «становой хребет», а скорее «ядро» истории»)[4].

Поворот интереса к политической истории отнюдь не означал возврата «на круги своя». Напротив, обозначилось стремление наново определить содержание понятия «политическая история», возник даже термин «новая политическая история», который ввел, по–видимому, Ж. Ле Гофф. Одновременно начались активные поиски методов ее изучения, позволяющих избежать поверхностности истории событийной.

Однако, в определении понятия «политическая история» в новом ее смысле между историками нет единства мнений: Л.Стоун под ней понимал прежде всего «государственную политику и государственные структуры»[5]. Между тем Ж. Ле Гофф, как представляется, справедливо ставит во главу

угла определения политической истории проблему власти (первый и главный, как он полагает, вклад социологии и антропологии в политическую историю). «...Анализ политической истории в категориях *власти* выходит и должен в интересах дела выходить за рамки, очерчиваемые при изучении политической истории в категориях *государства и нации*», – утверждает он[6]. Обратившись к рассмотрению труда П.Э.Шрамма о королевской власти в средневековой Франции, в котором характер королевской власти раскрывался через изучение ее атрибутов и государственной символики, Ж. Ле Гофф приходит к выводу о том, что обращение к понятию власть позволило Шрамму раскрыть роль королевской власти полнее и глубже, чем он мог бы это сделать «через использование устаревшей концепции государства»[7].

С доводами Ле Гоффа нельзя не согласиться тем более, что сфера политики и политического по сути очерчивается отношениями властвования, а эта сфера выходит за границы только проблем государства и государственной власти.

Развивая свою мысль о новом содержания политической истории, Ж. Ле Гофф призывает историков обогатить арсенал проблем политической истории вопросами и методами смежных наук (она должна быть «регенерированной другими науками о человеке») – социологией (представлением о политических элитах), политической антропологией (с ее интересом к политическому конфликту), семиотическими системами политического (ритуал, поведение, сознание), наконец, политологией. Однако, оставаясь в плену представлений школы Анналов, Ж. Ле Гофф склонен в области политологии придавать большее значение политическому менталитету, чем кардинальным проблемам политологического анализа. Впрочем, это естественно для историка–медиевиста, исследующего историю общества, в котором сфера политики находилась в зачаточном состоянии.

Французский медиевист обратил внимание на весьма важное обстоятельство, которое, как будто, прошло мимо внимания историков: он заметил, что понятия «политика» и «политический», хотя и восходят к античному термину «полис», но получили распространение во французском языке только в XVI и XVII вв. К этому можно добавить констатацию немецкого «Этимологического словаря» Дудена (1989) того, что немецкий термин «политика» (Politik) заимствован в XVII в. из французского politique, который, в свою очередь, восходит к позднелатинскому politice – «искусство управления государством» (происходящему от греческого politikē в том же значении).

Характерно, что к XVI—XVII вв. относится и появление в европейских языках понятия «интрига», занимающего важное место в политической лексике. В лексикон политики интрига сошла с подмостков нового театра, прежде всего итальянской комедии дель арте. По–видимому, к эпохе становления (в известных случаях и развития) новой политики, как и появления нового театра, относится заимствование политической лексикой поня-

тий из театрального обихода (акт, действие, интрига, кулисы, кулуары, роль, сцена, сценарий и т.п.)[8]. Все это не означает, что до XVI—XVII вв. во Франции и Германии не существовало политики, а также традиционного лицедейства. Это свидетельствует о том, что в культурно–политической жизни произошли важные изменения, нашедшие свое отражение в языке. О таких кардинальных сдвигах говорят также изменения в идеологическом обосновании государственной политики: это обоснование лишается религиозно–этических одежд и облекается в формы государственного интереса с, во многом мистифицированным, представлением о всеобщности подобного интереса. По существу, с этого времени политика утрачивает в своих стимулах этические начала.

Между традиционным представлением о том, что политика является искусством управления государством и современным определением этого понятия[9] лежит целая историческая эпоха формирования ткани современной политической жизни. Анализ внутреннего содержания этого процесса и составляет, по моему мнению, основную задачу изучения политической истории нового времени.

* * *

Ж. Ле Гофф определяет задачи современной исторической науки, исходя из опыта исторических (по преимуществу медиевистических) исследований отечественной истории – области, наиболее разработанной на материалах старого Света. Между тем, востоковедение, будучи более молодой отраслью научного знания, все еще в значительной степени остается на периферии историографического процесса, заимствуя проблематику, методику, приемы критики источников из исторических исследований европейской истории[10]. Логика развития науки принуждает востоковедов все еще пользоваться тем историографическим инвентарем, который Ж. Ле Гофф называет «старыми бесами»[11].

И тем не менее, путь развития историографии новой истории арабских стран, позволяет сделать заключение о том, что отечественная арабистика подошла к осознанию необходимости обратиться к поиску новых методов изучения политической истории.

Безусловно, в фундаменте рассматриваемой научной дисциплины лежит событийная, повествовательная политическая история в традиционном ее понимании. Но изучение политической истории арабских стран в отечественном востоковедении, развиваясь преимущественно в лоне марксистской историографии, сопровождалось анализом социально–экономических и социально–политических проблем, а в последнее десятилетие работы по новой истории арабских стран начали заимствовать проблематику историко–антропологических исследований. (Я имею в виду прежде всего монографии В.Б.Луцкого, Н.А.Иванова, Л.Н.Котлова, С.Р.Смирнова, Н.С.Луцкой, А.В.Васильева, М.А.Родионова). Параллельно создавались специальные исследования социально–экономических проблем с преобладанием экономического (Л.А.Фридман, Ф.М.Ацамба, И.М.Смилянская) или социального (А.И.Першиц, позднее, М.Ф.Видясова,

Б.Г.Сейранян) анализа, а также социально–политических аспектов национально–освободительного движения (Р.Г.Ланда, Н.Н.Дьяков, В.С.Кошелев). В работах более молодого поколения ученых социальный анализ углубляется социально–психологическим (В.И.Дятлов, В.О.Бобровников). Своего рода системность всему комплексу этих исследований придает изучение общественной мысли (З.И.Левин) и религиозно–институциональной сферы (С.А.Кириллина)[12].

Наконец, два последние десятилетия отмечены интересом к изучению политической истории арабских стран нового времени через анализ государственных институтов, общественно–политических структур и социально–политических конфликтов. Работая в этом направлении, Е.И.Зеленев и Д.Р.Жантиев акцентируют внимание на социально–политических проблемах, а В.С.Кошелев и Б.Г.Сейранян – на вопросах становления партийной и конституционно–парламентской систем[13]. Иными словами, исследуются разные аспекты процесса становления современной (т.е. присущей новому времени) политической жизни.

Из этих, пока еще разрозненных и частных исследований постепенно вырисовывается (преимущественно на материалах истории Сирии и Египта) картина возникновения новых государственных структур и институтов, а также современных форм политической организации общества. Сложнее реконструировать такие важные сферы политической истории арабского общества как характер политического процесса, политическое поведение масс и массовая политическая культура (включая политическую ментальность).

Основные этапы своей политической трансформации арабский мир пережил под сильным воздействием европейских институтов на протяжении всего одного столетия – начала XIX—начала XX в.[14]. Однако цивилизационные особенности этого процесса, а главное неизжитость черт традиционализма подчас заслоняют исследователям смысл общественно–политической его перестройки. Картину этой эволюции может отчасти прояснить сопоставление организации политической жизни традиционного (в рамках XVIII в.) и нового (XIX–начала XX в.) арабского общества.

* * *

Верховная власть в традиционном арабском обществе, входившем в состав Османской империи, была авторитарной и располагала авторитетом власти сакральной. Вместе с тем этому обществу была присуща множественность властных центров, или широкая диффузия власти, что являлось следствием социально–экономической и политической организации общества. Несмотря на весьма зрелую форму (в сравнении со средневековыми европейскими государствами и большинством восточных империй), государственное устройство Османской империи строилась на принципах феодальной, а не буржуазной централизации.

Властные полномочия в империи, едва ли не в полном объеме, делегировались верховной властью ниже стоящим должностным лицам. Неслучайно в указах о назначении на должность в мусульманских государ-

ствах Средневековья существовала формула: место вновь назначенного на должность «является нашим (т.е. султана) местом, а его присутствие – нашим присутствием»[15]. В свою очередь высшие сановники государства, передавали свои полномочия назначаемым ими низшим должностным лицам. И так властные функции распределялись по всем ступеням должностной иерархии. А поскольку должность рассматривалась как инструмент для приобретения средств существования и даже богатства, то сфера властных полномочий воспринималась едва ли не как пожалование и условное владение. Кстати, в выше цитировавшемся сельджукском документе XII в. назначение на должность осмысливалось как передача во владение должностному лицу жителей и угодий подведомственной территории[16].

На низших ступенях должностной иерархии, как правило, располагалась местная землевладельческая знать, обладавшая этими должностями наследственно. Соответственно низшие ступени административно–территориального деления подчас сливались с условным землевладением. Помимо должностных лиц долей публичной власти пользовались откупщики налогов–мультазимы и владельцы откупных территорий (мукатаджи и обладатели маликане). Некоторые функции публичной власти исполняли улемские и воинские корпорации[17].

Наконец, для традиционного общества был характерен развитый институт местного (сельская община, городской квартал) и корпоративного (торгово–ремесленные гильдии, суфийские тарикаты, мазхабы, землячества и т.п.) самоуправления. Внутренняя организация этих объединений не отличалась демократизмом, будучи основана на признании сильного авторитета избранного или наследственного главы общины и корпорации и лидирующих внутри них знатных семей.

Наличие многочисленных центров власти сочеталось с ограниченным набором властных функций, которыми располагало государство. Эти функции сводились к изъятию у сельского и городского производителя прибавочного продукта и его перераспределению в среде господствующего «класса», обеспечению на территории государства судопроизводства и безопасности населения, поддержанию религиозного культа. Известную роль играла также деятельность, направленная на создание условий для воспроизводства.

Механизм распределения властных полномочий, участие местной аристократии в отправлении публичной власти, развитое самоуправление, ограниченность функций государства, при отсутствии должного контроля и эффективных средств для их исполнения, были питательной почвой для проявлений местного сепаратизма. Однако этот сепаратизм не вырастал до уровня регионального; исключение составила неудавшаяся попытка создания независимого государства Али–беем и его союзником шейхом Дагером, опиравшимися на поддержку российских военно–морских сил, иными словами, использовавшими неординарную внешнеполитическую

обстановку, которая сложилась в Восточном Средиземноморье во время русско–турецкой войны 1768–1774 гг.

В Сирии арабский политический регионализм еще не имел для своего проявления ни социально–экономической, ни общественно–политической базы: в политическом и экономическом отношениях господствующий «класс» распадался на небольшие прослойки соответственно профессиональным занятиям и источникам средств к существованию и богатства; у этих прослоек отсутствовали широкие общественные цели и импульсы для участия в общественно–политических движениях регионального размаха. Местная знать (например, род аль–Азмов), включенная в государственный аппарат, достигнув высоких постов, сливалась с османским правящим слоем и охотно воспринимала османский образ жизни.

Взаимоотношения внутри политической элиты строились не на общности взглядов и общественных интересов, но на личностных связях; наиболее прочными были узы семейно–родственные. Личностные связи преобладали и в среде должностных лиц, чему способствовала сама организация государственного аппарата.

Хотя в Османской империи происходил процесс разделения правительственной структуры и двора (изученный М.С.Мейером), полного разделения служб великого визиря и султанского дворца не произошло. То же явление наблюдалось на всех ступенях должностной иерархии: вали являлся в провинцию со своей челядью, копировавшей султанский двор, и эта челядь исполняла функции государственных служащих. Иными словами, в управлении большую роль играл институт неформальных должностных лиц. В результате между теми, кто исполнял государственную службу, доминировала не служебная субординация, а межличностные отношения.

В самой системе рекрутирования высших должностных кадров преобладали не столько учет профессиональной пригодности, сколько личные симпатии и преданность. Профессиональное обучение высших сановников происходило в дворцовых школах, а система девширме (равно и использование на службе рабов–мамлюков) культивировала отношения полурабской привязанности к патрону (султану или мамлюкскому бею), что укрепляло авторитарный характер публичной власти, органично уживавшийся с патернализмом.

Должностные назначения в провинции определялись благосклонностью и покровительством стамбульских высших сановников, прежде всего великого визиря и кизляр–аги, главы черных евнухов, персонифицировавших правительственные и дворцовые службы. Судьба великих сирийских пашей из семейства аль–Азм во многом зависела от соперничества и перипетий междоусобной борьбы этих двух государственных мужей. Благосклонность же стамбульских сановников щедро оплачивалась из вилайетских доходов пашей.

Личностные отношения между чиновниками порождали соперничество, амбиции, местничество, обиды, но и сопровождались обменом дарами и услугами. Эмоции, а не холодный расчет в значительной степени руководили поведением должностных лиц. Главным приемом в междоусобной борьбе было безжалостное устранение соперника путем кровавых расправ или ложных доносов в столицу. Впрочем, беспредел во взаимоотношениях внутри политической элиты имел свои границы благодаря иерархичности ее структуры и принятым нормам поведения. Речь идет о должностной иерархии и семейно–клановом ранжировании, наиболее ярко выраженном в Горном Ливане, где звания эмира, шейха, мукаддама превратились в наследственные титулы, определявшие внутрисословное положение того или иного знатного рода и семейно–брачное поведение его членов. Иерархический и сословно–профессиональный статусы семьи налагали свои ограничения на ее политические претензии и определяли политическое поведение ее членов (скажем, духовенство должно было сторониться политической власти). Нормативность, следование обычаю определяли образ жизни и масс, и элиты.

Поскольку служебный пост открывал дорогу к богатству и создавал положение в обществе, он становился главным объектом столкновений между теми, кто по своему сословному статусу мог претендовать на такой пост. В борьбе за место в должностной иерархии претенденты опирались на группы населения, ими патронируемые. Таким путем создавались целые коалиции, участвовавшие в столкновениях разных группировок элиты. Соперничество в борьбе за место в государственном аппарате составляло главный смысл политической жизни провинциального общества.

С конца XVII в. в городах Сирии и Египта заметно обострились столкновения между городскими группировками за государственные должности и те привилегии, которые влекло за собою пребывание на государственной службе. Получили распространение стычки между османскими властями и теми же группировками, стремящимися оказать давление на городскую политику османских властей. В Египте, где османская власть утеряла свое господствующее влияние, борьба велась между мамлюкскими домами за места в провинциальном аппарате и положение в мамлюкской иерархии.

Временные рамки этого кризиса позволяют его связать с развитием городских сфер экономики, ранними признаками предбуржуазных изменений, обеднением и дефеодализацией отдельных групп военных, все более широким включением землевладельческой верхушки в городские виды экономической деятельности, а также укреплением позиций в государственном аппарате местных кланов, т.е. изменением соотношения сил центра и периферии. С известной долей уверенности можно полагать, что кризис был следствием перестановки сил в среде социально–политической элиты, вызванной указанными изменениями. Начался передел источников доходов: ильтизамов, права контроля за таможнями, поставками продовольствия на городские базары и т.п.

Традиционная элита располагала издавна отработанными способами организации коалиции сторонников. Помимо простонародья, патронируемого лидирующими семейными кланами и находящегося от них в зависимости (это могли быть общины феллахов, городские кварталы или ремесленные цехи), использовались союзы с бедуинскими племенами или псевдоплеменными объединениями оседлого населения, подкрепленные брачными связями, а иногда институтом заложничества. Обычно подобные коалиции были устойчивы и сохранялись на протяжении нескольких поколений. Немалую роль в ориентации союзнических отношений играла мифологическая генеалогия арабских кланов – их принадлежность к кейси или йемени (в Горном Ливане с исчезновением йемени знать разделилась на джумблати и язбеки, согласно лидирующим родам). Устойчивость таких союзнических объединений можно объяснить тем, что они создавались не для реализации политических программ (собственно их и не возникало) или сиюминутных интересов, напротив эти коалиции сами влияли на формирование интересов. Они были призваны гарантировать сохранение баланса политических сил и безопасность его членов.

Самым радикальным и испытанным столетиями способом достижения целей в политической борьбе была организация смуты – фитны, когда в междоусобную борьбу кланов или антиправительственное их выступление искусно втягивались массы, которые идентифицировали собственные корпоративные интересы с победой той или другой группировки. Традиционные «политики» обладали опытом дирижирования народными эмоциями, умело используя возбуждение толпы и направляя его в угодное им русло. При этом они не чурались прибегать в своих политических играх к тайным связям с криминальными элементами. Только к концу XIX в., когда в обществе утвердились современные формы политической жизни и массы оказались под влиянием новых социально–политических сил, фитна отошла в прошлое.

* * *

Главный импульс к трансформации ближневосточного общества и возникновению новых форм политической жизни исходил от государственной власти. В результате административно–управленческих реформ второй половины XIX – начала XX в. был положен конец существованию множественности властных центров, присущему традиционному обществу. Произошло строгое разделение властных, управленческих, функций, сосредоточенных в центральных органах власти в Стамбуле, и административных, исполнительских, в провинции.

Государственное управление стало основываться на началах буржуазной централизации. На принципах подчинения сверху вниз был создан разветвленный административный аппарат с достаточно четко выраженной должностной субординацией.

Расширился круг функций госаппарата за счет более целенаправленного вмешательства государственной власти в экономическую жизнь. В государственном ведении оказались не только финансы, но и светское

образование, санитарная служба и здравоохранение, связь. Были созданы государственная судебная система и светское законодательство. Значительному ограничению подверглась сфера самоуправления, часть ее функций отошла госаппарату и полупредставительным органам – местным советам. Несмотря на консерватизм выборной системы – цензовые ограничения, введенные для выборщиков и кандидатов в члены советов, и двухстепенный характер выборов –, в политической практике начала утверждаться представительная система. В городах были впервые созданы муниципальные органы власти – городские советы.

Итак, были сделаны важные шаги в направлении создания централизованного государства буржуазного типа. Решительно изменился характер должностных лиц: из обладателей государственных постов, слабо контролируемых сверху, они превращались в наемных государственных служащих с точно определенными функциями, правами и обязанностями. Возник социально однородный бюрократический слой, профессионально подготовленный и отчасти европеизированный, обладавший общими интересами.

Создание нового госаппарата потребовало развития светского образования – организации сети государственных школ. Возникла необходимость в воссоздании средств связи и информационной инфраструктуры – проведении телеграфных линий, строительстве железных и шоссейных дорог, открытии регулярных пароходных рейсов, создании официальных органов прессы. Наиболее капиталоемкое строительство было осуществлено с помощью иностранных компаний. Все эти нововведения оказывали влияние на сознание и образ жизни общества.

В Египте роль государства в становлении новой структуры политической жизни, а также создании новых форм собственности, как и его влияние на экономическое развитие, были еще значительнее. В частности, правительство хедива опережало османские власти в создании конституционно–представительных органов власти.

Безусловно, процесс становления нового политического пространства в арабском мире происходил сложно и новые институты были обременены наследием традиционализма. Сама трансформация во всех ее противоречиях и сложности еще ждет своих исследователей.

В процессе упомянутых изменений имела место секуляризация общественного сознания, которое очень медленно освобождалось от сакрализации верховной власти. (В Египте власть хедива уже не имела священного ореола). Возможно, роль харизматической личности в политической жизни современного Востока обусловлена обожествлением верховной власти на протяжении всей предшествующей его истории. В Марокко в XX в. в неожиданной форме проявились последствия существования религиозно–политических связей между горскими берберскими племенами и султаном–халифом: берберские племена отказывали султану в признании его суверенитета над их территорией на том основании, что пле-

мена признавали всего лишь духовный авторитет марокканского султана–халифа[18].

Однако заметный импульс к перестройке политической сферы был дан также изменением социальной структуры общества и, как его следствием, возникновением новых форм общественной активности. В сущности развитие новых форм политической жизни шло параллельно становлению гражданского общества, точнее сказать было частью этого процесса. В ходе нового классообразования возник торгово–предпринимательский слой и современная земельная аристократия. Это были социальные слои, втянутые своей деятельностью в мировые рыночные связи и ориентировавшиеся в политике на широкие общественные и экономические интересы.

Новая элита отличалась склонностью к культурной и общественно–политической деятельности, поначалу в лоне просветительства и исламской реформации, а затем и в национальном политическом движении. Ее усилиями и на ее средства создавались частные школы, научные общества, внеправительственная печать, театр, постепенно становившиеся доступными для широких кругов городского населения. Все это подготавливало общество к участию в новой общественно–политической жизни с ее широкими общественными интересами.

Это было время национальной самоидентификации, рождения чувства патриотизма. Однако, отсутствует ясность в вопросе о том, чем можно объяснить сложный путь становления национального сознания, длительного существования некой иерархии представлений об этнической принадлежности (к имперской общности – османизму, общеарабской нации, региональной этнической целостности): проявились ли в этом незавершенность этнонациональных процессов, или влияние имперской идеологии, или реакция на угрозу независимости со стороны европейских держав и процесс становления национально–освободительного движения?

Еще предстоит изучить, какой отпечаток на характер и темпы становления современного политического процесса наложил колониализм; какое влияние на пути возникновения партийной системы оказала европейская политическая культура (в частности, масонские организации).

Реформы, осуществляемые государством, и общие перемены в политической сфере вызвали к жизни традиционалистскую (консервативную), а позже реформаторскую (либеральную и радикальную оппозицию правительству). Консервативная мусульманская оппозиция пыталась оказать давление на правительство испытанными средствами – организацией своего рода фитны, в частности, через использование напряжения в христианско–мусульманских отношениях (например, резня христиан в Дамаске 1860 г.)

С развитием реформаторской оппозиции, представленной выходцами из новых слоев населения – интеллигенции, чиновничества, офицерства новой армии, воспринявших европейские политические ценности, во

многом следует связывать становление современных форм политической жизни.

[1] Стоун Л. Будущее истории. – THESIS, 1994, № 4, с. 164.

[2] Ле Гофф Жак. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? – Там же, с. 179.

[3] Там же, с. 181.

[4] Там же, с. 190.

[5] Согласно традиционному определению политической истории Хейзингой, она «исследует свои собственные объекты: государственные учреждения, мирные договоры, войны, династии, само государство». См.: Там же, с. 178.

[6] Там же, с. 181

[7] Там же, с. 184.

[8] О становлении понятия политическая интрига см.: *И.М.Смилянская*. «Интрига» в политической жизни Сирии и Египта XVIII в. (в печати).

[9] Одно из современных определений понятия политика: «Деятельность, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, партиями и государствами; участие в делах государства, определяющее форму задачи, содержание его деятельности». – «Современный словарь иностранных слов» М., «Русский язык», 1993, с. 478.

[10] Так, американская арабист Ненси Галлахер (Nancy Elizabet Gallagher. Approaches to the History of the Middle East. Ithaca press, Berkshire, 1996) видит передовой край востоковедных исследований в изучении экономики, общества и культуры, исследуемых современными методами. Для нее олицетворением «старых бесов» в востоковедении является «ориентализм», или, согласно нашим представлениям, «академическое востоковедение».

[11] Хотя Ле Гофф сознает сложность разграничения старого и нового подходов к изучению «политической истории», он тем не менее определяет эти границы. Политическая история,– пишет он,– «кажется, по–прежнему склонна удовлетворяться полумерами: признав необходимость подняться от уровня событий и жизнеописаний великих людей... на уровень институтов и правящих кругов, она не желает сбросить путы архаических представлений о государстве и образе правления. Она не в состоянии защитить себя от диктата узкоюридических концепций... Она легко растворяется в истории идей и политической мысли, совмещая поверхностный анализ политики с поверхностным изучением идей. Даже при наличии доброй воли исследователя она остается самой хрупкой из историй, более всего подверженной опасности быть побежденной старыми бесами». (Ле Гофф. Указ.соч., с. 190).

[12] Этот перечень исследовательских направлений и авторов наиболее крупных работ не претендует на полноту, К тому же подобная систематизация исследований не в состоянии отразить всю широту направлений, в которых работали упомянутые историки–арабисты.

[13] См.: «Государственная власть и общественно–политические структуры в арабских странах. История и современность», ред. кол. И.П.Иванова, М.Б.Пиотровский, И.М.Смилянская. М., 1984; *И.М.Смилянская*. Османское про-

винциальное управление и общественные институты в Сирии XVIII в – «Государственная власть и общественно–политические структуры...»; *ее же*, Городской бунт (Сирия и Египет XVIII–начала XIX в.) – Восток, 1991, № 2; *Е.И.Зеленев*. Эволюция османского провинциального управления в Сирии в XIX–начале XX в. – «Восток в новое время. Экономика. Государственный строй», отв. ред. Г.Г.Котовский, И.М.Смилянская. М.,1991; *его же*, Османизм и его роль в общественно–политической жизни Сирии: вторая половина XIX–начало XX в. Л., 1990; *Д.Р.Жантиев*. Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи в конце XVIII–начале XX века. М., 1998: *В.С.Кошелев*. Зарождение организационных структур национально–освободительного движения в Египте в конце 70–х–начале 80–х годов XIX в.– «Государственная власть и общественно–политические структуры...»; *его же*, Консультативное собрание депутатов в Египте (1866–1879 гг.).– «Восток в новое время...»; *Б.Г.Сейранян*. Конституционное движение в Египте в XIX–первой четверти XX в. – См. настоящий сборник.

[14] По стадиальным характеристикам и темпам развития арабский мир в новое время был весьма разнороден. Часть арабских стран входила в состав Османской империи, зрелой военно–бюрократической монархии. На периферии империи располагалось арабо–берберское общество Магриба с его рыхлой государственной структурой, а также общество Аравийского полуострова с государственными образованиями патримониального типа и территориями племенной организации, лишенными государственности. Несмотря на свою разнородность, арабский мир был вовлечен в общее социально–политическое и культурное взаимодействие, оказывавшее влияние на направление его эволюции.

[15] *Ал–Джувайни*. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал–катаба). Перевод с перс. и коммент. Г.М.Курпалидиса. М.,1985, с. 54. Согласно другой формуле: «мы категорически повелеваем, чтобы приказ и распоряжение дорогого сына..., при любых обстоятельствах, будь то решение или заключение, унижение и возвышение, арест и освобождение, расторжение и утверждение, пожалование и лишение, увольнение и назначение, помилование и наказание, обласкание и изгнание, считались равными нашим приказу и распоряжению, и предлагаем считать его повеление и запрещение во всех владениях и во всех делах нашим повелением и запрещением» (с.41).

[16] «... мы передали [всех] жителей тех упомянутых и известных вилайетов, как военных, так и раийатов, а также все то, что имеется в том вилайете из крепостей, замков, укрепленных пунктов, сокровищ, равнинных и горных высот, земельных и морских [угодий] дорогому сыну...» (Там же, с. 40).

[17] Об этом см.: *Смилянская И.М*. Османское провинциальное управление...

[18] *Луцкая Н.С*. Структура управления в Марокко. Махзан и администрация французского протектората. – «Государственная власть и общественно–политические структуры...»

К.З.Хамзин

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ПЛАНАХ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ XX В.

Генезис одной из острейших проблем Ближнего Востока – раздел и использование водных ресурсов региона, являющихся общими для арабов и евреев (израильтян), – уходит корнями в начало нынешнего столетия, в период формирования сионистской идеологии. Именно на переломе XIX и XX вв., когда лидеры сионизма утвердились в мысли о создании еврейского государства в принадлежавшей Оттоманской империи Палестине, одной из главных задач своего движения сионисты сделали создание благоприятных условий для жизнедеятельности еврейских поселений на Ближнем Востоке – ядра будущего национального очага–государства.

Вопрос водообеспечения для все увеличивавшихся в числе палестинских еврейских поселений занимал ведущие места в стратегических планах сионистского движения. И это понятно, т. к. переселение из Европы в Палестину большого числа евреев и налаживание там самостоятельных и крепких хозяйств (прежде всего сельских) не представлялось возможным без снабжения их достаточным количеством воды.

Как известно, основу теории сионизма составляли задачи возвращения евреев в «подлинный Израиль» – библейский Сион или Эрец Исраэль – и возрождения еврейской земли через жизнь евреев на ней и ее возделывание. Таким образом, в первой трети XX в. в пронизанном социалистическими идеями сионизме доминировала «идеология сельского хозяйства». Можно вспомнить, хотя бы, открытую в 1870 г. сельскохозяйственную школу «Микве Исраэль» к югу от Яффы, основание в 1878 г. религиозными переселенцами из Иерусалима сельскохозяйственного поселения Петах–Тиква, центры по обучению евреев аграрному делу, созданные под Одессой И. Трумпельдором, трудовое движение Халуцим. Речь фактически шла о том, что «новый еврей» – это не торговец или банкир, а человек, трудящийся на земле. «Эрец Исраэль не будет еврейской, даже если евреи купят в ней землю и поселятся на ней, но не будут работать на ней собственными руками, ибо на самом деле земля принадлежит не тому, кто ею владеет, а тому, кто ее возделывает»[1]. Именно таким виделось лидерам сионизма возвращение Эрец Исраэль евреям. «Израильское сельское хозяйство представляет собой уникальное явление в современной истории. В то время, как во всем мире происходит массовая миграция сельского населения в города, еврейские репатрианты–горожане вернулись к

земле и за одно поколение создали на не обрабатывавшихся до этого угодьях сельское хозяйство..., превосходящее в ряде отраслей наиболее развитые страны с многовековой традицией сельского хозяйства»[2].

Помимо идеологического обоснования имелось и чисто политическое: постоянное физическое присутствие евреев на земле позволило бы им сохранить ее за собою, иначе на нее предъявят права арабы. Но никакое сельское хозяйство невозможно без воды, поэтому она с самого начала была помещена практически в центр всех вопросов, связанных с созданием еврейского национального очага и, в перспективе, государства. Вода рассматривалась как ключ к абсорбции евреев на новых землях.

Первоначальные исследования и сбор данных о территории Эрец Исраэль провело Британское королевское общество. Именно это общество первым представило доклад о потенциале природных ресурсов Палестины. Так, Ч. Уоррен писал в 1875 г. в своей работе «Земля обетованная», что Палестина и Негев могут легко принять 15 миллионов человек[3]. Все зависело именно от того, какие водные ресурсы для этого потребуются и какой их объем можно будет получить.

Сначала основатели сионизма проявляли интерес к водным ресурсам Нила. Однако, натолкнувшись на сопротивление Англии и Египта, перенесли свое внимание на водные ресурсы самой Палестины и территорий к северу и востоку от нее. Уже в 1916 г. они начали требовать от британского правительства включить весь бассейн р. Иордан в состав Палестины[4]. В 1918 г. комиссия Кинга–Крейна, направленная на Ближний Восток президентом США В. Вильсоном, подтвердила ряд аргументов сионистов о национальном очаге именно в Палестине: «...нет никакой необходимости перемещать существующее население, ибо при лесонасаждении, современных методах ведения сельского хозяйства, утилизации водной энергии, включении в оборот пустошей, научной ирригации и тому подобном, эта земля может разместить в несколько раз большее число жителей…[5].

Так, один из активистов сионистского движения и первый премьер–министр Израиля Д.Бен–Гурион еще в 1918 г. объявил, что в состав будущего еврейского государства должны войти Хауранский санджак и часть Дамасского санджака – казы (аналог уезда) аль–Кунейтра, Анджар и Хасыбийя[6]. В меморандуме, направленном в адрес открывшейся 3 февраля 1919 г. в Версале мирной конференции, говорилось, что «экономическая жизнь Палестины, как и любой иной страны с полузасушливым климатом, зиждется на имеющемся водоснабжении. Потому крайне важно обеспечить не только все уже питающие страну водные ресурсы, но и суметь контролировать их источники...» В связи с этим ВСО потребовала у конференции следующие границы еврейского очага: «линия, начинающаяся на средиземноморском побережье несколько южнее порта Сайды и затем идущая на северо–восток вверх по ливанским кряжам, включая большую часть р.Литани и весь бассейн притоков Верхнего Иордана до его самого северного истока... Оттуда граница должна идти по гряде Хермона, потом поворачивая на восток, чтобы располагаться вдоль северного водораздела притоков Ярму-

ка…»[7]. «Вышеприведенные границы – это рубежи, которые мы считаем неотъемлемыми для требуемой стране экономической базы. Палестина должна иметь контроль над своими реками и их верховьями»[8]. 29 декабря 1919 г., через два года после опубликования декларации Бальфура, другой известный лидер сионизма, Х.Вейцман, представил английскому премьер–министру Д. Ллойд–Джорджу пожелания ВСО относительно границ будущего еврейского образования. По мнению Вейцмана, «все экономическое будущее Палестины зависит от снабжения ее водными ресурсами для орошения и выработки электроэнергии»[9]. Он также подчеркнул: «Снабжение ее водой должно происходить со склонов г. Хермон, из верховьев Иордана и реки Литани в Ливане... По этой причине мы считаем крайне необходимым, чтобы северная граница Палестины включала долину Литани на расстоянии приблизительно 25 миль выше изгиба реки, а также охватывала бы западные и южные склоны г. Хермон»[10]. В том же 1919 г. сионистский конгресс (Базель) принял резолюцию относительно водных ресурсов Палестины, в которой призвал Лигу Наций дать согласие на включение в состав будущей подмандатной Палестины р. Литани и вершин Хермона.

Весь успех своих планов ВСО изначально связывала с налаживанием полного контроля над водными ресурсами региона. По словам Т. Герцеля, «истинными основателями нового исторического Израиля будут инженеры водного хозяйства, ибо от них зависит все – от осушения болот до орошения сельскохозяйственных площадей, а также создание гидроэнергетических объектов»[11].

Для переселенцев в Палестину, а число их ВСО планировало довести до нескольких миллионов, вопрос стоял не только в плоскости обеспечения своей экономики достаточным количеством воды, но и в плоскости долговременного контроля над региональным водными ресурсами, поскольку это представлялось одним из аспектов национальной безопасности будущего еврейского государства.

Однако подобное не было достигнуто. В 1920 г. Лига Наций вручила Великобритании мандаты на Палестину и Трансиорданию. По итогам этого раздела Ближнего Востока между европейскими державами–победительницами в первой мировой войне река Ярмук, Голанские высоты, Хауран и склоны Хермона не вошли в Палестину, во многом из–за настойчивой линии Франции, претендовавшей на Ливан и Сирию. Но с первых же дней своего управления подмандатными территориями британские власти начали проводить политику защиты и обеспечения интересов еврейских репатриантов в снабжении Палестины водной и развитии водных ресурсов края. 23 декабря 1920 г. Франция и Великобритания заключили соглашение о водопользовании на Верхнем Иордане и Ярмуке. В соответствии с протоколом к этому соглашению от 3 февраля 1922 г. администрация Палестины получила право строить дамбы с целью повысить уровень воды в Тивериадском озере и Хуле, если владельцы и жители затопляемых земель будут адекватно компенсированы[12]. Разногласия и споры вокруг компенсаций должны были разрешаться совместной комиссией. В дополнение к протоко-

лу 1922 г. 7 марта 1923 г. путем обмена нотами была достигнута еще одна договоренность, устанавливавшая равные права жителей Палестины, Сирии и Ливана в сфере рыболовства и навигации на озерах Хула и Киннерет (Тивериадское), а также на Верхнем Иордане[13]. Однако Тивериадское озеро и Ярмукский треугольник, образованный озером и реками Иордан и Ярмук, были окончательно закреплены за британской Палестиной. В дальнейшем, 2 февраля 1926 г., стороны подписали еще одно соглашение, направленное на улучшение добрососедских отношений, в котором без упоминания политических границ говорилось о дальнейшем осуществлении установленных прав на воду, пастбища и земледелие[14].

По мнению ряда экспертов, перечисленные англо–французские документы не только упорядочивали водопользование в бассейне р. Иордан, но и готовили почву для создания совместных комиссий по наблюдению за этим процессом, которые, однако, так и не появились. В тот период основной упор делался на обеспечение и сохранение существовавших прав на водные ресурсы, а не на их развитие, хотя, конечно, решение англичан поднять уровень воды в озерах Хула и Киннерет имело характер развития. Не было предложено и определить квоты сторон.

Во время Первой алии (первой волны еврейских переселенцев, прибывших в конце XIX – начале XX вв. из Европы в Эрец Исраэль) сионистское движение смогло получить основательную информацию о том крае, который они считали исторической родиной евреев. В итоге, оно пришло к пониманию, что искомая территория совсем небогата ресурсами, имеет низкий экономический потенциал и населена людьми, имеющими прочную юридическую связь с землей и водой. Таким образом, при лимитированных земельных и водных ресурсах их раздел не мог быть произведен на взаимно приемлемой основе.

В период британского мандата (1922 г. – май 1948 г.) ВСО максимально наращивала объем контролируемой земли. Для увеличения скупки и заселения территорий была создана сеть соответствующих организаций – Еврейский национальный фонд, Ассоциация еврейской колонизации, Палестинская компания развития земель. Не менее пристальное внимание уделялось и водным ресурсам. В 1922 г. Еврейское агентство для Палестины (ЕАП) создало специальный комитет для проведения исследований по утилизации воды и ирригации неорошаемых засушливых земель. При поддержке и содействии еврейских и проеврейских экспертов, а также некоторых правительств, включая британское, данный комитет завершил и представил ЕАП материалы целого ряда своих исследований[15].

Британская администрация в Палестине всячески поддерживала планы и деятельность еврейских репатриантов по освоению гидроресурсов края. Одной из важнейших вех в истории зарождения проблемы водных ресурсов региона в том виде, в каком она существует и ныне, стало решение английских мандатных властей о концессии Рутенберга. В дальнейшем оно во многом оказало определяющее влияние на характер взаимоотношений между арабами и евреями в сфере воды.

В 1926 г. британский верховный комиссар в Палестине предоставил компании, созданной еврейским инженером и иммигрантом из России П.Рутенбергом, концессию на строительство гидроэлектростанции в северной части долины р. Иордан, где сегодня сходятся границы Израиля, Иордании и Сирии[16]. Перед этим британская администрация отказала в аналогичном предприятии арабскому бизнесмену[17]. В рамках этого акта Рутенбергу, известному своими сионистскими взглядами, на семьдесят лет передали исключительные права на полное использование воды рек Иордан и Ярмук выше по течению от точки их слияния, т.е. сюда включалась и та вода, право использовать которую традиционно принадлежало арабам северных приграничных районов Трансиордании [18].

Хотя речь не шла об ущербе трансиорданской экономике в рамках Трансиордании, выделенной в 1922 г. в отдельную подмандатную территорию, условия концессии явно ущемляли экономические интересы целого ряда аграрных хозяйств эмирата, ибо в соответствии с ними все жители вышеуказанной зоны, то есть фактически арабские фермеры, могли пользоваться водой Верхнего Иордана и Ярмука лишь после обращения в компанию Рутенберга и получения от нее соответствующего разрешения. Другими словами, Трансиордании в итоге было предоставлено право выбирать ту часть воды Ярмука, в которой компания не нуждалась[19]. Однако, как свидетельствуют исследователи, не было случая, чтобы компания объявила о том, что у нее есть излишки воды и выдала бы разрешение на их использование.

Несмотря на сопротивление оппозиции, указывавшей на то, что сделка с Рутенбергом незаконна, поскольку совершена неместными официальными лицами (англичанами), под мощным давлением Лондона правительство Трансиордании ратифицировало концессию 8 января 1928 г., а 6 июня 1928 г. правительство эмирата само заключило с компанией Рутенберга сделку о продаже трансиорданской деревни Джиср аль–Маджами за небольшую сумму в 3696 ег. ф. (10 348,8 долл. США)[20].

В 1931 г. компания Рутенберга, переименованная в «Палестинскую электрокомпанию» (Palestine Electric Corporation Limited), начала работы по реализации своего проекта, по которому в качестве одного из стадий предусматривался отвод части р. Ярмук[21]. Чуть южнее слияния Иордана и Ярмука компания построила электростанцию, которая была в итоге разрушена в 1948 г. в ходе первой арабо–израильской войны[22].

Арабы крайне негативно относились к усиливавшейся еврейской иммиграции и деятельности ишува (еврейской общины в Палестине) по скупке и колонизации земель. В 1936 г. произошло крупное арабское восстание, после которого британское министерство колониальных дел направило в Палестину королевскую комиссию (комиссия Пиля) для изучения сложившейся на этой подмандатной территории ситуации. Предложив разделить Палестину на три части – еврейское и арабское государства и английский анклав –, комиссия рекомендовала в качестве подготовки к этому шагу осуществить гидрографическое обследование Палестины и Трансиордании. К концу 1938 г. правительство Великобритании отказалось от предложения Пиля о разделе Пале-

стины, поскольку последующая комиссия Вудхеда вышла с мнением, что земельных и водных ресурсов не хватит для нормальной жизнедеятельности двух самостоятельных мононациональных государств.

Активность еврейских иммигрантов в итоге заставила задуматься и соседнюю Трансиорданию. Амман позитивно и без промедления откликнулся на предложение Пиля о гидрографической миссии. И в 1938 г. назначенный англичанами директор Департамента развития трансиорданского правительства М.Дж.Ионидис провел исследование водных ресурсов долины р. Иордан и сформулировал «Доклад о водных ресурсах Трансиордании и их развитии»[23], в котором пришел к выводу, что создание новых сельскохозяйственных угодий возможно в «единственном районе, пригодном для орошения и, соответственно, сельского хозяйства – в полосе вдоль р. Иордан, лежащей между Тивериадским озером и Мертвым морем»[24]. Ионидис предложил первый в своем роде план развития долины Иордана путем строительства на восточном берегу канала (Восточный Гор) для орошения трансиорданских земель водой р. Ярмук. Сезонную паводковую часть воды Ярмука, не востребованную сразу, предполагалось накапливать в Тивериадском озере, а затем использовать летом по мере необходимости. Предполагалось также протянуть аналогичный канал для орошения западного берега Иордана[25].

Проект Ионидиса не был осуществлен, ибо в целом его доклад был в рамках предложения комиссии Пиля о разделе Палестины и Трансиордании, которое было отвергнуто. Однако, в дальнейшем этот документ послужил основой для ряда арабских планов создания ирригационной системы в долине р. Иордан. Но даже, если бы Трансиордания и попыталась реализовать предложения М. Ионидиса, это оказалось бы нелегким делом, поскольку многие его предложения касались воды и территории, находившейся под юрисдикцией Палестинской электрокомпании[26]. Для Палестины результатом исследования Ионидиса стало то, что еврейской общине был показан еще один путь решения волновавшей ее проблемы водообеспечения – не через односторонние попытки поставить под свой контроль всю воду региона, а через совместный комплексный план развития гидроресурсов этого региона и управления ими.

В том же 1938 г. некоторые еврейские организации, изучив ситуацию с водными ресурсами Палестины и прилегающих территорий, а также перспективы орошения земель на юге страны, в частности, в Негеве, представили доклад ЕАП, которое, в свою очередь, сформировало экспертную комиссию, чтобы изучить вопрос о том, сколько иммигрантов способна вместить Палестина. На роль руководителя комиссии был приглашен американский инженер, сотрудник министерства сельского хозяйства США У.К.Лаудермилк. Совершив ряд поездок в регион, он предложил план расселения в Палестине до четырех миллионов еврейских иммигрантов дополнительно к проживавшим там в начале сороковых годов 1,8 млн. арабов и евреев[27]. Главный тезис Лаудермилка – только приезд–репатриация прогрессивных евреев позволит возродить землю Палестины, которую арабы довели до полного упадка.

Взяв за основу абсорбции репатриантов сельское хозяйство, Лаудермилк выступил за создание обширной системы ирригации обеих частей доли-

ны р. Иордан, используя воду рек Иордан, Ярмук и Зарка, а «излишки» перебрасывать по водоводам и каналам в Негев[28]. Реализация его проекта предполагала задействование источников воды, расположенных за пределами подмандатной Палестины – верховья Иордана и Ярмука, находящиеся в Ливане и Сирии. В плане Лаудермилка предусматривалось также создание водохранилищ для накопления дождевой воды. Недополучение же воды Мертвым морем, что могло бы крайне негативно сказаться на его экологии, должно было компенсироваться водой Средиземного моря, поступающей по специальному каналу. На этом канале предлагалось также построить электростанции, которые производили бы до 1 млрд. кВт/час в год[29].

Лаудермилком была также выдвинута идея создать по образу американской Администрации долины Теннеси Администрацию долины реки Иордан (АДИ), которая занималась бы распределением воды, расширением лесных массивов и освоением земель.

В 1945 г. госсекретарь США Э. Стеттиниус информировал президента Рузвельта, что «сионисты собираются просить Вас одобрить так называемый проект Лаудермилка по развитию Палестины». Однако, по его словам, хотя «сионисты и единодушно поддерживают этот проект, ...для его осуществления имеется целый ряд серьезных с чисто технической точки зрения препятствий»[30].

Идеи Лаудермилка потерпели крах не только по техническим соображениям, но и в немалой степени из–за негативного отношения арабов к его антиарабским высказываниям. Однако, претерпев определенные модификации, «план Лаудермилка» фактически стал официальной доктриной Израиля в сфере водных ресурсов после провозглашения независимости государства в мае 1948 г. и лег в основу Семилетнего плана развития Израиля, принятого в 1953 г.[31]

В то же время предложение о создании единой АДИ не было отвергнуто ни одной из сторон. Продолжали держать его в резерве и США. Так, в апреле 1946 г. рядом представителей американской еврейской общины и лобби прорабатывался вопрос о выделении через Экспорт–импорт Банк (Эксимбанк) 250 млн. долларов на гидроэнергетический проект в долине р. Иордан, призванный, по их мнению, стать основой для предполагаемой АДИ. В беседе с заместителем госсекретаря США Ачесоном заместитель директора Управления военной мобилизации и реконверсии Р.Натан выразил убежденность, что указанный проект внесет конструктивный вклад в снятие напряженности в арабо–еврейских отношениях в Палестине[32].

Летом 1946 г. увидело свет американо–британское соглашение, известное как «План Грейди–Моррисона», или «План местной автономии». В главе «Проекты развития» этого плана, в частности, говорилось: «Мы считаем, что необходимость экономического развития в Палестине следует рассматривать лишь как часть экономического развития Ближнего Востока... Наиболее существенное развитие Палестины должно быть увязано с развитием Трансиордании и, возможно, Сирии и Ливана. Мы рекомендуем как можно скорее провести изучение водных ресурсов Палестины и, в случае согласия правительства Трансиордании, водных ресурсов,

единых для обеих областей, силами инженеров–консультантов международного уровня... Подобный проект надо рассмотреть и принять центральным правительством, проконсультировавшись с Советом развития, в который с этой целью будут приглашены представители от правительства Трансиордании и любой другой затрагиваемой проектом соседней страны»[33].

США продолжили зондировать почву для возможной реализации упомянутого проекта. В меморандуме Госдепартамента, подготовленном в сентябре 1947 г., в отношении Палестины говорилось о поддержке «предлагавшегося ранее плана развития долины р.Иордан – ирригации, гидроэнергетики и отвода морской воды Средиземного моря с гидроэнергетическими целями – для всех жителей Палестины, независимо от этнической или религиозной принадлежности»[34]. Финансирование проектов развития должно было осуществляться преимущественно Международным банком реконструкции и развития (МБРР), а также частным капиталом.

Перечисленные планы вырабатывались при активном участии ЕАП, о чем оно сообщило в своем заявлении от 28 мая 1947 г. ЕАП взяло на себя и роль ходатая перед ГА ООН по вопросу одобрения проектов развития ирригации и сельского хозяйства в Палестине по схеме, аналогичной Администрации долины Теннеси[35]. При этом ЕАП, не желая дальнейшей антагонизации арабо–еврейских взаимоотношений, предложило распространить эти проекты на все население региона без исключения.

В 1946–47 гг. для англо–американской комиссии, занимавшейся проблемой раздела Палестины, был подготовлен еще один план, касавшийся водных ресурсов региона, который по имени своего разработчика получил название план Хайза. Преданный гласности лишь в 1948 г. как «Предложения по развитию ирригации и электрификации в Палестине», он предусматривал восемь стадий реализации схемы, предложенной еще У. Лаудермилком, включая осушение болот вокруг оз. Хула, использование воды Верхнего Иордана для орошения земель за пределами бассейна Иордана – на средиземноморском побережье и в Негеве, раздел между Трансиорданией и Палестиной вод р. Ярмук в пропорции 50:50[36].

И хотя план Хайза оказался преданным забвению из–за начавшейся вскоре первой арабо–израильской войны, ЕАП и ишув весьма позитивно откликнулись на него, ибо он подтвердил выкладки предшественников о возможности расселения в Палестине больших масс еврейских иммигрантов, которых уже намечалось перевозить туда из послевоенной Европы.

В то же время детище Дж.Хайза не нашло должной поддержки у палестинских арабов и в Аммане. Арабы считали, что оптимизм доклада Хайза, как и книги Лаудермилка, в отношении достаточности воды и земли в Палестине и для евреев, и для арабов вызван желанием оправдать и поощрить увеличение еврейской иммиграции, тем более что речь в указанных планах шла исключительно о помощи зонам еврейского расселения.

Таким образом, одним из результатов появления плана Хайза стало то, что в Аммане впервые сформулировали арабскую позицию в отноше-

нии раздела воды, которая затем на долгие годы легла в основу общеарабской политики в этом вопросе – незаконно выбирать из бассейна Иордана максимально допустимое с точки зрения сохранения баланса в гидро– и экосистемах количество воды и орошать ею территории за пределами бассейна, не удовлетворив полностью всех потребностей в ирригационной воде жителей самого бассейна.

Как уже упоминалось, после провозглашения Государства Израиль в мае 1948 г. предложения Лаудермилка, а также и план Хайза легли в основу ряда планов развития водных ресурсов Израиля, которые, в частности, предусматривали переброску воды реки Иордан на средиземноморское побережье и на юг, в пустыню Негев. В 1954 г. появился план Коттона, в котором на рассмотрение сторон выносилась реанимированная идея о снабжении Израиля водой южно-ливанских рек, прежде всего Литани, которая, якобы, практически не используется ливанцами и «впустую» утекает в море.

Намеченное сионистскими лидерами в сфере водных ресурсов постоянно учитывалось при разработке израильской внешней политики, длительное время носившей характер активной обороны. Ишуву не удалось создать у арабов доверия к своей деятельности, и потому последние стали воспринимать все ее аспекты как единую политику по колонизации Ближнего Востока и подчинению себе ресурсов региона. В свою очередь, Израиль считал, что его пытаются всячески ущемить и в итоге уничтожить, не дав даже возможности реализоваться в качестве самостоятельного государства. И, как уже говорилось, главная роль в развертывании в Палестине, находящейся в засушливой зоне, нового общества и хозяйства принадлежала водным ресурсам, как основе самой возможности существования здесь жизни.

Оккупация и колонизация таких арабских земель, как Западный берег р. Иордан, Голанские высоты, Ярмукский треугольник, небольшие анклавы в Вади Араба (Арава), в немалой степени объяснялись и мотивировались необходимостью обеспечивать «водную безопасность» Израиля, т.е. неограниченный и беспрепятственный доступ к максимально возможному количеству пресной воды.

Перелом наметился лишь в 90–е годы, когда выработавшийся с годами в Израиле синдром «осажденной крепости» стал уступать место пониманию необходимости и даже неизбежности сотрудничества стран региона, совместного решения региональных проблем, одной из которых является и проблема справедливого распределения и умелого рачительного использования водных ресурсов.

[1] Цит. по Miriam Lowi, *Water and Power: The politics of scarce resource in the Jordan River basin*, Cambridge University Press, 1993 (далее – Lowi, *Water and Power)*, с. 51.

[2] Государство Израиль: Становление и развитие. Под общей ред. И. Орена, Израиль, Библиотека–Алия, 1988, стр. 366–367.

[3] Jad Isaac and Leonardo Hosh, *Roots of the Water Conflict in the Middle East.* Paper submitted to: The Middle East Water Crises. Creative Perspectives and Solutions. University of Waterloo, Canada, May 7–9, 1992 (далее – Isaac & Hosh, *Roots*), с. 2.

[4] Georgiana G. Stevens, *Jordan River Partition.* The Hoover Institute on War, Revolution, and Peace, Stanford University, 1965 (далее – Stevens, *Jordan River)*, с. 10.

[5] Ibid.

[6] *«Аш–Шарк аль–Аусат»,* 10 ноября 1996.

[7] «Меморандум Всемирной сионистской организации Высшему совету Мирной конференции», цит. по Lowi, *Water and Power,* с. 40.

[8] *«Аш–Шарк аль–Аусат»,* 10 ноября 1996.

[9] *Jewish Observer and Middle East Review,* London, 16 November 1973, с. 22.

[10] Ibid.

[11] Хусам Шахаде, *«Аль–Миях аль–Арабийя фи Да`ират аль–Хатар»* (на араб. яз.), журнал «аль–Ард» (Дамаск), № 8, 1990, стр. 47.

[12] Kathryn B. Doherty, *Jordan Waters Conflict,* in International Conciliation, № 553, Carnegie Endowment for International Peace, May 1965, page 10.

[13] Ibid.

[14] Ibid.

[15] Isaac & Hosh, *Roots,* с. 2.

[16] *«Ад–Дустур ас–Сиясий»,* 2 октября 1994.

[17] Sharif S. Elmusa, *«Negotiating Water: Israel and the Palestinians».* Institute for Palestine Studies, Washington D.C. 1996. с. 8 (in http://www.cais.com/ipsjps /water3.htm) (далее – Elmusa, *Negotiating Water)*, с. 11.

[18] Isaac & Hosh, *Roots,* с. 3.

[19] Lowi, *Water and Power,* с. 42.

[20] Nasser H. Arruri, *Jordan: A Study in Political Development (1921–1965).* Martinus Nijhoff, The Hague, 1972, с. 83.

[21] *«Ад–Дустур ас–Сиясий»,* 2 октября 1994.

[22] Elmusa, *Negotiating Water*, с. 11.

[23] *«Report on the Water Resources of Transjordan and Their Development»* by M.G. lonides, director of development. Transjordan, London, 1939.

[24] *«Ад–Дустур ас–Сиясий»,* 2 октября 1994.

[25] Stevens, *Jordan River,* с. 27.

[26] Isaac & Hosh, *Roots,* с. 3; Lowi, *Water and Power,* с. 43.

[27] M. Walter Clay Lowdermilk, *Palestine, Land of promise, New* York, Harper & Bros., 1944 (далее Lowdermilk, *Palestine).*

[28] Lowdermilk, *Palestine* с. 170.

[29] Lowdermilk, *Palestine,* с. 169–171.

[30] Foreign Relations of the United States (далее FRUS) Diplomatic Papers. 1945, volume VIII, с. 679, Wash., 1968.

[31] Stevens, *Jordan River,* с. 28; Isaac & Hosh, *Roots,* с. 4.

[32] FRUS 1946, vol VII, Wash., 1969, с. 584.

[33] FRUS 1946, vol VII, с. 663.

[34] FRUS 1947, vol V, Wash., 1969, с. 544–546.

[35] FRUS 1947, vol V, с. 1090.

[36] *«Ад–Дустур»,* 01.11.1993.

А.Е.Цыганков

СССР – ЕГИПЕТ В СЕРЕДИНЕ 50–Х ГОДОВ: НАЧАЛО ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

До июльской революции 1952 г. СССР не питал никаких иллюзий по поводу возможности проникновения в ближневосточный регион и, в частности, в Египет, традиционно считая его зоной английского влияния. По мнению Н.С.Хрущева, советское руководство понимало, что соотношение сил на Ближнем Востоке было не в его пользу и что Англия вряд ли положительно отреагирует на вмешательство в ближневосточные дела. В 1943 г. СССР не поддержал египетскую монархию, обратившуюся к Советскому лидеру за военной помощью, но и после революции 1952 г. в стране пирамид отношение Советского Союза к Египту оставалось довольно прохладным. В Москве революция «свободных офицеров» поначалу была воспринята как обычный военный переворот, не суливший каких–либо значительных перемен [2, с. 151]. Говорилось о том, что новые египетские лидеры, в основном являются представителями буржуазии [3, с. 432].

Причины такого отношения СССР к революции следует искать, прежде всего, в советской идеологии, с которой идеи «свободных офицеров» имели мало общего. Во–первых, революция была больше национально–освободительной, чем классовой, во–вторых, новые лидеры запретили деятельность коммунистической партии Египта. Это заставляло советское руководство не замечать сдвигов в политической и экономической жизни послереволюционного Египта. Египетские лидеры, сначала генерал Нагиб, затем Абдель Насер, сразу после свершения революции повели курс на становление сильного независимого государства, которое должно было обладать боеспособной армией с современным военно–техническим потенциалом [5, с. 43]. В условиях нестабильных отношений, а затем и прямой конфронтации с Израилем это было более чем необходимо. Между тем, численность египетских вооруженных сил была невелика, а их организация и вооружение находились на чрезвычайно низком уровне, превращенной англичанами в армию колониального типа [11, с. 175]. В начале 50–х годов Насер не видел в СССР государство, способное помочь Египту и поэтому он счел целесообразным развивать отношения с другой сверхдержавой – США.

В 1952 г. Египет запросил у американцев различных вооружений на сумму в 40 млн. долларов. Для обсуждения требований Египта в ноябре 1952г. в США прибыла делегация во главе с Али Сабри. Однако Соединенные Штаты не спешили удовлетворить египетские запросы, требуя от Египта в обмен на эко-

номическую и военную помощь войти в региональный антисоветский блок, который должен был стать ближневосточным аналогом НАТО [7, с. 48].

Участие Египта в подобной организации означало бы американское военное присутствие, что продолжило бы оккупацию страны, но под американским флагом [5, с. 43]. Помимо этого США, Великобритания и Франция ставили еще два очень важных условия военной помощи:

1) продаваемое Египту оружие не должно использоваться ни против Запада, ни против Израиля;

2) оплата за поставляемое оружие должна осуществляться в долларах [9, с. 110].

11 мая 1953 г. в Каир прибыл госсекретарь Дж. Ф. Даллес, чтобы убедить Египет в необходимости присоединения к пакту коллективной безопасности [2, с. 40–41]. Однако на встрече с государственным секретарем Насер дал понять, что его не очень беспокоит советская угроза, и добавил, что для Египта гораздо опаснее Великобритания, которая в течение семидесяти лет с 1882 г. осуществляла оккупацию страны [6, с. 89–91; с. 230]. Насер заявил: «Если я перестану вести свой народ как националист, то его поведут коммунисты. Они воспользуются моим участием в пактах с вами, чтобы сказать, что я марионетка... Мы не должны обсуждать пакты или любые другие меры безопасности, если мы не делаем этого по нашей доброй воле» (цит. по [7, с.48]).

Реакция американцев не заставила себя ждать. Объем экономической помощи Египту был сокращен с 200 млн. долларов в 1953 г. до 40 млн. долларов в 1954 г [10, с. 159]. Великобритания, в свою очередь, прекратила покупку египетского хлопка. Одновременно с этим Англия и Франция начали поставки вооружения Израилю.

Предлагая свои услуги Насеру, США недооценили его возможности как политического лидера, считая его политику «позитивного нейтралитета», отказ египетского президента от идеи создания пакта коллективной безопасности в регионе шагами несерьезными и полагали, что подобные заявления предназначены для пользования внутри страны [10, с. 159]. Однако намерения Насера были серьезнее, чем ожидали на Западе, амбиции египетского лидера не позволяли США навязывать ему свои идеи, хотя он и говорил о необходимости налаживать хорошие отношения с Западом [14]. В то время в Лондоне и Вашингтоне полагали, что решающая роль в заключении любых ближневосточных соглашений оборонительного характера принадлежит Египту. Зная это, египетское руководство считало такое положение дел очень выгодным, чтобы поторговаться и не спешило соглашаться на предложения Запада [8а, с. 15]. Однако США и Великобритания все–таки решили обойтись без Египта. В итоге, в 1954–55 гг. был создан Багдадский пакт без участия Египта, считавшего недопустимым продолжение оккупации, пусть и в новом виде. Так, Египет стал выходить из орбиты интересов США, допустивших в отношении этого государства серьезную ошибку, которая привела к усилению советского влияния в регионе.

Как раз к тому времени наметились сдвиги во внешней политике СССР. Прежде всего, это было связано с идеологическими изменениями, произошедшими в стране после смерти Сталина. Идея о борьбе «двух ла-

герей» получила новое развитие. Коммунистическому лозунгу «Кто не с нами – тот против нас» советское руководство постсталинской эпохи противопоставило новый принцип: «Кто не против нас – тот с нами». Уже в августе 1953г. председатель Совета министров СССР Г.М. Маленков заявил, что «различие в социально–экономических системах нашей страны и некоторых других стран не может быть препятствием на пути укрепления дружественных отношений с ними» (цит. по [7, с. 50]). С 1953г. резко возросли объемы торговли с неприсоединившимися государствами, в том числе с Египтом. Во второй половине 50–х –начале 60–х гг. усиление новых тенденций было связано с личностью Н.С.Хрущева, обладавшего редким политическим чутьем, которое помогло ему укрепить позиции Советского Союза на Ближнем Востоке [5, с.40].

Что касается египетского лидера, то до 1955г. он не имел возможности решительно менять внешнюю политику своей страны. На это влиял ряд внешних и внутренних факторов. В целях укрепления власти Насеру нужно было уменьшить давление Запада и внутриегипетских политических сил, которые могли оспорить его лидерство.

Поэтому все политические партии были распущены (январь 1953 г), а в сентябре 1952 г. проведена аграрная реформа, лишившая класс землевладельцев власти и влияния. За этим последовали массовые аресты коммунистов и гонения на «братьев–мусульман» после неудачной попытки членов этой религиозной организации совершить покушение на Г.А.Насера 26 октября 1954г [6, гл. 7, 8; 8, гл. 7–8].

Заключение соглашения с Британией об эвакуации ее войск из зоны Суэцкого канала при посредничестве США принесло Насеру значительные дивиденды внутри страны, однако США не воспользовались этим, отказав поставить оружие на сумму в 27 млн. долларов, мотивируя решение неспособностью Египта заплатить в твердой валюте.

В 1955 году министром обороны Израиля стал Бен–Гурион, что связывалось в Египте с усилением агрессивных настроений, это совпало с получением данных от египетских спецслужб о том, что Израиль закупает оружие у Франции [11, с. 197]. Подозрения Г.А.Насера относительно намерений Израиля подтвердились после рейда на Газу 28 февраля 1955г., где был уничтожен египетский штаб, убито тридцать восемь и ранен тридцать один солдат [7, с. 54–55]. Не только военное превосходство Израиля беспокоило Г.А.Насера, но и действия некоторых арабских стран заставляли чувствовать себя неуютно. 24 февраля 1955г. был создан Багдадский пакт, в который вошли Ирак, Турция, Пакистан и Великобритания. Главную роль в вооружении Израиля и помощи Ираку принадлежала США. Насер заявлял по этому поводу, что, поддержав стремления Нури Саида, Запад нарушил данное Египту обещание того, что именно он станет лидером в арабском оборонительном соглашении и будет освобожден от формальных связей с великими державами [13].

В поисках союзника в арабском мире Г.А.Насер обратил внимание на Сирию, в которой в феврале 1955г. к власти пришла левая группировка во главе с Акрамом аль–Хаурани, Халедом аль–Азмом и Сабри аль–Асали,

поддержавшая политику египетского президента. В марте был заключен союз между Сирией и Египтом, позже к нему присоединились Саудовская Аравия и Йемен. Было объявлено, что этот альянс должен положить начало усилению интеграционных процессов в арабском мире [15]. Но наиболее значительным событием, поднявшим региональный и мировой престиж египетского президента, стало его активное участие в Бандунгской конференции неприсоединившихся стран в апреле 1955 г. [7, с. 101]. Все это сделало лидерство Насера в арабском мире неоспоримым, но неспособность Египта иметь мощную армию делало это лидерство ненадежным.

Избавившись от серьезной политической угрозы внутри страны и получив международный престиж, Г.А.Насер был готов сделать решительный шаг и отказаться от унизительных просьб в адрес США.

Намерения египетского лидера, отказавшегося от односторонней западной ориентации, снабдить свою армию оружием из другого источника начали вырисовываться к концу 1954 г., когда Насер попросил главу египетской военной полиции Хусейна Арафу исследовать возможность получения вооружений из Советского Союза [8, с. 190].

Провозгласив одним из шести принципов революции создание сильной армии, Насер рассматривал возможность получения оружия и от СССР, и от США. В беседе с американским послом в Египте Г.Байроудом в марте 1955г. Насер говорил о необходимости получения пушек, танков и реактивных самолетов и предупредил, что в случае отказа Соединенных Штатов Египет будет разговаривать об оружии с любым его обладателем [7, с. 561]. Но США ответили, что оружия не будет, если Египет не вступит в региональный оборонительный пакт. Насер вновь отказался от американского предложения. Попытки получить оружие из Великобритании также не увенчались успехом. Под давлением Англии Бельгия и Швеция отказались продавать оружие Египту, хотя с 1950г. Швеция продала ему вооружения на сумму в 1 млн. 500 тыс. египетских фунтов [16].

Все обстоятельства были в пользу сближения с коммунистическим блоком, но Насер колебался. По утверждению Халеда Мохи ад–Дина, один из сподвижников лидера египетской революции Салах Салем предложил Насеру побеседовать с премьером Государственного административного совета КНР Чжоу Энь–лаем о возможности покупки оружия в Китае. Однако президент усомнился в перспективах такого хода, сказав, что китайцы вряд ли продадут оружие некоммунистическому государству, но С.Салем настаивал, говоря, что Египет ничего не потеряет, попросив Китай о помощи. Г.А.Насер согласился, встретился с китайским лидером на Бандунгской конференции в апреле 1955. и изложил свою просьбу. Ч.Энь–лай сообщил, что по этому вопросу нужно поговорить с советскими лидерами и пообещал стать посредником между Египтом и СССР. Через некоторое время после встречи советский посол связался с египетским руководством и проинформировал его о том, что СССР получил письмо китайского премьера и согласен вести переговоры о поставках советского оружия Египту [4, с. 346].

Воспользовавшись ситуацией, СССР отправляет в Каир своего представителя полковника В.Нимеченко в качестве военного атташе с целью

обсудить просьбу египтян [7, с. 57]. Чтобы не подставлять Советский Союз под удар со стороны США и Великобритании, было решено переговоры о поставках оружия вести через Чехословакию, которая и в дальнейшем принимала участие в поставке советских вооружений в Египет [1, л. 8], а подписание соглашения состоялось 20 сентября 1955г. в Варшаве и было обнародовано Насером в речи 27 сентября [9, с. 111]. Этот договор на сумму около 250 млн. долларов предусматривал поставку в Египет истребителей МИГ–15 и МИГ–17, бомбардировщиков ИЛ–28, средних и тяжелых танков, артиллерии [5, с. 44], а также двух эсминцев, двух минных тральщиков, трех подводных лодок и пр. [7, с. 57]. В дополнение к этому соглашение предусматривало направить в Египет советских военных инструкторов для помощи в освоении техники. 20 октября 1955г. первая партия оружия прибыла в Александрию на борту советского судна [7, с. 66].

Если планы египетского руководства предусматривали улучшение боеспособности армии и ликвидацию зависимости от Запада, то СССР стремился не только включить Египет в список антиимпериалистических государств, но и закрепиться в Средиземном море, которое до начала советско–египетского военного сотрудничества оставалось для советской державы практически закрытым из–за недостатка союзников в данном регионе. Однако Советский Союз подходил к Египту с большой осторожностью, давая понять, что соглашение о поставках оружия не предполагает никаких обязательств арабской стороны по отношению к СССР. Н.С.Хрущев отмечает в своих мемуарах: «Поддержать буржуазное руководство Насера было в наших интересах потому, что оно обещало ослабить влияние английского колониализма на Ближнем Востоке – а это было в интересах Советского Союза» [3, с. 432].

С приходом Н.С.Хрущева советская внешняя политика стала более гибкой в отношении некоммунистических режимов, учитывая, что они географически были ближе к СССР, чем к США. Основная идея хрущевской внешней политики заключалась в избежании прямой конфронтации между сверхдержавами. Была выдвинута теория мирного сосуществования, мирного экономического и политического соревнования. Советский Союз преследовал теперь цель изоляции мира капитализма через постепенное вовлечение стран третьего мира в социалистическую систему. Советская политика на Ближнем Востоке была направлена на создание центров силы без прямого военного вмешательства на основе оказания экономической и военной помощи таким странам региона, как Египет, Сирия, Алжир и Йемен. Усиливая эти государства, СССР мог предоставить им возможность проводить нейтральный внешнеполитический курс. Официально советская точка зрения была высказана в сообщении ТАСС от 1 октября 1955г.: «Советское правительство придерживается той позиции, что каждое государство имеет право заботиться о своей обороне и покупать... оружие у других государств на обычных коммерческих условиях, и никакое иностранное государство не имеет права в это вмешиваться и предъявлять какие–либо односторонние претензии, которые нарушали бы права или интересы других государств.

Поскольку появились сообщения, что в последнее время между Египтом и Чехословакией велись переговоры о продаже оружия в обмен на хлопок и рис и в связи с этим были предъявлены необоснованные претензии к СССР, Советское государство информировало о своей изложенной выше позиции правительства Египта и Чехословакии, а также правительства Англии и США, выступившие по этому вопросу со своими заявлениями».

Советская внешняя политика на Ближнем Востоке оказалась более эффективной, по сравнению с американской. Бескомпромиссность Дж.Ф.Даллеса ставила США в очень сложное положение и препятствовала их закреплению в Египте. Следует также отметить, что в Соединенных Штатах недооценили личность Н.С.Хрущева, которому удалось принять мудрое политическое решение о поддержке Египта. Воспользовавшись антиимпериалистической направленностью политики египетских лидеров, СССР предложил им руку помощи в виде поставок вооружений в надежде на приобретение важного союзника в регионе и на развитие Египта по социалистической модели в будущем.

Что касается Насера, то он считал, что оружие можно получить у любой страны, лишь бы она не выдвигала условий, ограничивающих его (Насера) свободу, а такой партнер, как СССР оказался в тот момент наиболее благоприятным вариантом, учитывая его военную мощь, проявившуюся в ходе второй мировой войны. Тогда Насер вряд ли задумывался о тех последствиях, к которым приведет это партнерство, он знал лишь, что то, чего хочет Египет, хочет и СССР, а именно – устранить западное влияние на Ближнем Востоке.

1. АВП РФ. Ф 87. Оп. 18–а. П. 36. Д. 4.
2. Heikal M. H. The Cairo Documents. N. Y., 1973.
3. Talbot S. Khrushchev Remembers. L., 1971.
4. Мохи ад–Дин Х. А теперь я говорю. Каир, 1992.
5. Васильев А.М. Россия на Ближнем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993.
6. Davisha F. Egypt in the Arab World. The elements of Foreign Policy. N.Y.,. 1976.
7. El Hussini M. N. Soviet–Egyptian Relations. 1945–1985. L., 1987.
8. Vatikiotis P. J. Nasser and his generation. L., 1978.
8(a). Raan U. The USSR Arms the Third World: Case Studies in Soviet Foreign Policy. Lexington, 1969.
9. Имам А. Насеризм. Каир, 1971.
10. Аль–Мурси Ф. Египет и действия Советского флота в Средиземном море. 1956 – 1967. // Египет и страны Средиземноморья в Новое время. Под. ред. Р.Аббаса. Каир., 1989.
11. Аль – Мурси Ф. Советско–египетские отношения. 1943–1956. Каир, 1976.
12. Известия. 02.10.1955.
13. Нью–Йорк Таймс. 04. 04. 1957.
14. Нью–Йорк Таймс. 20. 08. 1954.
15. Аль–Ахрам. 10. 03. 1955.
16. Аль–Ахрам. 28. 04. 1956.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

* * *

Агавельян Ю.В.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИВАНСКОГО ОБЩЕСТВА В 70-90-Е ГОДЫ **6**

Антонов Е.В.
РЕАКЦИЯ ОПЕК НА МИРОВОЙ КРИЗИС НА РЫНКЕ НЕФТИ: ПРЕДПОСЫЛКИ К ТРАНСФОРМАЦИИ КАРТЕЛЯ **12**

Гашев Б.Н.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АРАБСКИЙ МИР **20**

Гукасян Г.Л.
ПОЛИТИКА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В ОБЛАСТИ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АБУ-ДАБИ) **28**

Журавлев А.Ю.
ИСЛАМСКИЙ БЭНКИНГ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ **45**

Иванова И.П.
РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В АРАБСКИХ СТРАНАХ В 90-Е ГОДЫ **53**

Панфиленко Э.Н.
СУДАН В ПЕРИОД ДИКТАТУРЫ ДЖ. НИМЕЙРИ (1969–1985 ГГ.) **62**

Смирнова Г.И.
ПОЛИТИКА ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И ПРИВАТИЗАЦИИ В СУДАНЕ **70**

Филоник А.О.
ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ И ПОЗИЦИЯ АРАБСКИХ СТРАН **87**

Хайдар А.Н.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ **101**

* * *

Вирабов А.Г.
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В АЛЖИРЕ. **111**

Ворончанина Н.И.
ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЛЖИРА И ТУНИСА) **19**

Гусаров В.И.
ТУНИС: «ЖАСМИННАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ – ПУТЬ К СТАБИЛЬНОСТИ? **116**

Жамкочян А.С.
АПОКРИФИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В САМАРИТЯНСКОЙ КНИГЕ ИИСУСА СЫНА НАВИНА И ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ АРМЯНСКОГО ЭПОСА “ДАВИД САСУНСКИЙ” **126**

Зудина Л.П.
«ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА» В ТУНИСЕ. ЛИБЕРАЛИЗМ И АВТОРИТАРИЗМ **132**

Косач Г.Г.
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ВЗГЛЯД АРАБСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ) **143**

Мелкумян Е.С.
СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ **158**

Миронова Г.А.
ОПЫТ ПОИСКА НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЛИВИИ В СЕТИ INTERNET **184**

Миронова Г.А.
БОРЬБА ЭМИРА ИДРИСА АС–СЕНУСИ ЗА ВЛАСТЬ В ЛИВИИ
(1–я половина XX века) **191**

Мишин Д.Е.
РАБЫ–*САКАЛИБА* В ГОСУДАРСТВЕ САЛИХИДОВ **202**

Мухаммед Аль–Мансур
ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ (1960–1970 ГГ.) **208**

Мухаммед Аль–Мансур
ОБРАЗОВАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СИСТЕМЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ (1954–1970 ГГ.) **211**

Орлов В.В.
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ
ВЫСШЕГО МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ МАРОККО (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX В.) **219**

Павлуцкая Э.В.
СТАНОВЛЕНИЕ МАРОККАНСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА **231**

Панченко К.А.
ВЕХИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ПРАВОСЛАВНЫХ АРАБОВ В VIII – XVIII В. **252**

Романова Н.Г.
АРХИВЫ О ПЕРВЫХ МЕСЯЦАХ ИТАЛО–ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ **261**

Сатановский Е.Я.
ПАЛЕСТИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО
РЕАЛЬНОСТЬ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО И ЕЕ “ПОДВОДНЫЕ КАМНИ” **268**

Сейранян Б. Г.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕГИПТЕ В XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ. **277**

Серебров С.Н.
ПАЛОМНИЧЕСТВО К ПРОРОКУ ХУДУ. ХАДРАМАУТ. Ю. АРАВИЯ.
(ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК УЧАСТНИКА СОЙКЭ) **291**

Серебров С.Н.
ХАДРАМАУТ, ЮЖНАЯ АРАВИЯ.
ПЛЕМЯ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ. **296**

Смилянская И.М.
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АРАБСКИХ СТРАН В НОВОЕ ВРЕМЯ **307**

Хамзин К.З.
ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ПЛАНАХ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ XX В. **319**

Цыганков А.Е.
СССР – ЕГИПЕТ В СЕРЕДИНЕ 50–Х ГОДОВ: НАЧАЛО ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА **329**

* * *

Хайрудинов Ф.З.
К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
В ЕГИПЕТСКОМ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ **335**

Хайрудинов Ф.З.
СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП В ЕГИПЕТСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ **341**

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

1. **Абу–Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
2. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
3. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
4. **Д.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
5. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
6. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
7. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго–Западная и Юго–Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
8. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
9. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.2.

1997 г.

1. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
2. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
3. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
4. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
5. "Сирийская Арабская Республика".
6. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
7. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.4.

1998 г.

1. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
2. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
3. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель**)** ".
4. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
5. **С.Б.Багдасаров** и **А.Н.Чавушьян** "Военный и военно–экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
6. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.5.
7. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
8. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
9. "Современная Саудовская Аравия".
10. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо–израильский конфликт".
11. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF
ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

1. "The road to Oslo" by **Abu Mazen** (**Mahmud Abbas**)
2. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
3. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
4. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
5. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
6. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik**, **V.Isaev** and **A.Fedorchenko**
7. "Water resources in the South West and South East Asia " by **A.Filonik** and **N.Rogozhina**
8. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
9. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

1. "United Arab Emirates" by **A.Egorin** and **V.Isaev**
2. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
3. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
4. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
5. "The Syrian Arab Republic"

6. "The Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
7. "The contemporary Middle East " № 4, (collection of essays)

1998

1. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
2. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
3. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A. Fedorchenko**
4. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
5. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
6. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
7. "Actual Problems of the Middle East"
8. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
9. "The contemporary Saudi Arabia"
10. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K. Khamzin**
11. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Jakovlev**